

В НАДУМАР НЕКАНЬУК

ОРУЖЕЙНИК

Когда рыцари, мечи и магия не смогли остановить «блицкриг» серых гоблинов, вооруженных аркебузами и паровыми танками, было решено поискать «противоядие» в параллельных мирах. Жертвой похищения становится обычный инженер Данила Разумовский.

Владимир Пекальчук

Оружейник

Это был разгром.

Некогда мирный луг превратился в залитое кровью и устеленное десятками тысяч трупов поле такого побоища, которого прежде Арлансия никогда не видала. Ветер нес клубы рваного белого дыма, вопли сражающихся и стоны умирающих, по полю носились десятки лошадей без всадников.

Арлансии и раньше приходилось воевать. То против Тархалона, то против Латанны, то с варварскими ордами: на небольшое торговое государство всегда ротков открыта куча. Однако захватчики каждый раз очень быстро, сразу после умывания собственной кровью, начинали понимать, что небольшое — не значит неможное. В тронном зале Вайландрии вот уже тысячу лет стоит стела с выгравированными словами основателя правящей династии: «Пожалеешь на войско хоть золотой из казны — враг не оставит в ней и медяка». И потому каждый раз не очень большая, но отлично обученная и вооруженная армия, безгранично преданная королю и отечеству, крошила врагов в капусту.

Каждый раз — но только не в этот.

Сэр Кэлхар привстал в стременах и оглядел поле боя, хотя лучше бы не смотрел. Везде катастрофа. Везде разгром. Он, конечно, прекрасно понимал, что этот бой будет очень трудным, раз уж Тархалон продержался против «серой чумы» считанные дни... Но чтобы вот так... Армия Арлансии — пятьдесят тысяч человек, не считая эльфов — вышла против двадцатитысячной вражьей армии и погибла меньше, чем за один час.

Непоправимое произошло в первые же пять минут сражения. Арлансийские короли, в прошлом потратившие немало сил и веков на окончательное примирение с длинноухими, традиционно рассчитывали на существенную помощь эльфийских лучников, способных косить вражеские ряды с нескольких сотен шагов, однако в этот раз с эльфами произошло именно то, что раньше они сами делали с врагом. Когда закованные в доспехи ряды неприятельской фаланги приблизились, лучники вышли вперед, натянули непосильные для человека луки и запустили в небо сотни стрел. Но еще до того, как те обрушились вниз смертоносным дождем, шеренги врага окутались дымом, раздался странный треск, в воздухе засвистело... Большая часть эльфов была убита на месте, досталось и арлансийским солдатам. Волшебное оружие врага делало дыры в нагрудниках, пробивало щиты, рвало кольчуги и плоть.

То, что происходило после, было настоящим кошмаром. Враг, испуская грохот и белый дым, нанес арлансийцам чудовищные потери еще до того, как две армии сошлись в бешеной рубке. Затем выяснилось, что в первых рядах неприятеля полным-полно низших орков, закованных в почти такую же броню, как и остальные враги, и дела пехотинцев обернулись очень худо, при том, что правый фланг вообще весь выкосили. Ситуацию выровняла рыцарская конница под командованием старого Рейнара Второго, и хотя половина рыцарей погибла, так и не добравшись до противника, выжившие влетели в ряды врагов и учинили им кровавую баню, несмотря на то, что вражеские доспехи оказались необычайно прочными. И когда сэру Кэлхару уже начало казаться, что они все-таки выстоят, случилось самое ужасное.

Из леса появилась дюжина огромных драконов с колесами вместо ног, в два человеческих роста каждый и длиной шагов в десять-двенадцать. Король приказал атаковать копьями и лично возглавил атаку, вернув мужество испуганным рыцарям, но, как оказалось,

повел их на верную смерть. Первый же дракон с адским свистом испустил из пасти струю пламени, заживо и Рейнара Второго, и нескольких рыцарей вместе с лошадьми. Дальнейшая стычка с чудовищами, в которой Кэлхар потерял копье и щит, но сам чудом уцелел, привела к гибели еще нескольких десятков отважных, но бессильных против металлических драконов рыцарей.

Никакой надежды уже не оставалось. Рыцарь отлично понимал коварный план врага: вначале втянуть арлансийцев в кровопролитное сражение, а затем разом изменить ход битвы с помощью драконов-големов. Само собой, что Рейнар избежал бы боя, знай он заранее о них, но теперь и король, и половина армии мертвы, остатки войск поспешно отходят или бегут с поля боя.

Вот небольшой отряд эльфов отступает к лесу, отбиваясь от вражеской пехоты, чуть дальше пара драконов преследует убегающих пикинеров. Металлические чудовища неуклюжи, лошадь не догонят, но пешему человеку не уйти от них.

Сэр Кэлхар сжал челюсти. Это разгром, но сейчас еще можно хотя бы спасти тех, кого получится. Правда, все его силы — это он сам и двое рыцарей из его эскадрона, уцелевших в бою.

— Смотрите, — крикнул он, — мы должны задержать это чудовище!

Словно в ответ, голем издал чудовищный вой, из его пасти вылетела струя пара, заживо сварив нескольких бегущих.

Кэлхар на скаку схватил торчащее из земли чужое копье. Три отважных рыцаря направили своих лошадей наперерез, набирая скорость для атаки. Если им повезет атаковать сбоку, может быть, удастся пробить стальную шкуру этой твари и поразить ее в жизненно важные точки, если только они могут быть у неживого существа.

— За Арлансию! Эртэс, помоги нам!

Если богиня и слышала их, то все равно не помогла. Первый рыцарь погиб в клубах раскаленного пара, второй сломал копье и вместе с лошадью убился о гиганта, но Кэлхару, намертво вцепившемуся в древко, удалось вонзить копье в бок чудовища. С рычанием и грохотом тварь развернулась на месте, Кэлхара, крепко держащегося за древко, буквально выбросило из седла, словно требушетом. Рыцарь, пролетев добрых два десятка шагов, упал в кучу тел, от страшного удара в глазах померкло.

Сознание вернулось несколько минут спустя и ненадолго, только для того, чтобы сэр Кэлхар сумел с трудом поднять голову и еще раз оглядеть поле боя. Войска «серой чумы» преследуют разбегающихся арлансийцев, земля дрожит от рева и воя драконов-големов.

Отчаяние захлестнуло его. Все пропало, все кончено! Кэлхар, как и все те, что лежат неподвижно на лугу у реки Сигны, присягал защищать свою родину даже ценой собственной жизни, но им удалось исполнить лишь вторую часть клятвы. Умереть. На большее их не хватило. Верности, доблести и благородной стали оказалось недостаточно против нечестивого оружия и черной магии.

За миг до того, как тьма поглотила его, рыцарь понял, что плачет.

Глава 1

Будильник зазвенел, настойчиво сообщая, что пора на работу. Данила сонно зевнул и неохотно выбрался из постели. Пятница? Да, точно. Значит, последний день, а там уже выходные.

Поспешно умылся, побрился, наскоро закинулся парой бутербродов и побежал на остановку. Когда вдали показался автобус, вспомнил, что брал домой папку с чертежами. Черт. Пока вернулся — понял, что не успеет. Собственно, вариантов два. Опоздать, получить штраф и выговор, либо ехать на мотоцикле, потратившись на бензин сейчас и амортизацию запчасти в перспективе. Баш на баш получается, только без выговора. Что ж, хоть прокатится с ветерком.

На проходную Данила попал весьма вовремя: еще две минуты и штрафнули бы. Разделся в гардеробе, поднялся на третий этаж, по пути здороваясь с коллегами, вошел в свой кабинет, который делил еще с тремя младшими инженерами, сел на рабочее место и включил компьютер, выведя его из режима сна. На экране появился чертеж редуктора вентилятора.

Боже, если б хоть кто-то на свете знал, как сильно Данила ненавидел вентиляторы, редукторы, кофемолки, электромясорубки, прочие бытовые и небытовые приборы и все остальное, связанное с его работой. Но жизнь — штука такая, редко спрашивает, кому чего хочется. Ненавидь сколько влезет — а работать придется, потому что надо кушать, платить за жилплощадь, покупать одежду, отдавать кредит... И Данила, сжав зубы, работал, просиживая в фирме, производящей подобную хренотень, штаны за штанами и год за годом.

В юности он увлекся спортивной стрельбой и полюбил оружие. Причем даже не ту власть, силу или защищенность, которую оно дает своему владельцу, а просто само по себе. Уже тогда в нем проснулся конструктор: первые теоретические разработки Данилы вертелись вокруг вопроса, как гарантированно послать пулю «мелкашки» в десятку с двухсот метров. В семнадцать лет он точно знал три вещи: что стандартный патрон «мелкашки», «.22LR», на такую дистанцию пулю запустить может, а точно бить — нет, что задача может быть решена, если использовать пулю от этого патрона и кустарную гильзу с увеличенным зарядом пороха в винтовке с нехарактерной для «мелкашки» длиной ствола и что он сам, Данила Разумовский, мечтает быть конструктором-оружейником.

На пути к достижению этой цели Данила проявил завидное упорство, но успеха не добился. Так вот вышло, что до красного диплома в политехе он чулка не дотянул, к тому же в одном из известных оружейных конструкторских бюро ему сказали прямо: даже красный диплом бы не помог. Не потому, что он ничего не стоит — просто оружие делают только самые талантливые конструкторы. Опять же, собеседник-кадровик вежливо допустил, что Данила и есть очень талантливый — ну, а если так, пусть проявит свой талант где-то еще и потом попытается снова.

И вот Разумовский — инженер-конструктор вентиляторов. Боже, какой эпический облом.

Данила все же не сдался. Стив Джобс, когда пришел со своим проектом в супер-пупер-корпорацию, тоже получил от ворот поворот, мол, у вас даже «вышки» еще нет, вы нам не нужны. А тот взял да добился своего сам, поначалу собирая первые компьютеры в гараже. А потом — слава, успех и всемирная любовь миллионов пользователей.

Работая в богом проклятой конторе, Данила продолжал трудиться на ниве конструирования оружия в свободное время. Идея, которой он посвятил три года, заключалась в пистолете с системой, позволяющей стрелять без отдачи. Не ново, конечно: пистолет-пулемет «Крисс Вектор», использующий мощный кольцовский патрон, стреляет с огромной скорострельностью, при этом специальная система автоматики сводит отдачу к минимуму. Однако «Вектору» до идеала далеко: увеличенный вес, короткий ствол без возможности точной стрельбы на относительно большие дистанции, уродливая внешность и совершенно некомпактные габариты. Так что для новых разработок — поле непаханое.

Вообще-то, Данила хотел бы создавать спортивное оружие. Есть в нем определенная красота и чистота: задачей спортивного ствола является точный выстрел и ничего более. Послать пулю из точки А в точку Б. При этом ни конструктора, ни стрелка не волнуют такие посторонние понятия как «носимый боезапас», «компактность», и откровенно мерзкие — «останавливающее действие», «раневой канал» или «временная полость». Стрельба как спорт — это физико-техническая дисциплина, суть которой — выстрелить точнее, чем другие стрелки и другое оружие.

Жизнь и тут расставила свои акценты. Спортивное оружие создается в гораздо меньших количествах, чем военное. Соответственно, людей в этой промышленности занято меньше, пробиться там труднее. А вот военные — ребята до новинок очень охочие. Им только покажи новую «игрушку» — и они уже готовы платить, если только «игрушка» реально хороша.

Когда Данила решил работать на «военку», то первая гениальная идея, пришедшая в его голову, была о пистолете с двумя магазинами. Вся история развития пистолетов и револьверов происходит в ключе создания оружия с как можно большей зарядностью и как можно меньшей перезарядкой. Одна из причин, по которой пистолеты в армии почти полностью вытеснили револьверы — большая вместимость магазина при меньших габаритах и быстрая перезарядка. Пистолеты продолжали совершенствоваться, дойдя до моделей, которые при отстреле последнего патрона сами выбрасывают пустой магазин и оставляют затвор в заднем положении. Стрелку остается только вставить полный магазин — и можно стрелять дальше.

Однако в этот короткий промежуток времени стрелок остается беззащитным. Кроме того, действительно сноровистые парни способны достать обойму и вставить в оружие фантастически быстрым и точным движением, за секунду. Но менее подготовленные стрелки, особенно гражданские, не имеют сноровки, да могут просто мандражировать, наконец. Из дрожащей руки еще можно стрелять и даже попасть, но вот перезарядить оружие быстро — уже вряд ли. Когда у такого стрелка заканчиваются патроны — он беззащитен несколько секунд, за которые можно сдохнуть раз десять.

Вот тут могла бы оказаться уместной идея Данилы: разделить толстый магазин с двухрядным размещением патронов на два тонких однорядных. Не один магазин на пятнадцать патронов, а два по семь. Пистолет расходует патроны из одного и выбрасывает его. Стрелок, видя это, лезет в карман за запасным, но его оружие при этом заряжено. И он в любой момент может открыть огонь. Ну а тренированный парень, имея под рукой много магазинов, способен вести огонь непрерывно, лишь каждые семь выстрелов вставляя новый магазин вместо опустошенного. Гениально и просто.

Однако, начав разработку, Данила понял: да, гениально, но не просто. Конструкция такого пистолета получалась сложнее, чем обычного, а значит, и дороже. При том, что в

реальной жизни пистолетные перестрелки короткие, сложно представить себе ситуацию, когда обычному гражданину понадобится сделать более пятнадцати выстрелов. А человек военный, или спецназовец, предпочтет взять пистолет-пулемет. Стало быть, двухмагазинный пистолет практически не имеет сферы применения.

С трудом расставшись с гениальным, но на полвека опоздавшим проектом, Данила вернулся к идее стрельбы без отдачи. Концепция проста: часть пороховых газов отводится через расположенный в казенной части ствола газоотвод и толкает груз от конца оружия к стрелку, в направлении, обратном полету пули, чем частично уравнивает отдачу. Однако цена стрельбы без отдачи оказалась немалой. Во-первых, половина энергии патрона тратится на борьбу с отдачей, дульная энергия пули падает вдвое. Проблему можно решить путем более мощного патрона, что приведет к уменьшению носимого боезапаса и увеличению массы и габаритов оружия. Кроме того, сама система тоже будет иметь вес и габариты, грузик после выстрела должен вернуться на место пружиной — значит, оружие в руке дергаться все равно будет, только не в момент выстрела, а после.

Данила достал у знакомого несколько охотничьих патронов и принялся за создание прототипа. В точности как Стив Джобс, в своем гараже.

Правда, и тут возникли трудности. Закон — он как дышло, куда повернешь... То, что собирался делать Данила, вполне тянуло на статью «Изготовление и хранение», потому прототип изначально создавался таким, чтобы конструкция не выдержала стрельбы полновесными патронами, заодно и на качественных материалах экономия получилась.

Первые испытания Данила провел на пустыре, патронами с десятью процентами пороха. Первый выстрел проводился с зафиксированным противовесом и перекрытым газоотводом. Пуля двенадцатого калибра пролетела двадцать метров, отдача была весьма незначительной. Оно и понятно: пороха-то кот наплакал. Второй выстрел — испытание системы. Пуля преодолела едва ли тринадцать метров, но отдача при выстреле практически не чувствовалась, а сразу после него прототип слегка дернулся в руке, вот и все.

Но ликовал изобретатель недолго. Убедившись, что схема реально работает, он стал искать ей практическое применение, однако по всем расчетам получалось, что за очень мягкую отдачу плата получается слишком большой. Убойность падает, вес, габариты и стоимость возрастают, причем существенно. В каком оружии это применить? Разве что ружья верхнего ценового сегмента, то есть брендовые, для охоты на уток. С другой стороны... если охотник захочет снизить отдачу, он может недовесить пороха и получит почти тот же эффект при куда более дешевом и легком оружии. Блин.

Тем не менее, Данила был убежден: дальнейшая доводка системы может привести к полному избавлению от отдачи. Сфера применения — автоматические дробовики, применяющиеся группами захвата вроде американского подразделения SWAT, для них вес оружия не критичен. В банк войти с улицы и пострелять — не совсем то же самое, что отшагать перед стрельбой километры по джунглям. Еще вариант — ружья для комфортабельной охоты. А если удастся сделать всю систему малогабаритной и легкой — тогда и армейское оружие.

Кроме того, это у винтовок вылет пули происходит после сгорания пороха, у пистолетов же выбрасывать часть энергии на ветер — правило. И эту вот энергию если грамотно утилизировать — можно будет довести всю схему до вполне рационального уровня. Кроме того, тратя часть пороховой энергии на работу противоотдачи, можно уменьшить выброс сгоревших газов, то есть не в ущерб дульной энергии. Есть куда развивать концепцию.

Но была тут одна проблемка. Доводка оружия — занятие очень трудоемкое и дорогое. Большой компании по плечу, кустарю типа Данилы — нет, его возможности ограничиваются прототипом, коряво и непрезентабельно выглядящим. Единственная возможность протолкнуть свое детище — обратиться в крупную корпорацию типа «Хеклер и Кох» или ЦНИИТОЧМАШ. Но для этого нужны настойчивость, время — годы! — и деньги причем последних, как и времени, тоже надо дохрена. Нельзя вот так заявиться, выложить секретарше на стол прототип и сказать «давайте, внедряйте!». Точнее, выложить-то можно, но вот результат будет вполне предсказуемым.

В общем, у Данилы были все причины считать себя неудачником, у которого вроде мозги есть, идеи есть, талант есть — а поди ж ты все это реализуй. Да, ему по жизни не везло. Кто-то получает все легко, лишь руку протянув, а кто-то трудится в поте лица — и все равно шиш.

Наглядным примером для самого Данилы стал его печальный опыт бодибилдинга. Ему всегда нравились стройные, подтянутые, спортивные девушки, да вот беда — сам-то ни ростом не вышел, ни рожей. Поухаживай за спортсменкой, если росту у тебя — метр шестьдесят три, весу — едва шестьдесят, и со спины за подростка принимают. К тому же, Данила испытывал совершенно здоровое желание быть выше своей пассии, вполне нормально гармонирующее с желанием женщин, чтобы мужчина был выше и сильнее их. А посему круг потенциальных партнерш — чтобы и стройная, и спортивная, и маленького роста — сужался катастрофически, шансы на успех у спортсменок невысокого, субтильного Данилы, и так крайне невысокие, умноженные на малое число кандидаток, стремились туда же, куда и числовая последовательность из знаменитой теоремы «о двух милиционерах» — к нулю.

Данила прекрасно понимал, что для него легких путей не существует, а потому выбрал простое, но трудоемкое решение — тренажерный зал. Восемь месяцев он стойчески сносил насмешки других качков — кто бы мог подумать, что фраза «о, привет, малыш!» может быть настолько обидной? — но поставленной цели не добился. Да, Данила стал ощутимо сильнее, но плечи его не раздались, грудные мышцы не налились, бицепсы не забугрились.

Окончательно его добил стокилограммовый «шкаф», качок, насмежавшийся над ним чаще других. Однажды, когда Данила встал с лавки, на которой жал от груди штангу, тот подошел к нему и заметил, словно невзначай:

— Слушай, малыш, ты не думал на секцию каратэ записаться?

— А что я там забыл? — искренне удивился Данила.

— Ну как, что... В драке оно тебе полезней будет. Люди маленького роста на грубую силу рассчитывать не могут.

На случай драки он носил в кармане «тэйзер», дистанционный электрошокер, стреляющий проводами и поражающий нападающего с двух-трех метров, штука неразрешенная, но и не совсем запрещенная. Да и вообще, в цивилизованном обществе живем, махаться на кулаках — варварство, а при наличии электрошокера — еще и глупость.

— Да не собираюсь я ни с кем драться.

— А сюда зачем ходишь?

— Да за тем же, что и ты, мяса нарастить слегка...

— И девчонок клеить? — догадался качок.

— Ну не без этого...

Культурист покачал головой:

— Знаешь, у меня хреновая новость для тебя. Я за тобой слежу, как ты тут появился. Помню, тогда ты сороковник выжать не мог, сейчас жмешь больше, чем сам вешишь. Прогресс налицо, но, понимаешь, в мышце ты не прибавил так, чтобы на глаз заметно было. Я за первые восемь месяцев, положим, бицепсу на девять сантиметров накачал, а прогресс по весам у меня был, в процентном отношении, похуже твоего. Тут такая штука, брат, если у тебя генетически бицепс плоский — хоть умри, но не накачаешь. Сильнее станешь в разы, на ощупь будешь каменный — а объема и массы тебе не видать. Максимум рельеф, да и то рельеф держать сложно, вечно надо сидеть на низкожидкостном режиме, чтобы плоские мышцы хорошо видно было, а это значит — жизнь, полная жажды и страданий. Если твоя цель — в первую очередь девчонки... Тратишь время напрасно.

Данила не поленился, проверил информацию и с горечью обнаружил, что «шкаф» не врал. Восемь месяцев серьезных усилий — псу под хвост. С тех пор он периодически занимался с гантелями — все-таки жалко прогресс терять — но на плотный кач забил. В самом деле, зачем мышцы без объема? Объем виден сразу, а со словами «приветик, не хочешь пощупать, какие у меня твердые мускулы?» к девушке не подкатишь.

Так что с личной жизнью у Данилы тоже не заладилось. Больших денег нет, успеха по жизни нет, обычный интеллигент-задохлик — кому он интересен? Те немногие женщины, которые обращали на него свое внимание, интересовались преимущественно его жилплощадью, да и до идеала они и близко не дотягивали, а к тем, которые интересовались им лично, Данила бы и багром не дотронулся. Безрадостную жизнь периодически скрашивала соседка, симпатичная, но упитанная девица не самых строгих правил, для которой Данила был кем-то вроде крайнего на длинной скамье запасных. Соседка эта со своими кавалерами ругалась частенько и надолго, потому периодически очередь в раздаче сладкого доходила и до Данилы Разумовского, впрочем, с каждым разом партнерша все сильнее ассоциировалась с котлетой, кем-то уже пожеванной и потому совсем неаппетитной.

Со временем Данила все чаще ловил себя на мысли, что силы и энергия еще есть, да нет желания. Когда выкладываешься по полной, стараешься в поте лица — а результата нет... Это обескураживает, лишает воли к дальнейшей борьбе. Зачем лезть из шкуры, если в итоге все равно получишь шиш?! Если ты неудачник — сопротивление бесполезно.

Рабочий день, лениво и скучно тянувшийся с утра до вечера, наконец-то закончился. Идя с проходной к стоянке, Данила предвкушал выходные и прикидывал, чем займется. Вариантов-то не много. Возиться с прототипом, либо с документами, попытаться запатентовать, отослать куда-то... В ЦНИИТОЧМАШ — дело дохлое, у российски производителей и так полно великолепных разработок, которые никто не покупает. «Хеклер и Кох»? А почему бы и нет? Терять нечего, кроме времени и денег.

Он сел на мотоцикл, завел и вырулил со стоянки. Еще вариант — махнуть куда-то на стальном коне. Жил бы в США — прибился бы к какой банде байкеров, там этого добра завалилось. Можно было бы как-то радикально изменить свою неудавшуюся жизнь, но, зная степень собственной удачливости, точнее ее отсутствия, Данила резонно полагал, что любое изменение будет только к худшему.

Вот и в этот раз — и кто бы сомневался?! — у дома его уже ждали. Как только Данила слез с мотоцикла и полез в карман за ключами, из-за гаража появилось какое-то немытое мурло и угрожающе щелкнуло выкидухой:

— Слышь, фраер, гони лопатник, часы и мобилу — целым останешься!

— Ладно, — согласился инженер и вместо ключей вынул из кармана электрошокер.

Щелчок и треск разряда. Гопник, выронив нож, затрясся и завыл, опрокинулся навзничь и принялся извиваться в пыли. Секунд через восемь Данила отпустил кнопку и отсоединил от прибора использованный метательный картридж. Грабитель перестал дергаться и тонко поскуливал, на его спортивных трениках появилось темное пятно, запахло мочой.

— Лопатник, говоришь? Че ты еще там хотел, а то я запомнил?

В этот момент он не услышал, а скорее почувствовал движение за спиной. Обернулся — так и есть! Высокий тип в плаще с капюшоном появился неведь откуда, ведь за миг до того двор был совершенно безлюден, и теперь несся к Даниле, всем своим видом показывая, что не намерен ни о чем говорить.

Данила резко выбросил в его сторону руку с электрошокером — да куда там! Тип в капюшоне оказался удивительно быстрым, электроды пролетели мимо цели, а в следующий момент электрошокер, выбитый из руки ловким приемом, упал на асфальт. Попытка провести контрприем контроля над кистью противника удался со знаком «минус», Данила не успел и глазом моргнуть, как сам оказался в жестком захвате и понял, что противник не только намного ловчее в плане драки, но еще и физически гораздо сильнее. Исчерпав свои возможности самозащиты, инженер попытался позвать на помощь, но тут ему в челюсть прилетел кулак в матерчатой перчатке, и на этом драка закончилась.

* * *

Первым, что увидел Данила, открыв глаза, были широкие кроны огромных деревьев, сквозь листву которых пробивались редкие лучи света. Воздух свеж и прохладен, где-то рядом журчит ручей, ноет челюсть...

Он украдкой, не поворачивая головы, обвел вокруг глазами, сколько позволяли глазницы. Ничего похожего на дома, один лес, и Данила мог бы поклясться, что ни в ближайшем от его дома парке, ни вообще в любом парке города таких деревьев нет. Нападающий, видимо, увез его куда-то в лес... Хреновая примета. С другой стороны, руки вроде бы лежат на траве по обе стороны тела и не связаны. Если тот мудака в капюшоне где-то рядом, надо как-то сориентироваться и улизнуть.

Данила медленно и осторожно повернул голову направо. Никого. Повернул налево — и сразу же встретился взглядом с тем самым типом в плаще. Вот только капюшон свой он снял, и инженер сразу же понял, что перед ним — не белый, не азиат и не негр. Кожа бледная, глаза черные, без радужки и белка, волосы черные, как смоль, длинное узкое лицо... Короче говоря, этот мудака вполне мог бы играть аристократа-вампира в кино, если бы не торчащие в стороны остроконечные уши длиной сантиметров так по двенадцать каждое.

Пока Данила судорожно соображал, что это за чертила перед ним, тот заговорил низким негромким голосом, четко и раздельно произнося слова.

— Я не понял ни слова, что ты мне сказал! Какого лешего тебе от меня надо?!

Длинноухий печально вздохнул и сделал еще пару попыток, но Данила не узнал ни единого слова, ответные попытки показали, что похититель не понимает ни по-русски, ни по-белорусски, слова «борщ», «сало» и «вареныкы» — по-украински Данила знал только эти три — ничего для него не значат, по-английски не спикает, по-немецки не шпрехает.

Убедившись, что вербальный диалог невозможен, похититель встал и довольно понятным жестом велел Данила подниматься.

— Отвали, урод! Я никуда с тобой не пойду!

Идея грубо отвечать, сидя на земле напротив стоящего противника, оказалась так себе, потому что Данила сразу же получил сапогом — мягким и эластичным, к счастью — в лицо, несильно, но вполне доходчиво. Валандаться с ним длинноухий явно не собирается, электрошокера нету, связка ключей из кармана пропала, сопротивление без оружия бессмысленно. Пришлось подчиниться. Похититель жестом указал направление и они двинулись туда, Данила спереди, тот — чуть сзади.

Чем дальше, тем хреннее становилось предчувствие. Где возле Минска есть такой дремучий лес, инженер даже не представлял, что за черт этот мудила — тем более, похож, паскуда, на эльфа, но надежды на то, что вот сейчас они выйдут на поляну с переодетыми ролевиками и те закричат «шутка, чувак!» — не питал совершенно.

А когда они вышли на опушку, с которой хорошо обзревалась половина неба с едва заметной, но крупной зеленой луной у горизонта, Данила осознал, что на самом деле все гораздо хуже, чем он мог себе представить.

— Сукин сын! — завопил инженер, повернувшись к эльфу и тыча пальцем в луну, — что это, мать твою, такое?! Куда ты меня приволок?!!

Вместо ответа тот отвесил смачную оплеуху, Данила в бешенстве, смешанном с ужасом в равной пропорции, бросился на противника, размахивая кулаками. Секунд через десять он оказался на земле, глотая воздух: слепой гнев и в мире не советчик, и в драке не помощник, особенно против смыслящего в кулачном бою оппонента.

Эльф выждал минуту или две, давая Даниле прийти в себя, затем пинком заставил подняться на ноги и погнал дальше.

Путь их лежал через небольшую, километра три в поперечнике, низину, на той стороне которой темнел еще один лес.

Устало переставляя ноги, инженер мучительно пытался сообразить, как он тут оказался, или найти хотя бы один признак того, что на самом деле он спит и вся эта чушь ему снится. По всему выходило, что эльф непонятно как и непонятно зачем уволок его в свой мир. Спрашивается, нафига? Богам в жертву, что ли?! Вопрос номер два — что дальше делать? Идти, куда ведут, или?.. Против кого не потянуть в открытом бою, того можно хитростью одолеть. Споткнуться, упасть, сделав вид, что ногу вывихнул, набрать песка в кулак... Одна проблема: а что потом? Данила понимал, что шутки кончились: уши и глаза себе намутить как у эльфа — вопрос плевый, резина и контактные линзы в помощь. Но вот зеленую луну на небе не повесишь и не нарисуешь. Более доходчивого доказательства, что он уже не в Минске и даже не на Земле, нельзя и представить. И если Данила отделается от похитителя — куда бежать? Как вернуться обратно?! И потому, как ни крути, а придется делать, что велят. Вдруг все это какая-то ошибка и Данилу, когда все выяснится, вернут обратно?

Когда они прошли примерно треть пути, эльф внезапно хлопнул его по плечу. Данила обернулся и увидел, как на опушке появились странные существа, отдаленно похожие на невысоких кентавров с короткой, толстой, уродливой горизонтальной частью. С такого расстояния инженер их рассмотреть не смог, но зажатое в руках оружие все же увидел.

Из оцепенения его вывел похититель, заоравший на ухо жутким, чтоб не сказать душераздирающим голосом, с очень красноречивой экспрессией махнул рукой в сторону дальнего леса, и в этих непонятных словах и жесте Данила без труда угадал короткую,

простую и страшную команду.

«Беги!»

И он побежал, не чуя под собой ног. Не то, чтобы инженер что-то понял в этой ситуации, ему просто стало страшно. То есть, страшно было и раньше, но страх перед эльфом, хоть и чужаком, оказался ничем по сравнению со страхом перед этими существами, подстегнутым очевидным ужасом самого эльфа: это его мир, и он точно знает, чего надо бояться.

Данила споткнулся и упал, трава высокая, до колена и выше, не видно, что под ногами лежит, да и времени смотреть нету. Эльф моментально остановился, схватил его за воротник куртки, помогая подняться на ноги, и потащил. Бежать стало легче, и Данила единственным не поддавшимся панике уголком сознания почувствовал горячую благодарность, напроочь забыв, что именно эльф в это дерьмо его и втравил.

Метров через триста стало ясно: не убегут. Твари приближались очень быстро, и Данила, оглянувшись через плечо, обнаружил, что никакие это не кентавры. Человекоподобные существа — десятка два или три их! — в странных доспехах из шкур и металла и с палицами в руках ехали верхом на здоровенных кабанах. Инженеру стало ясно, что это конец: человеку с кабаньим наездником в скорости не тягаться. В этот момент эльф с силой толкнул его в спину, подстегнув лютым воплем.

Данила, тяжело дыша и спотыкаясь, побежал дальше, метров через пятьдесят упал, но подняться никто не помог. Вставая, он оглянулся и увидел, что эльф остался позади, достал из-под плаща короткий жезл и теперь поджидал приближающихся врагов. Данила побежал дальше, то и дело оглядываясь через плечо.

Когда первые кабаньи кавалеристы оказались рядом с эльфом, тот завопил, в его руках блеснуло пламя. Затем на добрых двадцать шагов вокруг него трава вспыхнула жарким огнем, создавая защитный круг, куда кабаны заходить не спешили. Послышались гортанные вопли, лязг оружия, снова вспышка пламени. Эльф оказался магом, хотя у Данилы не нашлось времени на праздные удивления по этому поводу.

Позади разворачивалась кроваво-огненная драма. До Данилы долетали гортанные вопли, кабаньих визг и крики эльфа, чуть ли не нараспев читавшего заклинания. Внезапно воздух всколыхнул хлесткий звук выстрела, быстро сменившийся отчаянным визгом. Данила, обернувшись, увидел, как прочь от кучи малы несется объятый пламенем кабан с горящим и размахивающим руками наездником. Кавалерист, наконец, свалился в траву, кабан побежал дальше, отчаянно визжа и распространяя по полю огонь.

Полыхнуло еще раз, и посильнее, визг и душераздирающие вопли теперь звучали хором в десяток плоток, если считать вместе и кабанов, и наездников, затем раздался выстрел, еще один, а потом целый залп, и на этом неравный бой закончился.

Метров через сто, когда до опушки оставалось еще более полукилометра, за спиной из расползающегося по долине дыма вынырнули несколько всадников, и Данила, задыхающийся и выбившийся из сил, понял, что все равно не уйдет.

От первого преследователя, вознамерившегося палицей снести ему голову, инженер сумел увернуться, шарахнувшись в сторону, но другой всадник, проносясь мимо, выставил в сторону локоть с металлическим налокотником, и Данила, второй раз за день лицезрев звезды из собственных глаз, снова оказался в нокауте.

Потом его долго куда-то везли неизвестно на чем, потому как все, что он помнил — тряска. Затем привели в чувство, грубо и бесцеремонно окатив водой.

Данила открыл глаза и обнаружил, что смотрит в грязный пол, выстеленный некогда белым мрамором, потому что находится в полувисячем положении, голова свисает на грудь, ноги волочатся по полу, а за руки с двух сторон крепко держат. В нос ударил неприятный запах — но точно не нашатырь.

Инженер поднял гудящую голову, несколько раз моргнул, фокусируя взгляд на человеке, стоявшем перед ним, и обмер, потому как это оказалось чем угодно, только не человеком. Роста невысокого, едва повыше самого Данилы, серая кожа лица — да можно ли назвать лицом такую харю?! — нос гипертрофированно крупный, мясистый и крючковатый, маленькие глазки, уши, торчащие в стороны, как у эльфа, но покороче и поуродливее. Дополнял картину рот с парой клыков нижней челюсти, выглядывающих из-под нижней губы, да шрам через всю рожу.

Существо было субтильно, одето в кожаные одежды, поверх — кольчуга, наплечники и прочие элементы брони. У пояса — кинжал и топорик явно не мирного назначения.

Убедившись, что все внимание Данилы принадлежит ему безраздельно, уродец резко и гортанно произнес несколько слов с хорошо слышимыми вопросительными и приказными интонациями.

— Опять двадцать пять, — простонал инженер, — не понимаю я ни черта...

Тот едва заметно кивнул, Данилу легко оторвали от пола, под дых врезалось что-то напоподобие пушечного ядра.

Он мучительно закашлялся, с ненавистью глядя на уродца. Тот интерпретировал взгляд совершенно верно, потому что Данила сразу же получил еще раз, а потом еще и еще. Затем инженеру дали немного прийти в себя, и чертов выродок снова повторил свой вопрос.

— Я. Не. Понимаю.

Удар. Пауза. Вопрос.

— Я не понимаю! Нихт ферштейн, гнида.

Удар, пауза, вопрос. Удар, пауза, вопрос. Данила, убедившись, что серокожая мразь слишком тупая и до нее не доходит, что допрашиваемый не говорит на ее языке, перестал отвечать, бессильно повиснув в крепких руках.

Наконец, уродец сообразил, что понятного ему ответа не получит, и принялся обшаривать карманы Данилы, но ничего не нашел: видимо, все вычистил эльф. Его единственным трофеем стал металлический рубль вышедшего из обращения образца с выпилом для открывания пивных бутылок. Урод недоуменно повертел монету в руке, попробовал на зуб, а затем, видимо, все-таки понял, что имеет дело с чужестранцем, положил рубль в карман, свой, естественно, и махнул рукой в и ему понятном жесте: «убрать с глаз долой».

Данилу поволокли по полутемному, освещенному факелами коридору, при этом инженер отметил, что интерьер напоминает ему не то средневековый особняк, не то что-то в том же духе, и что ножищи у волочащих его парней обуты в грубые сапоги дикого размера, как минимум шестидесятого по отечественному ГОСТу.

Затем его выволокли из здания под ночное небо, протащили метров сто, треснув по

голове за попытку оглядеться, и доставили к ограде в виде столбов с натянутой в несколько рядов проволокой. Один что-то крикнул, где-то что-то заскрипело, часть ограды поднялась вверх. Данилу бесцеремонно швырнули вперед, ворота со скрипом опустились.

— Сволочи, — прохрипел инженер, сплевывая кровь из разбитого рта, и подвел под себя руки, пытаясь приподняться.

Его сразу же обступили и помогли встать на ноги, но на этот раз осторожно. Данила посмотрел вокруг и с облегчением вздохнул: несмотря на вступающую в свои права ночь, он сразу увидел, что находится среди людей, и это оказалась первая хорошая новость за весь этот проклятый день. А еще одной дерьмовой стало понимание того, что Данила попал в самый натуральный концлагерь.

* * *

Ночью Данила не стал ни в чем разбираться, а напился из ручья, который протекал прямо через загон для пленников, вымыл лицо и уснул на грубом настиле из жердей и сена, он был слишком измотан и разбит для чего-то еще.

Наутро обитателей концлагеря разбудили противным звуком рожка. Инженер толком не выспался, все тело ломило от побоев и усталости, однако голова прояснилась, и вовремя: если он не хочет застрять тут надолго — надо включать мозги.

Однако расклад обрисовался предсказуемо катастрофический.

Товарищи по несчастью хоть и были людьми, но на известных Даниле языках не разговаривали. С виду люди как люди, чертами лица напоминают венгров или поляков, преимущественно кряжистые, тощие — в концлагере иначе и не бывает — и почти все типично мужицкой наружности, одетые, в основном, в рванье, некогда бывшее домотканой одеждой. В общем, типичные представители средневекового простолюда.

Поработители заинтересовали Данилу намного сильнее.

Они делились на две очень разные группы: первые невысокие и тщедушные, ростом и комплекцией похожие на самого инженера уродцы с серой кожей, вторые — здоровенные амбалы грязно-зеленого цвета, которых Данила сразу же окрестил «орками». Каждый ростом метра два, вес — за столбик, короткие кривые, но очень крепкие ноги, мощный торс и мускулистые длинные руки с кулаками почти как голова Данилы. Лица — уродливы, с гипертрофированными нижними челюстями, приплюснутыми носами и невысокими лбами. Судя по характерным нижним клыкам, торчащим изо рта — дальняя родня уродцев.

Правда, долго присматриваться Даниле не дали: вместе с другими заключенными его погнали на работу.

Концлагерь располагался возле речушки с водяной мельницей, неподалеку находился карьер, где заключенные добывали камень и неизвестную Даниле руду. Узников — на глазок тысячи три — стерегли примерно три или четыре сотни орков, уродцев же инженер насчитал до полусотни, определив, что именно мелкие ублюдки тут главные: все они, и офицеры, и солдаты, и несколько мастеров, отбиравших из тележек куски руды по им одним известным признакам, вели себя совсем не как орки, демонстрируя определенную степень организованности и командной работы. В то же время орки, ленивые и равнодушные к происходящему, делали что-либо только по приказу офицера-уродца или своих вожаков.

Данила сразу решил держаться возле одного пожилого, жилистого крестьянина с

длинными черными усами, свежим шрамом на щеке и тяжелым взглядом. Он был одним из тех, кто оказал Даниле первую помощь, дав напиться и указав свободное место на подстилках. Инженер заметил, что человек этот обладает определенным авторитетом среди узников, возможно, его помощь будет нелишней при организации побега.

Пленники спускались в карьер, беря инструменты — кирки, ломы да лопаты — у входа. Поесть им никто не дал, и новый знакомый жестами объяснил: если не выполнить утреннюю норму, то и вовсе можно без пищи остаться. Пришлось взяться за лом и долбить неподатливую породу.

Вместе с тем, Данила смог изучить систему охраны: орки по периметру, числом до сотни, да несколько надзирателей в самом карьере. Некоторое время он недоумевал, почему так мало дежурных, и даже обдумывал, как бы объяснить жестами, что надо всем скопом броситься на охрану и перебить: соотношение сил даже против полного состава охраны — десять на одного, а если считать только одну смену — то и вовсе тридцать против одного орка. Конечно, у орков доспехи и устрашающие палицы, у пленников — кирки да лопаты, но тридцать на одного — перевес подавляющий.

Данила, впрочем, здраво рассудил, что вначале надо понять расклад, а потом уже куда-то бежать, а часом спустя ему стало ясно, почему охраны так мало. Таща тележку с рудой, он стал свидетелем, как орк-охранник, которому что-то вдруг не понравилось, прямо посреди разговора с узником хряпнул его палицей. Причем легко и непринужденно ударил, даже без замаха. Нес палицу на плече, снял легким движением, плавно переходящим в удар, оружие мелькнуло в воздухе, послышался глухой звук соприкосновения оружия и тела — и то, что осталось от человека, отлетело шагов на пять и осталось лежать мешком фарша с переломанными костями.

Данила в ужасе слотнул и поспешно повез тачку дальше, пытаясь в уме произвести расчеты. Вес человека — ну положим, семьдесят килограммов. Дистанция полета — метра четыре. Скорость удара палицы — метров восемь в секунду, а то и десять... По всему получалось, что вес этого чудовищного полтораметрового оружия — вовсе не десять килограммов, как полагал Данила раньше, а четверть центнера, не меньше. И то, что орки так легко орудут таким тяжеленным оружием, объясняло, почему никто еще не додумался устроить восстание. Разумовский в холодном оружии мало что смыслил, но физика красноречиво намекнула: против такого монстра шансов нет, от его удара не спасет ни парирование, ни щит, ни доспех. Хряпс — и ты готов. Как муху прихлопнет.

Видимо, работа продвигалась темпами, достаточными для уродцев, потому что вскоре началась кормежка. Рабочие оставили свои инструменты и потянулись к выходу из карьера, где уже выстроилась линия из тележек, у которых стояли женщины, не такие изможденные, как рабочие карьера, но все равно жалкие и несчастные, и раздавали еду: то ли большие пирожки, то ли маленькие буханки хлеба. Хлеб оказался наподобие питы: внутри пресного, невкусного теста обнаружилась перловая каша. Деликатес такой, что и врагу не пожелать, но голод — не тетка. Придется привыкать.

Как только Данила получил из рук худенькой, некрасивой девчушки свою порцию и отошел от тележки, уплетая за обе щеки, произошел очередной инцидент. Какого-то рабочего по приказу уродца-надсмотрщика орки выволокли из очереди, схватили за ноги и потрусили. Из одежды выпал такой же пирог, видимо, несчастный пытался получить еду дважды. В следующий момент ему наподдали ногой, а его порцию один из орков растоптал. Бедняга с трудом поднялся и поплелся прочь.

Данила сжал зубы. Боже, что бы он сделал со всеми этими тварями, если б мог... Надо бежать отсюда, и как можно быстрее!

Инженер еще несколько раз откусил от своего пирога, осталась примерно треть. Порция рассчитана на человека покрупнее его, так что Даниле уже хватит. Он бы, конечно, все уплел, желудку до полного еще далеко, но...

Инженер догнал беднягу, оставшегося без обеда, сунул ему в руки свой хлеб, поймал полный благодарности взгляд и пошел дальше. Кто-то хлопнул его по плечу — это оказался знакомый усач, одобрительно улыбающийся. Данила заметил также, что некоторые другие узники, проходя мимо побитого, делились с ним хлебом, отламывая от своих порций по куску.

Что ж, крайне ценная и отрадная информация: мир хоть и чужой, а люди — как люди. И если так — то еще не все потеряно.

* * *

Самой большой проблемой было непонимание. Данила кое-как обменивался с усачом простейшими, нужными для работы сигналами и жестами — но прояснить с их помощью обстановку в мире и расклад сил не представлялось возможным. Некоторые узники были одеты в обноски явно праздничной одежды, с вышивкой и орнаментом — стало быть, все эти люди не всегда были рабами. И мельница — ну очень похожа на самую обычную мельницу, даже дверь, судя по размерам, рассчитана на человека, для уродца чуть великовата, орку низка — значит, люди строили. Выходит, серые и зеленые ублюдки тут пришлые, а не местные. И если тут они стали хозяевами — есть надежда, что где-то в другом месте по-прежнему территории людей.

Собственно, этим вся оперативная информация и ограничивалась. Еще Данила знает, что в мире существуют также и эльфы-чародеи, и что один такой эльф вначале выкрал Разумовского, а потом погиб, пытаясь задержать преследователей. В том, что эльф пожертвовал собой ради него, Данила был уверен: сам длинноухий легко ушел бы от преследования, бегал он куда быстрее человека, но вначале упорно тащил его, помогая бежать, а затем остался позади и принял неравный бой. Брось он Данилу — ушел бы наверняка, до леса там немного совсем было.

Смущало одно: причину своей ценности Разумовский не понимал, как и роль эльфов в конфликте людей и серо-зеленой наволочи.

Вечером инженер попытался исследовать ограду, она смущала его отсутствием колючек на проволоке и толщиной этой самой проволоки: с мизинец будет. Однако усач сразу же пресек эти попытки, силой оттащив Данилу подальше, а затем провел его к дальней стороне. Здесь у ограды лежали обугленные человеческие останки, которые никто не удосужился убрать: оркам было наплевать, а люди к странной ограде подходить боялись.

Усач, желая показать Даниле опасность, таящуюся в ней, вынул из одной лежанки кусок жерди и бросил. Стоило деревяшке коснуться проволоки, как с треском появилась ослепительная электрическая дуга. Провода оказались под напряжением в десятки киловольт, если не больше: жердь вспыхнула и превратилась в пепел за считанные секунды, ближайшие люди испуганно зашептались.

— Ни хрена себе средневековье, — пробормотал инженер.

Для него осталось загадкой, для чего в электроограждении нужен такой дикий вольтаж, убить человека можно и гораздо меньшим током. Однако теперь Данила уже знал, как отсюда выбраться.

Это было очень скучное патрулирование: ни стычки с врагом, ни конфликта внутри группы. Но Т'Альдина все вполне устраивает, он прекрасно знает, что случается при ссорах в боевом походе. Должно быть, его специально включили в этот отряд: четверо кадетов друг друга на дух не переносят, две младшие дочери знатных Домов безумно раздосадованы службой в патруле вместо изучения таинств младших жриц, командир Лу'уд — единственный зрелый дроу в отряде — сам простолудин, хоть и с заслугами, отпрысков знатных Домов презирает и нянчиться с ними не желает. В общем, та еще компания.

И потому Т'Альдин из Дома Шас'Кэрт попал сюда как средство держать всю группу в рамках здравого смысла, своего рода живое напоминание о необходимости сосредоточиться на внешних опасностях и не устраивать склок на враждебной территории. Два года назад он оказался единственным выжившим членом боевого отряда: набег на поверхностных эльфов закончился засадой, из двух отрядов обратно в Подземье вернулся, да и то с потерями, только один. Т'Альдин Шас'Кэрт единственный из своей погибшей группы сумел вырваться из засады, провел на поверхности два дня и только потом вернулся домой. С тех пор за ним закрепилась репутация слегка двинувшегося, замкнутость Т'Альдина списывают на ужасы, которые ему пришлось пережить наверху. Сам он не опровергает этого: так проще хранить свою тайну.

Патрулирование близится к концу — и хвала Ллос. Трое суток небольшой отряд — четырнадцать кадетов и командир-наставник — обшаривал периферийные тоннели и проверял охранные руны, не обнаружив при этом никаких следов врага. Вскоре их ждет отдых и дальнейшее обучение в военной академии, а на патрулирование отправится новая группа. Весь мир, подземный и поверхностный, люто ненавидит дроу, и потому илитири, детям Ллос, нельзя расслабляться.

Знакомый тоннель. Они идут вдоль ручейка, еще полчаса — и ворота заставы. Потом еще полчаса — и Т'Альдин избавится от неприятного общества своего командира, от которого больше неудобств, чем пользы, от высокомерной Каэлис, которая все уши прожужжала о том, как она ненавидит ходить в патрули в компании неудачников, от откровенно наглой, даже для женщины, Заар'Ти, так и не врубившейся, что мужчины вокруг нее — воины, а не ее личные слуги, от вечно обменивающихся ненавидящими взглядами идиотов, которые вот уже третий поход не могут понять, что в опасных тоннелях вражду надо забывать... Ото всех. Остальные кадеты — молодые воины обоих полов — куда менее надоедливы и обременительны, но Т'Альдин все равно будет безумно счастлив получить выходные и пожить немного в тишине чердачного этажа поместья своей семьи. Маленькая комнатка — большей он, как младший сын не самого богатого и знатного Дома, не достоин — своего рода рай покоя, где можно будет ненадолго забыть обо всем. Ллос свидетельница, что Т'Альдин Шас'Кэрт сыт и патрулированием, и «товарищами» по самое горло. Иногда ему казалось даже, что еще немного — и он не выдержит, прирежет пару-тройку особо ненавистных персон и, если получится, свалит на поверхность, навстречу смерти, скорее всего мучительной и почти наверняка — быстрой.

Он даже строил планы, кого и как убьет. Начнет непременно с Заар'Ти — она слишком заставила его ненавидеть себя... Хотя нет. Ведь сразу после этого придется иметь дело с учителем, а он опытен и умел, если доходит до клинков. Если вначале всадить кинжал

в затылок ненавистному наставнику — как раз успеет второй кинжал вогнать в живот повернувшейся к нему Заар'Ти и полюбуется на удивленно-страдальческое выражение ее красивого, точеного лица. Потом... Каэлис. Или нет. Она вечно ноет и называет всех неудачниками, не понимая, что сама такая же, но, во-первых, лично Т'Альдину какого-либо серьезного вреда или оскорбления не нанесла, во-вторых, это еще большой вопрос, что хуже, прикончить ее или оставить жить и сожалеть о том, что ее собственная семья определила младшую дочь в военную академию, попросту сбросив ее с политической доски как лишнюю фигуру. Да, Каэлис пусть себе живет. Вместо нее — либо Ринкора, который позволяет себе заносчиво напоминать Т'Альдину, что его Дом выше Дома Шас'Кэпп, либо Л'Тилла большого любителя присваивать чужие заслуги. Либо обоих, если получится. Альтернативный вариант — вначале учитель, потом Заар'Ти — а потом, безумно хохоча, побежать по тоннелю, ведущему к поверхности.

Но обычно такие мысли посещали Т'Альдина под конец походов, когда скорый отдых становился достаточно приятной перспективой, и объекты его жгучей неприязни так и оставались в неведении о том, как сильно их ненавидят. Вот и сейчас он в последний раз попытался представить себе, как будет меняться лицо Заар'Ти в тот момент, когда чуть пониже ее ребер вонзится кинжал или сразу пару их, и прогнал эту сладкую мысль прочь. Впереди — поворот, за ним ворота заставы, за ними — родной На'ирризанд...

— Тысяча йоклол!! — выругался внезапно командир, свернув за поворот.

Т'Альдин свернул следом за ним и тоже застыл.

Ворота основательно засыпало обвалом, не совсем наглухо, часть створок видно, но открыть точно не выйдет. А перед обвалом сидел, прислонившись спиной к валуну и свесив голову на грудь, старший учитель С'Лейд.

На звук сдавленных проклятий и недоуменных возгласов он шевельнулся и поднял голову. Лицо его потеряло здоровый темно-серый цвет, вокруг глаз — круги, кожа покрыта струпьями, одно ухо отсечено.

— Наконец-то, — прохрипел С'Лейд, — я уж думал — не дождусь... Не подходите ближе. Аккурат, как вы уши, в городе начался мор, выкосил тысячи в первые же сутки. Видимо, заразу принесли торговцы-дуэргары... Я хотел удрать, но уже на полпути к заставе понял, что болен...

— Но почему обвал?!

Т'Альдин только презрительно поморщился. Командир Лу'уд может и сведущ в военном деле, но в магии — нет. Характерные трещины на потолке — красноречивое свидетельство, что старший наставник обрушил свод тоннеля при помощи заклинания.

— Потому что все больны... Были. Теперь там, за воротами, только смерть и стоны последних умирающих... Охранников заставы пришлось перебить — они тоже заразились... Вам больше нет пути сюда. Город уже не существует, превратившись в кладбище непогребенных... Т'Альдин, слушай меня внимательно. Единственный способ спастись для вас — выйти на поверхность... Если выйти из леса на равнину и идти в том направлении, куда уходит солнце — через двадцать переходов будет огромный горный массив, а под ним есть несколько городов. Будете спасены, если дойдете туда...

Его голова поникла, и Т'Альдин понял, что старший наставник мертв.

Десять ударов сердца прошли в тишине, затем весь отряд — четырнадцать глоток — принялся вполголоса галдеть. Кто ругался, кто растерянно вопрошал, что делать дальше. Т'Альдин молчал, пытаясь прикинуть, как быть. Старший наставник оказал им огромную

услугу, помешав зараженным беженцам встретиться с возвращающимся отрядом. Интересно, чем он руководствовался? Если знал, что болен и жить остается всего ничего — зачем было напрягаться? Ведь никто в отряде не приходился ему родней... Мотивы, по которым С'Лейд каким-то образом перебил охрану и обрушил тоннель, вряд ли кому-то могут быть понятны, но Т'Альдин имел основания полагать, что знает хотя бы приблизительный ответ.

Вместе с тем, самому Т'Альдину Шас'Кэрру наставник оказал медвежью услугу. Обратившись к нему лично и призвав к походу на поверхность, С'Лейд фактически противопоставил его действующему командиру патруля. И хотя на поверхности еще вопрос, кто опытнее, командир теперь рассматривает Т'Альдина как соперника за власть в их маленьком отряде.

— Давайте уйдем отсюда подальше, на случай если зараза передается по воздуху, — сказал он.

— Ты мысли мои читаешь, — отозвался наставник, — уходим. Дойдем до ближайшего ручья — отдохнем и подумаем, как дальше быть.

— Но мы же не пойдем на поверхность?! — крикнул Л'Тилл, — это самоубийство!

— Конечно, не пойдем.

— Однако мы отрезаны! — напомнила Каэлис, — у нас вариантов нет, либо поверхность, либо оставаться тут, в периферийных тоннелях. Спрашивается, долго мы тут проживем? Грибы, мох, улитки-жировики здесь закончатся очень быстро, потом что есть будем? Либо наверх придется подняться, либо... в тоннели драуков.

При упоминании о проклятых, превращенных в полудроу-полупауков за какие-либо прегрешения, все непроизвольно поежились. Встреча с ними не сулила ничего хорошего.

— У меня есть план получше, — сказал Лу'уд, — через периферийные тоннели можно попасть в Гло'карнас в обход На'ирризанда, и мне известны аж три пути.

— Какое счастье слышать, что вы знаете выход из положения, учитель, — сказал Т'Альдин, желая показать, что не собирается перетягивать одеяло власти на себя.

Отряд двинулся прочь.

— Так что это за пути? — спросила Заар'Ти.

— Первый путь — вдоль ручья. Он выведет к озеру, через которое можно добраться до тоннелей по ту сторону, и дальше до Гло'карнаса день пути. Правда, для этого понадобятся плоты, а для плотов нужна древесина, которую придется добить в ночной вылазке. Инструментов у нас тоже нет. Еще есть кружной путь через Глубокий Туман...

— Но там же ядовитые испарения и гигантские сольпуги!

— Верно. Там наши шансы минимальны, но путь как таковой есть... В общем, остаются тоннели драуков, это самый подходящий вариант. Сумеет пройти незамеченными — хорошо. Нет — ну, от драуков отбиться будет попроще, чем от сольпуг... Я ведь уже ходил этим путем, когда тридцать лет назад на нас дуэргары напали. Если вы не знали, то именно я принес в Гло'карнас письмо с просьбой о помощи...

Кинжал Т'Альдина вошел в шею Лу'уда сзади, чуть повыше воротника доспеха, и перебил шейный позвонок. Командир умер мгновенно.

Еще до того, как труп упал, Т'Альдин оказался в кругу клинков, самострелов с отравленными стрелами и выпученных от удивления и шока глаз.

— Имею несколько возражений, — спокойно сказал Т'Альдин, — и главное — что я не собираюсь погибать ради спасения Лу'уда. Вы должны сказать мне спасибо, ведь и вас ждала та же участь.

— Что ты натворил, идиот!! — завопил Ринкор.

— Спас твою шкуру, придурок. А теперь будь добр заткнуть свой рот, заносчивый щенок, твой Дом больше не выше моего, потому что смерть всех уравнила, и в текущем раскладе я тут самый старший и опытный.

— Что за бред ты несешь?! — возмутилась Заар'Ти.

Г'Альдин сохранил полную невозмутимость.

— Я вам объясню. Есть много причин, по которым нам не следует идти в Гло'карнас. Во-первых, в озере уже триста лет как живет аболет, вы не знали? Не будь его, это был бы кратчайший путь в Гло'карнас. Озеро для нас непреодолимо, даже имей мы плоты...

— Он издох давно!!

— С чего вдруг? Аболеты живут вечно, но ты и этого не знала, тупая сучка.

— Что ты сказал, жалкий мужчина?!!

В тот момент, когда Заар'Ти, потерявшая самообладание от неслыханного оскорбления, замахнулась саблей, Ар'Кай, самый младший, но весьма смысленный кадет, треснул ее по локтю ножами меча и отобрал оружие.

Г'Альдин ухмыльнулся.

— Позволь я обрисую тебе расклад, тупая сучка. У тебя больше нет матери — старшей жрицы. У тебя больше нет старших сестер — жриц. И твой Дом, некогда третий в На'ирризанде, ныне мертв, как и весь город. У тебя нет ни дара Ллос, ни других сил жрицы. Ты теперь никто. Кто хочет жить — будет слушаться меня, и некоторые поняли это быстрее тебя. Вывести вас отсюда могу только я.

— Ну-ну, — процедил Ринкор, — мы внимательно слушаем твои объяснения!

— Вот и отлично. Если кто не верит, что аболет все еще в озере — может добираться вплавь, отговаривать не буду. Вариант с сольпугами я даже не рассматриваю, он такой же гиблый. Лу'уд специально упомянул два заведомо непреодолимых маршрута, чтобы склонить вас к походу через владения драуков.

— Это, йоклол возьми, был вполне осуществимый план! — завопил Л'Тилл, — все бы, может, и не прошли, но часть спаслась бы!

— Поправочка. Спасся бы только Лу'уд. Он «забыл» рассказать вам, что в прошлый раз, тридцать лет назад, весь его отряд погиб. Вы не знали, да? Кто-нибудь из вас владеет заклинанием невидимости? Лу'уд владел. Дальше всем все понятно?

— Он свалил, когда напали драуки, оставив своих бойцов как приманку? — догадался Ар'Кай.

— Ты неглуп. Обрати внимание, что Лу'уд с тех пор водил только отряды младших кадетов, воинов и магов, которые просто не могут или не успели освоить эту магию. Никто не догадывается, почему?

— А и правда, — сказала Каэлис, — почему?

Г'Альдин не стал называть ее тупой сучкой: в случае с Заар'Ти он просто не мог удержать свою ненависть под контролем, но с Каэлис лучше сохранить союзнические отношения, тем более что колдует она неплохо.

— Потому, что маневр не удастся, если невидимость применят многие. Драуки все равно найдут невидимок, простые — на слух, кто покруче — ну, не мне вас учить обнаруживать невидимку. Шанс был только при условии, что враг не заметит, как один из отряда сваливает по-тихому. Проще говоря, чтобы один спасся, остальные должны быть приманкой и умереть. Если скроется больше, чем один — драуки считать не разучились,

сопоставят начальное количество воинов и количество убитых — и привет. И потому Лу'уд возглавлял молодняк, который при любой передрыге послужит ему прикрытием. Теперь все поняли, что обязаны мне жизнью?

Сабли и самострелы опустились.

— Но что нам теперь делать, — спросил Ринкор, — если все три пути непреодолимы? Как попасть в Гло'карнас? Лу'уда не стоило убивать, его полуторавековой опыт нам бы пригодился! А теперь что? Нам всем по двадцать пять, тебе едва тридцать — ты такой же сопляк, как и мы!

Г'Альдин покачал головой:

— Я сопляк. Ты — глупец. Есть одна причина, по которой нам вообще нельзя в Гло'карнас. Если идти поверху — можно добраться ночей за восемь, но С'Лейд сказал вести вас на запад. Помнишь, он обронил о торговцах-дуэргарах? Этих гребаных ублюдков мало какая зараза возьмет, но если они принесли ее нам — могли и в Гло'карнас принести. И тогда мы будем страдать, рисковать, мучиться — и лишь для того, чтобы в итоге прибыть в такой же мертвый, зараженный город, как и наш теперь, и там издохнуть. Вы этого хотите? Надо идти к западным горам. С тамошним анклавом илийтири давно нет связи — и это нам на руку. Даже если наше Подземье вымрет полностью, туда зараза не доберется, ибо нет прямого соединения. Там наше спасение.

— И ты полагаешь, что мы сможем пройти тридцать переходов поверху?! Это самоубийство!

— Ты много знаешь о поверхности? Я там прожил двое суток в одиночку. Я не говорю, что все будет легко и просто, но наверху у нас вполне могут быть шансы. В тоннелях драуков или гнезде сольпуг у нас были бы шансы, будь нас много. Но без Лу'уда нас четырнадцать, шансов почти никаких, а с ним было бы еще меньше.

— Похоже, ты понимаешь, что все равно не справишься один, оттого и прикончил наставника? — приподнял бровь Ар'Кай.

Г'Альдин кивнул:

— Нам никак не стоит разделяться, а он ни за что не отказался бы от плана, который давал ему высокие шансы за ваш счет. К тому же, я его давно недолюбливал.

— И что ты планируешь делать дальше? — вмешалась Каэлис.

— Разобьем лагерь. Мы и так устали после патрулирования, нужен отдых.

Обосноваться Г'Альдин решил почти у самой поверхности.

— Если драуки попрут из своих тоннелей — полезут в город, наткнутся на завал и уползут обратно. Нас у поверхности они искать не станут, — пояснил он свое решение, — к тому же, наши охранные руны сослужат нам службу в последний раз.

— С чего бы им вылезать сейчас?

— Они могут узнать, так или иначе, что случилось, и позаботятся, чтобы уж точно никто не выжил. Если, конечно, сами не испугаются заразы.

— Думаешь, полудемоны могут заболеть тоже?

— Йоклол их знает, меня это не интересует. Главное, чтобы на нас не наткнулись. Значит так, что у нас с провиантом?

С едой оказалось туго, расчет был на короткое патрулирование. Осталось на два раза поесть, да и то не досыта.

— Сделаем так. Выспимся, затем четверо пойдут по ближайшим тоннелям, может, найдут хоть пару жировиков или широкохвоста на крайний случай. А я с остальными

поднимусь наверх, понаблюдаем, как обстановка, может, чего съестного добудем у входа, если повезет. В любом случае, нам придется учиться добывать еду на поверхности.

— А еще большой вопрос, куда мы днем прятаться будем, — заметил Ар'Кай.

— Угу, сам бы знать хотел. Очень сомневаюсь, что на нашем пути каждое утро будет встречаться пещера.

— Ну а четыре года назад ты днем где прятался?

— Нигде, — солгал Т'Альдин. — Под деревом в кустах лег спать, накрывшись плащом. Мне просто повезло, что никто не наткнулся на меня, ни эльф, ни зверь. Сейчас, впрочем, гадать бессмысленно. Поднимемся, оглядимся — может, чего и придумаем.

Маленький отряд беженцев предпринял долгий изматывающий путь к поверхности. Оказавшись в районе периферийных пещер, где, теоретически, драукам делать было нечего, уставшие кадеты выставили караул и, наложив предупреждающие руны на все подходы, устроились на отдых. Все прекрасно понимали, что неприятности только начинаются.

* * *

На следующий день Данила предпринял рискованный, но необходимый трюк. Вечером, когда узников вели из карьера обратно в загон, он симулировал хромоту и не оставил железный лом, которым работал, у выхода, а понес с собой, опираясь на него, как на палку. Фокус удался: оркам-охранникам было наплевать.

Перед тем, как забыться тяжелым, тревожным сном, инженер спрятал трофей под лежанку, уложив между жердей, и на следующее утро вышел в карьер без него. Никто ничего не заподозрил.

Самой трудной частью плана оказалось объяснение с товарищем по несчастью. Жестами и рисунками на песке Данила все же «уговорил» усача вечером вынести из карьера свой лом тем же способом. Благо, поработители инструмент хранили в деревянных ящиках насыпом прямо в карьере, никакого учета, кто чего взял и сколько чего вообще было, ясно дело, никто не вел. Уродцы поставили свое требование по норме — все остальное их не касалось.

Благодаря этому вечером Данила располагал уже тремя ломками: он и усач вынесли по одному. Затем — наша песня хороша, начинай сначала. Жестами и рисунками инженер объяснил товарищу, что может разрушить ограждение, а от него требуется рассказать это остальным узникам, чтобы те были готовы к ночному побегу. Усач понял и внес свои поправки: оказывается, и уродцы, и орки неплохо видят в темноте, потому если побег — то утром.

Было, впрочем, у этой затеи слабое звено: Данила без понятия, куда бежать. Выбраться за ограждение — фигня, а дальше что? Неизвестно, ни в какой стороне «линия фронта», ни как далеко до нее, да и есть ли вообще этот фронт? Потому свои надежды он возлагал на товарища: он местный, должен знать, где искать других, свободных людей. Раз идею побега воспринял с энтузиазмом — значит, бежать есть куда.

Весь следующий день Данила старался напрягаться как можно меньше, по совету товарища припас в кармане по краюхе хлеба с утренней порции кормежки и с вечерней. Также вечером они вынесли еще по одному лому. Пяти должно хватить, если он правильно оценил напряжение в ограде.

Данила опасался, что не сможет заснуть. Шутка ли, в такой передрыге он впервые, за всю свою жизнь — двадцать девять лет — инженер вообще ни разу не побывал в экстремальной ситуации. Даже в армии не служил, ограничившись военной кафедрой в университете. И вот теперь он — младший лейтенант запаса. Ха-ха три раза: увы, звание бесполезно. Потому как к побегам из концлагеря орков в параллельном мире его не готовили. Его, если вдуматься, вообще ни к чему не готовили, просто отставным военным, преподающим на кафедре, надо за что-то получать зарплату. Теория командования стрелковым взводом, правила выбора позиций и оборудования огневых точек, сборка-разборка автомата — навыки бесполезные, что раньше, что сейчас. Даже если бы Данила реально служил в армии — толку? Армейская рукопашка против здорового уroda с кулаками побольше человеческой головы и палицей весом в пуд — совсем не вариант. Впрочем, воевавшему человеку в этой ситуации было бы проще: он обучен преодолевать страх, быстро принимать решения и без колебаний воплощать их в действия. Но инженер не умеет и этого. Весь побег — безумная авантюра, о которой и думать страшно — но альтернатив нету. Пахать, как проклятый, до полного истощения и получить в финале удар дубиной, как это бывает в концлагерях? К черту.

Вопреки свои ожиданиям, Данила заснул легко и быстро, чему поспособствовала тяжелая работа, и мог бы даже проспаться побег, если бы не разбудили рано утром.

Инженер открыл глаза и увидел в предрассветных сумерках лица двух десятков узников, глядевших на него выжидающе и с надеждой. Усатый товарищ подговорил, как и велел Данила, около двадцати человек. Больше — есть шанс, что кто-то выдаст. Но чтобы на побег пошел весь лагерь, нужна первая партия, которая увлечет за собой остальных.

«Давайте мне ремни», жестами показал Данила. Некоторые оказались подпоясаны веревками — еще лучше.

Инструмент для побега был предельно прост: железный лом, к центру перпендикулярно привязана жердь из лежанки. Таких на скорую руку сделали четыре. Пятый лом Данила использовал для А-образной конструкции наподобие землемера, одна ножка — лом, вторая ножка и перемычка — деревянные. Вольтажа он не знает, все, что известно — напряжение зашкаливает, изоляции в виде длинной жерди, к тому же не совсем сухой, может оказаться недостаточно... Но и небольшой, размером с две головы, булыжник инженер себе присмотрел.

Когда все было готово, на востоке заалел рассвет. Пора. Сейчас или никогда.

Заговорщики подобралась поближе к электроограждению, попутно тихо будя и вводя в курс дела других заключенных.

Данила оказался в трех метрах от ограды. Вокруг него — пустота, на нем — десятки взглядов. Получится или нет?

Инженер подошел поближе. Провода, чтобы не сказать кабеля, толщиной с мизинец, четыре штуки. Первый — в двадцати сантиметрах над землей, остальные — через каждые шестьдесят сантиметров. Судя по всему, пролезть между двумя проводами, не касаясь их, невозможно даже для циркового гимнаста: тело человека отлично проводит электричество, даже если торс не коснется проводов, между телом и проводами будут слишком маленькие просветы, при диком напряжении, способном обуглить плоть, дуга проскочит — и капут. Ведут эти провода в неприметную кабинку неподалеку от мельницы, что внутри — неизвестно, однако инженер пришел к выводу, что электроэнергия вырабатывается именно там.

Что ж, если повезет — электрическая дуга станет ключом к побегу. Данила поставил свой «землемер» на ножки в двадцати сантиметрах от ограды, аккуратно уронил верхушку вперед и еще успел поднести руки к лицу, защищая глаза.

Раздался дикий треск, по толпе прокатился испуганный возглас, узники, освещенные синим мерцающим светом, отступали, осеняя себя неизвестным жестом. Данила отошел на несколько шагов и рискнул посмотреть на дело своих рук.

Электрические дуги вились и извивались, выходя из лома и входя в три нижних провода. В глазах от нестерпимо яркого света дуг началась резь, выступили слезы, и в этот момент второй провод снизу лопнул: место соприкосновения с миниатюрной молнией раскалилось и расплавилось. Несколько секунд спустя та же судьба постигла первый и третий и все внезапно прекратилось: цепь разомкнулась. Единственный уцелевший провод, протянутый в двух метрах над землей — уже не преграда. Создатели электроограды, видимо, понятия не имели о такой известной каждому монтеру-высоковольтнику шутке, как пережиг. Повезло, что остальные «инструменты» не понадобились.

Данила длинным шестом отбросил свой «землемер», светящийся от накала в нескольких местах, от уцелевшего кабеля и растащил перегоревшие в стороны, следя, чтобы они не замкнули друг на друга.

— Вперед! — крикнул он, махнув рукой в сторону темнеющего в нескольких километрах леса.

Толпа медлила, и тогда инженер решился. Кто кольчугу сделал — на том ее и испытывают. Пригнув голову, он бросился в проделанный проход.

Ничего не случилось, и тогда пленники пришли в движение. Люди хлынули в проход, благо большое расстояние между столбами позволяло проходить по пять человек сразу.

Усач отделился от толпы и хлопнул Данилу по плечу, прямо сияя от восторга. Он что-то сказал в сильно приподнятом ключе и буквально поволок инженера к лесу.

Однако уйти тихо не получилось. Раздался шум и гам со стороны «трансформаторной» будки, взвыл горн, трубя тревогу. Почти сразу за этим беглецы напоролись на патрульный отряд орков.

То ли семь, то ли восемь этих громил спешили навстречу, держа оружие наготове, и Даниле показалось, что внезапно на их рожах появился страх. Шутка ли — две или три тысячи заключенных оказались на свободе.

В толпе раздались непонятные, но весьма воинственные кличи, в лучах восходящего солнца сверкнули лопаты и кирки. По меньшей мере каждый десятый внезапно оказался вооружен, и Данила понял, что идея втихаря вынести из карьера инструмент, годящийся для боя, пришла не ему одному, даже удивительно, что охрана такое прощелкала.

Орки в считанные секунды оказались окружены жаждущей мести и крови толпой. Полтора десятка узников погибли в первые же мгновения боя от ударов чудовищных палиц, но затем патруль оказался погребен под кучей из людских тел, на них посыпались удары кирок и ломов, безоружные люди висли на руках и оружии орков, били кулаками, пинали. Гады гибли один за другим, словно жуки среди полчищ муравьев. Одному из них удалось расшвырять повисших на нем людей и еще раз взмахнуть палицей, уложив сразу двоих, но затем и этот пал под градом ударов.

Данила, не пострадавший в свалке, побежал дальше, усач при этом успел подобрать увесистую кирку одного из погибших узников. Вдали слышались звуки рожков и кабаньих визг.

Преследователи догнали толпу, когда до леса оставались считанные сотни метров. Позади затрещали выстрелы, раздались крики. К счастью для большинства беглецов, кабаньих всадников было всего-то сотни полторы или две, потому им пришлось довольствоваться только стрельбой в спину да охотой на оставшихся. Человек триста или четыреста погибло, но по меньшей мере две тысячи узников достигли леса.

Здесь вся толпа, поперекрикиваясь, разделилась на маленькие группы. Данила догадался, что, вероятно, до спасения еще далеко: впереди беглецов ждет роль добычи в кровавой охоте.

Товарищ сразу повел инженера подальше от других беглецов. Его план Данила понял: преследователи будут в первую очередь охотиться на большие группы, вдвоем у них шансы повыше.

Усач, видимо, чувствовал себя в лесу как дома, к тому же в нем угадывалась военная выучка: не паникует, спокоен и расчетлив. Им удалось без происшествий пройти километров, наверное, с десять. За это время Данила пару раз слышал, как неподалеку разгорались бои беглецов и преследователей. Заканчивалось каждый раз гибелью узников: похоже, перед орками и мелкими уродами задача вернуть пленников в лагерь не стояла. Усач, слыша крики гибнущих людей, только мрачно бормотал что-то себе под нос да мстительно хмурился.

Часа через два они наткнулись на ручей и двинулись по нему, чтобы сбить со следа возможную погоню. Вскоре усач нашел, что искал: мощное дерево, похожее на дуб, но с листьями другой формы. Одна из толстых нижних веток нависала прямо над ручьем.

«Залезаем», жестом показал он Даниле и сложил руки в замок. Инженер с подсажки сумел дотянуться до ветки и повис на ней. Сбравшись с силами, подтянулся и вскарабкался наверх. Усач тем временем достал из-за пазухи моток веревки — запасливый, однако, не иначе, и сам готовился к побегу — перебросил ее через ветку и по ней залез наверх. Затем они осторожно проползли по ветке к стволу и спрятались среди листвы. Усач лезвием кирки разрезал веревку надвое и протянул половину Даниле, жестами велел привязаться, затем привязался сам и подал пример правильного поведения, почти моментально уснув.

Инженер поступил точно так же. Побег вымотал его практически до предела, и физически, и морально, так что сон не заставил себя ждать.

Проснулись они где-то к полудню. Данила, проспав часов пять или шесть, почувствовал себя бодрее, хотя спина болела от сна на твердой и неровной поверхности толстой ветки. Усач достал из кармана кусок хлеба, инженер последовал его примеру. Подкрепившись, они спустились с дерева, подошли к ручью и напились. За время сна обувь успела подсохнуть прямо на ногах, так что дальнейший поход виделся не в самых мрачных тонах. Не исключено, что орки и кабанья кавалерия уже переловили, кого смогли, и прекратили преследование.

Еще час усач вел Данилу по лесу, затем они вышли к опушке. Прямо у кромки леса пролегла дорога, за нею — основательно заросший луг километра в три шириной, а дальше — еще лес. И совсем уж вдали, километрах так в сорока, если не больше, высилась титаническая горная гряда с белыми от вечного льда вершинами.

Оглядевшись по сторонам, усач пригнулся и побежал через дорогу, поманив Данилу за собой. Трава на лугу оказалась по пояс, так что спрятаться в ней проще простого, а вот трехкилометровый переход пригнувшись да вприсядку — это было что-то с чем-то. К концу этого маршрута Данила был готов плакать, выть, богохульствовать, звать на помощь

покойную маму и несуществующего боженьку или биться головой о землю от боли в спине и ногах. Наверное, он бы все же выматерился по-боцмански, в десять-двадцать пятиэтажных конструкций, но перед товарищем было как-то стыдно. Ему, поди, не двадцать девять, как Даниле, а за сорок, а то и полтинник целый — а держится, словно железный. Неудивительно, внешность крестьянская, руки с мозолями — небось, привычен к тяжелому труду. Иван Поддубный, если вдуматься, батрачил с детства, тяжелый труд закалил его и так немалую от природы силу — и в пятьдесят с гаком этот богатырь всех борцов Америки на лопатки поукладывал. А на фото если глянуть — ни особо бугрящихся мышц, ни покрученных выступающих вен, и не скажешь, что человек фантастической силищи был. Вот и усач этот, видимо, из того же материала слеплен. Даниле до него — как до Марса короткими перебежками, но это не повод лицом в грязь ударить. В конце концов, не зря же он столько времени на тренажерку убил.

Добравшись до леса и скрывшись в кустах, они сделали привал. Хорошо-то как, лежать в траве, слушать пение птиц и шелест ветра в листьях... Счастье омрачалось лишь одним: увы, это чужой лес чужого мира, и Данила понятия не имеет, как вернуться домой.

Вскоре товарищ похлопал его по плечу и указал на дорогу. Инженер осторожно выглянул из кустов и едва не присвистнул: длинные колонны пехоты, видимо, орки, телеги, везущие всякие грузы и огромные бочки, отряд кабаньей кавалерии... Но самым потрясающим зрелищем был агрегат на колесах, издалека напоминающий металлическую бочку, положенную на телегу боком. Спереди у этого транспортного средства была длинная штанга, похожая на бушприт, но потолще, с каким-то дополнительным устройством на конце. Издалека этот механизм можно было бы принять за короткий, толстый викингский драккар с сильно удлиненной драконьей шеей на носу корабля. Ну и с колесами. В этот момент из агрегата на конце «шеи» вырвалась и унеслась ввысь струя пара.

У Данилы отвисла челюсть. Паровой наземный транспорт? Да еще и в средневековом мире?! Конечно, в другой ситуации инженер не поверил бы ни в магию, ни в параллельные миры — но теперь сам оказался в параллельном мире и видел мага своими глазами. Казалось бы, чего тут паровозам удивляться? Но нет, в Даниле заговорила профессиональная жилка. Танк на паровой тяге? Чисто теоретически, это возможно, однако сама паровая турбина слишком громоздка, чтобы уместиться внутри транспорта, по размерам сопоставимого с танком. Конечно, компактные модели были, первые автомобили работали на паровой турбине. Но чтобы катить «повозку без лошадей», достаточно пары лошадиных сил, на большее автомобильные паровые машины не были способны. А вот чтобы ехал такой вот агрегат весом в пару тонн, если не больше... Тут и ста лошадей мало будет, танки второй мировой обладали двигателями с сотнями «лошадок». Опять же, а угля-то надо немерено. Паровоз, допустим, целый тендер за собой тащит, а тут уголь где? А еще надо вместить воду, топку, котел и пару кочегаров. Это все даже в чистой теории нельзя скомпоновать так, чтобы засунуть в танк. А достаточно маленькая паровая турбина такую махину просто не потянет. Математически невозможно, особенно при средневековых технологиях.

Чисто теоретически, бронированная боевая машина на паровом двигателе все же возможна. Если топливом служит что-либо жидкое, будь то бензин, керосин, соляра, или мазут, то при наличии достаточно совершенной системы подачи этого самого топлива можно было бы обойтись без пары кочегаров. Однако сама паровая турбина все равно громоздка, требует много воды и топлива. Да, на Земле были танк-паровозы, однако при размерах, сходных с этим агрегатом, они определенно не могли быть боевыми машинами:

внутри нет места ни для вооружения, ни для экипажа. А у этого транспорта кабинки для машиниста не видно — стало быть, водитель внутри.

Данила так сильно пожалел о том, что не может подойти ближе и рассмотреть сие гротескное чудо средневековой технической мысли, что даже забыл, в каком бедственном положении находится. Товарищ вывел его из размышлений о профессиональных материях, снова похлопав по плечу и сделав знак, что надо идти дальше.

Они шли еще часа два, затем сделали привал, когда проводник нашел у ручья кусты с черными крупными ягодами. На вкус они оказались не очень, кислые и терпкие, но мякоть — плотная, почти не водянистая, значит, калории имеются. Усач уплетает за обе щеки, Данила не отстал. Конечно, в других условиях инженер такую еду и врагу не пожелал бы, но ему давно стало понятно, что дело серьезней просто некуда.

Обобрав кусты до последней ягоды и немного заморив червячка, беглецы напились и несколько минут отдохали. Даниле вдруг пришло в голову, что эльфы, если верить книгам, вроде бы лесные жители. Что, если они поблизости? А то у Данилы как раз парочка вопросов к ним.

Инженер напряг память. Похититель, в чем он был одет? Плащ с капюшоном, добротный и неброский, с виду на домотканую одежду не похожий. Вместе с тем и не кожа, скорее... Да, точно! Макинтош или что-то в этом роде, судя по внешнему виду ткани. Сапог, которым Данила схлопотал по хлебалу, тоже был с виду не кустарной работы. Средневековые с развитой мануфактурой или еще более продвинутой промышленностью? Судя по танкам и огнестрелу, так и есть. И эльф этот, получается, вовсе не лесной.

Отдохнув еще немного, беглецы двинулись дальше, но тут удача, сопутствовавшая им до того, сменила милость на гнев. Огибая заросли кустов, они наткнулись на орка, справлявшего малую нужду у дерева спиной к людям. С этим делом он справлялся одной рукой, второй непринужденно держал на плече здоровенную палицу, тут и там покрытую характерными бурыми пятнами высохшей крови.

Данила буквально остолбенел от ужаса, товарищ, не растерявшись, потащил его обратно за кусты, но под ногой треснула предательская ветка. Орк молниеносно повернул корпус и шею, чтобы взглянуть себе за спину, и конечно же, увидел их.

И тогда усач бросился вперед, перехватывая кирку поудобней. Орк взмахнул палицей с невероятной скоростью, но человек оказался явно не новичком в боях с орками. Он угадал эту атаку и еще до ее начала нырнул вперед. Удар просвистел над его головой, а затем лезвие кирки вошло в бок ублюдка. Усач сразу же метнулся в сторону, заходя врагу за спину, орк взревел от боли и попытался развернуться к врагу лицом, но забыл, что его штаны растегнуты и что он сам их не держит. Потеряв равновесие и запутавшись в собственных штанах, орк растянулся на земле, а усач, оказавшись над ним, моментально вогнал кирку в массивный затылок.

Данила наблюдал за поединком широко открытыми глазами. Давид против Голиафа, причем не пращей на расстоянии, а киркой в рукопашном бою — это нечто. Однако усач вывел его из изумленного состояния, завопив то самое слово, которое инженер уже слышал от эльфа.

«Бежим!!»

А сбоку раздался рев двух десятков глоток и кабаньих визг.

Драуки не потревожили отдых отряда. Илители подкрепились и приступили к выполнению намеченной программы. Заар'Ти и еще трое воинов отправились на поиски провианта, а Т'Альдин возглавил остальных и отправился к поверхности.

Со временем повезло: темное время суток, ночь. Протиснувшись через неприметную щель, они осмотрелись. На небе — яркий полукруг младшей, красной луны, россыпи звездных огоньков. Вокруг — утесы и скалы, да ветер, завывающий меж горных отрогов.

Попетляв среди нагромождения каменных исполинов, отряд начал спускаться вниз по склону. Выход из Подземья находился на высоте нескольких сотен шагов над равниной, у подножия гор раскинулся, сколько хватало глаз, лес, зловещий и опасный.

На самом деле Т'Альдин не особо беспокоился насчет поверхностных эльфов.

— Вблизи от гор мы вряд ли наткнемся на крупный отряд, — сказал он, — но учтите, наша лучшая защита — неведение. У них тут могут быть патрульные, если они нас заметят — глубже в лесу нас будет ждать засада, в точности как в тот раз, когда погиб весь мой отряд.

— Эх, знать бы, где их селения, — протянул Ар'Кай, — это здорово улучшило бы наши шансы...

— Плевать. Важно, что я знаю, где этих селений нет. Каэлис, тебя, как будущую начальницу отряда, научили определять время по звездам?

— Да, — кивнула та и уставилась в небо. — Вон, видите ту звезду у горизонта? Которая самая яркая? «Одинокая указующая». Если на небе только она — утро начнется, когда Указующая достигнет зенита и будет над головой. Кроме того, когда на небе Одинокая — ночи и дни примерно равны по длине. Если б была «Пара указующих» — ночи были бы совсем короткими, но во времена года, когда ночи средние или длинные, на небе только Одинокая.

— Значит, ночь недавно началась, — сказал Л'Тилл. — Наш путь к лесу займет полцикла, обратный подъем — дольше, так как придется подниматься. У нас в запасе должен быть цикл.

Он достал из кармана времемер — светящуюся металлическую пластинку с рунами по краю — и проверил, которая светится. Т'Альдин достал свой и покрутил шестеренку, заводя пружинку.

— Что это? — спросил Ар'Кай.

— У брата купил... Времемер дварфов. Тут вместо светящихся рун — стрелочка, указывающая на значки. Он не волшебный, внутри шестеренки да пружинки.

— Его вот так все время надо накручивать? Разве магический не удобнее?

— Он не боится заклинаний рассеивания чар, — ухмыльнулся Т'Альдин и добавил: — значит так, если увидим зверя какого — стреляет только Ринкор. А мы побережем дротики.

— Мудро, — одобрила Каэлис.

На самом деле, ничего особо мудрого в этом не было: Ринкор единственный лучник, все остальные вооружены нарукавными минисамотрелами с ядовитыми дротиками. Стрел наделать можно еще, варить яд не умеет никто, а крохотные дротики без яда не полезней, чем иголка в роли рапиры. Самому тупому рофу понятно, что Каэлис подлизывается, осознавая, от кого теперь зависит их выживание. От Т'Альдина из ныне несуществующего

Дома Шасс'Кэпп. Мелочь, ведь власть эта теперь мало чего стоит, но все равно приятно.

Лес... Т'Альдин, как и любой другой илийтири, всегда ненавидел и поверхность вообще, и лес в частности. Для подземного темного эльфа любой наземник — всегда враг: все без исключения поверхностники ненавидят дреу, дреу платят им тем же. Это втемяшивали в голову подрастающей молодежи вначале дома, потом в академиях и училищах. Т'Альдин входил в относительно небольшое число самых проникательных и беспристрастных, потому имел на этот счет небольшую поправку: это дреу ненавидят всех, а эти все, само собой, ненавидят дреу в ответ. Разумеется, поправка эта ровным счетом ничего не меняет: кто бы там в древности первый ни начал вражду, тысячелетия спустя встреча илийтири и любого наземника — это встреча врагов.

Лес в этом плане сулил маленькому отряду особо мрачные перспективы. Под землей все предельно просто: если двое находятся в пределах прямой видимости, будь то пещера или длинный прямой тоннель — они друг друга видят. В зарослях же расклад другой: если ты никого не видишь — это еще не значит, что и тебя не видят. Обзор ограничен, кусты позволяют любому прятаться буквально на расстояниях вытянутой руки, в кронах деревьев может скрываться враг, под ногами может оказаться ловушка. Причем не магический глиф или охранная руна, которые можно обнаружить специальными заклинаниями, а обычная, йоклол ее забори, яма с кольями, прикрытая ветками и листьями. От таких ловушек всего два спасения: собственные зоркие глаза и дурак, идущий впереди.

Однако на деле все получилось куда лучше. Отряд очень быстро наткнулся на молодого оленя, который, завидев эльфов, не бросился наутек, потому Ринкор уложил его метким выстрелом с тридцати шагов.

— Кажется, нам везет, — заметил Л'Тилл.

— Ага, хоть поедим свежего горячего жаркого, — подхватила Каэлис.

— Да йоклол с мясом, я вовсе не об этом. Поблизости точно нет ни дварфов, ни людей, ни орков. Если кого и можно встретить в этом лесу — то только эльфов.

— Откуда ты знаешь?

— Дичь непуганая. Не боится охотников. Значит, сюда не заходит никто, кроме лесных эльфов, а они мяса не едят.

Т'Альдин скептически хмыкнул:

— Сюда могут приходиться люди, а у ближайшего края леса может быть поселение или целый город. И буквально через сто шагов мы можем наткнуться на дорогу и торговый караван. Видишь ли, непуганая дичь не означает, что людей нет. Это означает, что есть эльфы. А эльфы, если кто не знал, имеют обыкновение убивать людей, охотящихся в их лесах. Но мы вполне можем встретить тут людишек, собирающих грибы или хворост. Так, раз мы с добычей — уходим обратно. Для первой вылазки очень неплохой результат.

Каэлис и вторая колдунья связали оленю ноги, срубили тонкое деревце на шест и на нем понесли добычу. Благо, олень некрупный, для двоих мужчин, и так обремененных кожаными доспехами и с оружием, слегка тяжеловат, а женщины справились без проблем.

По пути обратно Т'Альдин решил, взяв с собой двоих кадетов, сделать небольшой крюк. В результате им посчастливилось найти крупный ручей. Если окажется, что он течет на запад или с запада — двойная удача будет. Как вариант, если впадает в реку, текущую в этих направлениях — еще лучше. Правда, вначале надо выяснить, где этот самый запад.

У самого края леса отряд набрал хвороста на костер. Мох и несъедобная растительность, обычно идущие на топливо под землей, им еще пригодятся, в тоннелях этого

ресурса не так уж и много, а ходить на поиски далеко — значит напрашиваться на встречу с драуками или чем похуже.

Все без приключений вернулись обратно ко входу в Подземье, у самой пещеры Т'Альдин остановился.

— Ринкор, дай-ка мне одну стрелу.

— Зачем?

— Надо определить, где солнце поднимается: узнаем, где оно садится. Я дождусь рассвета и положу стрелу как указатель.

Ждать пришлось часа два. Рассвет начался с того, что часть неба вспыхнула адским пламенем, Т'Альдин отвернулся, не выдержав ярчайшего света, а ведь это еще солнце даже показаться не успело. Когда его край выполз из-за горизонта, разведчик сидел с закрытыми глазами. Посмотреть на огненный диск — значит ослепнуть надолго или даже навсегда. Для глаз илитири, видящих под землей, где тепло тел — практически единственный источник света, не считая факелов и свечей, лучи солнца запредельно ярки.

Вскоре держать глаза закрытыми оказалось недостаточно, солнце буквально прожигало веки, и Т'Альдин заслонил их ладонью. Затем стал поворачиваться туда-сюда, определяя, какой участок кожи обжигает сильнее, и так определил, где солнце. Наощупь положил стрелу на землю острием в направлении жара и поскорее убрался обратно в Подземье.

В лагере к этому времени уже жарили оленину, но особой радости не было.

— Мы наткнулись на следы драуков, — сообщила Заар'Ти, — они действительно ходили в направлении города. Если они активизировались, нам лучше убраться поскорее.

Т'Альдин призадумался.

— Все зависит от того, на что направлены их действия. Если они знают, что в городе мор, но не знают, что все мертвы, то могут попытаться разобрать завалы, чтобы добраться до выживших. Разумеется, мы можем только догадываться, как работает мозг того, кто пережил демоническое превращение, но их жажда мести всем нам известна. Мое мнение — драуки решат, что город перекрыл тоннель, чтобы защититься в момент слабости, и приложат все силы, чтобы разобрать завал и отомстить. Пока они не знают о нашем существовании — мы в безопасности. Главное не попасться им на глаза. Что с охранными рунами?

— Нарушены, ясное дело.

— Их вой кто-то слышал?

— Нет.

— Значит, нарушены только дальние, которые у города. В направлении нашего лагеря они пока не ходили, это хорошо. Мы в любом случае услышим, как воют руны, если драуки окажутся поблизости.

Поисковый отряд нашел всего одного жировика и одного широкохвоста. Т'Альдин распорядился закоптить невкусное мясо улитки и ящерицы на крайний случай, пока у них есть вкусная сочная оленина — надо есть ее. Ведь «завтра» для их маленького отряда может и не настать.

* * *

Дело обернулось из рук вон плохо. Убитый орк оказался не один, а с целым отрядом. Товарищ умышленно выбрал для бегства пути через самые густые заросли: коротконогие и

массивные орки, несмотря на силу и скорость, по кустам оказались бегуны так себе, потому Данила и усач смогли оторваться, но ненадолго.

Преследователи упрямо шли по пятам. Как орки находят в лесу следы, Данила не знал, может, они и есть лесные жители, может, у них кабан в роли охотничьего пса, но, как бы там ни было, через два часа бешеной гонки ублюдки все еще шли за ними.

Беглецы наткнулись на небольшое лесное озерцо, метров триста в поперечнике и восемьсот-девятьсот в длину. Усач жестами изобразил плавание вольным стилем, Данила в ответ показал движения брасса, затем оба вошли в воду и поплыли. Инженер при этом отметил, что его товарищ плывет ничуть не медленнее, невзирая на возраст и заткнутую за пояс кирку.

Перебравшись на другой берег, они устроились в зарослях на передышку и заодно выкрутили свою одежду от воды, как могли. Погода, по счастью, была теплой с того момента, как Данила попал в этот мир, иначе простуды было бы не избежать.

Минут через десять появились орки: десяток гнусных рож с уродцем во главе. Как инженер и думал, ездовой кабан отлично держал след и вывел преследователей прямо к тому месту, где беглецы вошли в воду.

Возникла небольшая заминка, затем один орк вошел в воду, своей палицей шупая перед собой дно. В десяти метрах от берега вода достигла шеи, затем он вернулся, обнаружив, что дальше еще глубже. Итак, плавать орки не умеют.

Отряд разделился и двинулся в обход озера с двух сторон. Для этого одной группе предстояло пройти где-то с километр, а второй еще чуть больше. Усач жестом показал, что надо двигаться дальше, преимущества у них осталось всего ничего, несчастный километр, а силы уже на исходе. Отдых был слишком краток для серьезного восстановления сил, безвыходность ситуации усугубляется отяжелевшей от воды одеждой. Смерть практически дышит в затылок, причем в буквальном смысле, зловонным дыханием десятка орочьих глоток.

Данила и усач припустили прочь из последних сил. Минут через десять они наткнулись на лесную тропинку, протоптанную зверями, ходящими на водопой к озеру, и двинулись по ней.

Вскоре усач обнаружил разлапистое дерево, простершее свои ветви над тропинкой, снял с плеча кирку, присел, пригласив Данилу жестом сесть рядом, и принялся чертить острием кирки карту.

Он изобразил три горных пика, маячивших вдаль, затем за правым нарисовал что-то, похожее на замок. Кирка оказалась стилусом не очень, потому Данила не был уверен, что это замок, но что человеческая постройка — точно.

Усач двумя пальцами «прошелся» по земле в направлении правого пика, обогнул его и дошел до «замка», потом пальцем начертил несколько знаков, по всей видимости являющихся буквами. Всего два слова, первое — три значка, второе — четыре.

— Я не понимаю, что ты написал, — тяжело вздохнул Данила.

Усач жестами потребовал от него начертить эти знаки, Данила подчинился. Буквы несложные, вопрос только в том, что можно уместить в семь букв и два слова? Товарищ просиял и достал из повязки, удерживающей его волосы от спадания на глаза, небольшую серебряную медаль, вручил ее Даниле и пальцем указал на первое слово. Затем указал на медаль, изобразил, как протягивает ее кому-то и снова ткнул пальцем в первое слово. Данила кивнул. Усач просиял, хлопнул его по плечу и махнул рукой вперед. Инженер устало

покачал головой и пальцем указал за спину: орки уже близко. Не уйти.

Товарищ вместо ответа показал пальцем на ветвь над головой, затем встал и изобразил кабаньего наездника, едущего на невидимом кабане. В другой ситуации эта пантомима показалась бы смешной, но теперь Даниле было не до смеха. Усач указал пальцем на себя, на ветку, затем изобразил движение сверху вниз и похлопал рукой по кирке.

— Ты что, собрался?..

Тот только кивнул, и в его глазах Данила увидел решимость. Он подсадил товарища наверх, затер ногой рисунок и остановился в нерешительности. Усач занял свое место в засаде среди листвы, оставалось только пойти прочь, но сделать это — повернуться и шагнуть — оказалось трудно. Даниле предстояло сделать то, от чего жизнь, бог, судьба или кто там во главе, его пока берегла: оставить друга на верную смерть. Усач, видя колебания Данилы, выразительно показал кулак и энергично махнул рукой: ступай, мол.

Данила сделал несколько шагов по тропинке, обернулся, хотел что-то сказать, да вспомнил, что языка не знает. Вместо слов он молча поклонился товарищу и побежал дальше. На душе погано, но если не поспешить — совесть недолго будет мучить, и жертва друга пропадет впустую.

Не прошло и пяти минут, как за спиной раздался многоголосый вой и звон оружия, но длилось это секунд десять. Против оравы громил-орков дольше и Геракл не продержался бы.

Следующую четверть часа Данила помнил плохо. Он бежал, почти не разбирая дороги, по тропинке, уже не думая о том, куда она ведет. В прорехах листвы мелькала белизна вечной мерзлоты — значит, бежит примерно куда надо. Вместе с тем в голове пульсировала мысль, что если не наступит какой-либо радикальной перемены — дело швах. Силы закончились подчистую, сердце норовит выскочить из груди, последнее топливо, которое еще осталось у него в организме — страх. Бежать уже совсем невмочь, но остановиться — значит умереть. И Данила бежал, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь.

Внезапно впереди показалось свободное от густых зарослей и кустов пространство: тропинка вывела Данилу к ручью, скорее даже к мелкой речушке в два метра шириной и уровнем воды едва по колено.

Инженер в полном бессилии рухнул на колени у кромки воды и зачерпнул пригоршней, попил. Сил только все равно нет. Он затравленно оглянулся по сторонам: должен быть хоть какой-то выход! В приключенческой литературе ручьи часто используют, чтобы сбить врага со следа или как минимум разделить его силы надвое. Если Данила двинется по ручью, оркам придется разделить на две группы. Дальше они будут идти вдоль ручья по двум бережкам и искать место, где жертва выйдет из воды... Да нет, все равно не вариант, воды по колено, быстро идти не получится даже у отдохнувшего человека, а орку едва по щиколотку... К тому же они будут идти по берегу. Догонят, как стоячего...

Данила поднял взгляд повыше. Ветки, мать их, ветки... Увы, повторить выученный у погибшего товарища трюк не получится, нигде в пределах видимости над ручьем не свисает достаточно толстая низкая ветка... Камень!! На почве следы не скрыть, но на камне они не останутся! Инженер сразу же высмотрел крупный камень на той стороне, на который можно забраться прямо из воды. А уже оттуда перепрыгнуть как можно дальше в кусты... Тогда на берегу не останется никаких следов, есть шанс, что преследователи подумают, будто жертва действительно ушла по воде.

Данила встал и вошел в воду, но не прямо, а сильно наискосок, чтобы орки, дойдя до этого места, пришли к выводу, что он ушел вниз по течению. Затем поднялся на несколько

метров выше против течения, выбрался на спасительный камень и прыгнул в траву как можно дальше, ползком добрался до ближайших кустов и замер там, молясь, чтобы камень высох как можно быстрее, иначе вода, текущая с промокшей одежды и обуви, выдаст его. Ну и еще надо, чтобы сердце унялось, стучит, окаянное, так, что за версту слышно.

Преследователи появились меньше, чем через три минуты, и во главе их Данила с ужасом увидел уродца верхом на кабане. Либо усач не сумел его прикончить, либо... Инженер видел кабаньего наездника лишь мельком, сразу после стычки с орком, но был уверен, что у того гладкий шлем с козырьком. А у этого — конический и с рогами. Видимо, в отряде их было двое.

Уродец довел отряд до того места, где Данила вошел в воду, а затем внимательно осмотрел окрестности. Долю секунды он смотрел на то место, где притаился инженер, и тот уже простился с жизнью, но затем уродец перевел взгляд дальше. Пронесло.

Кавалерист принялся отдавать приказы и направил одну половину своего отряда вниз по течению, вторую — вверх, а сам остался на месте и позволил своему кабану напиться. Несколько раз посмотрел вслед своим оркам, словно прикидывая, далеко ли они ушли, затем достал из ножен на поясе широкий клинок длиной сантиметров шестьдесят, посмотрел прямо в глаза Даниле, ухмыльнулся и неторопливо направил кабана вброд.

Вот тогда инженер и понял, что настало время молиться, ибо от кабана уж точно никак не уйти, справиться не по силам ни с животным, ни с наездником, и уж точно не с двумя сразу. Пока он это думал, ноги сами понесли его прочь.

Уродец, видимо, решил поиграть, как кошка с мышкой, только потому Даниле и удалось немного оторваться от неспешно семенящего кабана. Минутой спустя всадник появился левее и двинулся наперерез, Даниле пришлось изменить маршрут. Вскоре ухмыляющийся уродец появился справа, видимо, так и будет гонять зигзагами, пока жертва не рухнет от изнеможения.

Инженер сжал зубы, собирая волю в кулак. Пора признать, что спастись невозможно, и остановиться, чтобы поскорее все это закончить. Чтобы не давать уродцу дополнительного развлечения. Однако ноги, словно живя своей собственной жизнью, продолжали бежать.

Через полкилометра Данила, шатаясь и кляня себя за трусость и неспособность встретить смерть лицом к лицу, вывалился из кустов на небольшую лесную полянку. В следующий миг сбоку из кустов вывалилась целая группа — туш с десять — орков во главе с кабаньим кавалеристом, но уже другим.

И когда движимый отчаянием Данила из последних сил бросился к кустам, навстречу ему со скоростью и неотвратимостью несущегося во весь опор тепловоза и боевым кличем демонов из преисподней выскочили еще двое бугаев в боевой раскраске, с чудовищными секирами наперевес. Данила рухнул на колени и закрыл глаза в ожидании неминуемого.

Его обдало порывом ветра, когда две колоссальные туши пронесли мимо него, за спиной прозвучали вопли ярости, предсмертные хрипы и лязг оружия. Инженер, не веря ушам, открыл глаза и увидел нескольких эльфов с луками и саблями, бегущих к нему. Один остановился и выпустил стрелу в кого-то позади Данилы. Двое других подскочили, схватили под руки и поволокли, чтобы не сказать «понесли» обратно в чашу.

Разумовский еще успел обернуться, чтобы увидеть творящийся позади хаос кромешный. Двое орков с топорами атаковали своих же сородичей с безумной яростью, на траве уже лежало то ли пять, то ли шесть трупов, не считая уродца, разрубленного надвое чуть ли не вместе с кабаном, остальные орки в ужасе разбежались, словно цыплята от коршуна.

Данила несколько раз моргнул, убеждаясь, что не спит: спасение пришло в самый последний момент, когда надеяться уже было совсем не на что. Хотя эльфам, деловито обменивающимся короткими отрывистыми командами, он был в большей степени благодарен за то, что они его тащат: идти самостоятельно ноги уже не могли.

* * *

Где-то через пять минут двое громил, устроивших резню преследователям Данилы, догнали отряд. Один из них, настоящий великан ростом чуть ли не под два с половиной метра и с плечами метра так полтора в ширину, обнаружив, что инженер сам идти не может, бесцеремонно схватил его и взвалил на плечо, ничуть не убавив шаг. Данила не мог бы сказать, что езда на чужом плече в положении похищенной невесты особо комфортна, более того, очень быстро взбунтовался желудок, начало подташнивать. Однако инженер был почти счастлив, особенно по сравнению со своим же душевным состоянием всего несколько минут назад.

Вскоре отряд добрался до очередного ручья и сделал привал. Данилу посадили на траву у самой воды, он снял кроссовки с ног, морщась от боли, которую раньше просто не замечал. Ясное дело, ноги сбил до кровавых волдырей, которые, само собой, вскоре лопнули, и теперь внутренности обуви выглядели так, словно кроссовками черпали кровищу. Свесив ноги в холодную воду, Данила почувствовал почти неземное облегчение. Чуть посидев, он помыл кое-как и обувь. От мысли, что придется снова надевать грязные и дурно пахнущие, а теперь еще и пропитанные кровью мокрые кроссовки, стало не по себе, но супермаркета поблизости не видать, а даже если б и был — денег нет, последний рубль — и тот в концлагере уродец забрал.

Внезапно из кустов появился кавалерист верхом на кабане, тот самый, в рогатом шлеме. Данила завопил, привлекая внимание отряда, но один из эльфов приложил ладонь ко рту, призывая молчать. Уродец мерзко захихикал и что-то сказал, обращаясь к Даниле, а потом прямо на кабане въехал в ручей, слез с животного и окунулся в воду с головой. Вода моментально стала грязной, инженер поспешно вытащил ноги из ручья, чтобы уберечь раны от грязи. А тем временем уродец прямо на глазах менял цвет с серого на грязно-зеленый. И тогда Данила понял: эльфы и бугаи игнорируют уродца, потому что он «свой». Действительно, вначале отправил орков прочь, затем преспокойно гнал инженера прямо к основному отряду.

Разумовский немного поразмыслил и негромким окликом привлек к себе внимание своих спасителей, затем начертил в воздухе трехбуквенное слово, выученное у усача. Эльфы быстро переглянулись, старший что-то сказал. Данила начертил второе слово и по интонациям говорящих сделал вывод, что реакция на неизвестные знаки положительная. Старший эльф заговорил, обращаясь непосредственно к Даниле, медленно и разборчиво, но, впрочем, вся равно непонятно, однако интонации показались инженеру успокаивающими. Ладно, и то в кныш.

Во время отдыха он рассмотрел своих спасителей. Громилы цветом кожи и общим обликом крепко напоминали давешних орков, но разница была примерно как между неандертальцем и кроманьонцем. Не уместающиеся во рту нижние клыки не оставляли сомнений: эти бугаи — родня орков, но гораздо более развитая, физически и умственно.

Высокие лбы, глубоко посаженные живые глаза, пропорции тела такие, что с бугаев вполне можно было бы писать картину «Геракл, систематически злоупотребляющий стероидами». Самым верным признаком было то, что эльфы и амбалы держатся на равных.

Эльфы оказались очень похожи на похитителя, хотя из семи эльфов трое, в том числе одна женщина, отличались чуть меньшим ростом и нездорово-серым цветом лица. Кроме того, из четырех белолицых эльфов у троих глаза были как у похитителя, черные, без радужки и белка, а у четвертого и всех троих «серых» — глаза как у людей, но синие и люминесцирующие временами. Видимо, такое же деление на подвиды, как у людей — на белых, черных и желтых.

Что же до уродца, то он, отмывшись от краски, оказался сложением и чертами лица копией серых уродцев-поработителей, а цветом кожи — как бугаи, только бугаи темно-зеленые, а уродец — чуть бледнее. Гоблин, видимо. Данила покопался в памяти и не смог вспомнить в концлагере ни одного зеленого уродца.

Вскоре привал закончился. Данила попытался идти самостоятельно, но остальных скорость его хромания не устроила, потому еще километров пять он ехал на плече второго амбала.

Они добрались до опушки, один эльф ушел на разведку. Затем послышался свист. Отряд вышел из лесу, и тут слева на опушке заросли кустов пришли в движение, оттуда появился еще один отряд, ведущий под уздцы лошадей, и Данила обрадовался еще больше. Раньше он бы и подумать не мог, что вид обычных человеческих лиц может вызвать такое сильное чувство счастья.

* * *

Отряд оказался кавалерийским эскадром: восемь рыцарей в латных доспехах, десятка два конных арбалетчиков, оруженосцы. Кроме того, в наличии имелось три повозки, запряженные тройками.

Вначале командир эскадрона, крепкий усатый детина с тонкими, аристократическими чертами лица, попытался заговорить с Данилой, но эльфы быстро объяснили ему, что дело швах. Данила нарисовал в воздухе слово из трех знаков, рыцарь при виде этого грохнул себя ладной перчаткой по нагруднику, что-то сказал и дал команду «по машинам». В двух повозках поехали орки и эльфы, в самую первую посадили Разумовского, а вместе с ним четверых арбалетчиков со щитами, которые чуть ли не силой зажали его в бутерброд из этих самых щитов и уложили на дно. Попытки устроиться поудобней особого успеха не возымели, и Данила внезапно подумал, что первый раз в жизни оказался в роли VIP-а — и ему это сразу же не понравилось.

Уснуть инженеру кое-как удалось, но из-за тряски он просыпался чуть ли не каждые десять минут. К счастью, вскоре начало смеркаться, а на горизонте показался небольшой замок. Отряд въехал в деревню, и тут Данилу ждало очередное потрясение.

Деревня — домов двести, не меньше — опустошена и разорена. Многие дома сгорели дотла, население — одно воронье, тут и там лежат трупы и останки, в воздухе — сладковато-приторный запах разлагающейся плоти.

Данила хотел было сказать что-то вроде «зачем вы привезли меня в этот могильник?», но промолчал. По мрачным лицам людей он прекрасно видел, что они и сами не в восторге.

Трупы преимущественно человеческие, нередко изуродованные и некомплектные, были даже детские, но временами попадались и убитые серые уродцы. Бой в деревне шел явно неравный, но отчаянный.

Целью отряда был замок, небольшой, всего три башни, даже без рва с водой. Здесь тоже кипело сражение, ворота взорваны, везде полно трупов. Данила заметил, что убитые люди — преимущественно солдаты, молодые мужчины, женщины и старики. Женщин меньше всего, мертвых детей почти нет. Если исходить из предположения, что жители прятали женщин и детей здесь, то, получается, серые ублюдки угнали их в рабство. Инженер непроизвольно сжал челюсти, вспомнив заодно и свои злоключения в концлагере.

В замке отряд спрятал лошадей в конюшне, предварительно напоив их из бурдюков и дав им сена из своих же запасов. Припасти воду было мудро: колодец завален трупами.

Затем весь личный состав укрылся в подвалах, очистив их от нескольких лежавших там трупов и выставив на стенах замаскированных часовых. Ужинали молча, сухарями и копченым мясом, и Данила непроизвольно подумал, что пусть в концлагере мясом и не кормили, но хотя бы там он спал на свежем воздухе, а не в подвале с сильным трупным ароматом.

Но усталость быстро взяла свое. Засыпая, Разумовский успел мысленно пожелать тем, кто учинил такие злодеяния, сдохнуть в адских муках.

Наутро отряд, никем не обнаруженный, двинулся дальше. Данила сделал для себя вывод, что территория, по которой они продвигаются, подконтрольна серым уродцам. Он видел издали еще две деревни, тоже разоренные, да и вообще у него возникло стойкое ощущение, что в этих краях разыгралось то, что Гитлер называл тактикой выжженной земли: навстречу не попало ни души.

Чуть позже объявился гоблин-кавалерист, судя по тому, что на своем кабане он держался неуверенно — поддатый с утра. Видимо, успел помародерствовать, хотя Данила его в этом не винил, так как и сам был бы готов обшаривать карманы мертвых ради фляжки с хоть каким-нибудь пойлом. Ричард готов был отдать полцарства за коня, а Данила променял бы весь мир на что-то высокоградусное, что заставит его забыть ужасы, пережитые за эти дни.

Примерно в полдень, когда инженер уже начал подумывать о еде, на горизонте появилась кавалерия. По меньшей мере двести конных воинов, в основном лучников, во главе с отрядом тяжелой конницы, и вся эта орава двигалась бодрой рысью навстречу.

Оказалось — свои. Диалог между двумя командирами был предельно краток, после чего Данилу высадили из повозки и подвели к нему коня.

— А ничего, что я на коне с роду не сидел? — скептически поинтересовался инженер.

Произошла заминка. Когда командир рыцарей понял, что Данила не умеет ездить на коне, то сразу предъявил эльфам претензии. После короткой перебранки один из орков схватил инженера за шиворот и чуть ли не забросил в седло. Сразу же кто-то привязал Даниле к ногам веревку, пропустив ее под брюхом лошади. Находчивые, мать их налево.

А потом тяжелая кавалерия взяла инженера в кольцо и во весь опор помчала в ту сторону, откуда пришла. Командир вел лошадь Данилы за своим конем, так что ему даже не пришлось разбираться с управлением идейного предка мотоцикла. Вся остальная кавалерия сразу же рассыпалась по сторонам, видимо, для раннего обнаружения противника. Оглянувшись, Данила еще успел увидеть, как прежний отряд, бросив телеги, движется обратно в направлении концлагеря, а эльфы и орки пешком уходят в сторону ближайшего леса.

Можно подводить итоги. Вся эта спецоперация была проведена для спасения одного-единственного человека, Данилы Разумовского. И крупное соединение кавалерии выслали навстречу за ним персонально. С одной стороны, это приятно, когда тебя охраняет такая толпа вооруженных людей. Но с другой — инженер все еще не понимает, в чем его ценность. И если вдруг окажется, что он какой-то там Избранный, от которого потребуют спасти мир или, что еще хуже, кого должны принести в жертву... Однако гораздо более реальным виделся другой вариант.

Эльф похищает Данилу с Земли и гибнет, прикрывая его отход. Разумовский устраивает побег, во время которого его товарищ погибает, опять же жертвуя собой ради спасения инженера. Ну это еще ладно, банальная логика вроде «все равно двоим не спастись» плюс героизм товарища. Но затем неожиданно появляется сводный отряд из зеленого уродца, двоих высокоразвитых орков и нескольких эльфов и доводит дело спасения Данилы до логического завершения. А потом оказывается, что их еще и отряд людей ждет. Слишком уж много совпадений.

В принципе, Разумовский вполне допускал, что в параллельном мире эльфы, орки и люди вполне могут жить дружно, с одной стороны, они не обязаны враждовать только потому, что в земных книжках разные расы непременно воюют. Но с другой стороны... Да взять людей-землян хотя бы. История человечества — история войн. Люди друг с другом ужиться не могут, какова вероятность, что такие разные существа, как орки и эльфы, будут мирно уживаться, если даже однородная масса людей на это не способна?

И потому весьма вероятным выглядело предположение, что все они вместе не потому, что им хорошо в компании друг друга, а потому, что пришлось объединиться. Совершенно очевидно, что люди, эльфы, орки и зеленый гоблин сообща противостоят серым гоблинам и их тупым слугам. И такая компания могла озаботиться спасением Данилы только потому, что ему, Даниле, отводится какая-то важная роль в этой войне. Инженер, конечно, был бы не прочь отомстить серым и за издевательства над собой, и за других людей — да только каким образом? Впрочем, Данила полагал, что этот момент похитители разъясят, как только языковой барьер будет преодолен, и опасался, что услышанное ему сильно не понравится.

Поздно вечером эскадрон, миновав по пути две реки, еще пару деревень, не разоренных, но все равно пустых и покинутых, достиг небольшого города, тысяч на двадцать населения.

Город оказался более или менее таким, каким Данила представлял себе средневековые города, но без помойных канав и вони, характерных для европейского средневекового города. Дома в два-три этажа, кирпичные, кровля черепичная, в окнах — стекло вместо бычьих пузырей. Дорога вымощена булыжником, есть фонари, правда, не зажженные. Неплохо так для средневековья. Вот только город оказался пустынным и тихим, на улице редкие стражники, собаки да кошки.

Город был выстроен вокруг замка, куда более солидного, чем вчерашняя крепость, однако Данила отметил, что на самом деле замок этот — скорее гибрид крупного поместья и замка. Крепостные стены есть, и высокие, но местами вместо бойниц — хоть и зарешеченные, но окна, башни широки и массивны, причем, судя по габаритам и окнам, в них тоже жилые помещения. Одним словом, весь комплекс было бы правильнее назвать обителью, пригодной для обороны, чем оборонительным укреплением, пригодным для длительного обитания. Видимо, война в этих краях прежде была нечастым гостем.

Отряд впустили внутрь, и вот здесь уже, на обширном дворе, Данила увидел людей, тысячи две, разместившихся под наспех сколоченными навесами вокруг костров с котелками. В дальнем углу отгородили загон для скота — только коровы и свиньи. Лошадей нет, во время осады они бесполезны, так как пища из них похуже, чем из коровы или свиньи. Очевидно, замок в ожидании нападения, большое количество солдат, стоящих на стенах и спящих прямо у их подножия, только подтверждает эту догадку. Причем нападение настолько вероятно, что все жители города, кто не поместился в замке, видимо, уже сбежали вглубь страны.

В замке навстречу эскадрону вышел пожилой человек в кольчуге, сильно походивший на солдата, принадлежность к крупным шишкам выдавали только аристократические черты лица да перстень с красным камнем на пальце. Владелец замка, скорее всего. После короткого разговора с рыцарем-командиром он отдал несколько распоряжений, эскадрон начал спешиваться, появились слуги и стали распрягать коней.

Самого Данилу вместе с двумя десятками рыцарей проводили в довольно тесную для такого количества людей комнату, вскоре слуги принесли пищу: мясо на тарелках, хлеб, нарезанные сырые и вареные овощи и фрукты, некоторые из них Данила видел впервые, а

также молоко и вино. Стол накрывать не стали, все равно на нем едва уместилась еда, двадцать человек не усадить. Из столовых принадлежностей — только бокалы, стопка тарелок, ножи и вилки. Вилки, к удивлению инженера, были изогнутыми, хотя в Европе они оставались прямыми вплоть до восемнадцатого века. Еще большее удивление вызвали салфетки из бумаги: Данила полагал, что в средневековье их быть просто не могло. Не то, чтоб он был историком, просто сцена из одного романа, в которой рыцарь-дворянин вытирает жирные руки о собственную бороду, очень запомнилась.

Пока служанки расставляли еду на столе, еще четверо слуг принесли два пустых ведра и несколько кувшинов с водой, и Данила осознал, насколько здешнее средневековье не похоже на земное. Рыцари подходили к слугам и мыли руки, подставляя их под струю воды из кувшина.

Данила тоже помыл руки, мысленно радуясь, что его шансы сдохнуть от дизентерии или другой «антисанитарной» болезни меньше, чем он думал, и вместе со всеми набросился на еду, вначале подсмотрев, какие тут застольные манеры. Оказалось, что даже кусок хлеба тут руками брать не принято, при этом командир попытался показать гостю из другого мира, как правильно пользоваться столовыми принадлежностями. Данила саркастично хмыкнул и изящно крутанул в пальцах вилку, демонстрируя, что держит ее не первый раз в жизни.

Жареная свинина пошла на ура, затем смели и все остальное. Вино пить инженер не стал, ограничившись молоком, которым запивал краюху несладкого, не особо свежего, но вполне приличного белого хлеба. При этом он отметил, что хлеб все же держат руками, а некоторые сотрапезники предпочитают есть руками даже мясо и снимают его с вилки, однако правило «из общей тарелки еда берется только вилкой» соблюдалось неукоснительно. Данила мимоходом подумал, что этот обычай, скорее всего, имеет строго утилитарное назначение. Получается, тут знают о микроорганизмах. Чем дальше, тем интереснее, хотя подобное знание во времена средних веков не более удивительно, чем та же электроэнергия.

После ужина Данила, краснея, жестами показал, что ему необходимо совершить действия, закономерно следующие за приемом пищи. Эта пантомима, вопреки ожиданию, не вызвала никаких ухмылок. Позвали слуг, и те отвели гостей к сортирам, явно господским: на подставке у двери горит светильник с благовониями, отхожие места разделены ширмами. Аккуратно нарезанным листам туалетной бумаги инженер уже не удивился, хотя на всякий случай во время трапезы припас пару салфеток. В конце концов, бумагу в гигиенических целях на Земле стали использовать еще за несколько столетий до рождества Христова, правда, только в Китае, в Европе для этого служили сено и солома. Но здешняя культура, во многом схожая с земным средневековьем, также очень сильно отличается по многим пунктам, это Данила уже принял как данность.

Потом слуги убрали стол и лишнюю мебель и притащили матрасы, одеяла и простыни. Инженер не был уверен насчет того, сколько человек до него пользовалось постельным бельем, но надеялся, что хотя бы вшей не подхватит. Будь его воля — предпочел бы вообще не раздеваться, но вся одежда после нескольких дней в концлагере, пробежки по лесам и купания в озере пришла в негодность и подванивала неслабо. Данила по этому поводу испытывал также и психологический дискомфорт, от остальных пахнет, в основном, лошадьми и немного — потом, а вот от него...

Оказалось, подобная идея пришла в голову и кому-то еще, потому что вскоре появился слуга, благообразный старичок вроде дворецкого, и принес охапку одежды, знаками

показывая, чтобы Данила отдал ему свое рванье. Инженер поблагодарил его полупоклоном, вызвавшим некоторое замешательство, и с огромным наслаждением натянул на себя чистую рубаху на завязках, набедренную повязку, тоже на завязках, штаны, чулки, опять же с завязками, и что-то вроде камзола. Не сказать, что одежда ну очень удобна, еще и великовата оказалась, но это фигня. Чего еще хотелось — это помыться, но с этим, насколько он понял, придется потерпеть.

Еще одним мелким неудобством был запах всего постельного белья, одеял, матрасов. Слабый, чуть резковатый, похожий на запах свежескошенной травы или еще чего-то в этом же роде. Назвать его приятным было бы сложно, неприятным — тоже. Данила, впрочем, от этого пострадал мало, так как очень быстро заснул, несмотря ни на запах, ни на то, что спать пришлось на полу, ни на два десятка глоток, из которых храпела как минимум каждая третья.

Выспаться толком, правда, не удалось, так как отряд поднялся еще затемно: командир явно спешил. Впрочем, даже короткий сон очень сильно помог, к тому же, ночью не донимали ни клопы, чего Данила очень опасался, ни даже комары. Возможно, странный растительный запах как раз призван бороться с этой напастью.

Им принесли поесть, затем рыцари стали готовиться к отправке. Инженер успел повстречать в узком коридоре замка эльфа, одетого в добротный камзол совершенно обычного покроя и с несколькими свитками под мышкой, к которому слуги обращались очень почтительно. Ранг или должность его для Данилы остались загадкой, не хозяин замка, но и не слуга. Возможно, писарь, счетовод или маг. Получается, эльфы, пусть и малочисленные, все же живут среди людей. Эту догадку подтвердил один из часовых замка: во время выезда Данила заметил у ворот лучника вполне человеческой наружности, но с несколько удлиненными заостренными ушами. Видимо, полукровка.

За замком простиралась земля, на которой командир не опасался встретить врага, инженер понял это, поскольку общий темп скачки несколько снизился, а по сторонам и вперед были отправлены лишь небольшие группы боевого охранения, все остальная кавалерия держалась одной колонной.

Скачка, тем не менее, была утомительной, к полудню Данила окончательно натер себе все то, что по каким-то причинам не успел натереть накануне, но стойко терпел все лишения. Отряд все это время держал путь значительно правее той горы, на которую Даниле указал усач, и потому теперь горный хребет высился слева. Позже эскадрон миновал достаточно крупный, по средневековым меркам, город, не заезжая в него, а ближе к вечеру на горизонте прямо по курсу появились стены довольно большого и хорошо укрепленного города, построенного у горного склона. Видимо, цель путешествия.

Так оно и оказалось. Перекидной мост с грохотом опустился перед ними, ворота открылись, и Данила с первого взгляда изнутри догадался, что это, вероятно, столица или как минимум один из ключевых городов.

Дома живо напомнили ему виденный на фотографии трансильванский дом, в котором в детстве проживал небезызвестный господарь Валахии, Влад Дракула. Три этажа, первый «полуторный», почти без окон, второй и третий обычные, относительно малая площадь окон по отношению к площади стен. Попадались также дома в два и четыре этажа, иногда с балконами, чаще без. Развалюхи и откровенно бедняцкие дома почти не попадаются, по крайней мере, в кварталах, по которым ехал Данила. Горожане — люди как люди, деловито снуют туда-сюда, что-то носят, возят тачки, иногда навстречу попадают телеги, поспешно,

насколько это может сделать гужевой транспорт, уступающие дорогу кавалерийскому эскадрону. В общем, средневековый город, и довольно благоустроенный, на первый взгляд. На одной площади даже фонтан стоит.

Рядовые всадники почти сразу отвалили куда-то, должно быть, в казармы, а группа рыцарей, конвоирующая инженера, все целеустремленно двигалась к центру города, и вскоре Данила увидел перед собой не что иное, как самый настоящий дворец, выстроенный из белого мрамора, или, по крайней мере, облицованный им. Крыша ярко-красная, окна — высокие стрельчатые. Этажей целых пять, из них три нижних — полуторные, два верхних — антресольные, но тоже высокие. Украшали дворец несколько высоких башен и шпилей, поднимающихся на добрых тридцать метров, а то и выше.

Данила отметил про себя, что дворец этот покруче Лувра будет, по крайней мере, он выше и с конкретного ракурса выглядит весьма впечатляюще, даже если общая площадь окажется поменьше, чем у Лувра, в любом случае, у его владельца точно все в порядке и с казной, и с архитекторами. Также инженер пересчитал замеченную стражу: двое у ворот, в которые въехал отряд, по двое у всех увиденных дверей. При этом стража — в парадных доспехах, в руках щиты с гербом и пики с вымпелами. Ограда — высокая, из позолоченных прутьев, но перебраться через нее — раз плюнуть. Что ж, страна явно благополучная, раз монарх не нуждается в крепостных стенах и толпе охраны.

Во дворе рыцари спешили, сняли с лошади инженера, у которого ноги затекли уже так, что пришлось обождать минуту для разминки. У двери, судя по всему, не парадной, как и ворота, кавалеристы сняли шлемы. Командир переговорил со стражниками и незамедлительно получил разрешение войти.

Изнутри дворец оказался не очень, но Разумовский сообразил, что это коридоры и помещения для прислуги, высокие хозяева и гости сюда не заходят.

Командир несколько раз о чем-то спрашивал стражников и слуг в роскошных ливреях, пока наконец навстречу не вышли трое мечников, причем главный из них оказался здоровенным громилой, грохотавшим многопудовыми доспехами при каждом шаге, ростом чуть поменьше давешних орков, но явно с орочьей кровью в жилах: лицо, как у орков, клыки поменьше, чем у них. Точнее, клык: второй обломан. Глаза человеческие, карие, а не белесые, как у орков, и кожа тоже обычного цвета. Через все лицо шрам, на щеках — шрамы поменьше.

Двое других — тоже амбалы, но не такие здоровые и с гораздо менее выраженной примесью орочьей крови. У всех троих короткие, массивные мечи с широкими лезвиями, вполне пригодные для боя в замкнутом пространстве. Вот и ответ, почему снаружи так мало «парадной стражи»: настоящая охрана внутри.

Тут возникла заминка: полуорк знал в лицо командира рыцарей, но хмуро, исподлобья, косился на Данилу. Разумовский попытался дружелюбно улыбнуться, но охранник этим не впечатлился. Последовал короткий спор, командир убеждал полуорка беспечным голосом, тот продолжал коситься на инженера. Наконец, охранник принял решение и отдал короткую команду. Двое других амбалов заняли места по бокам от Данилы и взяли его под руки. Понятно, считают опасным.

— Ты, должно быть, конченный дебилоид, — с вежливой интонацией произнес Разумовский, — каким, мать твою за ногу, образом я, всящий втрое меньше тебя и едва живой, могу угрожать кому-либо? Параноик хренов.

Номер прошел: полуорк, конечно же, не понял и благодаря вежливому тону не

догадался, что его обругали. Он сделал знак, вся процессия двинулась за ним.

Данилу провели по коридорам и ввели в зал, в котором вокруг большого стола расселась целая толпа хорошо одетых людей, на самом столе — кипы свитков чернильницы, перья, вроде бы и карта местности.

Командир рыцарей поклонился, грохнул себя кулаком по нагруднику и коротко доложил, остальные рыцари тоже грохнули кулаками по броне, и это прозвучало почти как залп. Один из людей за столом, молодой мужчина с бородкой, затрудняющей точное определение его возраста, сказал что-то остальным присутствующим, те поднялись и потянулись на выход. Видимо, он и есть король, хотя по одежде не скажешь. Однако жест, которым его приветствовали рыцари — тот самый, который сделал командир первого, маленького отряда, при виде начертания слова из трех значков. Стало быть, слово то вот этого человека и обозначает. Он тем временем остановил нескольких пожилых, почтенно выглядящих человек, встал и сделал несколько шагов навстречу.

Произошел короткий диалог с командиром, во время которого главный внимательно изучал Данилу, а Данила — его. Молод, двадцати пяти нет, а может, едва двадцать.

Затем он заговорил, обращаясь к Разумовскому, но инженер покачал головой и показал пальцем на свой карман, насколько это было возможно рукой, находящейся в крепком захвате. Полуорк потянулся к этому карману, но его господин что-то негромко сказал. Полуорк сделал шаг назад, а стоящий справа охранник отпустил руку Данилы.

Инженер медленно, чтобы не провоцировать параноидальную охрану, достал их кармана медаль, полученную от погибшего товарища, и протянул главному. Тот взял ее, перевернул, всматриваясь в значки на медали, сжал губы в узкую линию. Видимо, ему что-то не понравилось.

Затем он коротко переговорил с одним из своих людей, который оказался эльфом, и сделал знак тем, кого оставил в комнате. Один из них шагнул вперед, глядя на Данилу, и заговорил.

— Я не понимаю. Донт андэстэнд. Нихт ферштейн. Я говорю только на этих трех языках, если вы их не понимаете — я вас тоже не пойму, — ответил Данила.

Его, ясное дело, не поняли. Присутствующие пытались говорить с ним, наверное, на двух десятках языков, и Разумовский, само собой, не понял ни слова. Затем произошел спор между главным и одним из «мудрецов». Мудрец горячо в чем-то убеждал, главный не соглашался. Возникла пауза, молодой вельможа явно пытался принять тяжелое решение, и Данилу начало мучить нехорошее предчувствие. Затем вельможа тяжело вздохнул и отдал короткий приказ эльфу.

Эльф знаком поманил охрану и еще одного «мудреца» за собой. Данилу провели по нескольким коридорам и лестнице и завели в небольшую комнату на первом этаже, все окна в которой были завешены тяжелыми шторами. Весь свет — от закрепленных на стене и потолке кристаллов, дающих слабый, но равномерный свет.

Тут внезапно с потолка свесилось черное, словно первородная тьма, щупальце и схватило идущего впереди эльфа, подняв в воздух. Данила завопил от страха и попытался ломануться назад, но с таким же успехом муравей мог бы сдвинуть с места пару слонов. Эльф тоже завопил, но, судя по тону, слетающие с его языка слова были ругательствами.

В дальнем конце комнаты отворилась дверь, и оттуда появилась то ли девочка, то ли виденье.

В первый момент Даниле показалось, что из двери выплыло платье, одетое на человека-

невидимку со светящимися фиолетовыми глазами, и только секунду спустя он увидел, что это хрупкая, невысокая девочка с темно-серой кожей, хорошо сливающейся с темнотой комнаты. Еще чуть позже он разглядел длинные эльфийские уши.

Щупальце само собой разжалось и исчезло, отпуская эльфа, и тот шлепнулся на пол, смягчив падение руками. Последовала новая порция ругани, на которую новоприбывшая состроила удивленную гримасу вроде «я вообще не понимаю, о чем ты говоришь», Данила ее тем временем хорошо рассмотрел.

По всей видимости, это была вовсе не девочка, а молодая женщина, маленького роста, худенькая, но грациозная, с точеными чертами лица и изящной шеей, на которой слегка выпирали хорошо очерченные трапециевидные мышцы. Быстрые, плавные движения также свидетельствовали: темная эльфийка дружит со спортом. Вопрос только — с каким.

Она тем временем подошла совсем близко и с неприкрытым интересом рассматривала инженера, но не совсем как женщина — мужчину. Скорее, как невиданную зверюшку, раба или вещь. Хреновая примета.

Последовала еще одна тирада эльфа, после чего темная повернулась и сделала приглашающий жест. Вся процессия вошла в следующую комнату, и вот тут Даниле стало действительно страшно: на полу здесь была нарисован большой круг диаметром метра так три с половиной, весь исписанный письменами и расчерченный линиями. Не пентаграмма, на которой приносят жертву демону, но что-то до пугающей пустоты под ложечкой похожее.

* * *

Несколько дней прошли в тишине. Т'Альдин прикинул, что если в первый поход по тоннелям в поисках еды были найдены только жировик да широкохвост, то на следующий раз ожидать тучных стад добычи глупо. А вот драков повстречать — это раз плюнуть. К тому же дробить свои и так малые силы не стоит. Потому отряд в полном составе поднимался на поверхность, чтобы освоиться и попривыкнуть.

— Лазая наверх без веской причины, мы можем напороться на поверхностников, — проворчал Л'Тилл.

— Не возле гор, — покачал головой Т'Альдин, — тут мы вряд ли кого встретим, все знают, что вблизи гор можно стать добычей боевого отряда из нашего города.

Они разведали местность на небольшом расстоянии вокруг. Как и ожидалось, никаких нормальных укрытий для дневки обнаружить не удалось.

— Ну и как нам добраться до анклава под далекими горами, если мы не можем и на шаг отойти от нашего собственного Подземья?! — вопрошал Ринкор.

— Что-нибудь придумаем. В самом крайнем случае нам придется привыкать к яркому свету, хотя бы настолько, чтобы солнце не ослепляло нас полностью, чтоб мы днем не были совершенно беспомощными. Знаю, звучит ужасно, но у нас может не оказаться другого выхода.

— Это невозможно!

— Невозможно добраться до Гло'карнаса через Глубокий Туман или допрыгнуть до луны. А привыкание к свету — вопрос времени.

Через несколько дней они уже примерно знали местность вокруг. Т'Альдин, как оказалось, плюнул в темноту, но попал в свирфнеблина: поблизости через лес действительно

проходила дорога. Наблюдения показали, что пользуются этой дорогой редко, одиноких путников не бывает, ездят по ней только люди, зачастую большими группами и всегда — вооруженные.

— Значит, знают, что тут можно повстречать наши отряды, — подытожила Каэлис.

— Или разбойников.

На следующий день отряд предпринял дальний поход, длительностью в половину ночи. Двигаясь в направлении, противоположном месту восхода солнца, Т'Альдин вышел к краю леса, сразу за которым раскинулись поля, а за полями вдали мерцали огни.

— Поселок, я думаю, человеческий.

Ар'Кай всмотрелся вдаль.

— Мне кажется, за ним и правее я вижу еще огни, не уверен, очень уж далеко. Но кажется, там дальше целый город. Как мы пойдем на запад, если это страна людей?!

Т'Альдин вздохнул. Раньше он никогда не интересовался поверхностью, как и любой другой представитель его народа. Максимум, что должен знать обычный илителири — как выжить на поверхности и где находятся поселения врагов. Дальность похода поверху — в любом случае не более половины ночного перехода, обо всем, что дальше, знать незачем, потому что добраться туда все равно невозможно. В нормальных условиях время пребывания илителири на поверхности ограничивается наступлением рассвета — и точка. И вот теперь, попав в ненормальное бедственное положение, Т'Альдин остро нуждается хоть в каких-то знаниях о поверхности.

— Да, наши дела плохи, — согласился он вслух, — если прямо на пути поселения людей, придется идти обходными маршрутами, а это потеря времени. Правда, существует еще один способ, но донельзя рискованный.

— И какой же? — спросили несколько кадетов одновременно.

— Миновать людей ночью. Видите поля? Вот эта высокая трава, которая нам по шею будет, приносит зерна, которые перетираются в белый порошок и идут на изготовление самых дорогих лакомств. Мы можем днем спать в этой траве, накрываясь плащами, а ночью идти дальше. Безусловный плюс в том, что людям и в голову не придет искать нас в своих же полях. Однако риск тоже велик, потому что люди могут наткнуться на нас в процессе полевых работ, а мы понятия не имеем, когда и как они работают на полях и насколько опасно там прятаться. И что хуже всего — даже понаблюдать не сможем, потому что если люди и посещают свои поля — то днем.

— Заросли густые, — заметил Ринкор, — обнаружить нас можно будет, только наткнувшись, заметить с расстояния — никак.

— Угу. Но если все же наткнутся — каюк, днем мы слепы и беспомощны.

— Да уж, плохи наши дела.

— Чем дальше, тем чаще я думаю о походе через тоннели драуков, — сказала Заар'Ти, — да, опасно, но всего один переход — и мы в безопасных тоннелях Гло'карнаса...

— Я тоже об этом не забываю, — согласился Т'Альдин, — и удерживают меня не драуки, а зараза. Я готов пари держать, что Гло'карнас вымер.

По дороге обратно Ринкор подстрелил какую-то птицу. Добыча оказалась кстати, мясо оленя уже подходило к концу. Конечно, птицы на всех не хватит, но в соседнем от лагеря тоннеле можно набрать немного грибов и сварить похлебку. К тому же, вскоре Т'Альдин нашел заросли ягодных кустов.

— А ты уверен, что они съедобны? — спросила Каэлис.

Г'Альдин хотел было ответить, что эльфы едят их, но вовремя спохватился.

— Я ел их, когда был на поверхности, — сказал он, — как видишь, не умер.

За четверть цикла четырнадцать голодных ртов в двадцать восемь рук обобрали кусты подчистую. Еда не особо сытная, но желудок, вроде бы, доволен.

Они вернулись обратно в лагерь.

— Значит, сегодня варим бульон из птицы, жировика и широкохвоста, — решил Г'Альдин, — оленину поедем завтра. А потом сделаем марш-бросок до людского поселка и запасемся продовольствием. Уверен, мы найдем и овощи у них на полях, и живность во дворах.

— Их поселки обычно сторожат собаки. Это такие звери, которые, учуяв чужака, поднимают шум, люди держат их на привязи у своих жилищ, — сказала Каэлис.

— Шум — не проблема. Ты заклинание «Круг тишины» знаешь? Если собаки на привязи — наложила чары и все, зверь пусть хоть охрипнет от воплей. Кстати, а эти собаки, они съедобны?

— Без понятия.

— Проблема в том, что люди непременно обнаружат разорение, даже если мы возьмем совсем немного, — возразил Ринкор.

Г'Альдин ухмыльнулся:

— И плевать. Обнаружить обнаружат, но не подумают, что это были илителири.

— Почему ты так считаешь?

— А ты сам помозгуй. Если мы приходим куда-то, то только чтобы устроить резню и захватить пленников для жертвоприношения Ллос. И вот теперь это будет работать на нас. Если у них пропадут овощи и домашняя птица, но никто не умрет — люди подумают на кого угодно, на себя, на эльфов, на бродячих торговцев — но только не на нас.

— Хм... А ведь верно.

— Знаю, что верно.

В этот момент прямо из глаза Л'Тилла появился наконечник стрелы, и он молча рухнул головой в костер, опрокидывая котелок с кипящим бульоном.

— Драуки!!

Все схватились за оружие, а из дальнего тоннеля в пещеру влетела туча стрел. Ситуацию спасла Каэлис, почти мгновенно выбросив навстречу стрелам сложенную в глиф ладонь. Метательные снаряды под воздействием защитного заклинания остановились в воздухе и попадали.

Кошмарные полудроу-полупауки хлынули сразу из двух тоннелей, потрясая оружием и шипя от ярости. Защелкали наручные самострелы, посылая во врагов отравленные дротики. Г'Альдин попал дважды и выхватил саблю, чтобы добить корчащуюся тварь, но тут ее добил кто-то другой, а Г'Альдину пришлось отражать атаки нового неприятеля.

Несмотря на внезапность нападения и численное превосходство, драукам не удалось перебить отряд сразу. Первые нападающие были остановлены залпом самострелов, затем Каэлис пустила в ход свою магию, хлеща потоками пламени налево и направо, а пещера была тесновата, что при крайне широких габаритах паучьих тел драуков помешало последним использовать перевес в количестве. В рукопашной атаке отряд, сомкнув строй, перебил нескольких тварей, потеряв еще одного кадета, но тут появился драук-маг и оставил илителири без поддержки колдуньи, связав Каэлис магическим поединком.

— Отходим на поверхность! — крикнул Г'Альдин, — иначе не продержимся!

Он улучил момент и метнул кинжал, попав драуку-колдуну, полностью поглощенному схваткой с Каэлис, в шею. Рядом забился в конвульсиях еще один драук: Ринкор, покинув строй и находясь за стеной товарищей, стрелял из лука, почти каждым выстрелом разя не в глаз, так в горло.

Отряд отступал к поверхности. Драуки, сориентировавшись после первой неудачи, преследовали своих заклятых врагов, стреляя из луков: тоннель еще уже, чем пещера, торчащие в стороны паучьи ноги мешали им поместиться более чем по двое в ряд, в то время как кадеты образовали строй из шести бойцов, за которым находились Каэлис и еще пять стрелков.

Однако тут из бокового коридора вывалились новые твари, все смешалось в хаосе сражения. Несколько кадетов, не сговариваясь, накрыли себя «вуалью тьмы», полусферой, сотканной из темнейшей темноты, в котором видеть мог только сотворивший заклинание. Ослепли все и разом, как илитири, так и драуки.

Этой заминки хватило отряду, чтобы отступить к самому выходу на поверхность. Тут в драуков полетели последние стрелы и дротики, затем все же пришлось выбираться наверх.

— Вот и что нам теперь делать?! — завопил Ринкор, — рассвет вот-вот начнется!!

Г'Альдин пересчитал отряд. Еще одного не хватает, видимо, погиб в свалке. Жаль.

— За мной! — скомандовал он и бросился бегом вокруг скалы.

Здесь он еще в первую ночь присмотрел узкую расщелину именно на этот случай.

— Вот тут мы переждем день. Драуков можно не опасаться, они наверх днем не сунутся, а сунутся — ослепнут.

— Но и мы ослепнем!

— А мы спрячемся под плащами и выспимся. На камнях спать не очень, конечно, но выхода нет.

— Ты хоть понимаешь, что это конец?! Мы потеряли все, включая лагерь, остатки припасов, стрел и дротиков почти не осталось! И уж будь уверен, драуки не оставят в лагере ничего, чем мы смогли бы воспользоваться!

— Ну раз так, пойдешь спустись обратно, — посоветовал Г'Альдин, — если это конец — не оттягивай его. А я еще поборюсь.

* * *

Сознание возвращалось медленно и неохотно. Данила с трудом преодолел безумную карусель в голове, прорвался сквозь цветное вертиго звуков и вопящий хоровод символов, попытался открыть глаза, но не смог. Или, может, смог, но видит только горы ярких стекляшек, словно его похоронили под потрохами миллиарда калейдоскопов.

Кто он вообще такой? А, ну да, Данила Разумовский. Что произошло? Где он?

— Смотрите, он приходит в себя.

Да, вспомнил. Приехал домой на мотике, там гопарь за гаражом, вжик его тэйзером, тут сзади еще один. Кулаком в лицо, вспомнил. Потом... что было потом? Больница, наверное. И над ним врачи... Хреново. Значит, сильно пострадал.

Данила все же разлепил веки. Над ним лютая харя со шрамами и клыком, второе лицо поприятней, женское, милое такое, но серое, и смотрит как-то ну совсем не хорошо.

Слова без падежей, да этажей в пять, на язык сами попросились, но вот язык-то не

слушается. Взгляд мечется по сторонам... Что происходит-то?!

— По-моему, он того... Не в порядке. Ты облажалась, колдунья! — сказала харя.

— Я облажалась?! — возмутилось милое личико. — Ты совсем идиот? Сам же ему в рожу кулачищем клепанул, как ему в порядке-то быть?

— Это разве не ты сказала его успокоить?!

— Ну не таким же способом, варвар!!

Данила моргнул и все вспомнил. Вот его тащат к пентаграмме, у темной в руках кинжал, Данила орет, требуя убрать от него ведьму, лягается. Старик, один из тех, кто пытался говорить с инженером на разных языках, ложится в круг, причем добровольно, а вот упирающегося Данилу приковывают... пересадка души!! Они намерены запихнуть в его, Данилы, тело душу этого старика! Нет, нет, нет!! Ведьма пытается нарисовать у него на лбу какой-то знак, Данила мотает головой и пытается цапнуть ее за руку... А потом кулак в челюсть. Кажется, у него уже входит в привычку получать по мордам и не только.

Инженер попытался выразить свое возмущение, но язык застрял во рту, как-то не очень ворочается. И потом, ведь он же не понимал никого! А теперь рожа и личико ругаются — и Данила их понимает!

Он открыл рот, чуть замешкался — и внезапно слова сами почти что прыгнули на язык.

— Какого хрена вам от меня надо?! Что вы со мной сделали?!

— Во-о-о-о-о-т!! — обрадовалась колдунья, — у меня не бывает провалов, я — мастер своего дела!!

Тут в поле зрения появились лица эльфа и старика, и эльф сказал:

— Чужак, мы ничего плохого с тобой не сделали. Просто провели ритуал, передав тебе знания нашего языка от одного из мудрейших людей королевства...

— Хорошо, что все прошло гладко, и ты не умер и не сошел с ума, — добавил старик.

— Я повторяю для глухих старых хрычей: у меня не бывает неудач! — возмутилась ведьма.

— Умолкни, Роктис! Зовите короля.

— А меня звать не надо, я уже тут, — сказал давешний вельможа, появившись на пороге, — получилось?

— У меня всегда все получается, ваше величество, — вкрадчиво сказала Роктис, — я...

— Да-да, мы все знаем, что ты мастерица. А теперь помолчи немного. Для начала, снимите с него кандалы, что ли.

— Даже не вздумай колдовать, — предупредил инженера громила, снимая оковы, — все равно не успеешь.

Данилу поставили на ноги, но у него закружилась голова и он упал бы, если б охранники не придержали.

— Такое бывает после этого заклинания, — сказала Роктис, — посадите его на стул.

Она сама вышла и вернулась с бокалом.

— Выпей — полегчает.

Данила выпил, это оказалось вино, притом получше того, что ему приходилось пробовать. Действительно, хаос в голове прекратился.

— Итак, чужестранец, я король Валлендел из рода Валленделов, и ты находишься в столице Арлансии, моей страны...

— Это не объясняет, за каким демоном я был похищен, — сухо отозвался Данила.

Он заметил, что слова даются почти как родные, только перед каждым новым словом —

короткая пауза, пока мозг перелопатит кучу новой информации и выудит оттуда никогда прежде не произнесенное слово.

А вот окружающим его реплика не понравилась.

— Ты что себе позволяешь?! — возмутился эльф, — не знаешь, как надо разговаривать с королем?

Данила сжал челюсти и решил быть последовательным.

— Понятия не имею. Там, откуда меня выкрали, королей нет.

— Наглая ложь, — сладким голосом отозвалась Роктис, — знания языка передаются слово к слову, ты получил знания всех слов нашего языка, которые имеют соответствие в твоём языке. Не будь в твоём мире королей — ты бы не знал этого слова.

— Но в моей стране королей действительно нет. Последнего убили лет сто назад, вместе со всей семьёй.

Эльф и старик слегка охренели от этой новости, а громила-охранник наклонился к нему и зловеще сказал:

— Вблизи от меня советую даже не думать о таких вещах.

— Давайте преподадим ему урок? — спросил у короля эльф.

Король только поморщился:

— И это ваша хваленая вековая мудрость? В триста лет вы ведете себя глупее, чем я в тринадцать... Умолкните все и не мешайте.

Он снова повернулся к Даниле и сказал:

— У меня есть к тебе дело, колдун. Я хочу, чтобы ты научил моих магов своим чарам.

— А ничего, что я не колдун? В моём мире магии нет.

— Ты не только лжец, — проворковала Роктис, — ты ещё и дурак. Я же сказала тебе, если бы в твоём мире не было магии — ты не знал бы такого слова.

Король Валлендел недовольно поджал губы.

— Чужестранец, у меня нет времени на несерьёзные разговоры. Недовольство похищением мне понятно, но ситуация настолько плоха, что твоё возмущение веса не имеет.

— И тем не менее, мой ответ прежний. Магия в моём мире существует только в сказках. И когда я увидел, как сражался тот маг, что меня похитил... ну, я бы очень удивился, если бы имел время на это. Я понимаю, вы привыкли к магии, она для вас нечто совершенно очевидное, и вам трудно поверить, что где-то бывает иначе, но... Я бы тоже не поверил в магию, если бы сам не увидел. В моём мире магия неведома, колдуны, эльфы, орки и прочие чудеса у нас есть только в сказках.

— Давайте я его немножко попытаю, чтобы стал сговорчивее? — предложила Роктис.

— Уймись уже. Итак, чужестранец... Маг, что похитил тебя, передал сообщение, что попал в мир, полный неведомой магии, которую можно увидеть, но нельзя почувствовать, что ты прискакал, или наверное, надо сказать — приехал на ревущем железном коне с двумя колесами вместо ног, который при этом не падал набок. А потом ты поразил разбойника крохотным оружием на расстоянии. Это правда?

— Хм... Это правда, но дело в том, что...

— Не перебивай. Спасенные узники рассказали, что сумели сбежать, потому что могущественный колдун разрушил волшебный барьер, испепелявший всех, кто пытался перелезть через него. И это был ты, не так ли?

— Почти так, но с одним уточнением. Тот маг не почуял магию в моём мире, потому что её там нет. Все те чудеса, что он видел, происходят без участия магии. Ни в моём «коне»,

ни в оружии, ни в ограде, которую я разрушил, магии нет ни капли.

— Тогда как все это возможно?

— Наука, король, наука. В нашем мире ученые мужи настолько мудры, что их изобретения кажутся волшебством, но это не магия.

— В таком случае, я хочу, чтобы ты научил моих ученых мужей, как изготавливать железных коней. В награду я дам тебе столько золота, сколько ты сам вешишь.

Данила устало вздохнул.

— Не хочу тебя огорчать, король Валлендел из рода Валленделов, но это невозможно. Я не знаю, как изготовить то, что ты хочешь.

Король склонил голову набок:

— Маг сообщил, что такие кони или даже повозки на каждом шагу, они есть у всех. Я понимаю, что тебе не хочется раскрывать свои тайны, я бы, если б знал такое, тоже не раскрыл бы. Что ж, отказаться от золота — право твое, но это никак не меняет того факта, что я нуждаюсь в этих секретах и готов на что угодно, чтобы их заполучить. Мой намек достаточно прозрачен?

Тут снова вмешалась неугомонная Роктис.

— Ваше величество, может, вы пойдете пообедать? Я обещаю, к тому времени, как вы вернетесь, он будет счастлив выдать вам любые секреты. И я даже не причиню ему сильных увечий.

Разумовский понял, что дело принимает скверный оборот.

— Ладно, — внезапно согласился он, — я научу тебя, король, строить железных коней. Но ты научишь меня строить такие замки, как у тебя.

— С радостью, — согласился Валлендел, — любые мастера Арлансии научат тебя всему, что ты захочешь знать.

— Нет-нет, — возразил Данила, — вся штука в том, чтобы меня научил ты лично.

— Откуда мне знать, как замки строятся? — удивился Валлендел, — я король, а не зодчий.

Данила пожал плечами:

— Раз ты живешь в замке, значит, должен знать, как они строятся.

— Нет. Замок для меня строили зодчие.

— Тогда почему ты решил, что если я езжу на железном коне, то непременно знаю, как их делать?! Послушай, король, я бы с радостью научил тебя, и от золота бы тем более не отказался, но я не знаю. У тебя все кавалеристы непременно знают, как растить коней, или они просто покупают их?! Твоя злобная сучка может запытать меня насмерть, но железных коней у тебя все равно не будет. Человек не может выдать секрет, которым не владеет.

Я тебе даже больше скажу. Даже если бы я был главным изобретателем железных коней, я все равно был бы бессилен. Чтобы груда железной руды превратилась в железного коня, к этому металлу должны приложить свой труд рабочие... — тут он запнулся, не сумев подыскать слово «индустрия», но быстро нашел выход: — сотен разных гильдий. Понимаешь? Сотни гильдий. Десятки, а то и сотни тысяч рабочих, причем рабочих таких профессий, которых в этом мире просто нет. Сварщик, фрезеровщик, металлопрокатчик, металлург, чертежник, компоновщик, инженер — ты понял хоть одно слово? Это все профессии, которых в твоём мире нет. И таких сотни. Каждая деталь железного коня — результат работы вначале десятков изобретателей, а потом сотен рабочих.

— Опять ложь, — вклинулась Роктис, — если б это было правдой, железных коней

было бы очень мало. Один конь — десять тысяч рабочих? Маг сообщил, что железных коней и повозок были сотни. Сколько жителей в твоей стране? Тысячи тысяч? Ха-ха!

— В столице моей страны — две тысячи тысяч населения, — ответил Данила, — а во всей стране — девять с половиной тысяч по тысяче людей.

— Быть не может! — ахнул старик.

— Может. И моя страна еще маленькая. Но дело не в этом. Сотни гильдий и десятки тысяч мастеров строят не одного коня, а множество их. Каждый рабочий умеет делать только одну деталь. И всю жизнь делает только одну и ту же деталь. И таких рабочих множество. А другие ничего не умеют делать, но собирают все детали вместе. А третьи ничего не делают, но изобретают детали и говорят остальным, что и как делать. И всем этим рабочим нужны особые инструменты, которых в этом мире нет и которые нельзя сделать.

Более того. Железные кони пьют особый... напиток. И чтобы изготовить этот напиток, нужны многие гильдии и многие десятки тысяч рабочих. Так что, король, мне безумно жаль, но я не знаю, как делать коней. Чтобы один человек все это знал — ему надо учиться разным профессиям сотни лет. Никакой жизни не хватит, даже если бы я знал, как делать все-все-все, то именно делать все равно было бы некому. Твой маг, во-первых, взял не того, а во-вторых, ему надо было бы похитить тысячи нужных людей, чтобы железные кони в твоём мире стали реальностью.

На протяжении всего монолога король мрачнел все больше и больше.

— Думаю, я понял, — сказал он наконец и повернулся к эльфу: — дай ему коня, денег, и пусть уматывает.

— Эй! — возмутился Данила, — а конь мне зачем?! Пусть меня просто вернут обратно!

Валлендел покачал головой:

— Это крайне проблематично. Будь благодарен и за коня, все, чем я могу тебе помочь — это позволить убраться подальше к тому времени, как серая чума доберется и сюда. Все равно ты для ратного дела бесполезен...

— Да ты издеваешься?! — завопил Данила, — ведь это же ты велел притащить меня сюда! Я хочу обратно, в свой мир, в свой дом, где у меня осталось все, что мне дорого! У тебя есть хоть капля сострадания?! Ты выбрасываешь меня, как бесполезную вещь, на произвол судьбы!!

Король уже повернулся было, чтобы уйти, но остановился на пороге.

— Чужестранец, я лично очень тебе сочувствую. Мне жаль, что так вышло, но иначе я просто не мог. И твоя судьба еще не так страшна, чтобы ты жаловался. Ты был в узилище серых? Видел, что там творится? Едва неделя минула, как мой отец погиб, заживо сожженный огнем нечестивых чудовищ на колесах, десятки тысяч воинов умерли, убитые колдовским оружием, моя страна предана огню и мечу, погибших мирных жителей не счесть, женщины и дети тысячами похищаются серой чумой. Знаешь, что их ждет? Их едят.

— Что?!!

— Угу. Едят. И я никому не могу помочь, потому что бессилён. Мои воины тысячами отдают свои жизни, чтобы отсрочить неизбежное, но соседние страны, гораздо большие, нежели Арлансия, уже пали, не в силах противостоять нечестивому оружию. Твое похищение было жестом отчаяния, мы надеялись найти где-то колдуна, способного что-то сделать... а ты оказался бесполезен. Я не виню тебя, но и ты меня не вини. На фоне того ужаса, в котором оказался мой народ, на фоне многих тысяч смертей у меня просто нет возможности заботиться об одном чужеземце. Увы. Тебе дадут коня и денег — скачи на

север. Может быть, пройдут еще годы, прежде чем серая чума доберется и туда, но здесь она будет самое позднее через месяц.

Данила, потрясенный, приходил в себя от услышанного, и король успел уйти из комнаты, но тут инженер его окликнул:

— погоди, король. О каком нечестивом оружии ты говоришь? Случайно, не о таком, которое грохочет, выпускает дым и огонь и убивает на расстоянии, делая дырки?

Тот вернулся в комнату чуть ли не бегом.

— Откуда ты узнал?! Видел?!

— Да, видел. Вначале так убили того мага, что меня выкрал, потом таким убивали тех, кто сбежал из узилища. Так это против него твои воины не могут ничего поделать?

— Увы. Они пробивают доспехи с огромного расстояния в триста шагов, нанося ужасные потери, и никакая защитная магия не спасает. А против драконов на колесах и вовсе непонятно как бороться. Маги оказались бессильны, множество рыцарей погибло — впустую.

Данила ухмыльнулся.

— Тогда, король, все-таки тебе повезло. Так уж вышло, что в моем мире как раз таким оружием и воюют, а я, к огромному счастью твоему и твоей страны, мастер-оружейник.

Все присутствующие ахнули.

— И ты научишь моих кузнецов делать такое же?

— Одними кузнецами тут не обойдется. Мои условия простые. Золота, сколько я вешу, будет вполне достаточно, хотя я предпочитаю получить стоимость золота драгоценными камнями. И второе — ты вернешь меня обратно в мой мир.

Тут повисла странная неловкая тишина, король, глядя на Данилу, почему-то медлил с ответом.

— В чем дело, король? Спасение твоей страны не стоит этого?

— А мои услуги обойдутся вам куда дешевле, — проворковала неумная Роктис, — головой ручаюсь, всего через час он откроет вам все свои секреты, и безо всяких условий.

Данила скосил на нее глаза и мстительно ухмыльнулся:

— Считай, что ты потеряла свою голову, злобная ведьма. Видишь ли, с оружием та же проблема, что и с лошадьми. В моем мире воюют такими вещами, что страшно и представить, вплоть до оружия, уничтожающего целый город в одно мгновение. Но изготовить его тут не выйдет. Все мои секреты бесполезны, воплотить их в жизнь некому. И потому единственная надежда, что мне удастся сконструировать настолько примитивное оружие, которое здешние мастера смогут изготовить. Чтобы наладить тут производство, времени и так уже нет, это процесс сложный и творческий. Пытками ты ничего не добьешься. А вот я вполне могу потребовать в придачу к золоту еще и твою голову. Как думаешь, король согласится? Твоя смерть в муках за жизнь его страны. Так что закрой свой рот, ведьма, и не зли меня.

Роктис совсем не испугалась.

— О, видишь ли, моя смерть — твоя смерть. Я отравила тебя, вине, что ты выпил, был медленный яд.

— Что?!!

— Не переживай, душенька, — медовым голосом зашебетала ведьма, — он очень медленный, но каждые три дня надо принимать противоядие. Пропустишь — жить тебе останется максимум неделя, и тогда уже никакое противоядие не поможет. Секрет знаю,

конечно же, только я. Именно благодаря ему у меня на родине рабы всегда верны и никогда не сбегают.

— Ах ты сука!!

— А вот это ты зря, душенька.

Данила повернулся к королю:

— Она это всерьез?!

Тот, в свою очередь повернулся к Роктис:

— Ну и зачем ты это сделала?!

— Чтобы не сбежал. Он слишком ценен, вы не находите, мой король?

— Дай ему противоядие. И немедленно.

— Бесполезно. Принимать надо через каждые три дня. И месяца так через четыре яд полностью выйдет из тела. Уверяю вас, мой король, он совсем не пострадает. Ни капельки.

Молодой монарх тяжело вздохнул.

— Ладно, — сказал он Даниле, — так тому и быть. Теперь у тебя есть дополнительный стимул справиться как можно лучше, потому что с ядом в венах ты от серой чумы даже сбежать не сможешь.

— Проклятье, — простонал инженер, — вот только на четыре месяца тут застрять мне не хватало.

— А быстрее все равно бы не получилось. Или ты уверен, что с твоим оружием мы победим в считанные дни?

Данила одарил Роктис мрачным взглядом.

— Вообще-то война — ваша, не моя, я тут чужой. Я научу твоих мастеров делать оружие — и больше мне здесь делать нечего, а эта твоя ведьма меня взяла да отравила...

— А мне не нужно твое оружие само по себе, — решительно отрезал король. — Мне победа нужна. Проиграем — умереть от яда ты все равно не успеешь. Выиграем — я дам тебе золота, сколько ты весишь, и, когда действие яда закончится, прикажу отправить обратно в твой мир.

Инженер состроил скептическую гримасу:

— Правда, когда война будет выиграна, я тебе уже не буду нужен, но это мои проблемы, да?

Тут он обратил внимание, что старик-мудрец как-то странно выглядит, потрясенно, что ли... Данила что-то не то сказал?

Король криво ухмыльнулся:

— За такие намеки еще триста лет назад язык отрезали, но ты не знаешь, кто такие Валленделы, так что тебе простительно. Нерушимое слово — залог, под который тебе дадут любой, даже безразмерный заем, и потому всего одна ложь причинит убыток, который невозможно возместить. Это сказал мой предок семь веков назад. Валленделы не нарушали данного слова ни разу за тысячу лет. Ты получил слово Валлендела.

Данила понимающе кивнул. На самом деле, у него есть свои соображения на этот счет. Научить он, конечно, научит, да не всему. Какой-нибудь один секрет надо будет оставить при себе и отдать его человеку короля, который вернет Разумовского туда, откуда он был похищен. Зато потом... Потом Данила уже не будет конструировать вентиляторы: шестьдесят кило золота — это два с половиной миллиона долларов, а может, и больше. С такими деньгами можно будет открыть небольшую оружейную фирму где-нибудь в Германии или Швейцарии. Правда, эту мечту в жизнь еще предстоит воплотить.

— Ладно, — сказал он вслух, — давай выиграем эту войну и надерем серым гнидам задницы.

Король улыбнулся:

— Вот и славно. С чего начнем?

Данила ответил ему совершенно серьезно:

— Я несколько дней провел в концлагере, потом меня едва насмерть не загоняли по лесам, потом два дня в пути на повозке и в седле. Потому собираюсь начать с хорошего ужина, мытья, помощи медика и крепкого сна!

Вкусно поужинав, Данила позволил придворному лекарю, тоже, кстати, эльфу, обработать свои раны, образовавшиеся на месте содранных кровавых волдырей, целебными мазями, после чего сладко уснул на мягкой перине в светлой и хорошо проветриваемой комнате. Точнее, не столько сладко, сколько просто без сновидений, что, по сравнению с душными подвалами, грязными концлагерями, твердыми подстилками и кошмарными снами — настоящее счастье.

Но выспаться полностью ему, конечно же, не дали. Будь его воля — дрых бы без задних ног до вечера с просыпаниями только для покушать, но увы. На войне, как на войне.

Разбудили его крайне непочтительным образом — пощечиной. Данила открыл глаза и к своему вящему неудовольствию увидел Роктис собственной персоной.

— Какого лешего?!

— Я стучала в дверь, ты не проснулся. Через пять минут я должна доставить тебя в зал совещаний.

— Тебя что, мне в няньки назначили?

— Ну, поскольку мы с тобой будем неразлучны ближайшие четыре месяца, было вполне логичным поручить мне охранять тебя.

Данила сел на постели, протер глаза и окинул Роктис оценивающим взглядом с головы до ног:

— Знаешь, я сам, на фоне солдат, или тем более того мордастого полуорка, недомерок, но ты еще меньше и легче меня. Станный выбор охраны.

В следующий миг инженер оказался на полу с заломленной до боли рукой, в спину уперлось колено.

— Во-первых, душенька, не смей раздевать меня глазами, — прощebetала Роктис, сидя у него на спине, — во-вторых, Гаскулл, тот «мордастый полуорк», стоит за дверью и прекрасно тебя слышит. И в третьих — не оценивай мое мастерство по росту.

— По лезвию ходишь, ведьма, не испытывай мою доброту на прочность, — прохрипел Данила, — если я пойду на принцип и потребую твою голову...

Роктис только засмеялась.

— Душенька, пойдешь на принцип — попадешь в мою пыточную, — сказала она, — ведь мы же не хотим этого, а? Ты не думай, что если заключил сделку с королем, то уже большая шишка, король ведь не обещал, что ты вернешься в свой мир целым и невредимым. И живым вернуть тоже не обещал, смекаешь, какое широкое поле действий для меня открыто?

Она отпустила Данилу и сделала пару шагов назад, давая ему подняться.

— И еще мне неприятно, что такую хорошую меня называют такими нехорошими словами, вроде ведьмы и прочих гадостей. Но если ты умеешь отрачивать новые уши взамен отрезанных — можешь продолжать в том же духе.

Инженер саркастично хмыкнул:

— Да уж, доброта из тебя так и прет. То пытками грозишь, то отрезанными ушами. Прямо воплощение доброты, чесслово.

Роктис кивнула:

— Так и есть. Сколько раз ты уже меня обидел, а я тебе пока еще ничего не отрезала.

Пытки... на самом деле я тебе не угрожаю, а обрисовываю расклад. Королю нужны твои знания, и он их получит, как всегда получал любую информацию, в которой нуждался. А я вовсе не злая, просто такая служба. Договорился с королем по-хорошему — и славно, но не думай, что это дает тебе право вести себя дерзко и непочтительно по отношению к кому бы то ни было. Со мной лучше дружить, честно. А теперь вставай и одевайся, быстро!

— Как насчет завтрака?

— Еще успеешь.

Одевшись, Данила в сопровождении Роктис вышел из комнаты и действительно увидел напротив двери того самого полуорка со шрамами.

— Эм-м, я не имел в виду ничего обидного, — сказал инженер, — просто твое, м-м-м, лицо вдвое шире моего.

Гаскулл ничего не сказал, пристроившись в хвост процессии. Хреновый признак, чего-чего, а врагов наживать Даниле точно не надо.

В зале совещаний в столь ранний час уже кипела работа: король за столом обсуждал что-то с несколькими людьми, похожими на торговцев, и одним крепким седоусым стариком типично крестьянской внешности. Большие сильные руки с мозолями выдавали ремесленника, вероятно, кузнеца.

Завидев Данилу, король Валлендел быстро спровадил купцов, за столом остался только ремесленник. По знаку слуга у дальней двери вышел и позвал людей, находящихся в комнате ожидания. В зал вошли группа солдат и несколько других ремесленников.

Валлендел сделал знак Даниле приблизиться.

— Время не ждет, — сказал он, — что тебе нужно, чтобы начать обучение моих кузнецов-оружейников?

Данила покачал головой:

— Я же говорил, что одними кузнецами тут не обойтись. Для начала я хотел бы поговорить с солдатами, которые воочию видели оружие врага, чтобы понять, с чем вообще мы имеем дело. Я так думаю, ни одного трофейного экземпляра достать не удалось?

— По счастью, одно странное оружие у нас есть, — сказал король и сделал знак группе солдат. — Сэр Кэлхар участвовал в бойне у Сигны и был ранен, но сумел выбраться с поля боя, прихватив одно нечестивое оружие. Давайте его сюда, сэр Кэлхар.

Солдат, который нес под мышкой длинный сверток, подошел, хромя, к столу, положил на него свою ношу и развернул.

Перед Данилой лежало не что иное, как фитильное ружье, нечто среднее между мушкетом и аркебузой.

— Знаешь, что это такое?

— Разумеется. Таким, или, точнее, очень похожим, воевали в моем мире пятьсот лет назад. Сейчас я гляну, как оно устроено — смогу объяснить, как его сделать.

Ружье с точки зрения оружейника двадцать первого века было странным. Очевидная архаичность в нем сочеталась с передовыми идеями, и первое, что бросилось в глаза Даниле — патронташ, закрепленный на самом оружии, на прикладе и ложе, как это делается на охотничьих и полицейских дробовиках, начиная с двадцатого века. Помимо этого, аркебуза внезапно оказалась казнозарядной со стволом переломного типа, а также преподнесла и другие мелкие сюрпризы.

Через пятнадцать минут Данила, исследовав оружие и патроны, сказал:

— В общем, я готов продемонстрировать, как это работает, но тут всего четыре патрона,

они нам понадобятся при испытаниях. Пока расскажу на словах. Называется эта вещь «аркебуза». Вот здесь защелка, мы «переламаываем» оружие вот на этом шарнире. Вот это называется «патрон», бумажный мешочек, внутри пуля и порох, ну и пыж, наверное. Пуля — это то, чем аркебуза стреляет, шарик свинцовый, а порох — такой порошок, алхимическое вещество, которое и осуществляет сам выстрел. Мешочек надрывается, часть пороха насыпается вот сюда на полочку для затравки, пуля вкладывается в ствол, закрывается пыжом, на пыж насыпается порох, ствол закрывается. Вот эта веревочка на рычажке — фитиль. Его поджигают в начале боя и он тлеет. Когда нужно стрелять, нажимают сюда, фитиль прикасается к полке, затравка вспыхивает, огонь по дырочке в стволе — да, вот эта железная труба называется стволом — проходит к основной массе пороха. Порох вспыхивает очень-очень быстро, в стволе образуется очень много раскаленного газа, и этот газ выталкивает пулю с огромной скоростью, сопровождается это грохотом, огнем и дымом. Пуля летит вперед и убивает, делая в теле дырки. Вот так оно и происходит.

— То есть, ты хочешь сказать, — раздался позади знакомый голос эльфа-советника, — что это колдовское оружие стреляет тем, же что и праща? Свинцовыми шариками?

— Примерно так и есть.

— И тут нет никакой магии?

— Ни капли.

Эльф скептически покачал головой:

— Что-то тут не то. Праща не может ни в теле дыру пробить, ни тем более в доспехах! Против пращ, луков и арбалетов наши защитные заклинания действуют, а против этого вот непотребства — нет!

— Я не знаю ничего о твоей магии, но разница между пращей и аркебузой — в скорости полета пули. Огнестрельное оружие стреляет пулями с такой скоростью, что увидеть летящий шарик невозможно. Пока ты моргнул глазом, пуля пролетает от трехсот до семисот шагов. И на такой скорости она пробивает доспехи, как бумагу, потому что сила пули зависит от ее веса и скорости. Одна и та же пуля, запущенная с разной скоростью, имеет разную силу.

— Давайте все же сделаем один выстрел, — сказал король, — лучше увидеть, чем услышать.

— Как угодно. Пусть один из солдат снимет свой нагрудник и поставит у стены. И все отойдите назад, чтобы никто не пострадал.

Пуля — шарик диаметром миллиметра двадцать два, граммов так на пятьдесят, что характерно для мушкетов, а не аркебуз — вошла в ствол сравнительно легко, Данила протолкнул ее пальцем с небольшим усилием и закупорил ствол пыжом, который действительно был в бумажном патроне. Порох оказался черным, но не гранулированным, а пороховой мякотью, из-за которой дульнозарядные аркебузы на Земле не могли иметь большую длину ствола. Здешний же конструктор решил проблему не изобретением гранулированного пороха, а казнозарядностью, а относительно низкую скорость сгорания мякоти компенсировал количеством.

Остаток пороха Данила затолкал в отверстие, попросив у Роктис шпильку для волос, у стрелка, должно быть, для этого был отдельный инструмент типа минишомпола.

— Так, теперь дайте огоньку и закройте уши.

Он положил аркебузу стволом на стол, направил на стоящую на полу кирасу, левой рукой прикрыл на всякий случай лицо и глаза и нажал на спусковой рычажок. Полсекунды

спустя грохнул выстрел, оружие дернулось в руке.

К всеобщему потрясению, кирасу пробило шутя, деформированная пуля даже оставила вмятину на внутренней стороне спинной пластины.

— Ага!! — взревел хромой рыцарь, — вот нам бы таких побольше, и тогда железным драконам конец!!

— Боюсь, что все не так просто, — возразил Данила, — не знаю, как тут, а в моем мире главный смысл существования железных драконов заключается именно в том, что они неуязвимы для ручного огнестрельного оружия. Думаю, эта аркебуза панцирь дракона не пробьет.

— Плохо, — вздохнул король, — но с такими вот акре... аркебузами воевать будет все равно легче, чем без них.

Данила снова покачал головой.

— Увы, король, все гораздо сложнее, чем ты думаешь. Во-первых, изготовить такое оружие непросто, а его нужно много. Сэр Кэлхар, сколько аркебуз было у врага в битве?

— У-у-у... Множество. Грохотало безостановочно.

— Значит, тысячи стрелков. Либо враг готовился очень долго, либо у него налажен массовый выпуск такого оружия. Я могу сделать не просто такое же, я могу сделать лучше. Но чтобы наладить массовое производство, нужно время, нужны искусные рабочие, и много их.

— В столице и окрестностях нынче двести кузнецов, куют мечи и броню, — подал голос седоусый, — научи как, и мы...

— Научить мало. Самая сложная часть — изготовление ствола. Я знаю семь способов, но некоторые осуществить невозможно. Все способы, даже самые простые, требуют особую оправку. Ствол, как бы он не создавался, формируется вокруг оправки, закаленной прочной, твердой, идеально ровной, абсолютно круглой, имеющей по всей длине одинаковую толщину. Для начала надо изготовить их, и я понятия не имею, как.

— Как это — не знаешь, если оружейник?! — выпучил глаза кузнец.

— А вот так. Я знаю, как изготовить оружие, имея необходимые инструменты. Но изготавливать инструменты, которые подчас сложнее самого оружия — нет. Так что, кузнец, придумай способ сделать идеально ровный твердый прут, абсолютно круглый и одинаковой толщины. Без этого с мечтой о хорошем оружии придется попрощаться. Есть, правда, способ с глубоким сверлением, и он не очень сложен, но на его подготовку уйдет масса времени. Есть вариант изготовить ствол литьем, но нужны рецепты особых, ствольных сталей. Я этих рецептов не знаю, а на эксперименты уйдут не месяцы — годы.

Далее, для аркебуз нужен порох. Его надо много. Я знаю примерный состав, но тут алхимикам придется попотеть... И самое главное. Особое оружие требует особой тактики. У врага есть опыт, у нас нет. Тот факт, что выстрелы грохотали безостановочно, значит, что враги используют особую тактику с перестановкой рядов. Вы сами видели, сколько времени я заряжал аркебузу, до тридцати можно было досчитать. Сноровистый стрелок будет заряжать чуть быстрее, но все равно. Нельзя просто сделать аркебузу, дать солдату и отправить воевать.

— Я понял, нужно много времени, — сказал король. — Но у нас его нет, и это факт.

Данила пододвинул к столу кресло и без приглашения сел.

— Значит, нужно его выиграть, — ответил он. — Для начала, созови сюда алхимиков. Всех, какие есть. Я научу их делать порох, а порох уже сам по себе оружие.

— Все гораздо проще. В соседнем зале ждет министр алхимии.

— Хм... Министр алхимии? Вот уж не думал...

— Арлансия — страна ремесленников и купцов. У нас все отрасли ремесел объединены в огромные гильдии, каждая возглавляется министром, самым искусным и талантливым мастером, который уже постарел для того, чтобы работать самому. Ну-ка, зовите его.

Министр-алхимик Латтус оказался пожилым человеком, лет под шестьдесят, в хорошо сшитом кафтане и с моноклем.

— В Арлансии есть калийная селитра? — первым делом спросил его Данила.

— Селитра есть. И калийная тоже.

— Она горит каким цветом?

— Фиолетовым.

— Отлично. Итак, нам понадобятся селитра, сера и уголь...

Примерно полчаса Данила объяснял ему рецепт изготовления черного пороха. Алхимика шокировало, что сего порошка требуются бочки, множество бочек.

— Ваше величество, — обратился он к королю, — мы не сможем. Мы привыкли готовить мази, краски, эликсиры, белила — склянками, пузырьками, мешочками. Как я, старик, притащу к себе в дом мешки компонентов???

Вместо короля ответил Данила.

— Для начала пусть каждый алхимик изготовит по несколько образцов и тщательно запишет рецепт каждой попытки. Главный признак удачи — хороший порох ярко вспыхивает от малейшей искры. А когда поиски точного рецепта увенчаются удачей — король даст рабочих, и они под вашим руководством будут производить бочками.

Тут Валлендел подозвал эльфа и велел:

— Отправь с министром десять слуг и повозку, пусть привезут все, что надо, куда он скажет!

— Сию же секунду, ваше величество.

Как только министр алхимии ушел, Данила повернулся к кузнецу:

— Второй по важности пункт — оправки для стволов. Сколько времени надо, чтобы хоть попытаться изготовить их?

— Даже не знаю. Никогда не пытался такое сделать... А что там насчет литья? Можно поручить это литейщикам...

— Сталь нужна особая. Одновременно и твердая, и прочная, и на разрыв стойкая.

— Хм... Что, если отлить эти трубки из твердой закаленной клинковой стали, а вокруг них отлить второй слой из прочной доспешной? Эльфы-кузнецы так куют свои сабли, лезвие твердое, остальной клинок прочный. Дело сложное, но лить не в пример проще, чем ковать.

— И сколько такой ствол будет весить? Он должен быть в длину как мой рост, может, чуть короче. А целое оружие будет и того тяжелей. А стрелку еще и доспехи надо носить.

Кузнец чуть подумал и повернулся к королю:

— Ваше величество, что, если стрелками сделать вашу личную гвардию?

Валлендел кивнул:

— Отличная идея, Кадас. Для пробы надо изготовить несколько стволов, а там посмотрим, как лучше, с оправками или литьем.

Кузнец поклонился и вышел.

— А что в этих гвардейцах особенного? — просил Данила.

Роктис из-за спины хихикнула:

— На Гаскулла глянь — поймешь. Что неподъемно для тебя — Гаскулл поднимет вместе с тобой.

Король ухмыльнулся:

— Я по всей стране собирал себе на службу орков-полукровок. А если дело заладится — я договарюсь с гро-Лагатцом, чтобы его воины тоже стали стрелками.

— Гро-Лагатц — орочий вождь?

— Именно.

Данила вспомнил, как всего пара высших орков устроила резню в толпе своих убогих сородичей, и его губы непроизвольно поползли в стороны в волчьей ухмылке: он-то по привычке исходил из земных реалий, но в этом мире инженер-оружейник уже не ограничен лимитами человеческих возможностей.

— Что ж... Орков-то я упустил из виду. — Инженер оглянул, смерил Гаскулла взглядом и повернулся к королю: — если и остальные гвардейцы не намного слабее Гаскулла, то я уже знаю, как мы выиграем достаточно времени. А теперь мне нужна экскурсия по всем гильдиям, что есть в городе. Я должен знать, что они могут, чтобы спланировать производство.

* * *

День они переждали в расщелине, под плащами, на твердых неровных камнях, изнывая от жары, отчаяния и безысходности. Однако с наступлением ночи настроения в отряде немного изменились. Т'Альдин решил немного приободрить остальных.

— Как видите, мы пережили день на поверхности без малейшего вреда для себя, — сказал он, — приятного мало, но и ничего страшного.

— Ну, если не считать того, что мы крайне измотаны и нуждаемся в сне, то да, совсем без ущерба, — фыркнула Каэлис.

Т'Альдин ничего не ответил: он тоже уснуть не смог. Постоянная тревога и осознание полнейшей незащитности перед врагом, который, возможно, вот-вот нападет, поспать не позволили. Ночь началась — а они уже сутки без сна. Хочется есть, но припасов нет. Дело и правда дрянь, а в Подземье у входа наверняка засада.

— Спустимся вниз, к ручью, напьемся, наберем воды. Может, найдем еще ягод или подстрелим чего. Ринкор, стрелы есть?

— Аж три, — мрачно отозвался тот.

— Лучше, чем ничего. Найдем подходящую древесину — сделаем еще.

— Главная задача — оборудовать замаскированное укрытие, — напомнила Каэлис, — только это... кто-то умеет маскироваться на поверхности?

— Что-нибудь придумаем.

Им повезло всего полчаса спустя найти неприметный овражек, окруженный густым кустарником.

— Вот тут и будет наше долговременное укрытие, — решил Т'Альдин, — здесь достаточно близко к холмам, без нужды бродить никто не будет, опасаясь наткнуться на наши ударные отряды.

Секирами и саблями нарубили молодых деревьев, стволы пошли на жерди для настила, сверху жерди перекрыли ветками, овражек под настилом расширили, а землю насыпали

сверху на настил. Деревца рубили под корень, а маленькие свежие пенечки присыпали землей, чтобы случайный патруль не заметил присутствия чужаков. Также нарубили ветвей деревьев с иголками вместо листьев: ветки разлапистые, мягкие. На подстилку годятся как нельзя лучше. Брали аккуратно, срезая одну ветку через две, в итоге не очень и заметно, что деревья слегка проредили. Настил сверху присыпали опавшими листьями. Маскировка, конечно, не очень, но издали не увидеть, да и кусты со всех сторон. Сгодится.

Также на дне оврага по краям навеса сделали высокие, до середины бедра земляные валики, укрепленные кольями.

— Это на случай, если с неба вода польется, — пояснил Т'Альдин, — тут такое бывает. Овраг соберет эту воду и нас просто затопит тут. А так — если будет не очень сильно лить, сверху настил спасет, по дну вода не дотечет благодаря валикам.

В процессе обустройства отряд сумел поймать двух змей. Их зажарили на маленьком костерке, стараясь произвести как можно меньше дыма, точнее, запекли в углях, поделили и съели. Две змеи на одиннадцать голодных ртов — явно мало, но хотя бы удалось лечь спать не с пустым желудком.

Заар'Ти, правда, вообще возражала против костра: дым могут учуять и за пятьсот шагов, и толку тогда с маскировки? Она, конечно, права, но мыслит слишком близоруко.

— Если эльфы унюхают наш дым, — сказал Т'Альдин, — нам крышка, но быстро. Если мы будем есть сырое мясо — ослабеем, подхватим паразитов, переболеем и умрем от голода и слабости. Крышка, но медленно и мучительно. Я голосую за дым.

Все остальные его поддержали.

Остаток ночи и день они отдыхали, и даже урчащие животы не помешали как следует выспаться. Когда солнце зашло, отряд провел короткий военный совет.

— Как и собирались, двигаем к поселению людей, запасаемся провиантом. Самое главное — остаться незамеченными.

— У них могут быть какие-то животные, способные брать след по запаху, как наши ездовые ящеры, — предположил Ар'Кай.

— Не исключено. Значит, на обратном пути сделаем крюк и пройдемся по ручью.

Тут вмешалась Каэлис:

— Это не решает проблему. Положим, людские животные-следопыты дойдут до ручья. Первое, что подумают люди — что украли эльфы...

— ...И если люди нападут на эльфов, нам это только на руку, — закончил мысль Ринкор.

— Ты кретин, — сплюнула Каэлис, — люди не враждуют с эльфами. Они потребуют возместить ущерб. И тогда эльфы узнают, что в лесу скрывается кто-то еще. И что дальше?

— Нет ничего проще, — ухмыльнулась Заар'Ти, — мы вначале запасем провиантом, а потом устроим поджог. Если все припасы взять только в одном месте — пожар скроет недостачу. А если поджечь все поселение с нескольких сторон... Считаю, тогда людишкам будет вообще не до нас.

— Отличная идея, — подхватило сразу несколько глоток.

— Хреновая идея, — покачал головой Т'Альдин, — если обворуем по мелочи, прихватив то, что плохо лежит, ничего страшного не произойдет. Людишки просто начнут тщательнее прятать свое добро, но мы потом все равно отыщем. Вероятность, что нам придется совершить повторный визит за едой, очень велика. Но если устроим пожар — впредь люди начнут лучше охранять свое селение, и тогда разжиться у них съестным будет

труднее и опасней.

Рейд прошел как по маслу. Без единой встречи отряд добрался до людского поселения.

— В крайние дворы не заходим, — велел Т'Альдин, — искать провиант надо чуть ближе к середине. Тогда больше шансов, что друг на друга подумают.

В первом же дворе, в который пожаловали, заглушив собаку — некрупного трусливого зверька, прикованного к конуре — обнаружилась постройка, совмещающая амбар и хлев. Пока Т'Альдин раздумывал, как бы половчее да потише утащить какую-нибудь живность, Ар'Кай тронул его за плечо и показал на языке жестов: «оставь их, тут полно готовой еды».

В амбаре на крючьях висел очень даже немаленький запас копченого мяса, окороков и колбас. Т'Альдин чуть подумал и показал: «берите столько, сколько могут унести двое».

«Мало!»

«Есть идея. Возьмем в двух местах понемногу».

Они припасли мяса и тихо покинули хозяйство, спрятавшись в саду.

— Сейчас надо найти такой же амбар в соседних дворах, но не в самых соседних, а через один слева или справа, — шепотом объяснил Т'Альдин, и тогда, если обворовать два двора через один — хозяева подумают на соседа между ними. Посеем ссору и подозрения — отвлечем от поиска настоящих воров.

Сказано — сделано. Во втором амбаре прихватили еще окороков, Каэлис нашла мешок и в довесок прихватила нескольких небольших нелетающих птиц.

— Зачем тебе птицы? — спросил Т'Альдин шепотом, когда они выбрались в сад.

«Я хочу горячего бульона», показала та в ответ.

— А почему ты знаками говоришь? Тут нас уже не услышат.

«И ты меня не услышишь, я наложила «круг тишины» на мешок! Птицы галдят ужасно!!»

Уходя, они нарвали с деревьев круглых плодов, твердых, но сочных и сладких.

— Только мяса надо было больше взять, — посетовала Заар'Ти.

— Нет. Мы взяли в двух местах по столько, сколько мог бы унести сильный человек. Взяли бы больше — стало бы понятно, что вор не один был.

Обратно они вернулись перед самым рассветом, подкрепились копченым мясом и плодами, затем, уставшие, попадали спать.

День прошел спокойно, к закату отряд восстановил силы, все-таки спать с сытым животом — совсем не то же самое, что с жалким куском жареной змеи в желудке.

— И какой у нас план дальше? — спросил Ар'Кай.

— Сейчас поедим и пойдем на разведку. Где садится солнце, мы уже знаем. Разведаем путь в том направлении на расстояние половины перехода, поищем укрытия вроде этого. Других вариантов у нас пока нет. Каэлис с кем-то еще останутся здесь, теперь, когда у нас есть припасы, надо стеречь их от лесной живности. А заодно и бульон надо кому-то варить.

— Рискованно, — покачал головой Ринкор, — запах мяса...

— Мы рискуем самим фактом пребывания на поверхности, и что дальше? У нас есть варианты?! Их нет. Путь к далеким горам — неблизкий, тридцать переходов мы могли бы пройти за тридцать ночей, если б точно знали, где искать укрытия днем, но мы не знаем, мы вынуждены укрытия искать и строить. Делая максимум по половине нормального перехода за ночь, мы очень нескоро одолеем путь. Минимум шестьдесят суток наверху, это в лучшем случае, и все это время нам надо хорошо питаться. Начет запаха мяса ты прав, могут и хищники наведаться, оставим в лагере четверых.

Так они и поступили.

Сразу после того, как отряд выдвинулся на запад, им улыбнулась невероятная удача. Когда отряд затаился у дороги и осмотрелся, нет ли кого поблизости, в сотне шагов от них из придорожных зарослей появилась одинокая фигурка, перешла через дорогу и скрылась меж деревьев. Т'Альдин успел рассмотреть ее: молодая эльфийка, видимо, лунная, хотя одежда — как у лесных эльфов. Из оружия — только сабля, на спине — котомка.

Отряд сразу же перешел на язык жестов.

«Берем живой и невредимой», показал Т'Альдин.

«Враг недосчитается ее и узнает, что мы рядом», ответил Ар'Кай.

«Плевать. Это наш самый лучший шанс».

«Есть план?»

«У меня всегда есть план».

* * *

День прошел в трудах и беготне, и даже нормально поесть Даниле удалось только поздно вечером, днем пришлось довольствоваться перекусом на скорую руку в карете. Карету король пожаловал инженеру для выполнения служебных обязанностей, прикомандировав к нему, помимо Гаскулла и Роктис, еще и своего советника-эльфа, который имел достаточно полномочий, чтобы Данила смог пройти куда угодно и незамедлительно встретиться с кем угодно.

Однако свои результаты все эти муки принесли: теперь он точно знал, что технологический уровень развития, теоретически, позволит наладить производство огнестрела. Теперь дело за алхимиками да кузнецами.

Кроме того, Даниле удалось разжиться чертежными принадлежностями. Он с ужасом пытался представить себе, каково это — чертить гусиными перьями, но эльф выход из положения нашел быстро и приказал кучеру править в цех часовщиков. Тут Данилу снабдили и хорошей бумагой, и «эльфийскими стилусами», которые на деле оказались близкой родней карандашам. Тонкие, длиной как обычные карандаши для черчения, целиком и полностью состоящие из стержня, без деревянной оболочки. Состав — явно не графит, но следы на бумаге оставляет отлично и не ломается в пальцах, а большего и не надо.

Помимо этого, осмотрев оборудование часовщиков, примитивное по меркам двадцать первого века, но достаточно передовое для средневековья, Данила решил, что изготовление ударно-спусковых механизмов поручит именно часовщикам, хотя их еще разработать предстоит.

Вечером по настоянию Разумовского эльф-советник кратко ввел его в курс военных дел, и услышанное инженеру совсем не понравилось.

Лет пятьсот назад серые гоблины кишмя кишели практически везде, где могли найти убежище от людей, быстро становились бичом любых мест, куда сами могли дотянуться и даже начали истреблять обычных, болотных гоблинов, захватывая их ареалы обитания. Когда терпеть этот мелкий, но безумно злобный народец стало невмоготу, сразу несколько королевств устроили одновременную кампанию по их искоренению. Однако планируемый геноцид внезапно обернулся войной: серые гоблины оказали неожиданно эффективное и организованное сопротивление. Примитивные, не имеющие никакой промышленной базы,

они несколько лет вели партизанскую войну против регулярных армий, используя все, что могли заполучить грабежом и налетами. Людские короли в итоге попросили помощи у эльфов, те выбили гоблинов из лесов, а затем люди выбили их и с равнин. Немногие уцелевшие скрылись на юго-востоке, уйдя в неизведанные края за мрачными, высокими горными массивами, а тех, что пытались отступить на юг, истребили хозяева южных степей — орки.

Серые гоблины стали сказкой, которой пугали детей, весь мир пребывал в уверенности, что сбежавшие давно истреблены дварфами, безраздельно властвовавшими в горах на востоке и юго-востоке.

И вот, спустя пятьсот лет, они вернулись невиданным числом, с новыми союзниками, выродившимися орками, и с нечестивым оружием.

Первыми жертвами новой войны пали несколько восточных княжеств: их небольшие армии оказались не в силах устоять против орков, которых гоблины привели с собой в огромном количестве. Серая чума, как назвали возникшую опасность, выждала, давая очередному противнику — королевству Модеш — время на сбор сил. Как выяснилось, не от доброты душевной: в генеральном сражении Модеш потерпел полный разгром, из восьмидесяти тысяч солдат спаслось меньше пяти сотен. Однако победа эта была куплена ценой потери большого количества орков, о нечестивом оружии еще никто не знал.

Серая чума походя захватила земли еще пары княжеств и вышла на границу с Тархалоном. Война длилась недолго: в битве гоблины впервые применили огнестрельное оружие, уничтожив по меньшей мере пятьдесят тысяч тархалонских солдат из полутора сотен тысяч. В Тархалоне серая чума сделала передышку, осаждая все укрепленные города. По свидетельствам выживших очевидцев, гоблины никогда не шли на штурм, предоставляя жителям съесть все свои запасы и либо вымереть от голода, либо предпринять прорыв и погибнуть в бою. Никаких переговоров о сдаче гоблины не вели в принципе, в парламентаров стреляли сразу. По мнению воевод и самого короля, отдельные города в Тархалоне, возможно, все еще держатся и простоят, может быть, еще год или больше, пока не закончатся припасы.

— Получается, гоблины пришли отомстить за геноцид, который устроили им пятью веками раньше? — спросил Данила.

— Неверно, — покачал головой эльф. — Геноцид как раз и был мезтью... Даже не мезтью, а просто уничтожением непримиримого врага. Самозащитой высокоразвитых рас от тварей, с которыми невозможно мирное сосуществование. Видишь ли, серые гоблины — гнуснейшие твари на свете. Чтоб ты понял — их хитрость, приспособляемость и способность к обучению, характерные для всех гоблинов, не знают себе равных. Они настолько же изворотливы и хитры, насколько сильны орки и ловки эльфы. Но зеленые гоблины — народец глуповатый, ленивый и очень примитивный. У них нет ни морали, ни совести, ни стремлений, они не владеют даже самыми примитивными искусствами, не умеют мечтать. Поест, попить бражки, притащить в свое логово пожрать своей семье, поспать, стырить себе что-то на одежду и какие-нибудь плохо лежащие вещи для обустройства быта — и все. Весь круг их интересов на этом заканчивается. В некоторых районах Арлансии, где водятся болотные гоблины, их используют как глупых, но дешевых рабочих, которые охотно трудятся за еду, выпивку и пару медяков. Пока гоблину хватает на его ограниченные потребности — он совершенно беззлобен и безобиден. Я бы сказал, что они не умеют ни злиться, ни делать пакости. Слишком примитивны.

— Да вот не скажи, — Данила вспомнил глумливую ухмылку давешнего кабаньего наездника и поежился, — когда меня перекрашенный гоблин по лесу гонял с ножиком наперевес, мне казалось, он ловит лютый кайф от процесса...

— Знаю, о ком ты. Умные гоблины — единичны. Некоторые из них достаточно умны, чтобы поступать на службу и делать карьеру, обладая вполне человеческим интеллектом, они сохраняют также и свои хитрость и находчивость. Это они додумались приручать кабанов, как серые гоблины, делать доспехи, похожие на доспехи серых гоблинов, и действовать как разведчики и диверсанты. И знаешь, что интересно? Идея приручить кабана и посадить на него крашеного гоблина не пришла в голову ни единому человеку, эльфу или орку. Но вот гоблины до этого додумались все поголовно, независимо друг от друга. И «твой» гоблин, заметь, сработал очень остроумно. Вначале перехватил контроль за отрядом орков, лишенных командира, затем, заметив тебя, отправил их в разные стороны, а потом преспокойно погнал тебя на свой разведывательный отряд.

— Так мой товарищ все-таки убил того серого уroda...

— Да. Та медаль, что ты принес королю — именная бляха гвардейца-ветерана. Тот человек служил королю двадцать пять лет, и даже в старости, в решающий момент, сумел послужить стране еще раз.

Но вернемся к серым ублюдкам. Серые гоблины, в противовес зеленым, умны и агрессивны, но не способны усмотреть в другом двуногом существе брата по разуму. Эльфы, люди, даже зеленые сородичи для серого гоблина — такая же добыча, как олень и заяц. С той разницей, что человек использует оружие для обороны, но зато убежать не может, в отличие от зайца.

— Меня пытался допрашивать один такой гоблин...

— Да, серые учатся очень быстро, чужие языки схватывают на лету. Но... как бы тебе объяснить...

— Я объясню, — вмешалась Роктис, — Данила, ты не эльф. Как относишься к тому, чтобы поесть эльфийского мяса? Например, Йонгаса скушать?

— Ты издеваешься? Каннибализм — варварство, по крайней мере, в моем мире! Это гнусно!

— Вот-вот. Каннибализм — поедание себе подобных. Ты не эльф, но все равно усматриваешь в нем себе подобного. Двуногие говорящие не едят двуногих говорящих. Даже убогие зеленые гоблины могут съесть друг друга или, скажем, человека лишь в самом крайнем случае. Мы все видим определенное родство между нами. А серые — не видят. Серому что олень, что ты. Ты на двух ногах, умеешь говорить и умный — вся разница. Все, что не серый гоблин — то серому гоблину добыча. Просто добыча. Он может говорить с тобой, предлагать сделки, которые сам не выполнит, задавать вопросы, давать обещания, которые не сдержит — но ты для него олень. Только говорящий. Я тебе больше скажу. Своих слуг, падших орков, они тоже едят, если надо, и не брезгуют.

— И орки это знают?!

— Знают, но проблемы не видят. Они ведь такие же каннибалы. Хорошая компания подобралась.

— Думаю, я понял.

— Ну, теперь ты знаешь, почему их пытались истребить, — сказала Роктис, — у всех свои недостатки, допустим, так называемые высшие эльфы вроде Йонгаса презирают всех, кто не высший эльф, но при этом не стремятся завоевывать и грабить. С орками та же песня,

они не прочь и повоевать, если что, но имеют странную штуку под названием «кодекс»...

— ...И даже подлые и бессердечные дроу, способные на любую низость и понятия не имеющие, что такое «кодекс» и «честь», хоть и видят все всех не-дроу врага, но хотя бы более-менее равного врага, а не мясо, — подхватил Йонгас.

— Что значит подлые и бессердечные?! — возмутилась Роктис, — у нас точно такие же сердца, как и у всех остальных! И мы всегда честно выполняем свою часть сделки!

— Ну да, выполняете, но только пока это выгодно.

— Только идиот выполняет невыгодную сделку.

— В который уже раз ты назвала всю династию Валленделов, включая пригревшего тебя Рейнара, мир его праху, идиотами?

— Они тут при чем? Валленделы не идиоты, они такие же расчетливые, как и мы, дроу. В их случае им выгоднее выполнять невыгодную сделку, чем потерять репутацию никогда не лгущих.

— Святые боги, о чем я спорю с дроу?..

— Правильно. Никогда не спорь со мной, потому что я права и ты это сам знаешь!

Данила, выслушав эту перепалку, только усмехнулся:

— Надо же, какие вы все дружные и хорошие... Братская любовь прямо через край хлещет. Слушай, Йонгас...

— Вообще-то Йонгарриваллиниэллис. Но мне проще смириться с укороченным именем, чем людям — выучить его полностью.

— Это правда, что твой народ считает остальных хуже, а себя — лучше?

Йонгас пожал плечами:

— Мы не считаем себя лучше. Мы и есть лучше. Я не знаю, каковы люди твоего мира — но здешние люди в общей массе хуже нас. Мы выше, сильнее, быстрее, умнее, живем дольше, у нас не рождаются калеки и уроды, мы многократно лучше одарены чувствами и магией, нам в меньшей степени свойственны злоба, жадность и прочие характерные для людей черты. В чем люди нас опережают — так это в агрессивности и плодовитости. Во всем остальном эльфы лучше. Темные эльфы? Да, они не глупее нас, у них своя, отвратительная, но развитая культура... Но они сам видишь какие. Орки... Орки тоже нам по мелочам уступают. Правда, из-за их грубой силы им проблематично это сообщить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Данила снова усмехнулся: еще один расист.

— А что ж ты, само совершенство, подался людским королям в услужение? — с сарказмом спросил он, — да и потом, я тут на улицах видел других эльфов. Что они забыли в городах людей?

— О том, почему несколько поколений Валленделов лезли из кожи вон, чтобы уговорить часть моего народа переселяться в свои города, спроси у короля, — надменно ответил эльф, — и кстати, пока мы не научили людей строить подземную канализацию, их города представляли собой сплошные вонючие сточные канавы, полные помоев и фекалий. Так что мне не понять причину твоего сарказма.

— Ну, это больное место, как бы. В нашем мире тоже были такие, кхм, товарищи, считавшие себя высшей расой. Для них та история хреново закончилась. Но с тех пор нормальные люди моего мира плохо реагируют на утверждения кого-либо о своем мнимом превосходстве.

— Увы, боги создали нас всех неодинаковыми, а значит — неравными. Это данность,

смысла протестовать против нее я не вижу.

Роктис хихикнула:

— Ты ничего не докажешь высшему эльфу, душенька.

Йонгас скрестил руки на груди:

— А мне и не надо ничего доказывать. Кому нейдется — пусть доказывает серым гоблинам.

— Знаете, мне кажется, король в чем-то прав, — сказал Данила. — Вы ведете себя, как парочка склочных детишек. Прервали рассказ о враге, чтобы поругаться друг с другом, в то время как серая чума все ближе и ближе. Мы все, полагаю, вряд ли подружимся, но раз нас угораздило оказаться в одной передраге — может, отложите свои прения на потом и сосредоточьтесь на насущных проблемах?

Йонгас согласился и продолжил лекцию.

На границе с Арлансией гоблины внезапно изменили свою политику по отношению к завоеванным территориям. Местных жителей начали сгонять в концентрационные лагеря для использования в качестве рабов на различного рода работах. В то же время разведчики-эльфы, оставшиеся в тархалонских лесах после массового исхода своих общин из Тархалона, сообщали, что и Модеш, и восточная часть Тархалона в буквальном смысле слова обезлюдели. Захватчики выжигали все, истребляя человеческое население полностью, лишь молодых и детей угоняли, чтобы использовать в пищу.

Вскоре двадцатитысячная армия серой чумы вторглась в Арлансию, разгромила армию покойного короля и опустошила восточные области. Одновременно с этим из Тархалона выдвинулись экспедиционные корпуса на север и юг, но на севере застряли в бескрайних эльфийских лесах, где длинноухие при поддержке местных людских княжеств неплохо держали оборону, на юге же кампания против орков обернулась для гоблинов крахом, причем во второй раз. Впервые они попытались вторгнуться в степи сразу после уничтожения Модеша и понесли потери. Вторая попытка закончилась с тем же итогом: гоблины учли ошибки, но и орки, как оказалось, тоже не лаптем щи хлебали.

— Почему бы не попросить помощи у орков? — спросил Данила, — ведь враг же общий.

— Их возможности не так велики, как кажется, глядя на них. В открытом бою орки неудержимы и способны небольшим отрядом разбить многократно превосходящую армию, но это очень малочисленный народ. Орки живут долго, рождаются редко, взрослеют медленно. При этом они не умеют вести затяжные войны и осады. Их налеты на вражеские территории и города молниеносны, атаки быстротечны. В своих бескрайних сухих степях они непобедимы, их нельзя завоевать, потому что у них нет городов, орочий клан снимается со стоянки за час и уходит, оставляя только воинов. Воины нескольких кланов, объединяясь в одну орду, превращаются в очень грозную и подвижную силу, которая навязывает непрошенным гостям войну по своим правилам. Орки опасны даже поодиночке, случай, когда сорокатысячное войско Тархалона было уничтожено до последнего человека шестью молодыми орками, вообще стал легендарным, но за пределами родных степей они не так сильны...

— Сорок тысяч — вшестером?!! — не поверил ушам Данила.

— Так об этом говорят сами орки, но учитывая, что они никогда не лгут, я не сомневаюсь в правдивости рассказов. На самом деле, там битвы не было как таковой. Тархалон, да и все соседи тоже, давно облизывался на золотые залежи в землях орков, но

сами орки чтят золото как святыни. Когда небесный дракон Солнце схватился с двумя другими драконами-лунами, капли его крови падали на землю и застывали. Так что добывать золото на своей территории они не позволяют, но желающих всегда много. Когда экспедиция из Тархалона вторглась в степи, поблизости находился лишь один клан, воины которого участвовали в войне орды с Модешом. Клан ушел вглубь степей, оставив для разведки шестерых молодых воинов, проще говоря, подростков. Орки, действуя хитростью, создали впечатление, что вокруг тархалонцев смыкается окружение, и выманили их поглубже в степи. Тем временем по следам армии шли несколько девушек — они так же выносливы, как и мужчины — и отравляли все колодцы, это стандартный прием орков.

На ночь армия образовывала оборонительный круг из обоза, и их смертельной ошибкой было ставить телеги-бочки в этот круг. Выманив врага достаточно далеко, орки ночью предприняли атаку, целью были именно бочки. Они проламывали их одним ударом топора и под градом стрел бежали к следующей. После боя выжили лишь двое орков из шести, но тархалонцы остались без воды, после чего жара сделала все остальное. Из похода не вернулся ни один человек, и долгое время никто даже не знал, какая судьба постигла армию.

Что же до серой чумы, то первое сражение с орками закончилось для нее полным разгромом, потери — восемь тысяч гоблинов и павших орков. Орки потеряли около двухсот воинов, в основном, от нечестивого оружия, для них это очень ощутимые потери. Потому приграничные кланы ушли вглубь степей, а орда, разделившись, долго водила вторую экспедицию кругами, не вступая в сражение. Когда гоблины решили устроить облаву — разделили свои силы на отряды. Орки этим воспользовались, так что обратно гоблины вернулись с потерями и без своих безмозглых союзников. В целом, второй поход закончился для серых неудачей, но потери сторон были невелики. И вот теперь орки пытаются решить, как воевать дальше, а один вождь собрал жадных до славы добровольцев и теперь выжидает на самой границе, смотрит, как мы будем действовать. Ну а если там появятся небольшие отряды врага — их ждет неприятная встреча. Словом, если у нас будет стоящий план — орки нам помогут, во-первых, потому что враг общий, во-вторых, потому что у нас добрососедские отношения, но вступать в полномасштабную войну и платить за нас дорогую цену кровью они не станут.

Когда карета подъехала к дворцу, произошел небольшой инцидент. У ворот собралась группа людей, хорошо, насколько мог судить Данила, одетых, и как только они заметили карету — сразу же выстроились в ожидании в два ряда. Однако их очень удивило, что из экипажа вышел Данила, в сопровождении Йонгаса, Роктис и Гаскулла. Со всех сторон посыпались вопросы: а где же король?

— Если б вы были нужны королю — знали бы, где он! — отрезал Йонгас.

Вернувшись в свои апартаменты — спальная комната и своеобразный «тамбур» охранника — инженер поужинал, благо, первый раз за день накормили хорошо и вкусно, и лег спать. Правда, выспаться снова не дали.

Посреди ночи его разбудили стуком в дверь. Ворча различные теплые словечки в адрес тех, кто не дает ему отдохнуть, и спотыкаясь впотьмах, Данила выглянул и увидел полуорка-охранника, не Гаскулла, а другого, Роктис, тоже зевающую, двух солдат из дворцовой стражи и зажатого между ними парня простецкой, деревенской наружности в не самой чистой одежде.

— Это министр-кузнец посыльного прислал, — пояснила Роктис, — посреди ночи приперся ко дворцу и настаивал, что должен незамедлительно передать что-то министру-

оружейнику. Такого министра у нас нет, но начальник охраны решил, что это ты. А потом они разбудили меня...

— Так отпустите его, че вы его под руки держите, словно пьяницу, — проворчал Данила.

— Ну мало ли, ваша светлость, вдруг у него кинжал или пика. Вас приказано пуще головы беречь, — ответил охранник.

Парнишка, запинаясь, сообщил, что принес от мастера вещи, которые «его светлость» Данила вроде бы велел изготовить, но вещи отняла охрана. Старший из солдат принес сверток, действительно длиной с пику, с собой.

— Давай сюда, — сказал Данила.

Сверток оказался весьма тяжел: в холщовую грубую ткань были завернуты длинный прямой стержень и толстостенная массивная труба, и то и то длиной метра в полтора.

— Зажгите светильники, факелы или что тут есть, — велел инженер.

Роктис свистнула, в комнате внезапно стало светлее, и Разумовский только теперь обратил внимание, что свет исходит не от огня, а от кристалла размером с небольшой огурец, светящегося странным внутренним светом. Магия, мать ее.

Труба оказалась не чем иным, как стволом.

— Это литейщики сделали из сталей, что мастер им принес, — пояснил парнишка, — а вот это мастер сам сделал.

«Это» был стержень, длинный, прямой и отполированный, толщиной с указательный палец. Данила сразу же испытал его на прочность, положив одним концом на пол, вторым на край стула, посередине уперся ногой и стал постепенно переносить на эту ногу вес тела. Стержень на прогиб не поддавался. Проверка «на глазок» показала, что он, видимо, совершенно ровный, а разница в диаметрах на концах оказалась менее миллиметра.

— И сколько твой мастер этим занимался?

— Ну, этим вот — после обеда и до сей поры, ваша светлость. Но перед этим он несколько других сделал — видимо, не подошли.

Итак, сделать оправку, вроде бы подходящего качества, старому кузнецу все-таки удалось. Как — потом спросит, если время будет, это непринципиально. А пока главный вопрос — в стволе.

Ствол Данилу не разочаровал. Правда, весит дай боже, не меньше пуда, но и неудивительно: два слоя разных сортов стали, внутренний — толщиной сантиметр примерно, внешний — полтора. Калибр — миллиметров двадцать пять.

— Значит так, — сказал инженер, — мастер твой отлично поработал. Как выпится после трудов праведных — пусть приходит, будем совет держать. А это пока тут пускай будет.

Парнишка поклонился, и охрана сопроводила его прочь. Данила при этом поймал себя на мысли, что он сам сердился из-за прерванного сна — а кое-кто, оказывается, работал до глубокой-глубокой ночи и не успокоился, пока не сделал, что надо и как надо. Видимо, недаром министр кузнецов. Если и остальные мастера да ученые тут не хуже — дело может вполне выгореть, да так, что у всякой серой швали шкурки пообугливаются.

Глава 6

Больше всего Т'Альдин боялся, что его команда сплехует. Его-то учили, как надо брать пленных, но остальным примерно по двадцать пять, их этому должны были учить только через три года, в самом конце полного курса боевых действий и поведения на поверхности.

«Брать только живой, иначе все пропало!», экспрессивно жестикулируя, показал он.

Группа, рассыпавшись в цепь, неслышно следовала позади ничего не подозревающей жертвы, постепенно охватывая ее полукругом.

«Ар'Кай, за мной! Ринкор, следуй с другой стороны!»

Ответом стали два знака «понял».

Жертва шла размашистым, энергичным шагом, придерживая на плече котомку. Судя по пластике движений и манере держать правую руку на поясе, недалеко от рукоятки сабли, драться умеет. К тому же она высокая и крепкая, один на один у Т'Альдина могли бы возникнуть проблемы, это в лучшем случае равный противник. Но он ведь и не собирается драться, весь вопрос в том, как взять полуночицу, не оставив ей никакого шанса на бегство и при этом не повредив. План, конечно, есть, нужны подходящие условия.

Он снова попытался прогнать страх. Одна ошибка любого в их отряде — и все, конец, неотвратимый, неизбежный. Да, у жертвы, которая еще ничего не поняла, ни малейших шансов уйти, но взять ее мало, надо взять невредимой.

Тропинка, протоптанная животными и, возможно, самими эльфами, вела в обход невысокого холмика. Т'Альдин видел, как его отряд смыкает круг, добыча, хоть с виду и лунная, еще ничего не заметила. Лунные эльфы в темноте видят хорошо, но только по меркам поверхностников, способности видеть тепло тел у них нет. Вот и небольшой поворот неподалеку, огибающий многовековое дерево. Хорошее место.

«Заар'Ти, пошуми!»

Послышался хруст сломанной ветки. Жертва застыла, всматриваясь в сторону, противоположную той, откуда подкрадываются Т'Альдин и Ар'Кай.

«Я понизу, ты сверху, помешай кричать».

«Понял».

«Ринкор, Заар'Ти, вы сразу после нас».

«Понял».

Лунная поспешила прочь, ускорив шаг, должно быть, что-то заподозрила. Но это уже неважно, Т'Альдин и Ар'Кай поджидают ее, скрываясь за толстым стволом дерева.

Т'Альдин бросился вперед, нырнув под ноги и попытавшись обхватить лодыжки, но жертва отреагировала мгновенно, буквально свалившись на него сверху коленями и перекатившись. У Т'Альдина сперло дыхание, но он умудрился ухватиться за какой-то ремешок на сапожке. В следующий момент Ар'Кай свалился сверху, не дав лунной вскочить на ноги. Жертва снова проявила отличные навыки, сумев просунуть свою руку подмышкой Ар'Кая и почти сбросить его с себя ловким приемом, но тут уже Т'Альдин уцепился за ее запястье и завернул руку за спину. Лунная опять извернулась и даже почти вырвалась, но в этот момент на нее набросились Ринкор и Заар'Ти, а секундой спустя и все остальные. Всемером скрутить одиночку труда не составило.

Ее плащ сорвали, порезали на ремни и крепко связали ими руки, ноги, заткнули рот кляпом, завязали глаза.

Т'Альдин, тяжело дыша, осмотрел жертву. Крови не видно, вроде ничего не сломано. Удача поймана за хвост, теперь бы не упустить.

— И что дальше? — сопя, прошептал Ринкор.

— Возвращаемся в укрытие, что же еще.

— Надо ей ноги развязать, — заметил Ар'Кай.

Т'Альдин покачал головой:

— Бесполезно. Она сама не пойдет, прекрасно знает, что ее ждет в нашем Подземье.

— Давай скажем, что мы не собираемся приносить ее в жертву?

— Она тебе не поверит, что бы ты ни сказал. Так что нести придется все равно.

Обратный путь был долог, пленница оказалась немного тяжелее любого из них, а в отряде из женщин — одна Заар'Ти, потому что Каэлис и третья, Саами'Дан, остались в лагере. Сменяя друг друга, они принесли свою добычу обратно, к немалому удивлению остальных четверых.

— И что мы будем с ней делать? — спросила Каэлис.

— Заставим быть нашим проводником, конечно же.

— Гениально!

Очередная неискusstная попытка польстить. Т'Альдин почти пожалел ее: не привыкла подлизываться к мужчинам, бедняжка.

— Посадите ее сюда, к дереву, — распорядился он и повернулся к Каэлис: — а ты от бульона не отвлекайся, чтобы не переварить.

Присев возле пленницы на корточки, Т'Альдин снял с ее глаз повязку. Как и ожидалось, его сразу же одарили взглядом, преисполненным ненависти и бесконечного презрения. Ничего удивительного.

— Пожалуй, я сейчас скажу то, что ты ожидаешь услышать в последнюю очередь, — медленно и четко произнося каждое слово, проговорил он, — и хотя поначалу ты мне не поверишь все равно, но мы тебе не враги.

Реакции не последовало. Т'Альдин дал пленнице несколько секунд на осмысливание услышанного и продолжил:

— Обстоятельства таковы, что мы не желаем вреда ни тебе, ни твоему народу. Нам нужна небольшая помощь, после чего мы исчезнем так же, как появились, и больше никогда сюда не вернемся.

— А ты уверен, что она тебя понимает? — с сомнением спросил Ар'Кай.

— Нет, не уверен, но попытаться стоило. Впрочем, с кляпом во рту она и не сможет ответить...

— По-моему, она даже не пытается что-то сказать, — мрачно заметил Ринкор.

— Пока рот не развяжем — не узнаем, — вздохнул Т'Альдин, развязал кляп и спросил: — ты меня понимаешь?

Ответом стала реплика, в которой он услышал слова, очень отдаленно похожие на «идиот» и «хотеть», или может, просто звучат сходно. Все остальное — совершенно непонятно.

— Этого я и опасался, — вздохнул Т'Альдин, — она на нашем языке не говорит. Как и мы — на ее.

— Ну и что теперь?! — спросил Ринкор. — Эльфы хватятся ее через несколько часов, в лучшем случае к утру-полудню, а мы с мертвой точки не сдвинулись. Что теперь делать прикажешь, ломануться вперед, не зная ни дороги, ни укрытий?! Твой план с треском

провалился, и теперь все мы...

— И плевать, — спокойно ответил Т'Альдин, — помимо основного плана, у меня также всегда есть и запасной.

— И?!

— Вначале поедим, а план мне еще надо как следует обдумать.

Тем временем женщины выпотрошили котомку пленницы в поисках чего-либо полезного, но обнаружили только целую кучу мешочков с неизвестными снадобьями. Саами'Дан, понюхав содержимое одного из них, несколько раз громко чихнула.

— Да эта дрянь пахнет так, что нюх отшибает! Не яд ли?

Заар'Ти отняла у нее мешочек и пренебрежительно заметила:

— Не надо трогать то, о чем ничего не знаешь. Но тебе простительно, откуда младшей дочери какого-то нищего Дома хоть что-то знать о пряностях с поверхности?!

Т'Альдин тяжело вздохнул. Если характер дрянной — то, надо думать, навсегда. Ну и ладно, ему давно хотелось это сделать. Он подошел к Заар'Ти, присел рядом с ней на корточки и вlepил ей звонкую, размашистую пощечину.

Заар'Ти вскочила на ноги и застыла с лицом, выражающим предельное изумление, граничащее с шоком. Пощечина женщине от мужчины это примерно как столоктевый василиск: теоретически возможно, но на практике никто никогда такого не видел.

Т'Альдин медленно, словно нехотя, выпрямился и вlepил ей еще раз. Заар'Ти схватилась за саблю и наполовину вытащила ее из ножен, когда вокруг защелкали взводимые самострелы.

— В чем дело, Заар'Ти из Дома Но'Джир, одного из трех самых влиятельных Домов На'ирризанда? — спросил он и отвесил новую пощечину. — Ты там саблю вынуть собиралась? Давай, вынимай. Я за свою даже братья не стану.

Т'Альдин снова закатил ей пощечину, и уже посильнее. В глазах Заар'Ти он легко читал полную растерянность, шок, безумную ярость, вызванную неслыханным унижением, и четкое понимание того, что покарать жалкого мужчину лютой смертью ей не позволят остальные.

— Что же такое, Заар'Ти из Дома Но'Джир? — вкрадчиво заговорил Т'Альдин, вlepил очередную пощечину, по силе граничащую с оплеухой, и принялся сопровождать каждое последующее предложение все более и более сильным ударом: — я говорил тебе, ты не поняла слов. Здесь больше нет ни нашего города, ни наших Домов. Здесь нет наших матерей, наших жриц, алтарей, боевых отрядов. Здесь нет твоих сестер, здесь нет твоих слуг. Здесь есть только ты. И теперь ты стоишь ровно столько, сколько стоишь. То есть, почти ничего. Все, что у тебя есть — чуть больший рост и чуть большая сила, да не самая высокая боевая сноровка. Твои наглость и заносчивость всегда бесили меня, мне давно уже хотелось тебя убить. Воткнуть пару лезвий тебе в живот и посмотреть, как ты корчишься. Я не стал этого делать ни тогда, ни сейчас. Но тебе пора понять, где твое настоящее место. Ты теперь не выше и не лучше никого из нас. Ты такая же, как все... только наименее полезная.

Заар'Ти, которой гордость не позволяла склониться перед мужчиной, а благоразумие не позволяло сопротивляться, казалось, с каждым ударом становилась все меньше ростом, пока не упала на колени. Когда Т'Альдин занес руку в очередной раз, она втянула голову в плечи и попыталась закрыть слегка опухшее лицо руками.

Т'Альдин снова присел рядом с ней на корточки и почти ласково произнес:

— Вот теперь к тебе, кажется, пришло понимание, что к чему. Если ты еще раз

попытаешься смотреть сверху вниз на любого из нас — я тебя просто прикончу. И учти: раньше я не убил тебя, потому что у тебя была влиятельная семья. Позже — не прикончил потому, что мы все попали в беду. Но вот прямо сейчас ты мне уже не нужна, так что живи себе, но помни свое место.

Он поднялся, окинул всех взглядом и сказал:

— Оружие можете попрыгать, давайте поедим уже, наконец.

— Ты только что нажил себе смертельного врага, — заметил Ар'Кай, — мне кажется, что ты меняешься прямо на глазах. Раньше ты всегда был самым уравновешенным из нас, а теперь...

— А я и сейчас уравновешенный, — возразил Т'Альдин, — если ты прямо сейчас спросишь меня, почему я не убью Заар'Ти, мне даже нечего будет тебе ответить. И если она все еще жива — то только потому, что я по-прежнему не даю волю своим эмоциям.

— Ты действительно перегнул палку, — вмешался Ринкор, — корчишь из себя невесть что...

— А ты захлопни пасть, щенок! — резко приказал Т'Альдин, — ибо тебя касается все то же самое, что и Заар'Ти! Просто тебе для размышлений: ты в списке из четырех персон, бесивших меня сильнее всех, которых я собирался убить при первой же возможности, занимаешь почетное второе место, обогнав даже такого урода, как Л'Тилл, и уступив первенство лишь Заар'Ти! И что особенно важно — что ты, как и Заар'Ти, мне тоже уже не нужен. Усек? Помалкивай, если мне понадобится знать твое мнение — сам спрошу!

Несколько секунд прошли в тишине, затем Каэлис негромко спросила:

— А четвертым номером в твоем списке, надо думать, был Лу'уд?

Т'Альдин в ответ ухмыльнулся:

— Нет. Четвертой была ты.

* * *

Наутро Данила вплотную занялся трофейной аркебузой. Вначале он отправил посыльного, или, точнее, Йонгас отправил посыльного к часовщикам за увеличительным стеклом.

Исследовав ствол, Разумовский пришел к выводу, что получен он простейшим способом, из полосы металла. После разогрева полосовую заготовку кузнечным способом загнули на оправке таким образом, что ее продольные кромки прилегали друг к другу встык, параллельно оси канала ствола. Этот стык сварили кузнечным методом и тщательно проковали, а затем полученный ствол скрутили.

Сварной шов в обычном стволе, располагавшийся параллельно оси ствола, часто был местом разрушения при стрельбе. Чтобы избежать этого, простой сваренный ствол начинали повторно нагревать в центральной части и скручивали вдоль оси по всей длине так, чтобы сварной шов имел форму винтовой линии. Этот прием делал шов значительно менее нагруженным при выстреле. Судя по всему, серым гоблинам подобная методика уже известна.

Данила призадумался. С одной стороны, способ отливать приемлемые стволы есть, хотя стали, из которых отлит первый, еще надо будет испытать на прочность. Однако даже в идеальном случае вооружить такими мушкетами получится только гвардейцев-полуорков, а

их, судя по всему, мало. Нужен способ изготовления ствола полегче.

Вариантов, в принципе, маловато. Простейший — навитой ствол, получаемый путем навивания металлической полосы на оправку по спирали и проковывания. Почти то же самое, что и обычный скрученный ствол, чуток получше, но разве что чуток. Второй способ — ствол, кованный на оправке. Да, он будет куда как лучше, но процесс очень трудоемкий, а оружия надо много и быстро.

Вариант с глубоким сверлением Данила отбросил сразу: для этого нужны станки, которых в средневековье, даже таком продвинутом, нет, они появятся много позже, да и сверла Байснера для сверления стволов — тоже вещи, которые на коленке не забацать.

Самой большой проблемой на этом этапе была неопределенность. Во-первых, еще неизвестно, что там у алхимиков с порохом получится. Во-вторых, вопрос в том, какова должна быть бронебойность гипотетической «пищали Разумовского». Сварганить простейшую фитильную аркебузу — дело одно, однако аркебузы эти на Земле вышли из употребления с появлением большого числа латников, против которых аркебузная пуля оказалась неэффективной, потому был изобретен мушкет.

Больше всего Данила боялся, что в этом относительно продвинутом средневековье доспехи могут оказаться лучше, чем в свое время были на Земле, и если так, то даже мушкетов может оказаться недостаточно.

Потому Разумовский обратился к Йонгасу с просьбой найти солдат, которые воевали в злополучной битве и могли бы точнее указать прочность вражеской брони. Эльф отвез его через полгорода в заведение, похожее на госпиталь, к одному капитану-пехотинцу, сумевшему получить в сражении несколько ран, но выбраться с поля боя живым. Рассказанное им удручало.

— Я однажды дрался с одним тархалонцем, лет пятнадцать назад это было. Он носил броню, купленную у дварфов, а их доспехи прочней любых иных, жадные коротышки знают секреты прочных сплавов... Так я умудрился секирой прорубить ему налокотник, когда он пытался удар мой парировать. Знатный удар был, может быть, лучший в моей жизни... А давеча, как у Сигны мы дрались, довелось с ублюдками сойтись в рубке. Поганые карлики носят доспехи с виду плохонькие, но крепкие, что твоя крепостная стена...

— Карлики? Гоблины то есть?

— Да гоблины — ерунда, шмякнул разок и в порошок растер... Орки-карлики. Гоблины набрали среди своих убогих безмозглышей самых-самых маленьких... Орки, в смысле, обычные орки, своих низших родственников вырожденками кличут, а самых мелких — карликовыми вырожденками. Но этот «карлик» — только для орка карлик. А так он ростом будет чуток повыше гоблина, почти как я, и уж точно не слабее меня, а обычным людям против них ой как тяжко... Было очень неприятно обнаружить, что из двадцати тысяч гоблинов самих гоблинов только треть, а вот остальные — все карликовые орки... В общем, я одного такого недомерка хряпнул со всего размаху, уж не слабее, чем тархалонца того, а его наплечник только треснул. Ну и рука под ним тоже сломалась, ясное дело. Так что я готов ручаться, доспехи на нем были как дварфовские, а может и прочнее. А может, и не прочнее, просто я за пятнадцать лет постарел слегка... Но если обычные, наши доспехи, или там тархалонские, я колотил легко — Эртэс свидетельница, не раз я сукиных детей разрубал от плеча до пояса, расколов и наплечники, и нагрудники — то вот доспех вырожденка не осилил так разрубить...

Рассказ капитана был особо печален тем, что сам солдат хоть и не обладал никакими

орочьими признаками вроде цвета глаз или клыков, но здоровяк был редкий по человеческим меркам. Конечно, до полуорка Гаскулла ему далеко, но что-то неуловимое в чертах лица напоминало Даниле о тех двух орках, которые спасли его в лесу. Не иначе, есть среди предков капитана и кто-то из орочьего племени. Стало быть, человек очень сильный, раз может раскалывать обычные доспехи, но если даже ему не по плечу доспехи врага — стало быть, не преувеличивают, говоря об их качестве.

Данила пожелал ему скорее поправляться и в сопровождении Роктис вернулся к карете.

— Что-то не так? — спросил Йонгас, завидев мрачного, как ночь, инженера.

— И не говори. Судя по всему, задачка сделать оружие, пробивающее вражеские доспехи, значительно сложнее, чем я думал. Достать доспех, сделанный дварфами, возможно?

— Вполне, в королевском арсенале их немало.

— Мне понадобится один, самый крепкий. В качестве эталона для проверки оружия.

— Хорошо.

Вернувшись во дворец, Данила засел за расчеты. По всему выходило, что если обычный мушкет при весе в семь-девять килограммов и калибре свыше двадцати миллиметров пробивал пятидесятиграммовой пулей обычный латный доспех на дистанциях до двухсот метров, то против более крепкого доспеха его может оказаться недостаточно. И что тогда? Увеличить калибр и заряд пороха? Надо еще и стенки ствола утолщать, вырастет масса, вырастет отдача. А их увеличивать некуда, мушкет и так полустационарное оружие, из которого стреляли только с подпорки. Нарезное оружие решило бы проблему, но оно — вопрос лет, а не жалкого месяца.

Конечно, если порох, сделанный алхимиками, будет хорош, а стволы — прочными, можно будет просто увеличивать заряд пороха, в итоге пуля получит большую дульную энергию и большую пробиваемость. Но тут уж все упирается в алхимиков. Справятся или нет? Даже если да, проблема отдачи все равно никуда не денется.

Оказалось, про волка слово — а волк уж в хлеву. Появилась Роктис и сообщила, что Данилу вызывают к королю: алхимики пожаловали.

В зале совещаний Разумовский застал целую толпу разномастных адептов алхимической науки, выстроившуюся у стены с пакетами, склянками, сумками и свитками, некоторые пришли прямо в своих рабочих фартуках и передниках. За столом восседали король, несколько незнакомых Даниле советников и давешний министр алхимии.

— Они принесли свои микстуры, — коротко и без приветствия сказал король, — проверяй.

Данила уселся за стол и сказал:

— Нужны свеча, тонкие лучины и какая-нибудь чашка.

По распоряжению министра-алхимика все это немедленно появилось на столе, затем он вызвал первого из своих коллег, тот поставил перед Данилой несколько склянок, в каждой из которых на дне — на палец порошков.

Проверка заняла добрый час, но уже в самом начале стало ясно: бинго. Хорошо горящая смесь получилась у каждого присутствующего, у некоторых по два-три разных состава. Троице удалось получить не пороховую мякоть, а гранулированный порох приличного качества. Данила опросил ученых на предмет простоты рецепта и остановился на самом простом, почти классическом рецепте с минимальными отличиями.

— Но у меня горит лучше, быстрее и ярче солнца!! — нарушив дворцовый этикет, с

обидой в голосе завопил тощий человек лет сорока с подпаленной бородой, источающей запах горелых волос.

— Так-то оно так, — согласился главный алхимик, — но, почтенный Флорн, сколько у вас там компонентов в рецептуре? Два десятка. А надо сей порошок готовить бочками.

Даниле, на самом деле, было трудно отказаться от соблазна использовать гораздо более эффективный состав, но времени просто нет.

— Не исключено, что мы будем и этот рецепт использовать, — сказал он, — но не сейчас. Как первую волну серой чумы отобьем — будем улучшать оружие и порох. Но пока пойдем самым простым и быстрым путем. Но это еще не все. Сейчас король выделит рабочих, и вы, министр, вместе с изобретателем рецепта наладите массовое производство.

Министр скосил вопросительный взгляд на короля, Валлендел кивнул:

— Выполняйте.

— Так, а к остальным господам алхимикам есть еще одно дело, — сказал Данила, — подойдите поближе, сейчас я объясню вам, что такое пороховой стопин. Он представляет из себя пучок хлопчатобумажных нитей, пропитанных калиевой селитрой и обмазанный снаружи сметаноподобной смесью пороховой мякоти с клеем. Обычно такой шнур горит со скоростью... ну, в палец по длине, пока вы скажете «раз».

— Фитиль, что ли? — спросил один из алхимиков.

— Не совсем. Фитиль должен гореть долго, а огнепроводной шнур — быстро. Так вот, необходимо изобрести такой шнур, который вспыхивал бы от огня, горел бы не быстрее, а лучше — на длину пальца за «раз, два, три». Более того, этот шнур должен загораться, даже если мокрый, или быть непромокаемым.

Как только озадаченные ученые мужи ушли, Данила повернулся к королю.

— В общем, дело такое. Изготовить в срок много оружия не получится, а тем более — не получится научить солдат с ним обращаться. Нам надо выиграть время, и я уже примерно знаю, как это сделать. Чтобы разработать конкретный план, мне еще многое надо узнать о нашем враге и его диспозиции. Надо бы собрать военный совет. Кроме того, мне нужен доспех, сделанный дварфами, чтобы проверить пробивную силу гоблинской аркебузы.

Валлендел печально покачал головой:

— Выиграть время вряд ли получится, ибо некем. Сейчас у меня, благодаря гребаной суке, под двести тысяч беженцев из Тархалона и других стран, но большинство из них — женщины и дети, мужчины — люди неслуживые и перепуганные, из них армию сделать еще только предстоит, муштруем каждый день, но... Они не будут сражаться, не имея надежды, а людей верных и благородных, которые пойдут на смерть, не дрогнув, у меня почти не осталось, у Сигны полегли лучшие из лучших...

— Эм-м-м... гребаная сука — это «серая чума»? — уточнил Данила.

— Йоклол возьми, я так прямо и сказал? — выругался король.

— Это Роктис, — мрачно пояснил Йонгас, — по ее совету королева Латанны объявила, что убьет любого беженца, ступившего в Латанну из Арлансии... И теперь беженцы остаются здесь, дальше им некуда бежать, вот и вынуждены сражаться.

Данила приподнял бровь сильнее:

— Так она еще и чужеземным королевам советчица?

— Она мне советчица, — сказал Валлендел, — а я уже согласовал план с Латанной... В общем, Йонгас, значит, военный совет соберем прямо после обеда, а аудиенции с послами и королями перенесем на вечер... Ну или ночь. А пока... Так, бегом принести сюда доспех,

подаренный моему отцу королем дварфов.

Слуги бросились выполнять приказ, а в дверь вошел еще один лакей и доложил:

— Пожаловали министры, ваше величество. Министр-кузнец, министр-горняк, министр финансов. А также ожидает в приемной знать, числом девятнадцать сиятельств.

— Сиятельства подождут. До завтра. Или до лучших дней. Каннета и Вюрфа ко мне сюда просить, Кадиаса в меньший зал совета пригласить. Йонгас, с этого момента пусть в меньшем зале решает все дела мастер... Кстати, мастер из чужого мира, тебя как звать-то?

— Разумовский.

— Да я язык сломаю такое произнести, — посетовал Валлендел.

— Ну или Данила, если попроще.

— А, вот это другое дело. Йонгас, мастера Данилу веди в меньший зал. Если там буду нужен по любым вопросам — зови. А я по всем остальным делам тут заседать буду.

— Понял, — кивнул эльф, и позвал жестом Данилу: — сюда.

Выйдя в коридор, Разумовский задал Йонгасу интересующий его вопрос:

— Это... А почему король про Роктис... так нехорошо высказался?

— Он ее терпеть не может. Точнее, может, но с трудом.

— Почему?

— Потому что она чистокровнейшая дроу, их никто не любит. Роктис поначалу держала себя в рамках принятых среди порядочного народа правил, но за последние десять лет совсем оборзела.

— Эм-м-м... не знаю, стоит ли такое говорить, но я думал — она любовница короля...

Эльф мрачно рассмеялся:

— Ничего бредовее в жизни не слышал. Король мне как-то сказал, что при первом взгляде на нее у него мурашки по коже пошли...

Данила вздохнул.

— Тогда вынужден признаться, что ничего не понимаю. Она ведет себя так, словно ей можно все, в том числе отрезать мне уши. И это при том, что король ее терпеть не может? Я думал, слуги в опале должны вести себя тише воды, ниже травы...

Йонгас повернул в другой коридор и указал на лестничную площадку:

— Нам туда. Скажем так, поначалу Роктис действительно вела себя тихонько и скромненько, сидела на самом нижнем этаже темницы и старалась лишней раз на глаза не попадаться не то что покойному королю или страже — даже слугам...

— Хм... то есть, она не под замком сидела?

— Да нет, просто ее там поселили... Она же подземница. Покойный король Рейнар однажды, двенадцать лет назад, возвращался из поездки по стране и наткнулся на Роктис, когда она, ослепшая и истощенная, бродила по полю, куда ноги несли... Повезло гадине, что король навстречу попался, а не кто-то из люда попроще... могли бы и убить.

— За что? И я уверен, что она не слепая...

— За то, что дроу. Раз в твоём мире их нет, поясню: дроу, подземные эльфы, самые подлые и коварные из всех. Ну, не считая серых гоблинов. Они поклоняются кровожадному божеству, безжалостны, бессовестны, беспринципны. В их языке нет слов «честь», «справедливость», «любовь», «дружба», «сострадание». Они вне понятий добра и зла, дроу всегда поступает только так, как ему выгодно, и нет такого злодеяния, на которое он ради этой выгоды не пойдет. Дроу, особенно высокородные, помешаны на власти и статусе, доходит до того, что младший сын знатного Дома может убить старшего, то есть своего

брата, чтобы самому стать старшим. Добавь сюда, что женщины-аристократки приносят в жертву своей богине младенцев мужского пола, если в семье уже есть двое сыновей.

— Боже мой, как?! — ужаснулся Данила.

— Вот так. Женщины дроу вообще не испытывают любви к своим детям.

— Да я ушам своим не верю! Такого быть не может! Не иначе, басни да молва все искажают!

Йонгас хмыкнул:

— А я не из басен знаю. Ты заметил, что у меня кожа с сероватым оттенком? Моя прапрабабка — чистокровнейшая благородная дроу, и она все еще жива и здравствует, к счастью, далеко отсюда. От нее я все это и знаю. А ее муж, мой прапрадед, был старшим сыном благородного Дома. Его убил ударом в спину младший брат.

— Невероятно... Но, может, Роктис не такая?

— Такая же. Она родилась и выросла в Подземье, в обществе подземных дроу слабые, добрые, наивные, мягкосердечные долго не живут. Там ты либо такой же, как все, либо до совершеннолетия не доживаешь. Ложь, хитрость, интриги, предательства, удары в спину, и все это ради того, чтобы подняться на одну ступеньку в их социальном укладе... Самый быстрый способ сделать карьеру — через белые тапочки, надеваемые на конкурентов и вышестоящих. Общество дроу насквозь этим пропитано. Теоретически, дроу могут жить лет до семи сотен, но под землей до трехсот доживают единицы, а ненасильственная смерть там — огромная редкость. Как ты думаешь, почему Роктис оказалась на поверхности, на грани гибели? Потому что дома, под землей, нажила себе врагов. И там у нее шансов выкрутиться уже не было.

— М-да... Мне просто не верится, что настолько милое создание может быть настолько злым... И уж тем более не понимаю, почему она пользуется такой вседозволенностью.

— Так вышло. Покойный король был редкий добряк, вот и подобрал бедолагу. Да и потом, лет уже триста, как дроу в Арлансии не показывались, так что ненависть к ним постепенно превратилась в страшилки для малышей. Люди рассказывают детям, что ночью дроу выходят из-под земли, и если услышат плач — забираются в дом, хватают непослушное чадо и уволакивают под землю. К слову, это правда. Единственная причина, по которой они выходят на поверхность — устроить резню эльфам на потеху своей богине.

В общем, король ее подобрать подобрал, а что дальше с ней делать — без понятия. Пытался эльфам сбегать, вначале городским, потом лесным — мы отказались, ясное дело. Так и осталась жить в темнице. Зрение постепенно восстановилось, оказалось, что она большой знаток магии, ядов и пыток. Ну и зелья разные варит.

Но десять лет назад покойного короля отравили, и Роктис его буквально с того света вытащила, хотя все лекари и маги говорили, что все безнадежно. Вот с тех пор она в фаворе стала. А принцу Валленделу тогда было только тринадцать, и отца он очень любил. Ну и на радостях понаобещал ей очень много чего, теперь приходится выполнять обещания, хотя он и тогда Роктис боялся. А теперь уже привык кое-как.

Проблема в том, что Роктис феноменально умная, даже по нашим меркам. Сумела понять, что такое благодарность. Вообще говоря, дроу этого лишены напрочь. Неважно, как часто и как сильно слуга помогал своему господину, когда он становится бесполезным — от слуги избавляются. В лучшем случае просто прогоняют. В голову обычного дроу в принципе не укладывается понимание причин, из-за которых человек может сторицей платить за одну-единственную услугу, оказанную много лет назад, но Роктис — поняла. А дальше все просто.

Стоило ей осознать свою неприкасаемость... В общем, из очень вежливой и почтительной со всеми без исключения, изо всех сил старающейся быть полезной, Роктис превратилась в то, что Валлендел теперь называет «гребаной сукой». Было дело, старого короля критиковали за то, что пригрел во дворце «темную ведьму», король как-то рассердился и пообещал за такие речи зашить болтунам рот. Вот тут-то Роктис и пошла вразнос, поняв, что ей теперь плевать на всех, кроме, ясное дело, короля.

— Она мне угрожала отрезать уши и еще намекала, что и убить может.

Йонгас мрачно фыркнул:

— Скажем так, Роктис слишком умна для этого. Как бы нагло себя ни вела, она прекрасно знает, до каких пределов может злоупотреблять королевской милостью без риска лишиться оной. Всячески форсить — это само собой, а вот рисковать, испытывая королевский фавор на прочность, Роктис не станет.

— Все равно я не понимаю, как можно доверять тому, для кого ложь, коварство и предательство — норма...

— А вот тут все предельно просто. С дроу во многом легко иметь дело, потому что при всем своем коварстве они очень предсказуемы. Выгода и статус. Ради собственной выгоды дроу не только пойдет на любое преступление. Он будет держать слово, выполнять обещания, откажется от мести, простит любое оскорбление, словом, будет делать все, что угодно — если это выгодно. С дроу всегда можно договориться, от него всегда можно откупиться. Роктис можно доверять всецело по той лишь причине, что больше ей некуда деваться. Ее больше не примут ни в одном месте на белом свете. В определенном понимании, Роктис достигла мечты любого дроу: у нее могущественный покровитель, выше которого никого нет, и потому она, со своей извращенной точки зрения, вторая в королевстве после короля, так как зависит только от него и никому больше неподвластна. Где еще она займет такое положение? Нигде. Потому она королю — почти что самый верный сторонник. Кстати, нам вот в эту дверь и мы пришли.

Кадиас, тот самый седоусый кузнец, уже ждал там. Данила поздоровался с ним, сразу же послал дежурившего у двери слугу в свою комнату за чертежными принадлежностями, стволом и оправкой и, когда все было доставлено, положил на стол перед Кадиасом лист бумаги.

— Вот что надо сделать, — сказал он, чертя схему. — Во-первых, ствол пройти разверткой, чтобы канал был идеально ровный и гладкий. Затем вот здесь, с торца, надо нарезать внутреннюю резьбу покрупнее и сделать винт-заглушку с ручками, чтобы можно было легко отвинчивать и завинчивать, а сам винт должен держаться очень туго. Вот тут, сверху, надо просверлить отверстие. Затем ствол следует закрепить на специальном станке, вроде треноги вот такой. Когда это будет сделано, мы сможем испытать и прочность стали, и силу пороха. И если испытания пройдут успешно — начнем делать оружие. А еще надо сделать свинцовых шариков точно по размеру канала ствола, но на толщину волоса меньше, и банник, такую щетку для прочистки ствола. Сколько времени на это потребуется?

Кузнец внимательно рассмотрел чертеж.

— К вечеру управлюсь. Отправлю помощника к литейщикам, чтобы шарики отлили, а щетку эту скорнякам поручу сделать.

— Вот и отлично. Вечером мы будем знать, на что рассчитывать.

Как только он ушел, Йонгас повернулся к Даниле:

— И что дальше? Кто еще нужен из мастеров?

— Литейщики.

— Будет через десять минут.

Эльф справился быстро: нужный министр, хорошо одетый толстяк со следами ожогов на щеке, появился очень быстро.

— Это министр Радвэн, а это — мастер-оружейник Данила, — коротко представил их друг другу Йонгас.

— Итак, министр Радвэн. Необходимо, чтобы ваша гильдия приступила к изготовлению вот таких пустотелых шаров, и тут вот дырочка. Их надо отливать из чугуна, и чтобы стенки были как можно тоньше, но сам шар должен быть достаточно крепким.

Данила набросал схему, задал размеры и, вспомнив про Гаскулла, дорисовал шар побольше.

Литейщик изучил схему и спросил:

— Сколько их надо? Два?

— Сотни поначалу. А потом — тысячи. Много-много тысяч.

Тот с сомнением почесал подбородок.

— Проблематично. Чтобы отлить один шар, надо сделать вначале специальный глиняный шар-наполнитель, на нем отлить чугунный и потом через дырочку размельчить и выковырять глину...

— Можно сделать проще. Отливаете отдельно полушария. Затем спаиваете вместе.

— Хм... Отличная идея. У нас уйдет денька два на изготовление формы, чтобы сразу отливать по десятку полушарий, а потом... Потом мы сможем делать их в день хоть по сто штук. Или даже больше, если сделаем форму побольше... или больше форм. Проблема только в материале. У нас чугуна-то маловато будет, король требует сталь на оружие и доспехи, все железо на сталь идет, и самого железа у нас все меньше, сегодня отольем партию заготовок на оружие и партию на доспехи — и почти ничего не останется.

— Новый караван из шахт придет дня через два, — сказал Йонгас.

— Значит, на доспехи не лейте, — решил Данила, — оружейная сталь может понадобиться мне прямо завтра, а на доспехи тратить не нужно. Лейте шары.

— Король приказал — лить на доспехи. Мне пока жить не надоело.

— Тогда идем к королю прямо сейчас и он изменит свой приказ.

Йонгас приподнял бровь:

— Не уверен, что идея хорошая... Но ладно. Поглядим.

Валлендел как раз что-то обсуждал с несколькими дворянами, двое в доспехах, остальные в шелках и бархатах, но тоже видно, что люди военные.

Данила вошел сразу после того, как слуга доложил о его прибытии.

— Господа, прошу прощения, что перебиваю. Король, необходимо, чтобы ты отменил приказ лить сталь на доспехи, так как я нуждаюсь в чугуне.

Несколько дворян возмущенно вытаращились, видимо, им не понравилось вторжение, но промолчали.

— Доспехи — вопрос первостепенной важности, — возразил король, — мне надо хоть во что-то одеть почти сотню тысяч новобранцев!

— А зачем? Все равно доспех не спасает от аркебуз. Если алхимики не подкачают, уже дня через два-три у тебя появится оружие, которым можно будет сдерживать врага какое-то время, но для этого мне нужен чугун. А самое простое оружие, готовое к применению, я покажу уже этим вечером.

— Звучит заманчиво, да ум ушам не верит, — заметил один из дворян.

— Если б ты видел мой мир — еще и глазам своим не поверил бы, — отрезал Данила, — к тому же, мне будет достаточно лишь того железа, что запланировано на сегодняшнюю выплавку.

— Хорошо, так и сделаем, — решил король, — почтенный Радвэн, лейте то, что говорит мастер Данила.

— Спасибо, — сказал инженер, — я в таком случае удаляюсь.

В коридоре он сказал, обращаясь к Йонгасу:

— Что-то странно эти дворяне на меня смотрели...

— Угу, — хмыкнул эльф, — небось, они первый раз слышали, чтобы неизвестно кто, даже не дворянин, вот так запросто королю «тыкал» вместо «ваше величество».

— Упс... Виноват. Мне как-то забыли прочитать лекцию по дворцовому этикету, — с сарказмом сказал Данила.

Как только литейщик отбыл, инженер уселся за стол и вытер пот со лба.

— Упарили меня эти лестницы... Так, мне бы пообедать не мешало, а к вечеру необходимо... Ну, три доспеха. Первый — дварфовский, для испытания фузеи. Второй — для меня, латный пластинчатый в целях безопасности. И третий надо надеть на манекен. Взять типа чучело, одеть в воинскую одежду и доспехи и выставить в том зале, где вечером король совет соберет. Покажу кое-что. А пока мне, кроме обеда, еще бутылку самого крепкого пойла, которое только есть, чтобы горело ясным пламенем.

— А ты будешь достаточно трезв после этого? — усомнился Йонгас.

— Я не пить его буду.

— А что тогда?!

— Увидишь сам. Долго объяснять.

Сразу после обеда Т'Альдин встал, держа на кончике ножа кусок мяса, и попытался накормить пленницу, но та лишь презрительно отвернулась.

— Так что с твоим планом? — любопытно спросил Ар'Кай, — ты придумал, как с ней объясниться?

— Нет. Она нас не понимает, и тут ничего не поделаешь. Но я знаю, где найти того, кто поймет.

— О чем ты?!

Т'Альдин усмехнулся и снял с шеи пленницы цветастый, расписанный цветами и птицами шарф:

— А ты сам как думаешь?

— Ты... ты к эльфам собрался?!

— Ты возражаешь?

В этот момент заголосили все наперебой, пришлось рявкнуть, чтобы заткнулись и говорили по одному. Первой высказалась Каэлис.

— Это безумие. Ты просто приведешь их к нам, после того как они тебя схватят.

— У нас заложница, и это все меняет.

Вмешался Ар'Кай:

— Худшая из возможных идей! У нас заложница всего одна, будь их у нас столько же, сколько и нас...

— Правда худшая? Тогда перережь себе горло, по твоей логике, это не так плохо. Ты совершаешь большую ошибку, меряя эльфов по себе. Как ни старайся, но нам не дано влезть в их шкуру, понять их образ мышления. Они не такие, как мы. И я знаю, что эльфам важнее спасти одного своего, чем убить десяток нас. Мы в безопасности, пока у них есть шансы вернуть заложницу живой. А промедлим — поисковый отряд может наткнуться на наше укрытие уже днем.

— И с чего ты это взял?

— Я много чего знаю. Просто держал свои знания при себе, раньше они могли бы стоить мне жизни.

— Где собираешься искать их селение?

Т'Альдин снова усмехнулся, предвкушая, какой эффект произведут его слова:

— Мне незачем искать поселок. Я и так знаю, где он находится.

— Но... откуда?!

— И это еще не последний мой козырь.

— Сдается мне, ты задумал примерно то же, что прежде — Лу'уд, — мрачно сказала обычно молчаливая Саами'Дан.

Т'Альдин опасался, что такие подозрения возникнут, но и тут у него есть ответ.

— В общем, слушайте меня внимательно. Планов у меня два. Первый позволит спастись мне и всем тем, кто будет делать, что я говорю. И потому заткнитесь и выполняйте, я не собираюсь объяснять вам то, чего вы все равно понять не способны. Пока меня не будет — за заложницу отвечаете головами своими. А если с ней все же что-то случится — у меня действительно есть второй план, запасной, гораздо более рискованный. И он предусматривает возможное спасение только для меня одного ценой ваших жизней. Всем

все понятно? У нас всех есть шанс, пока заложница цела и невредима. Если она пострадает или умрет — нам, скорее всего, конец.

— Ты собрался договариваться с эльфами? — спросил Ар'Кай.

— Именно так. Они единственные, с кем есть шанс договориться.

* * *

Нужный ручей Т'Альдин отыскал легко и двинулся вверх по его течению. Через два часа быстрой ходьбы впереди замаячила живая изгородь из чрезвычайно густых кустов с шипами, за ними — частокол, на дереве за ним — гнездо часового, прикрытое деревянными щитами. Грибы-визгуны перед кустарником пока не видны, но Т'Альдин знал, что они там есть.

Тщательно прячась, он обошел селение по кругу, пока не нашел главную тропинку, ведущую прямо к воротам. Достал из кармана шарф пленницы и двинулся прямо к воротам. Визгунов глушить «кругом тишины» не стал, позволив им возвестить о своем прибытии, и как только они взвыли, с кустарника поднялись тысячи светлячков. Ночь сразу стала светлее.

Т'Альдин вытянул в сторону руку с шарфом, который держал за край, позволив второму концу свободно колыхаться от несильного ветерка, и остановился. В следующий момент через ограду наружу полетели ярко светящиеся предметы: часовые разбросали кристаллы-светильники. Парочка их упала неподалеку от непрошеного гостя, но Т'Альдин только прикрыл глаза рукой.

За стеной — возгласы, суматоха, звон оружия. Стрелы пока не летят — и то хорошо. Но эльфы в поселке наверняка растеряны и напуганы. Напуганы, потому что илийтири все-таки нашли их деревню. Растеряны, потому что визитерам из Подземья не свойственно стучаться в главные ворота. Они готовятся отражать атаку, но пока еще не знают: непрошенный гость пришел один.

Очень скоро Т'Альдин заметил и самих эльфов, выглядывающих из-за частокола и из смотровых гнезд. Он остался стоять неподвижно, держа в руке шарф. Вскоре из-за стены со свистом полетели ввысь стрелы со светящимися кристаллами вместо наконечников, освещая дальние подступы к поселению. Так прошло еще некоторое время, пока, наконец, его не окликнули.

— Зачем ты пришел и откуда у тебя этот шарф?

Язык илийтири, сильно ломаный, но понятный. Что ж, первый пункт плана удался.

— Меня зовут Т'Альдин из Дома Шасс'Кэрр, уже несуществующего, я пришел поговорить, а не как враг, и пришел один. Шарф позаимствовал на время у одной из вас, которая в этот момент... гостит у нас.

Некоторое время прошло в относительной тишине. За оградой совещались и спорили. Чуть погода скрипнули ворота, одна створка приотворилась ровно настолько, чтобы Т'Альдин мог протиснуться.

— Входи. Оружие оставь снаружи.

Он смотал шарф и положил в карман, затем отцепил от руки самострел, отстегнул от пояса саблю, рядом с ними на землю легли оба кинжала. Протиснулся в ворота, и те сразу закрылись за ним.

Т'Альдин оказался в полукруге из по меньшей мере полусотни воинов, не считая десятка старейшин-магов. Все держат наготове сабли и луки, в него, правда не целятся, и то

хорошо.

— Говори, зачем пришел, — велел один из старейшин, на вид лет пятьсот, но держится прямо и гордо, — но вначале — где та, у которой ты взял шарф?

— Как я уже сказал, у нас в гостях, я к вам, она к нам. С ней не случилось ничего плохого, правда, она на нашем языке не говорит, и объяснить словами, что мы приглашаем в гости, а не берем в плен, нам не удалось. Но я уверен, что это недоразумение можно будет уладить, как только у нас будет переводчик, способный передать наши извинения за возможную неучтивость...

— Побереги слова, дроу. Что тебе нужно?

Г'Альдин медленно оглядел лица собравшихся. Недружелюбные — это еще очень мягко сказано, возможно, идея прийти сюда не такая уж и удачная. Но выхода нет.

— Вам будет очень странно это слышать, но я пришел просить о помощи.

— Помощи? — удивился старейшина и переспросил, выговаривая слово по слогам: — ты сказал — «по-мо-щи»?

— Да, вы поняли меня совершенно верно. У меня для вас очень радостное известие... наш город мертв. Вымер от чумы. Нападать на вас больше никому. Я не знаю, что происходит в Гло'карнасе, нашем втором городе, но опасаясь, что и там то же самое. Мы — маленький отряд кадетов, ходили в патрулирование. За три дня, что нас не было, вспышка неизвестной заразы выкосила весь город. Затем драуки вынудили нас подняться на поверхность до того, как мы сумели подготовиться. Некоторые из нас уже погибли, нас осталось в живых всего одиннадцать, включая меня.

Известие действительно впечатлило эльфов, когда кто-то из понимающих перевел остальным, но лишь слегка, и Г'Альдин догадывался, почему. Не верят.

— Вот как... И какой же помощи ты ждешь от тех, кто множество веков терпел кровопролитные набеги твоего народа?

— Прежде мы надеялись добраться поверху до гор, лежащих далеко отсюда в стороне, куда уходит Солнце, но поняли, что это нам не по силам. Я пришел просить вас принять нас к себе.

Старейшины с каменными лицами перевели его слова остальным, и толпа буквально взорвалась хохотом. Плохой знак, но и Г'Альдин еще не исчерпал свои козыри.

— Вот тебе и наш ответ, — сказал старейшина, — но мне воистину любопытно, как настолько немислимая идея пришла тебе в голову.

— Среди вас, в вашем поселении, живут другие илителири, разве нет? По крайней мере, два года назад я их видел.

— Ну если ты их видел, — вмешался другой старейшина, — то это значит — ты был среди тех, которые два года назад напали на нас. И теперь тебе еще хватает наглости у нас помощи просить? Они лишь лицом на вас похожи, но выросли среди нас, и душой и сердцем они как мы, вовсе не как вы. Принять вас, злобных, лживых и коварных? Это невозможно, даже если все, что ты рассказал о своем городе — правда, а не ловушка!

Г'Альдин приподнял бровь.

— Вот как? Что ж, сейчас вы перестанете смеяться. — Он вытянул руку и указал пальцем вглубь селения: — Вон там, в дальнем конце, у самой ограды, где ручей, текущий через селение, вытекает наружу, стоит дом с двумя танцующими единорогами на крыше. Два года назад в нем жили молодая женщина и две маленькие девочки. Одна совсем маленькая, вторая немного старше. В пространстве между потолком и кровлей хранились корзины с

сушеными ягодами, а в комнате с лестницей, по которой поднимаются в это пространство, на стене висел доспех, выкрашенный в зеленое и синее.

Пока он говорил это, лица старейшин начали вытягиваться от удивления.

— Откуда ты это знаешь?! — выкрикнул кто-то из толпы на очень корявом языке илителири.

— А ты сам как думаешь? — спокойно ответил Т'Альдин, — два года назад вы подкараулили в засаде и истребили один из двух наших отрядов. И я был единственным выжившим. А теперь угадайте с одного раза, где я провел два дня и одну ночь, пока вы обшаривали округу в поисках отбившихся? С той стороны ограды есть дерево, с которого можно перебраться на другое дерево, а оттуда с ветки — на крышу дома с единорогами, не потревожив визгунов. Вы думали, что сумели сохранить в тайне местоположение своего селения? Вы ошибались. Все эти два года я знал, где ваш поселок, я знал, как пробраться в него незамеченным.

Он обвел толпу взглядом. Все молчат, потрясенные, ужаснувшиеся.

— Что, вам уже не смешно? Да-да, в любую ночь в течение этих двух лет ударный отряд мог пробраться в ваше селение и устроить резню, когда вы ожидали бы этого меньше всего. И даже если бы вам удалось отбить нашу атаку, та ночь стала бы для вас ужасной трагедией. Вам интересно, почему этого не случилось? Многие из вас и членов ваших семей живы сейчас только потому, что тот, кого вы назвали злобным и коварным, сохранил вашу тайну и не выдал, что знает, где ваш поселок.

Т'Альдин выдержал эффектную риторическую паузу и продолжил:

— А что могло бы быть? Разведав ваше селение и скрытный путь внутрь, я заслужил бы огромное одобрение как высшего совета жриц нашего города, так и моего собственного Дома. И во главе карательного отряда поставили бы меня. И после ночи огня и крови мой Дом Шасс'Кэрт вознесся бы в число самых влиятельных, матрона моего Дома, моя мать, была бы щедро одарена милостью Ллос и поднялась высоко вверх по лестнице иерархии высших жриц. А я, тогда двадцативосьмилетний кадет, сразу стал бы одним из самых знаменитых командиров, и может быть, одним из очень немногих мужчин, удостоившихся милости Ллос. Мгновенная карьера, от молокососа-кадета до командира не только своего Дома, но и всего города. И все дальнейшие налеты шли бы только под моим командованием.

Он печально улыбнулся и обвел толпу глазами.

— Так вот, скажите мне, почему я, злобный, подлый, кровожадный, корыстный и бесчестный дроу, отказался от столь заманчивых возможностей? Вы молчите? Да, вы молчите, потому что ответ сам по себе настолько же невероятен, как и произошедшее. Вам просто не может прийти в голову простая мысль, что я никогда не был вам врагом. Да, мой народ сделал все возможное, чтобы посеять вражду между нами. Да, он сделал все возможное, чтобы я вырос со жгучей ненавистью к вам в моем сердце. Но несмотря ни на что, тот, кого вы привыкли считать злейшим вашим врагом, на деле таковым не оказался. И многие из вас сегодня живы лишь потому, что я никогда не желал враждовать с вами и не захотел делать карьеру такой ценой. И вы все еще не верите мне, я вижу это по вашим глазам. У вас нет иного объяснения моему поведению, но вы слишком сильно привыкли не верить нам и ненавидеть нас. И мысль о дроу, который никогда не желал вам зла, все еще не укладывается в ваши головы.

Вы хотите знать, почему? Ночь и два дня я провел в вашем селении, в одном из ваших домов. Я слышал, как та женщина вечером поет своим дочерям перед сном. Я бы еще понял,

зачем, если б они плакали и не хотели засыпать, но они не плакали. И я завидовал им, потому что моя мать мне никогда не пела. Я никогда не получил от нее и ласкового слова. И пока сам не услышал, не смог бы даже представить себе мать, поющую своим детям.

Но то было два года назад. И тогда мысль остаться среди вас меня даже не посетила, я не сомневался, что вы убили бы меня сразу же. Теперь... теперь мне все равно было страшно идти к вам, но другого выхода не осталось. Нам не выжить в мире, который ненавидит нас, хотя вся наша вина лишь в том, что мы родились в неудачном месте. Все остальные в моем отряде — кадеты в возрасте до двадцати пяти, они никогда не были наверху. Они никогда не ходили в налет на вас. Все, что у них есть против вас — это тщательно взращенная старшими, но беспочвенная ненависть. Меня тоже учили ненавидеть вас, но все старания моих воспитателей пошли прахом, стоило мне лишь раз услышать, как мать поет своим детям. Остальные кадеты еще моложе меня. Не отворачивайтесь от нас лишь потому, что наш народ приучил вас бояться и ненавидеть нас, мы слишком молоды, чтобы в этом была наша собственная вина.

В воздухе повисла тишина. Услышанное оказалось слишком невероятным для всех и каждого, и только сотню ударов сердца спустя по толпе пошел гомон. Старейшины начали переговариваться между собой, затем один из них сказал, обращаясь к Т'Альдину:

— Даже если мы поверим в твой рассказ, поверим, что ты не такой, как все дроу, поверить в то, что и все остальные в твоём отряде, как ты, не представляется возможным. Ты просишь нас пригреть на груди целый выводок тварей, которые опаснее гадюки.

— Напротив, — возразил Т'Альдин, — в нас вы найдете самых преданных сторонников, просто потому, что больше нам деваться некуда. Никто из нас не сможет предать вас, потому что предавать не для кого: мы последние из нашего города. Но я уверен, что многое в их сознании изменится, когда они узнают, что жить так, как жили мы в Подземье — не единственный и не самый лучший способ жить.

Старейшины снова переговорили, и тот, которого Т'Альдин счел самым главным, повернулся к нему с выражением решительности на лице.

— Что ж, в таком случае я объясню тебе один аспект, который здесь наверняка отличается от того, к чему ты привык. Ты сказал, что пришел как проситель, но просить, удерживая заложника, тут не называется просьбой. А договариваться с тобой мы ни о чем не будем, верить дроу на слово — наихудшая мысль, а кроме слов, ты ничего больше не принес. С рассветом наш боевой отряд отправится на поиски, но если заложница вернется живой и невредимой до рассвета, тогда мы сделаем вид, что верим, будто вы пришли не как враги, воины останутся дома, а ты сможешь прийти еще раз, теперь уже действительно как проситель. Все, что я могу обещать тебе наперед — в самом худшем случае мы дадим вам время убраться прочь с миром, и учти, что это с нашей стороны не уступка, а знак доброй воли. Если тебе нечего больше сказать — ступай.

Т'Альдин чуть подумал и ответил:

— Дайте мне письмо на вашем языке с распоряжением привести нас сюда. Иначе наша, эм-м, гостья просто не пойдет домой, чтобы не привести нас следом. А еще лучше — пошлите пару воинов, потому что если я принесу письмо, она все равно не поверит мне, подумает, что подделка.

Старейшина снял со своей шеи странный сигиль на цепочке:

— Поверит, если дашь ей это. А, и еще я забыл сказать, что под теми горами, куда ты собирался вначале, уже давно нет городов дроу.

— Почему?

— Землетрясение, очень сильное. Это произошло еще когда меня на свете не было. Большинство тамошних дроу поднялись на поверхность... И ассимилировались. И ныне их потомки подобны вам лишь внешне. И ненавидят подземных дроу еще сильнее, чем все остальные, потому что знают, какие вы, лучше кого-либо другого.

Пообедал Данила сытно и вкусно: похлебка из мяса и не пойми чего еще, котлетки из птицы, пирог с ягодами и сыром, пудинг и что-то, похожее на шербет. Жить можно. Еще слуги подали блюдце пирожных с заварным кремом, на которые Разумовский сразу положил глаз, но прямо посреди обеда, как только слуги вышли прочь, в его покои вторглась Роктис.

— О, мои любимые пирожные! — обрадовалась она, блюдце с лакомством сразу же перекочевало со стола в ее изящные цепки ручки.

Второго кресла в комнате не нашлось, потому ведьма уселась на подоконник с таким видом, словно это она хозяйка комнаты.

Данила скандалить не стал, но спустить такую наглость не мог.

— Тебя там в темнице пирожными не кормят? — сочувственно произнес он.

— Кормят, каждый день, — заверила его Роктис, не обратив внимание на иронию, — но ты же понимаешь, пройти мимо такого деликатеса крайне трудно... Это мои любимые. У нас в Подземье крем делают из молока рофов, на вкус — совсем не то. Да и сахарку под землей не сыскать.

— Ты что, в свободное время так и ходишь по чужим pokojам и тыришь у всех со стола еду?

— Нет, что ты. Я просто зашла посмотреть, как ты тут.

— Со мной все хорошо, по крайней мере, было все хорошо, но потом ты появилась.

— Ах-ах-ах, какой же ты колючий. Я вообще-то по делу зашла. Ты нынче собрался на совет, будешь там с важными людьми и дворянами заседать, а одет — нет сил смотреть без слез. Ну что это на тебе за обноски, а?

— Да уж что дали — то и одел.

— Оно и плохо. Надо соблюдать приличия.

— Плевал я на приличия. Мое дело — сделать оружие, и мы, наконец, расстанемся.

Роктис презрительно наморщила свой прелестный носик:

— Ты, может, и привык одеваться как нищий, но каково мне, леди Роктис, охранять такое вот чучело?

— А это уже твои проблемы, — сдерживая раздражение, отрезал Данила.

— Ай-яй-яй, — покачала головой Роктис, — какой ты злой и нехороший, душенька. А я ведь только что целых четыре часа проторчала в своей лаборатории, готовя для тебя противоядие... А ты вот так грубо со мной... Ты не думал, что я могу обидеться и не дать его тебе, а, душенька?

Инженер с трудом улыбнулся, хотя эта Роктис его бесила все больше и больше. Он невзлюбил ее при первом же знакомстве, трудно испытывать теплые чувства к той, для которой ты лишь игрушка, на которой можно продемонстрировать мастерство пыточного дела и выслужиться. Вот и сейчас, гадина, откровенно глумится, используя свое положение. Ну почему такое прелестное создание укомплектовано такой черной душой?!

— А ты сама не думала, что будет с тобой, если ты мне его не дашь? — сказал Данила, и его улыбка стала чуть искреннее: приятно поставить зарвавшуюся паскуду на место.

Роктис тоже улыбнулась:

— А ты не дурак. Я, конечно же, шутила, душенька, ведь я все-таки хорошая, что бы там Йонгас про меня не рассказывал. Держи вот.

Она протянула ему маленький флакончик с бесцветной жидкостью. Данила раскупорил и принялся.

— Пахнет премерзко.

— Ты еще на вкус не пробовал. Его надо закусывать чем-то сладеньким, душенька. Правда, пирожные я съела, хи-хи. Вылей его в шербет и так пей.

Данила без предупреждения выбросил пузырек в окно. Роктис буквально остолбенела, а Разумовский принялся кушать пирог с сыром как ни в чем не бывало.

— Ты что это сделал?! — возмутилась она, когда к ней вернулся дар речи.

— Выбросил в окно, если ты не заметила.

— Зачем, йоклол тебя дери?!

Данила посмотрел ей прямо в глаза:

— Кое-кто тут слишком много о себе возомнил. Я человек миролюбивый и добрый, но такого обращения, как ты себе позволяешь, ни дома не терпел, ни тут не потерплю. Ни от кого. Усекла? Нравится или нет, но я заставлю тебя относиться к моей персоне с уважением. А теперь вали обратно в свою лабораторию готовить новую порцию.

Роктис изменилась в лице, фиолетовые глаза мстительно сверкнули, но слова из ее уст прозвучали с ласковым упреком:

— Ай-яй-яй, душенька, какой же ты жестокий. Из-за невинной шутки обрек меня на четыре каторжных часа с колбами и ретортами.

— А ты не шути так, — миролюбиво предложил Данила.

Кадияс не подвел и вскоре после обеда пришел вместе с двумя подмастерьями, притащив то, что наконец-то стало экспериментальным, но рабочим образцом оружия.

— Значит, так. Нужно нам стрельбище подальше от людских глаз, и чтобы глаза не видели, и чтобы не пострадал кто...

— На какое расстояние стрелять? — спросил Йонгас.

— Пока — да хоть на двадцать шагов.

— Темница подойдет?

— Та, где Роктис живет, что ли?

Эльф хмыкнул:

— Да нет, обычная темница, где узников держат. Нынче там никого. А Роктис давно уже поселилась в палатах на первом этаже, с чего бы фаворитке короля жить в сырости?

Туда принесли доспех дварфовой работы, второй, обычный, Данила надел на себя в качестве страховки, взял щит. В дальнем конце коридора установили мишень, напротив него у двери — треногу со стволом. Помощников Кадияс отослал прочь, остались только он, Данила, Йонгас, вскоре и король пришел.

Кадияс отвинтил казенную часть, Данила вложил туда шарик и наклонил всю конструкцию, чтобы насыпать пороха из тех образцов, которые остались у него с визита алхимиков, затем заглушку закрутили обратно. Инженер нацелил ствол на нагрудник, досыпал в запальное отверстие пороха.

— Теперь мне нужен факел на конце длинного шеста, — сказал он.

Йонгас ушел и вскоре принес пику, факел и кусок веревки.

Когда все было готово, Данила скомандовал:

— Так, все на выход. Тут оставаться нельзя.

Сам он поставил щит на пол, сам спрятался за ним, занес горящий факел над орудием, убедился, что щит скрывает его целиком, убрал голову с линии вероятного полета осколков,

открыл рот, чтобы в случае чего сохранить перепонки, и опустил факел.

Выстрел не заставил себя ждать. В коридоре мощно ухнуло, не так, конечно, как охотничье ружье двенадцатого калибра, но все равно громко. Пуля, покинув ствол, врезалась в нагрудник и опрокинула его, но не пробил.

— Проклятье! — выругался Валлендел, осмотрев броню, — не сработало! Вмятинка не в счет!

— Так и неудивительно, пороха я едва-едва насыпал, — пожал плечами Данила, — посветите мне чем-нибудь.

Йонгас свистнул, кристаллы на стене начали светиться интенсивнее. Разумовский отвинтил заглушку и осмотрел ствол. Прочистив его банником, ощутив изнутри пальцем и взглянув на просвет, он убедился, что металл выдержал.

— Будем увеличивать заряд пороха понемногу, узнаем и прочность стали, и прочность доспеха, — пояснил он.

Второй выстрел оказался успешнее: незначительное увеличение заряда позволило оставить на нагруднике солидную вмятину, ствол по-прежнему держал нагрузку. Третья попытка принесла успех: доспех был пробит, хотя конструкция со стволом пошатнулась при выстреле.

— Ага! — обрадовался король, — вот теперь кое-кому не поздоровится!

— Рано радоваться, — ответил Данила, — от этого испытания до реального производства оружия работы вагон и малая тележка, а ведь еще и солдат учить...

Инженер прикинул, что если еще увеличить заряд, пуля будет пробивать доспех с большего расстояния, но отдача, и так немалая, вырастет слишком сильно... для обычного человека.

Четвертый выстрел он решил сделать краш-тестовым. Пулю загнал подальше, пороха насыпал по объему раза в три больше, чем в патроне двенадцатого калибра. Правда, сила будет не втрое, так как дымный порох слабее бездымного, но все равно. На этот раз он уже не рискнул находиться у орудия, потому насыпал дорожку из пороха вдоль по стволу, поджег ее конец и успел спрятаться за дверь. Еще одно хорошее свойство дымного пороха — он не рвет ствол, если его насыпано слишком много, из-за малой скорости взрыва, и лишнее при выстреле сгорает постепенно, а не одновременно. Однако — зачем рисковать?

По ушам долбануло знатно, Йонгаса так вообще буквально перекосило: для чувствительных эльфийских ушей это было чересчур. Доспех пробито основательно, с вмятиной на задней стороне, вся конструкция от отдачи перевернулась, но ствол выдержал, даже не раздулся.

— Вроде хороша сталь оказалась для такого дела, да? — спросил кузнец.

— Да, мои надежды ствол вполне оправдал, — ответил Данила, — я умышленно насыпал слишком много пороха, и все отлично. Но отдача, увы, все равно запредельна, даже громиле вроде Гаскулла многовато. Самое главное у нас есть, и теперь мы можем сделать мушкет, пробивающий вражью броню. Проблема в том, что оружие обычному человеку все равно слишком тяжелое, однако пятьдесят стрелков — это куда лучше, чем ни одного... Значит, так, уважаемый Кадиас. У меня есть кое-какая идея, как сделать оружие полегче, и чтобы оно пробивало, вопрос в том, удастся ли вам изготовить навитой ствол и достаточное количество оправок идентичной толщины... Идемте наверх, я объясню, что и как делать.

Вернувшись в свой «штаб», инженер начертил на бумаге остроконечную оперенную пулю: нарезное оружие легко справилось бы с любыми доспехами, но это нереально. Вместе

с тем, танки уже давно оснащают гладкоствольными орудиями, их оперенные подкалиберные боеприпасы способны пробивать даже прочную броню другого танка, и Даниле никто не мешает «перескочить» нарезной этап. В Европе аркебузы уступили место мощным крупнокалиберным мушкетам, потому что до остроконечной бронебойной пули с оперением додумались лишь столетия спустя, но для Разумовского, вынужденного развивать оружейную промышленность на пустом месте, это практически единственный выход.

— Вот смотрите. Толщина — как у круглых пуль, на волос тоньше ствола. Кончик пули должен быть зонально закален, а хвостовик — нет, чтобы его можно было немного согнуть. Для начала нам надо всего три таких, не более.

— А сгибать зачем?

— Чтобы в полете вращалась.

— Зачем?

— Уфф... так надо. Объяснять долго.

— Это я тоже поручу литейщикам, — сказал кузнец, — они сделают форму, я закалю. Но на это времени уйдет... Как минимум весь завтрашний день, если они еще и сегодня ночью будут работать.

— Ну, вы и сами понимаете, что проволочка смерти подобна...

— Понимаю...

— Оперенные пули мы испытаем с малым зарядом пороха, чтобы определить, сможет ли пробивать доспех обычная легкая аркебуза. Если окажется, что нет... Плохо будет.

После того, как кузнец ушел, Данила основательно пообедал. Сразу после трапезы появились старик и паренек, оказавшиеся портным и подмастерьем.

— Нас госпожа Роктис прислала, — с поклоном сказал портной, — позвольте снять с вас мерку, господин министр.

Разумовский не стал спорить с ним насчет мерки. Интересно, с чего старик вдруг решил, что перед ним министр?

Когда до назначенного военного совета остался час, Данила наконец-то занялся вплотную обещанным королем оружием. Не мудрствуя лукаво, он отрезал лоскут от простыни и затолкал в горлышко бутылки. Вино — крепкое, горит замечательно. Конечно, «коктейль для Молотова» из дорогого напитка — несколько расточительно, но прототип всегда обходится дороже серийного образца. У Данилы нет времени еще и зажигательную смесь изобретать, он покажет концепцию, рецептура — дело алхимиков.

Вскоре портной вернулся с костюмом на манер то ли дублета, то ли камзола, но тоньше да полегче, явно для ношения в помещении, и полноценным дублетом для выхода, гармонизировавшим по стилю и цвету с камзолом. И то, и то украшено вышивкой, дублет с буфами, камзол без, но с аксельбантами. Штаны — как штаны, но ткань хорошая. Обувь — ботинки на завязках с чуть загнутыми вверх носками. До хороших кроссовок как до небес, но лучше того, что было. Судя по скорости исполнения, портной попросту взял готовый костюм и подогнал на скорую руку, но сидит хорошо. Жить можно. Или, по крайней мере, дотерпеть до возвращения.

На совет Данила пришел пораньше, осмотреть чучело в доспехах. На деревянный манекен надели матерчатый дублет с закрепленными кусками кольчуги в тех местах, которые латы не прикрывают, сверху — неполный пластинчатый доспех. Годится.

Вскоре в зал вошли сам король, Йонгас, несколько дворян, один из которых оказался, как и Йонгас, эльфом, следом солдат в форменной одежде, сержант, судя по минимальным

украшениям, внес рулон карт. Замкнули шестие Гаскулл и тот хромающий рыцарь, что принес вражескую аркебузу.

Йонгас предельно коротко представил всех друг другу:

— Это мастер-оружейник Разумовский. А это — герцог Вольсунг, граф Гаунт, граф Марней, граф Кеттенвинс, барон Дейнс, барон Ренфорт. Сии достойные мужи — военачальники различного ранга со всей страны либо их заместители. Это — Таэнваэрромэйн, новый иерарх эльфийских стрелков и заодно наш главный разведчик. А это — сэр Кэлхар, один из немногих уцелевших офицеров королевской конницы.

— Приветствую вас, — так же лаконично сказал Данила, рассматривая дворян.

Те, в свою очередь, так же внимательно рассматривали его, с любопытством. Видимо, знают, что он из другого мира.

— Все тут и так устали, полагаю, потому сразу к делу, — начал совет король Валлендел, — мастер Раз... Расу... Данила полагает, что изготовить оружие быстро не получится, нужно выиграть время, и он говорит, что знает, как. Ему, значит, и первое слово.

— Для начала, я должен знать расклад и диспозицию. Где и сколько врагов, если такие сведения есть, где их «драконы», как они действуют и чем занимаются в это время. И тогда, возможно, нам удастся нанести противнику незначительное поражение, которое заставит его поумерить пыл и даст нам время.

Солдат-картоносец аккуратно разложил на столе несколько красиво оформленных, но весьма грубых карт в стиле Птолемея.

— Должен заметить одну вещь, мастер из другого мира, — медленно протянул граф Гаунт, крепкий седоусый человек со шрамом на щеке, — если бы мы могли нанести серой чуме хоть какое-то поражение, даже незначительное — мы бы обошлись и своими силами. Если любая стычка оборачивается для нас гораздо большими, чем у врага, потерями, то говорить о победе просто бессмысленно.

— Так и есть, — кивнул Таэнваэрромэйн, — благодаря диверсионным действиям нашего народа серая чума перестала передвигаться малыми отрядами, а их кабанья кавалерия просто не принимает бой. Навязать сражение малым группам не выйдет, а большие... большие нас разгромят. Их разведка постоянно выискивает наши войска, стоит нам собрать достаточно много солдат, которых у нас уже почти не осталось — как враг нагрянет.

— И у меня к этому еще одно замечание, — добавил барон Дейнс, — я не могу избавиться от мысли, что мы, воины со стажем, почему-то оказались на вторых ролях на военном совете, который собран для чужеземного мастера, как будто он тут самый главный полководец. Ваше величество, мы здесь действительно для того, чтобы просвещать... ремесленника?!

Валлендел ничего не сказал, только вопросительно взглянул на Данилу. Инженер кивнул.

— Мне понятен ваш скептицизм, господа, — сказал он. — Я не хочу показаться наглым — но в той войне, которую нам нужно выиграть, я разбираюсь больше вас всех. Просто потому, что она будет не похожа ни на одну виденную вами войну. В том, как вы привыкли воевать, я вам не советчик, потому что ваши методы войны в моем мире давным-давно стали историей. Серая чума воюет невиданным оружием... невиданным для вас. Но там, откуда я, так воюют уже пятьсот лет. Еще пять-шесть столетий назад в моем мире воевали именно так, как это делаете и вы. Мечи, конница, фаланги, шилтроны, арбалеты, полные латные

доспехи и так далее. Но война в моем мире совсем-совсем другая. Другое оружие — другие правила. За пятьсот лет война изменилась до неузнаваемости. Кроме того, я не только оружейник, я еще и офицер. Меня учили основам боевых действий. Если я просто дам вам такое оружие, как у ваших врагов — вы все равно проиграете, потому что оно неприменимо в старых условиях и старых стратагемах.

— Не согласен, — возразил хромой рыцарь, — серая чума воюет, как мы, это скажет любой, кто был у Сигны. Только очень много стрелков, и у них не арбалеты, а другое оружие, куда более смертоносное. И то, мы бы выиграли, не будь у них драконов.

Все согласно закивали, Данила лишь покачал головой:

— Вот тут мы подходим к самому неприятному. Вы до сих пор пребываете в плену иллюзий. У вас не было шанса вообще, потому что вся эта война от самого начала идет по правилам серых гоблинов, а вы послушно делаете то, что им от вас нужно — идете на убой толпами. Вот смотрите. Первое сражение — против королевства Модеш, правильно? Серые победили толпой орков. В Тархалоне военачальники решили воевать против орков, как против орков, выставили все войска, что имели, рассчитывая победить числом, но серые впервые применили огнестрельное оружие, которое до этого держали в тайне. Тархалонцы погибли массово, выжившие разбежались, деморализованные, а серые победили практически без потерь. Затем — Арлансия. Серые показали вам маленькое войско, и вы решились. Вы знали, что такое соотношение — ваших пятьдесят тысяч против их двадцати — позволит вам победить ценой больших потерь. Но серые тоже это знали, их цель была — выманить вас на битву, заставить поверить, что дело не безнадежно — и все это для того, чтобы нанести вам ужасные потери. А как только вы сошлись в рукопашном бою — появились драконы. И вы бросились бежать. Ваши потери были напрасны, потому что серьезного урона враг не получил.

Поймите одну вещь. Серые разыгрывают свои козыри очень грамотно и хитро, заставляя вас нести потери. Из того, что рассказал мне Йонгас, я знаю: серые гоблины превосходят нас в хитрости. И в следующей битве они выкинут новую хитрость, и снова победят. Я вам покажу кое-что.

Данила отошел к столику у стены и взял в руки аркебузу, продемонстрировал ее собравшимся.

— Вот глядите. Это очень примитивное и грубое оружие, я свидетельствую это как оружейник. Такое было у нас, когда в нашем мире только зарождался огнестрел. Такой же примитивный навитой ствол, простейший механизм выстрела — всего лишь фитиль. Но вместе с тем, серые гоблины додумались до многих решений, на которые в моем мире ушли сотни лет. Наши аркебузы заряжались с дула — а эта, смотрите, открывается и заряжается с казенной части. Ее удобнее заряжать, а значит — быстрее. У нас казнозарядные ружья появились триста лет спустя — у гоблинов сразу. Далее, вот это — патрон. В моем мире стрелки вначале носили пули и порох отдельно, что было сопряжено со многими трудностями и неудобствами. Идея положить пулю, пыж и точно отмеренное количество пороха в бумажный мешочек появилась только почти триста лет спустя — а гоблины додумались до этого сразу. И наконец, у этой аркебузы есть специальные кармашки прямо на прикладе для хранения патронов. У нас солдат носил оружие отдельно и патроны — отдельно. Идея прицеплять несколько патронов для быстрого заряжания прямо на оружие появилась лишь пятьсот лет спустя. Простая вроде бы мысль — но люди додумались до нее только за пять веков. Гоблины додумались сразу.

— Получается, гоблины умнее людей из вашего мира? — спросил Гаунт.

— Не уверен. Тварь, с которой я встречался лично в лагере для узников, показалась мне на редкость тупой. Но они хитрые и находчивые. Если вдуматься, они не изобрели ничего такого, чего нет в моем мире — но сделали это быстрее. У меня есть предположение, что некоторые виды оружия и приемы войны они придумают или уже придумали быстрее, чем это произошло в моем мире. Это значит — сюрпризы в их рукаве не закончились, и скоро они, выдавая их один за одним, изменят войну до полной неузнаваемости. Они опередят вас не на шаг, а на тысячу шагов, даже имей вы оружие, как у них — все равно вы станете совсем беспомощными. Ведя непонятную, немыслимую вам войну, вы будете реками крови платить за ценный боевой опыт — и солдаты у вас закончатся быстрее, чем вы научитесь воевать с серыми.

— Ты хочешь сказать, что мы обречены на поражение?

— Нет, я хочу объяснить вам, почему я тут и почему вы должны меня слушать. Между первой аркебузой и той войной, которую я хорошо знаю — путь длиной более чем в пятьсот лет человеческого развития и прогресса. Вы — в самом его начале. Гоблины — где-то ближе к середине, они очень опередили вас. Но я — в самом конце. Гоблины опередили вас — но я опередил их. Я не только сделаю оружие, но и научу вас воевать им лучше, чем гоблины. А тот факт, что серые сволочи не придумали ничего, что было бы неизвестно мне, позволяет предположить, что мне удастся предугадать их возможные сюрпризы.

Гаунт потер подбородок.

— И драконы в твоём мире тоже есть?

— В моем мире есть такие «драконы», что «драконы» серых против них как щенята против настоящего дракона.

— И ты знаешь, как их убить? А лучше — вырастить таких же?

Тут вмешался король:

— Нет, он не может сделать дракона. Мастер уже объяснил мне, почему. Кому захочется знать точнее — спросите потом у Йонгаса.

Данила кивнул:

— Так и есть. Касательно того, как убить дракона — есть несколько вариантов. Первый — мы можем победить, даже не убивая их. Как это возможно — я объясню чуть позже. Второй — я попытаюсь создать противодраконье оружие. А одно из них, очень простое, покажу прямо сейчас.

Он вернулся к столу, положил на него аркебузу и взял «коктейль».

— Итак, давайте представим, что вот этот манекен — вражий пехотинец в броне, которую пробить очень трудно. Даст кто-нибудь огня? Ну там свечу или?..

Йонгас протянул руку ладонью вверх, и с его пальцев внезапно поднялись язычки огня.

— Впечатляет, — кивнул Данила, перевернул бутылку, чтобы спирт пропитал тряпку, и поднес к огню.

Как только пропитанный лоскут вспыхнул, инженер размахнулся и швырнул бутылку в голову манекена. Стекло лопнуло, дорогое вино моментально вспыхнуло и потекло огненными ручьями по броне, затекая в щели забрала и за металлический воротник, защищающий шею. В считанные секунды манекен был охвачен пламенем, у его основания натекла небольшая горящая лужица.

— Вот это да! — присвистнул сэр Кэлхар.

— Что в бутылке? — удивился король.

— Вино. Это оружие — самое простое в приготовлении, какое только можно себе представить. Жидкость подойдет любая, будь то масло для светильника или что угодно еще. Лишь бы горело хорошо и хорошо текло.

— До чего же просто... Почему до сих пор никто до этого не додумался?!

Данила развел руками:

— У нас тоже так было. Вы привыкли воевать мечами и копьями, оружие есть — вы им пользуетесь, а не придумываете новое. В моем мире бутылки с зажигательной смесью придумали только тогда, когда у врага появились боевые машины пострашнее «драконов», для оружия пехотинцев неуязвимые. Но нам никто не мешает применять их и против живой силы.

— Против сомкнутого строя не получится, — покачал головой один из офицеров, — стоит поднять щиты и построить «черепашку»...

— Даже если бутылка разбивается о щит — горящая жидкость стекает с него на голову воина. Конечно, сжечь всю армию противника не получится — но если каждый наш солдат бросит всего одну бутылку — вражеский строй распадется, в его рядах будет паника и хаос. Однако против пехоты есть и другое оружие, куда более смертоносное и тоже очень простое в изготовлении. Я покажу его, как только алхимики выполнят мое задание. А вот эти бутылки понадобятся в первую очередь против «драконов».

Граф Гаунт приподнял бровь:

— Но они, вроде бы, металлические. Металл не загорится.

— Снаружи металлические. Внутри него — сложные механизмы и солдаты, ими управляющие. Я не видел, как устроены именно эти драконы — но у тех, которые есть в моем мире, имеется одно уязвимое место... — Данила на миг умолк, соображая, как объяснить принцип работы танкового двигателя. — Они... дышат через отверстия на спине. Если туда затекает огонь — это как вдохнуть жар от костра. Драконы останавливаются. А в самом худшем для дракона случае у него в потрохах начинается пожар, и тогда он вообще сгорает.

— Однако дракон сожжет воинов раньше, чем те смогут забросить ему на спину бутылку, разве нет?

— В том-то и дело, что нет. «Драконы» моего мира, называющиеся коротким и непонятным для вас словом «танк», способны убивать солдат даже не с десятка-другого шагов, а с тысячи. Причем по много-много воинов за раз. Если вы пойдете с бутылками на «дракона» в полный рост и строем — да, вы обречены. Но к «дракону» можно подобраться и не погибнуть. Особое оружие и особый враг требуют особых способов вести бой. Теперь понимаете, для чего мы тут сейчас начали совет?

— А как же стрелки? Они тоже убивают с сотен шагов, у нас больше нет столько солдат, чтобы сознательно идти на жертвы в надежде сойтись в ближнем бою и победить этими бутылками!

— На этот счет у меня тоже есть идея. Тут вообще дожди часто бывают?

Йонгас кивнул:

— Как раз начался дождливый сезон. А чем поможет дождь?

Данила хитро ухмыльнулся:

— Аркебузы врага под дождем бесполезны. Порох, намокая, перестает гореть, а оружие, соответственно, перестает стрелять. Если во время боя пойдет дождь — серая чума окажется в большой заднице. В то же время бутылки с зажигательной смесью все равно будут гореть,

главное иметь источник огня, чтобы поджигать их. Вот как Йонгас из руки огонь испускает. Или просто факел, не гаснущий под дождем.

Самым полезным на совете оказался эльф-стрелок. Благодаря ему Разумовский смог примерно представить себе положение. У противника около двадцати тысяч живой силы, свои незначительные потери он компенсировал небольшими подкреплениями из тыла. Общее число драконов не превышает тридцати, и все они собраны в одном месте. Расположения войск серой чумы обычно хорошо укреплены, но тыловые объекты вроде того рудника и концлагеря, где побывал Данила, теоретически, могут стать объектами внезапной атаки.

— А как они кормят всю свою ораву орков? Они же жрать должны немерено, при таких-то размерах.

— Так и есть, — кивнул эльф. — Мои разведчики обнаружили, что серая чума регулярно высылаёт фуражиров. Это достаточно большие группы войск, от пятисот до тысячи низших орков и триста-четыреста гблинов-стрелков. Плюс разведка — до сотни кабаньих всадников. Обоз — телеги, иногда до двухсот, на которых едут стрелки и на которых возят добытое добро.

— И как далеко ходят эти фуражиры?

— Иногда их походы длятся дней восемь-девять.

— А караваны из их тылов к тому корпусу, что на нашей земле, ходят?

— Продовольственные — нет. Гонцы — снуют туда-сюда, иногда небольшие группы орков и гблинов подходят.

— А, положим, трофеи туда или сюда возят?

— Мы не замечали таких караванов. Иногда гоняют пленников, из Тархалона — сюда.

Данила оглядел карту с нанесенными обозначениями.

— Хорошо, а как вы думаете, почему чума должна напасть на нас меньше чем через месяц? Почему не три месяца?

— Это из-за смены сезонов. — Эльф ткнул пальцем в тонкие линии рек и сказал: — вот Сигна. Вот еще две реки, текущие с севера на юг. А дальше аж до Вайландрии, столицы, где мы сейчас, довольно пустынная местность, страдающая от недостатка воды. Вайландрия построена на реке, берущей свое начало в горах, у которых город и располагается. Причем вдоль реки есть несколько горных фортов, которые взять практически невозможно, разве только измором. Туда не то, что дракона, даже телегу не завести. Тропки очень узки для большой армии, осаду вести негде. Эти укрепления люди выстроили очень давно, опасаясь войны с нами, эльфами, благодаря им отвести реку не удастся. И город изначально был расположен в месте, где других источников воды поблизости нет. Другими словами, у осаждающей армии возникнет большая проблема с водоснабжением, так как единственная река течет через город и ее можно отравить. То есть, враг пить из реки без опаски не может. После сезона дождей наступает относительно сухое время.

— И как все это указывает на время наступления серых?

— Они готовят большие бочки на телегах. Судя по числу уже приготовленных бочек, что видели мои разведчики, серые ждут большого подкрепления, это раз. И бочки продолжают строиться — это значит, что они намерены осадить Вайландрию после сезона дождей.

Данила отошел от стола и уселся в кресло, задумчиво подперев голову кулаком.

— А почему они не осадят город сейчас? В дождливый период у них с водой проблем не

будет.

— И у нас не будет, даже если вдруг враг как-то перекроет реку еще в горах, что почти невозможно. Смысла осаждать нет. Опять же, в дожди и ливни мы под крышей, они — в палатках. Плохое время для осады.

— Хорошо, следующий вопрос. Сколько воды они смогут запасти в большом количестве бочек? Ведь орки пьют тоже много, да? Это ж сколько бочек надо?

— А серым не понадобится везти с собой столько воды. Мы полагаем, что они просто наберут из реки много бочек и дадут выпить одному пленнику. Если отравлена — выливают, ждут час, набирают заново. Река — не озеро, чтобы отравить ее, надо каждую минуту выливать туда порядочно яда. А запасы его не очень-то велики.

Данила скрестил руки на груди и откинулся на спинку кресла.

— Тогда все сходится. Мое видение ситуации таково: гоблины получают небольшое подкрепление и двинутся на город. Возможно, что даже без подкрепления. Возьмут Вайландрию в осаду просто для того, чтобы мы не могли мешать им обустроиваться. Насчет бочек — они им не для армии, а для драконов. Драконы их, скажем так, очень много пьют и без воды не смогут ехать. Имея тридцать этих машин вокруг города, они легко отобьют ваши вылазки. И тогда все, приплыли. Даже если город будет долго держаться — мне для изготовления оружия понадобятся большие запасы всяческого добра, на изготовление пороха тоже надо много компонентов. Если всего этого в городе не будет...

— И у тебя есть план, мастер, так дорого нам стоивший?

— Не понял? — приподнял бровь Данила.

— Он подразумевает, что доставить тебя было нелегко, — вмешался с пояснением король, — прямо из земель врага. Так что насчет твоего плана?

— Мы сможем предотвратить осаду, если ударим первыми и смешаем им все карты. Неважно, что ударим несильно, главное нарушить их выверенный план, у серой чумы сейчас нет возможности продолжать войну.

— Разве? У нас армия практически небоеспособна, надежных войск от силы тысяч двадцать, все остальное — сброд, и противостоять серым мы просто не сможем. Если гоблины двинутся на Вайландрию — нам их уже не остановить.

— Верно, но мы не дадим им двинуться. Их ресурсы тоже исчерпаны. Я объясню вам одну вещь. Вы можете взять армию и обоз и пойти в поход на долгие годы. Понесете потери — на вербуете солдат в чужих землях за захваченное золото. Понадобятся кони — отберете у завоеванных крестьян. Починка оружия, доспехов — не проблема, соберете кузнецов и заставите ковать. Вы можете воевать годами так, не возвращаясь на родину, верно?

— Ну, если воевать успешно, то, в принципе, возможно.

— Вот и я так подумал. У нас, к примеру, был король, Карл Двенадцатый — так он умудрился покинуть свою страну на восемнадцать лет... А вот гоблины так не могут. Все, что нужно вашим войскам — кони, провиант, солдаты, оружие и броня, которые могут быть изготовлены или захвачены. Армия, вооруженная огнестрельным оружием, нуждается в гораздо большем. Во-первых, это порох и пули. Пули каждый солдат может лить себе сам, но вот порох надо готовить в больших количествах. Далее, само оружие. Меч может выковать любой кузнец, хоть свой, хоть чужой, а вот аркебузы гоблины должны сами себе делать. Нужно развитое производство и много мастеров. Нужно сырье, как для аркебуз, так и для пороха. Наконец, драконы. Танки в моем мире — очень сложные боевые механизмы, поначалу они были крайне ненадежными, часто ломались. Со временем они стали лучше —

но и еще сложнее. Для починки сломавшегося танка нужны особые инструменты и запасные части. Полагаю, с драконами все то же самое, только еще хуже: они нуждаются в постоянных ремонтах и заменах деталей, потому что специальные паровые установки, благодаря которым они ездят и дышат раскаленным паром, крайне громоздки и ненадежны. Так вот, все сходится. Я, когда меня схватили эти ублюдки, попал в лагерь для рабов, мы добывали там руду, хоть я и не знаю, какую...

— Те места богаты на железные карьеры.

— Ну вот. Все говорит об одном: гоблины пытаются обосноваться надолго, наладить производство на месте, превратить ту территорию в свою базу, источник снабжения. Их собственные ресурсы на исходе. Почему они не напали сейчас? Ведь вы беспомощны против драконов, почему гоблины не ковали железо, пока горячо? Почему не подкатили на своих драконах, не осадили столицу? Ответ прост. Не могут. Драконы, проделав большой путь, подоспели к битве при Сигне, но теперь они остро нуждаются в ремонте и обслуживании. Полагаю, именно потому они все собраны в одном месте.

— И ты предлагаешь выиграть время, помешав им вести подготовку?

— Именно. Рыцарь может ходить в поход и нести с собой все необходимое, в обозе везти. А солдат технически развитой армии нуждается в большом количестве мастеров. Так что сейчас гоблины заняты тем же, что и я. Налаживают производство для укрепления материальной базы. Только у них есть задел и много мастеров — а я практически один, вся надежда, что алхимики, кузнецы и литейщики смогут сделать то, что мне надо... Кстати, Йонгас, а что там с производством пороха?

— Завтра проинспектирую. Министр алхимии сообщил, что первую бочку они для пробы сделали.

— Отлично. Как только остальные алхимики создадут огнепроводный шнур, как я их научил — я буду готов изготовить первую партию противопехотного оружия, которым во время дождя можно будет нанести тяжелый урон вражеской армии. Итак, в общих чертах мой план таков. Отряд кавалерии... Стоп. Сэр рыцарь... Кэлхар, да? Ваши имена для меня тоже не подарок. Вы случайно не знаете ли, были у врага в битве арбалеты или луки?

— Были. Арбалетный болт у меня в щите застрял. Но в целом, стрел было мало, и арбалетчики, числом совсем небольшим, находились, видимо, в самом конце их войска, потому как стрелы летели не прямо, а немного сверху. Ну, то есть стреляли с расстояния, большего, нежели дальность выстрела.

— И каковы их арбалеты? Броню пробивают?

— Рыцарский доспех — разве что совсем в упор. Арбалеты у них слабы, потому как стрелки слабы. Эти мелкие ублюдки не в состоянии натянуть мощный арбалет.

— А орки?

— Орки, конечно, очень сильны, но, видимо, слишком уж тупы, чтобы обучить их использованию арбалета и правильной стрельбе. Да и потом, они гоблинам нужны как заслон, стрелять серые гады и сами горазды из своих аркебуз.

— Отлично. Как обстоят дела с кавалерией?

— Плохо, — ответил Гаунт, — легкой кавалерии тысячи две, а вот рыцарской конницы едва ли триста человек наскребем. Лучшие у Сигны погибли. Ну и конных лучников, если что, еще обучим, дело не очень сложное, вот коней подходящих у нас меньше, чем потенциальных кавалеристов.

— А конная броня у тяжелой кавалерии какая?

— Ну как бы объяснить... Я лично воевал за Арлансию двадцать лет под началом двух Валленделов, да живет сей род вечно. Подо мною конь был убит лишь дважды, один раз — в атаке копьями против вражеских рыцарей, удар копья с разгону нагрудник лошади не выдержал. Второй раз — удар от пехотинца понизу, в брюхо, не прикрытое латами. И еще пару раз конь мой падал, когда ему ноги подрубывали.

— Ну да, я доспехи рыцарских коней видел, когда меня везли... Стало быть, не боитесь арбалетов?

— Да мы бы в грязь их всех втоптали, будь у них только арбалеты!! — в сердцах крикнул хромой рыцарь, — если правда, что их нечестивое оружие в дождь не стреляет — мы отомстим, о-о-о, как же мы им отомстим!!

— Спокойно, Кэлхар, спокойно, — мрачно ответил король, — придет и наше время... А пока держи себя в руках.

Данила ухмыльнулся:

— А мне нравится его ярость. У него очень сильная мотивация. Сэр рыцарь, мне бы таких, как ты человек пятьдесят, да легкой кавалерии еще под сотню — и можно будет нанести удар, как только алхимики доделают то, что надо. Итак, вот мой план. Необходимо собрать маленький, но подвижный кавалерийский отряд. Пятьдесят отчаянных рыцарей — ударный кулак, вооруженный специальными шпукovinaми, которых я смогу изготовить быстро и много. Еще, скажем, сто легких кавалеристов — для поддержки и прикрытия, а также преследования бегущего врага. Кроме того, если вдруг у врага дракон — легкая кавалерия будет вооружена бутылками с зажигательной смесью. А если нет — бутылки и по пехоте можно будет применить... Есть только одно маленькое «но». Пятьдесят рыцарей должны быть не только отчаянными, но и умными. Потому что оружие, которое я им дам, в руках дурака способно погубить и его самого, и тех, кто рядом окажется. И чтобы атака была эффективной — понадобится очень высокая слаженность.

— Так мы будем против тысячи с лишком — полусотней?

— Да. Вы не будете вступать в прямой бой. План такой. Разведка следит за фуражирами. Ждем дождя. Кавалерия передвигается скрытно, например, по лесу. Или еще как, это уж вы будете решать, как сопроводить врага незаметно. Когда начинается дождь — ждем, чтобы враг наверняка промок. После этого начинается атака. Рыцари разделяются на две группы. Правши, у которых щит слева, обходят противника справа, просто несутся вдоль его строя и бросают бутылки и противопехотные шпuky. И уходят прочь. Левши, у которых щит справа, скачут с левой стороны от вражеской колонны и забрасывают их. И тоже уходят без боя. Противник несет потери и, вероятно, начнет разбегаться в ужасе. Дальше уже по ситуации. Либо вторая атака, либо отступление. Задача — нанести врагу урон, не потеряв своих бойцов. Наш успех очень сильно выбьет гоблинов из колеи, а их походы за продовольствием станут не такими простыми. Они начнут бояться.

— Проблема. Если у них будет туго с едой — они будут есть моих подданных, которых угнали в плен! — напомнил Валлендел.

— Скажем так, они все равно съедят их или убьют. Кроме того, им нужны рабы на производстве и в карьерах. Наша задача не заставить врага голодать, а показать, что и у нас есть сюрпризы. Мы выиграем время, не позволив им начать осаду Вайландрии.

— Ладно. Тогда вопрос. А какая гарантия, что их оружие действительно не работает под дождем? — спросил Йонгас.

— Покажу. Залезай на стол, дождем будешь. Карты уберите только. Набери в рот воды,

будешь меня поливать, словно мелкий дождик моросит. А я попытаюсь выстрелить из аркебузы.

Все получилось, как и предрекал Данила: капли воды, попав на полку с затравкой, намочили порох, и он просто не вспыхнул.

— Ага!! — вскочил Кэлхар, — вот теперь им точно смерть лютая будет!

— Значит, тут есть моментик один. Гоблины хитрые и находчивые, значит, могут дождь предусмотреть. Вариантов два. Либо зонтики, либо чехлы. Если будут зонты — плохо дело. Если чехлы — аркебузу можно извлечь из чехла и произвести выстрел, прикрыв полку с затравкой рукой, при условии, что оружие заряжено. Но перезарядить под дождем — уже нет. Если разведчики-эльфы не заметят чехлов — атака по плану. Если чехлы — вперед придется послать легкую кавалерию, чтобы они приняли залп на себя. Для этого дать им коней с броней, а щиты надо будет сделать особые, непробиваемые. Ну а если зонтики...

— Если б они в дождь носили зонтики, мои разведчики мне бы сообщили, — сказал эльф.

— Тогда отлично. Завтра я научу мастеров делать непробиваемые щиты, если алхимики справятся — еще и начну делать новое оружие.

— Научить мастеров щиты делать надо сейчас. Все равно кузницы и мастерские работают день и ночь, у нас много мастеров-беженцев, так что рабочих мест на всех не хватает. Одни устали — новая смена приступает.

— Ладно, пускай приходят.

— Кстати, так что это будет за оружие такое? — спросил рыцарь.

— Покажу. Только так, уберите из зала все ценное и камин зажгите.

Когда это было сделано, Данила велел всем выйти, достал из кармана склянку, где смешал почти все свои запасы разных образцов пороха, бросил ее в камин и юркнул в дверь.

Рвануло так, что король и дворяне аж присели. Заглянув в зал, они увидели картину разрушений: задымленное помещение, выбитые стекла, горящие занавески, разбросанные по залу горящие головни. Несколько картин на стене посекло мелкими осколками стекла.

Данила выглянул из окна и увидел внизу сбежавшихся слуг и охранников.

— Там стеклом никого не поранило? — крикнул он.

— Нет! А что это было? Где король?!

— Король в порядке. Это я ему новое оружие показал, хе-хе.

Валлендел потрясенно рассматривал результаты взрыва.

— Так это и есть оружие против пехоты?

— Это называется «граната», испытательный образец. Боевые будут куда хуже. Находишь тут в комнате отряд солдат — им бы очень не поздоровилось.

Тут в рукав инженера кто-то вцепился. Данила обернулся и увидел горящие огнем глаза хромого рыцаря:

— Ради всех богов, колдун, готовь это оружие поскорее!!

— Кто идет? — раздался окрик Ар'Кая.

— Я.

Т'Альдин вышел на поляну, и десять пар глаз сошлись на нем с безмолвным вопросом.

— В общем, я не очень хорошо представляю себе, как правильнее будет вам об этом сказать, потому как скажу, так скажу. Есть надежда, что эльфы согласятся принять нас к себе.

После этих слов снова воцарилась тишина. Новость оказалась слишком внезапной, должно быть, это было последнее, что каждый ожидал услышать.

Первым опомнилась Каэлис:

— Это безумие.

— Ты с ума сошел, — поддержал ее Ар'Кай.

— Ничуть. В общем, объясняю расклад. С рассветом боевой отряд отправится нас искать, если пленница к тому моменту не вернется. И найти нас им труда не составит. Если же мы ее отпустим, эльфы поверят, что мы им не враги, и в самом худшем случае отпустят нас с миром.

— В самом худшем и самом вероятном случае они нападут на нас, как только пленница будет в безопасности, — возразил Ринкор.

— Если бы я так думал, то даже не ходил бы на встречу с ними. Поймите одну вещь. Я знаю кое-что, что невозможно объяснить словами. Потому что вы все равно не поверите. Я сам тоже не смог бы поверить, если бы не видел собственными глазами. Вся разница между мной и вами в том, что я видел, а вы нет. Вы думаете, откуда я знал, где находится поселок эльфов? — Т'Альдин медленно обвел взглядом товарищей по несчастью и сказал: — я провел в нем день и две ночи. Пока они рыскали по лесу в поисках выживших после засады, я прятался у них под носом. В одном из их домов. И там я видел и слышал достаточно, чтобы мое мировоззрение сильно изменилось.

— И ты это утаил?! — не поверила своим ушам Саами'Дан.

— Именно.

— А ты хоть понимаешь, каких почестей мог бы удостоиться твой дом и ты сам?!!

— Конечно, понимаю. И эльфы это понимают. И потому они поверили, что я им не враг. Среди них и так живет небольшое количество нашего народа, у нас тоже есть шанс найти там пристанище.

— Я не желаю быть рабом! — завопил Ринкор, — особенно рабом светлых!

— Идиот. У них нет рабов.

— Это ты идиот! Как можно вообще поверить этим... этим...

— Заткнись. Ты всегда был слишком туп, потому объясняю тебе на пальцах. Мы не отпускаем заложницу — до вечера не доживаем, нас перережут днем, как новорожденных рофов. Если отпускаем — получим пару вариантов, каждый из которых предпочтительнее верной смерти. Я буду просить эльфов принять меня к себе и уверен, что не будь со мной вас, был бы принят наверняка. Так что если вы все выберете возможность уйти прочь похорошему — я буду весьма признателен.

— Как мы и подозревали, у тебя тоже план личного спасения ценой всех нас, — мрачно подытожил Ар'Кай.

Г'Альдин презрительно хмыкнул:

— Будь это так, я рассказал бы эльфам, что я один-единственный такой, который им не враг, и сейчас привел бы с собой их отряд, спасти пленницу. Но вместо этого я просил не только за себя, но и за вас тоже. Я объяснил им, что во вражде между нами нет нашей вины. Вспомни, Ар'Кай, как тебя учили, что если во время телесного наказания громко желать смерти какому-нибудь поверхностнику — то будет не так больно от побоев. Тебя, меня и всех остальных учили ненавидеть эльфов. И теперь эта ненависть, бессмысленная, беспочвенная, влечет нас к гибели.

Как бы там ни было, но надо решаться. Все желающие могут пойти со мной. Все остальные могут поступать по собственному усмотрению: либо оставаться здесь, надеясь, что эльфы не станут вести себя враждебно, либо уходить прочь.

— И каждый из этих планов — одинаково плох, — сказала Каэлис. — Уйти прочь — это куда? Нам идти некуда. А все остальные варианты — безнадежный расчет на то, что эльфы не попытаются с нами расправиться.

Г'Альдин криво улыбнулся:

— По крайней мере, у тебя есть выбор. Какой сделаешь — такой сделаешь.

— Это ты во всем виноват! — взорвался Ринкор, — это твоя была идея — брать заложницу!! Если бы мы ее не тронули — по-прежнему были бы в безопасности, никто бы не знал, что мы тут!!

— Что сделано — то сделано, — пожал плечами Г'Альдин, — и я считаю, что получилось все не так уж и плохо. Раньше в самом благоприятном случае у нас был лишь шанс добраться до далекого анклава и спастись. Теперь в самом благоприятном случае мы получим моментальное спасение.

— Или моментальную смерть, — мрачно добавил кто-то.

— Ну или так. И это не самый худший способ погибнуть. В общем, ночь идет на убыль, пленница должна вернуться к своим до рассвета, тут вариантов нету. А что делать каждому из вас — сами решайте. Я уже слегка устал думать за вас всех, если честно.

Он подошел к пленнице и принялся развязывать веревки, но тут за спиной раздался негромкий, но легко узнаваемый звук вытаскиваемого из ножен клинка.

— У меня есть другой план, — зловеще процедил Ринкор, — отпустить пленницу — самоубийство. Она наша последняя надежда удержать эльфов от нападения. Кто со мной согласен?

Г'Альдин выпрямился и оценил ситуацию. Ринкор схватился за саблю, а не за лук, видимо, проверяет, кто на его стороне и не получит ли он внезапно дротик в спину, если обострит ситуацию.

Они стояли друг напротив друга в тишине, затем раздался голос Ар'Кая:

— А мы не будем вмешиваться. Просто посмотрим, как вы убиваете друг друга. Хоть какое-то развлечение перед смертью.

Ринкор словно ждал этих слов, он бросился вперед, не оставляя своему противнику времени выхватить саблю. Г'Альдин молниеносно вскинул руку с самострелом и выпустил дротик в лицо Ринкору. Тот чуть замешкался, пытаясь заслониться рукой, Г'Альдин успел уйти с линии атаки, а отравленная игла все же попала в цель.

Ринкор резко развернулся в сторону противника и бросился в атаку очертя голову: яд оставляет ему считанные секунды на победу. Г'Альдин же успел извлечь свою саблю и успешно парировал атаку врага, левой рукой перехватив руку Ринкора, мешая ему достать

кинжал. Как только тот попытался отвести руку с саблей назад для повторного удара — выронил свое оружие и схватил за запястье второй руки. Ринкор попытался вырваться, но тщетно: Т'Альдин, будучи старше, был и чуть сильнее. А затем яд начал действовать.

Ринкор задергался, захрипел и стал оседать. Т'Альдин без труда вынул из его ослабевших пальцев оружие и позволил врагу упасть в траву.

— Знаешь, я мог бы убить тебя, но не стану этого делать, хотя давно мечтал. Твоя тупость убьет тебя гораздо более жестоко, а мне даже пачкаться не придется.

Он поднял свою саблю и оглядел остальных:

— Все? Обсуждение закончилось? Если так, желаю удачи. Она понадобится нам всем независимо от принятого решения.

Пленница не проявляла ни малейшего интереса к происходящему, пока Т'Альдин не присел рядом. Он извлек из кармана сигиль, полученный от старейшины, и показал ей. На лице заложницы в один момент отобразилась целая гамма сменяющих друг друга чувств, главным из которых было недоумение. Сигиль старейшины? У дроу? Как?!

— Тебя, похоже, ждет сюрприз еще удивительнее, — пробормотал Т'Альдин, развязал пленнице руки и вложил в ладонь сигиль, затем вспомнил, достал из второго кармана шарф и вернул хозяйке.

От связывающих ноги пут она избавилась сама, косясь по сторонам настороженно и все еще ничего не понимая, Т'Альдин тем временем ногой отпихнул выроненную Ринкором саблю подальше в траву, просто на всякий случай. Не встретив никаких попыток помешать, эльфийка неуверенно встала, затем внезапно рванулась в сторону и исчезла в кустах, обрамляющих поляну, пошатываясь на затекших ногах.

— Вот и все, — подытожил Т'Альдин, — я иду следом. Кто рискнет вместе со мной — решайтесь сейчас, потому что потом дорогу к поселку можете и не найти.

— Дохлый номер, — равнодушно зевнул Ар'Кай, — я, пожалуй, откажусь. Переживу тебя пусть ненадолго, но верно.

— Как знаешь.

Т'Альдин повернулся и пошел прочь в полной тишине. Чуть позже за спиной раздались шаги и шорох кустов: его догоняли Саами'Дан, Каэлис и еще двое кадетов. Остальные шестеро предпочли на милость эльфов не надеяться.

Путь к поселку закончился лишь под утро. Их уже ждали: вокруг ограды светляки, тут и там светящиеся кристаллы. Эльфы в ожидании возможного нападения провели бессонную ночь, и Т'Альдин надеялся, что это неудобство не повлияет на их решение.

— Стойте, где стоите! — крикнул часовой на ломаном, но понятном языке.

— Она уже вернулась? — спросил Т'Альдин, остановившись.

— Да.

— Есть еще какие-то сомнения, что мы пришли как просители, а не как враги?

— Светлейшие совещаются. Ждите.

Т'Альдин опустился на землю и сел, скрестив ноги. Его примеру последовали остальные.

В полном молчании циклы тянулись медленно и мучительно, вскоре послышалось пение птицы, которая обычно начинает петь к утру.

— Ночь заканчивается, — спокойно констатировала Каэлис, — еще немного — и мы не сможем даже уйти.

Т'Альдин невесело усмехнулся:

— Нам и так, изначально, некуда было идти. Тот анклав под далекими горами прекратил свое существование еще до того, как родились старейшины этого поселка. Землетрясение. Те, которые пережили обрушение тамошнего Подземья, поднялись на поверхность и каким-то образом смешались с другими народами. Так что соплеменников мы бы там не нашли в любом случае.

— Откуда ты знаешь?

— Эльфы сказали.

— Думаешь, правда? И почему ты сам только теперь об этом говоришь?!

— Чтобы эта весть не влияла на решение остальных. Все равно вы бы подумали, что эльфы лгут, но страх того, что это правда, поселился бы внутри вас.

Еще через некоторое время скрипнула створка ворот, оттуда показался эльф:

— Оставьте оружие снаружи и входите.

— Западня, — пробормотал один кадет, — в которую мы еще и должны войти безоружными...

— Ты все еще можешь повернуться и уйти, — ответил Т'Альдин, — и я уверен, что тебе вслед даже стрелять не будут.

— Куда идти-то?!

— Вот и я о том же.

Он оставил все свое снаряжение на том же месте, где и в прошлый раз, и вошел внутрь. Остальные пошли следом.

У ворот уже собралось по меньшей мере триста эльфов, в первых рядах воины, мужчины и женщины, позади все остальные. Из окон ближайших домов наблюдают дети. Хороший знак: вряд ли эльфы устроили бы расправу на виду у них.

Первым заговорил тот же старейшина, который главенствовал раньше:

— Где остальные шестеро?

— Полагаю, уносят ноги. Не смогли поверить. Не вините их за это, они не слышали, как мать поет своим детям.

Старейшина повернулся к кому-то в толпе, и Т'Альдин увидел лицо недавней пленницы. Старейшина что-то спросил, та отрицательно помотала головой, после чего старый эльф снова обратил свой взгляд на четверых чужаков.

— Мы посоветались и решили, что позволим остаться тем из вас, кто согласится с определенными условиями.

— Мы согласны, — коротко ответил Т'Альдин.

— Вы их еще не слышали.

Он едва удержался от улыбки — вряд ли этот эльф сможет сказать то, с чем нельзя будет согласиться — но сохранил на лице почтительное выражение:

— Мы внимательно слушаем.

— Первое. Мы расселим вас по нескольким деревням, и вы будете беспрекословно подчиняться светлейшим этих деревень. Для ослушника места среди нас больше нигде не найдется.

Забавное условие. Значит ли это, что обычные жители имеют право не повиноваться правителям? Выходит, что да. Но для Т'Альдина это условие ничего не меняет — всю свою жизнь он только и делал, что подчинялся.

— Мы согласны.

— Второе. Вы никогда не покинете деревню без разрешения светлейших.

— Мы согласны.

— Третье. Вы не будете поклоняться паучьей королеве Ллос и любым другим своим божествам, и даже никогда не упомянете их.

В этот раз от улыбки удержаться не вышло:

— Соглашаемся с радостью.

— Четвертое. Ваших супругов, если до этого дойдет, вам назначит совет светлейших. Выбора у вас не будет.

Т'Альдин зажал рот рукой, но трясущиеся плечи выдали его смех.

— Я сказал что-то смешное? — спокойно спросил старейшина.

— Нет-нет, я не имел в виду никакого неуважения. Просто выбора я, мужчина, и раньше не имел, а теперь меня безумно веселит, что эти две, — кивнул он в сторону Каэлис и Саами'Дан, — попадут на мое место.

Старейшина перевел взгляд на женщин:

— Ваш ответ?

— Мы согласны, — ответила Каэлис, опустив глаза, и Т'Альдин с презрением подумал, что ее заносчивости надолго не хватило.

— Пятое условие. Вы никогда не будете лгать. Кто будет пойман на лжи — пусть пеняет на себя.

Повисла тишина, затем Т'Альдин несмело заметил:

— Ну я лично был бы счастлив родиться там, где никто не лжет, но увы, я родился среди своего народа, у нас ложь — вторая натура, я тридцать лет привыкал к этому и... мне будет не так-то просто отвыкнуть.

— Это не так трудно, если жить там, где ложь обычно не требуется, — сказал старейшина, — кроме того, мы дадим вам время отвыкнуть. Денька три.

— Что ж, мы согласны.

— Шестое и последнее. В наших лесах запрещено охотиться на животных и есть их мясо.

Вот тут Т'Альдин впервые почувствовал небольшое неудовольствие, но спасение ценой привычного рациона — все равно что даром.

— Мы согласны. Это все?

— Это — шесть отдельных условий конкретно для вас, которых у нас раньше не было. Также вам придется придерживаться и всех остальных традиций, обычаев и законов, по которым мы живем. Их вам тоже объяснят чуть позже. Само собой, что за их нарушение вы также будете изгнаны... в лучшем случае. Всем все понятно?

— Вполне.

— Тогда попрощайтесь друг с другом. Пока за вами не придут из тех селений, куда мы вас раздадим, будете сидеть взаперти отдельно и больше, может быть, никогда не встретитесь.

Т'Альдин криво улыбнулся:

— Да я буду счастлив больше никогда их не видеть. А... можно вопрос?

— Задавай.

— Если запрет на поклонение нашим богам придуман только для нас... Получается, у вас это не запрещено?

В толпе засмеялись, старейшина же ответил:

— Среди нас это как запрет оленю дышать под водой. Твои шансы найти эльфа,

поклоняющегося Ллос, еще меньше, чем отыскать оленя, дышащего жабрами.

* * *

Когда Данила дал техническое задание мастерам по изготовлению щитов и вернулся в свою комнату, почти сразу же заявила мрачно ухмыляющаяся Роктис, а вместе с нею — пара гвардейцев-полуорков, и инженер сразу же заподозрил неладное.

— Подержите его, — скомандовала ведьма.

— Какого лешего вы творите?! — возмутился Данила, оказавшись в стальной хватке здоровенных лапищ.

— Ради твоего же блага, душенька, — проворковала Роктис, — ты такой... такой непредсказуемый и загадочный... Времени в обрез, если вдруг ты и вторую порцию противоядия выбросишь — я не успею изготовить третью и ты умрешь. Потому решила подстраховаться. Откройте ему рот.

Жалкая попытка сопротивления ничего не дала. Громилы запрокинули ему голову и, впившись в основание челюсти мощными пальцами, вынудили открыть рот. Роктис ничтоже сумняшеся вылила Даниле в глотку на редкость омерзительное пойло и скомандовала:

— А теперь не дайте ему выплюнуть!

Широкая ладонь легла инженеру на лицо, прихватив мизинцем подбородок. Пришлось глотать, хотя чудовищный привкус вызвал сильные рвотные позывы.

— Ты, конечно же, можешь просто держать лекарство во рту, сделав вид, что проглотил, — ласково произнесла Роктис, — так что уж не обессудь, я вынуждена перестраховаться.

Из бокового разреза на подоле ее платья внезапно появилась гладкая, изящная, упругая серая ножка и взлетела вверх в молниеносном отработанном движении. Данила получил неожиданно мощный удар коленом в живот, его скрутило, перехватило дыхалку, последовали спазмы и произвольные глотательные движения.

— Вот теперь с тобой все будет в порядке, — сладким голосом промурлыкала Роктис, — видишь, как добросовестно я забочусь о твоём здоровье? Должна тебе сказать, душенька, что у такой хорошей меня есть один маленький недостаток... Я мстительная. Так что не обижай меня больше.

Данила очень хотел высказать ей все, что он о ней думает, но пока он еще глотал ртом воздух, охранники посадили его на стул и вышли прочь следом за чертовой ведьмой.

— Гребаная сука, — выдохнул Разумовский, когда возможность говорить вернулась к нему.

Его захлестнула злость, и на нее, и на себя. Конечно, можно было бы и догадаться, что привыкшую к вседозволенности паскуду одним-единственным поступком на место не поставить. Ну ладно, кто сеет ветер — пожнет бурю...

В следующий момент Данила внезапно подумал, что эта древняя мудрость работает в обе стороны. Он тоже пожнет, что посеет. А вторая мудрость, которой инженер часто пользовался по жизни, гласила: «хочешь мстить — копай две могилы». Да и вообще, надо держаться на позитивной волне. Он и так работает на износ, стоит ли разменивать нервные клетки на вражду? Да, было бы замечательно наказать эту бестию с фиолетовыми глазами, но... Самым большим счастьем для Данилы будет просто свалить домой с золотишком,

больше никогда эту ведьму не увидеть и временами, сидя у камина в своем особняке с бокалом мартини, или в собственном музейчике огнестрельного оружия, или в кабинете главного конструктора в своей оружейной фирме, вспоминать и этот мир, и эту чужую войну, и саму Роктис просто как невероятное приключение. Да, это самый верный подход к проблеме, не стоило по пустякам лезть в бутылку.

А ведьмочка, все же, хороша собой, эх-х. Возможно, начни Данила изначально все в ином ключе, ему бы даже обломилось сладкого. Маловероятно, правда, а теперь об этом и вовсе можно забыть. А жаль, потому как немного оттянуться при таком напряженном графике было бы очень кстати.

Инженер направил поток размышлений в более конструктивное русло: мечтать, конечно, не вредно, вредно не мечтать, но при этом стоит уметь отличать реальные мечты от нереализуемых. Роктис, конечно же, его тип, можно даже сказать — эталонное воплощение девушки его мечты, потому как длинные ушки и серая кожа ее не портят, да только увы, теперь уже Даниле точно не светит. Что ж, на длинноухой ведьмочке свет клином не сошелся.

Он подумал о служанках, их в замке ведь полно, а его самого принимают за министра. Интересно, можно ли поймать с этого какие-нибудь преференции?

Но чем дальше он размышлял, тем больше понимал, что не все так просто. Здешних обычаев не знает, правил ухаживания не знает, правил приличия — тоже. Да и служанки, все как на подбор, девушки миловидные — да кто бы сомневался, королевский дворец же — но рослые, румяные, типично крестьянской внешности и такого же телосложения, а те горничные и помощницы повара, что Даниле прислуживали — так вовсе повыше него на полголовы будут, одна — на целую голову. Видимо, проблема несоответствия своих сексуальных предпочтений и собственной комплекции будет преследовать Данилу и тут.

Да и ладно, потерпит, черт возьми, не впервой же. Вот Никола Тесла так вообще считал, что воздержание дает ему больше энергии на научную работу. Сделает свое дело, вернется домой — и там уже легко порешает проблемы личной жизни, а пока надо сосредоточиться на насущных задачах.

Приняв это вполне конструктивное решение, Данила вызвал слугу и велел подавать ужин.

* * *

Поутру, а точнее ни свет ни заря, явились первые алхимики, сонные и уставшие, принесли образцы водостойкого огнепроводного шнура, причем все четверо едва не передрались, выясняя, кто первый должен представить плоды своих изысканий. Оказалось, трое из них пошли практически идентичным путем, и сделанный ими пороховой стопин обладал весьма близкими характеристиками и по скорости горения, и по водостойкости: мокрый шнур загорался, если подержать его в огне несколько секунд, и устойчиво горел, хоть и медленнее, чем сухой.

Четвертый алхимик, флегматичный человек лет сорока, оказался единственным, кто для визита во дворец улучил минутку одеться в сюртук, а не в халате приперся, однако сей предок пиджака был испачкан в реагентах похлеще рабочих передников остальных. И рецептуру он представил совершенно иную, сделанный им огнепроводной шнур горел даже в

воде. Для фитильных гранат, применяемых в ливень — что надо.

— Как изготовил? — спросил Данила.

— Вначале сделал этот... стопин, как вы научили, ваша светлость. Потом сделал свой раствор, положил в него весь моток, подержал, вынул, высушил — и вам принес.

— Тебя послушать, милейший, так вообще плевое дело...

— А вы угадайте, ваша светлость, кто будет следующим министром алхимии, — флегматично пожал плечами тот под полными досады взглядами остальных.

— А рецепт раствора?

— Ой, ваша светлость, там компонентов столько, что список с вашу руку длиной будет...

— Компоненты достать легко?

— У меня их в погребе запас. Думаю, у других мастеров нашей гильдии все это тоже имеется.

— Садись, пиши рецепт. Вы трое — тоже запишите свои и ступайте отдыхайте.

Данила позвал слугу и велел немедленно отправить гонцов к литейщикам и министру алхимии и отыскать Йонгаса, а сам пошел к королю, однако тут по замку незримо, но ощутимо прокатилась волна встревоженности.

Инженер спросил у первого попавшегося слуги дорогу и был направлен в нужную сторону.

Однако у входа в обширные монаршие апартаменты, охраняемые парой бугаев-гвардейцев, уже столпилась небольшая шепчущая толпа лакеев, пажей, служанок и слуг, отдельно стояли две дамы, вроде фрейлины или что-то в этом роде.

— Эм-м... что-то произошло? — спросил Данила, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ответом стали неуверенные пожимания плечами у слуг и гробовое молчание охранников. Инженер шагнул к дверям, глядя прямо на гвардейцев:

— Король там? С ним приключилось что?

Оба молча буравили толпу тяжелыми, хмурыми взглядами. Делать вид, что не заметили Данилу, они не стали, но ответить не посчитали нужным.

— Мне нужно к королю по очень важному для него делу. Вы меня пропустите?

На этот раз ответ последовал незамедлительно:

— Входа нет.

Что ж, это проясняет хоть что-то: стража не глухая, но на вопросы о короле не отвечают. Судя по всему, фраза «кто королю нужен — и так знает, где он» — стандартная политика во взаимоотношениях короля и всех остальных.

— Понятно. Что ж, будем надеяться, вход скоро появится, потому как дело все-таки важное.

Действительно, не прошло и трех минут, как появился Гаскулл и скомандовал толпе:

— Всем разойтись заниматься своими делами. Ничего не случилось.

— Говорят, короля убить пытались? — несмело спросил кто-то из слуг.

— Никто ничего не пытался. Покушения не было. Король жив-здоров. Расходитесь, вам сказано.

Толпа начала расползаться, тут Данила снова подошел к двери.

— Раз с королем ничего не случилось — я могу с ним поговорить? Дело срочное, ну да ты и сам это знаешь.

Гаскулл одарил инженера мрачным взглядом, совершенно не вязавшимся со словами

«ничего не случилось», и сказал:

— Сейчас доложу.

Через минуту он вернулся и сделал знак проходить: король ждет.

В апартаментах короля царило нездоровое оживление, одних только полуорков Данила насчитал десятка два, по одной из горниц кружил, напевая себе под нос, невысокий толстячок в странной одежде, которого он уже встречал пару раз во дворце, с несколькими помощниками. Жрец, должно быть. Из соседней комнаты доносятся голоса Роктис и еще троих, судя по специфическому тембру, характерному для нее и Йонгаса — тоже эльфы.

Сам Валлендел сидел на софе в окружении Йонгаса и нескольких охранников, закутанный в одеяло, с босыми ногами, и потягивал что-то из бокала, рядом хлопотал дворецкий и еще пара слуг.

Данила и раньше замечал, что король с каждым днем сдает понемногу, хоть и держится молодцом, но вот прямо теперь, судя по всему — совсем плох. Монаршее лицо перекошено, рука, держащая бокал, мелко дрожит.

— Что-то хреново ты выглядишь, король, — сказал Разумовский вместо приветствия, само как-то выскочило.

— Оказался бы ты на моем месте — сам был бы не лучше, — желчно ответил Валлендел. — Я все думал, откуда же серые гоблины, хитрые, но не особо умные, взяли все свои нечестивые штуки... Скажи мне, мастер Данила, в твоём мире демонам поклоняются?

Инженер пожал плечами:

— Дурачья там хватает, есть и такие, что поклоняются демонам, и их даже не колышет, что самих демонов-то нету. Но дураки верят.

— Вон оно как, — протянул король, — я теперь подозреваю, что серая чума получила свое нечестивое оружие точно так же, как вот я пытаюсь. От потустороннего оружейника, только, видимо, не из твоего мира...

— А чтостряслось-то?

— Демон по мою душу пожаловал. Не иначе, серые ублюдки послали, или упростили, смотря какие у них там взаимоотношения...

Данила скептически приподнял брови. Демон? Впору Станиславского цитировать: «не верю». Правда, в магию он тоже не верил — но лицезрел собственными глазами. А в демонов как-то все равно не верится.

— Он что, прямо тут был?

— Угу. Я просыпаюсь — а надо мною такая образина жуткая, что словами не описать. И тянет, тварь, когти кривые...

Тут в комнату вернулась Роктис и, бросив короткий взгляд на Данилу, заявила:

— Все бесполезно. Они совсем не разбираются в демонологии, даже не могут понять, как демон сюда проник без портала. Все трое — бездари. Но у меня есть идея. Демон мог попасть в ваши покои, мой повелитель, если портал или призывной маяк находится в вашей спальне. Он может быть заложен в стену при постройке, может находиться внутри любого гобелена, картины, под облицовкой, под паркетом... Жаль, я не демонолог, а магия моя тут не очень полезна. Но если мы обыщем спальню — уверена, найдем. С одного взгляда на портал видно, что это портал.

— Так погодите, а дальше что было? Демон куда делся?

Валлендел поежился от воспоминаний.

— Да я попытался дотянуться до кинжала на столике, не смог. Дыхание перехватило, не

крикнуть... Я уронил графин с водой со столика, а Врэй, — кивнул он в сторону одного охранника, — возьми да услышь. Ну и понял, что дело неладно, бросился сюда, а демон, как топот услышал — сразу раз — и растаял.

— А раз так, — мрачно подытожил Гаскулл, — значит, тварь трусливая и уязвимая. Теперь надо поместить гвардейцев прямо в ваших покоях — и можете спать спокойно! Неудобно, но безопасно. Появится тварь — сразу же порубим. Да, и еще надо посадить второго охранника прямо в комнату мастеру-оружейнику, чтобы он не стал второй мишенью...

— Дельно.

— Стоп, стоп! — запротестовал Данила. — Я не хочу ни на что намекать — но этот демон точно был? Он не мог... присниться?

— Я прекрасно отличаю сон от яви, — ответил король, — демона я видел ближе, чем тебя. Открываю глаза — он надо мною. Совершенно реальный. На груди у меня уместился, проклятый, дыхание сперло, глазами мозг буравит — даже не шевельнуться, сам не знаю, как руку до столика дотянул... А как исчез он — словно телегу с груди сняли и порча его сошла, что парализовала тело...

Данила тяжело вздохнул, придвинул к себе ближайшее кресло и без приглашения сел, вызвав бурю негативных эмоций на лице Роктис, Йонгаса и охраны.

— В общем, король, разговор будет сложноват для понимания... был бы ты из моего мира — я бы в два счета объяснил тебе, откуда демон взялся, но в твоём языке нет многих нужных умных слов...

— Как ты можешь знать про демона?! — подозрительно спросила Роктис, — я отлично слышала, как ты говорил, будто в твоём мире демонов нет!

— Их и нет, а вот такие случаи бывают. В общем, король, я сейчас объясню тебе все. Начну немного издалека. Вот тут, за лобной костью, находится часть мозга, называемая «лобными долями». Именно лобные доли делают тебя Валленделом, а меня Данилой. Именно они делают людей людьми. Не видел мозга эльфа — но уверен, у них так же. Все твои мысли, чаяния, устремления, принципы, знания, честь, совесть, вкусы — все находится в лобных долях. Пока все понятно?

— Ну... в общих чертах. В твоём мире ученые мужи знают, как устроен и работает мозг?

— Да, знают. А вот тут, за висками, ближе к затылку — зрительные центры. Я объясню. Ты видишь меня. Мой образ по зрительному нерву попадает в зрительный центр, а оттуда уже в лобные доли — и ты видишь, что перед тобой сижу я, Данила-оружейник. А если, положим, стрела пробьет твой череп и поразит зрительный центр, но ты сам чудом останешься в живых — ослепнешь, хотя твои глаза будут в порядке. Понятно?

— Пока да, продолжай.

Данила обвел слушателей взглядом и увидел на лицах неподдельный интерес. Видимо, доступно объясняет.

— Теперь я расскажу кое-что про сон. Когда ты спишь, твой мозг парализует твоё тело. Например, для того, чтобы, если тебе приснится гонящийся за тобой волк, ты не упал с кровати, пытаясь убежать. И то, что ты видишь во сне, мозг посылает тебе в зрительный центр. Твои глаза закрыты, но ты видишь во сне что угодно, что твой спящий мозг тебе пошлет.

Так вот, очень редко случается такое чудо, как сон наяву. Весь мозг спит, а лобные доли — нет. Самое плохое — это всегда случается при кошмарах. Смотри, ты просыпаешься.

Открываешь глаза. Твои лобные доли проснулись — значит, ты проснулся. Но весь остальной мозг, все тело — еще спит. И в этот момент мозг посылает в зрительный центр образ демона из твоих кошмаров. Из глаз в зрительный центр приходит образ комнаты. Из мозга туда же — образ демона. И вот перед твоими глазами появляется несуществующий демон. Но ты не можешь отличить настоящее от сна, потому что не имеет значения, откуда образ попал в зрительный центр, тебе кажется, что ты видишь демона глазами, хотя на самом деле твои глаза видят лишь пустую комнату.

— Так это несуществующий демон душил меня? Чушь.

— Я же сказал, что все объясню. Именно когда ты упомянул о параличе и удушении, все стало на свои места. Когда ты спишь, твое дыхание становится медленным и слабым. Когда просыпаешься — начинаешь дышать сильнее. Но дело в том, что твое тело еще спит, оно дышит медленно, тебе не хватает воздуха. Ты пытаешься вдохнуть — но не можешь, ведь твое тело во власти спящего мозга. Кроме того, когда ты лежишь, твоя голова на подушке. Ты открываешь глаза, они устремлены не прямо вверх, а под углом. Демон перед твоим взором — и тебе кажется, что он сидит у тебя на груди. Ты вдохнуть не можешь, задыхаешься — и кажется, что он душил тебя. По этой же причине трудно пошевелиться: тело все еще спит, ты над ним почти не властен.

И тут шум, вбегает охранник. Тело от шума просыпается, мозг перестает видеть сны — и демон исчез, испарился. Ты сразу же вернул себе контроль над телом — паралич пропал, вдохнул полной грудью — и сразу показалось, что с груди сняли самый настоящий вес. Врэй видел демона?

— Хм... нет. Он вбежал секундой позже, демон исчез еще при стуке сапог по полу...

— Вот-вот. Пойми, король, я хорошо знаю, что происходящее казалось тебе настоящим. В моем мире люди тоже верили в демонов из-за этого странного чуда. И многие сотни лет ушли у мудрейших из нас, чтобы постичь тайны мироздания, тайны человеческого тела — и найти отгадку. Так что можешь отныне спать спокойно: сон наяву происходит настолько редко, что очень немногие люди испытывают такое, и вероятность того, что за всю твою оставшуюся жизнь это еще раз случится — очень невелика.

— Так ты еще и в устройстве тела и мозга знаток? — спросил Йонгас.

— Нет. Просто мудрецы наши, разгадав интересную тайну, сразу пишут об этом книжку, делятся интересными открытиями, не вдаваясь в сложные подробности, ну, чтобы простому люду понятно было.

— Надо будет издать указ, чтобы наши ученые тоже писали манускрипты о своих открытиях, — проворчал король.

— Ну, раз мы с демоном разобрались — перейдем к более важным делам. Во-первых, необходимо наладить в срочном порядке небольшой сборочный цех, и для этого мне нужны самые дисциплинированные и умные работники. Во-вторых, к завтрашнему утру мне нужны пятьдесят самых умных рыцарей: я научу их пользоваться тем, что сегодня мы начнем производить. Для сборочного цеха нужно помещение на отшибе.

— Прямо сегодня? Замечательно.

Король отдал в распоряжение Данилы Йонгаса и своего придворного зодчего. Не совсем та специальность, но ладно. Человек, строящий дворцы — как минимум не дурак.

В зале совещаний уже ждал человек от литейщиков, не тот, кому инженер давал задание на чугунные шары.

— Значит, план у нас такой. Оборудуем цех, литейщики привезут туда корпуса... ну,

шары чугунные. Далее, мне понадобятся восемь умных рабочих из тех, которые сейчас порох изготавливают, и собственно порох. Не весь, пару бочек. Как только алхимики сделают огнепроводные фитили в достаточном количестве — мы сможем снарядить боевой отряд уже к вечеру, готовить гранаты — дело нехитрое. Потому завтра утром здесь уже должны быть кавалеристы, которые войдут в первый ударный отряд.

Нужное здание на отшибе — не использующаяся казарма — нашлось быстро. Данила описал архитектору, что именно туда надо завезти из инструментов, и отправил выполнять. Йонгасу дал указание съездить, как это и планировалось, с инспекцией на пороховое производство, и заодно прихватить нескольких рабочих и порох для гранат, а также проверить темпы производства щитов. Литейщик же получил указание привезти отлитые корпуса к месту сборки и продолжать отливать новые.

Как раз к концу совещания и министр алхимии подоспел. Данила показал ему водостойкий шнур, вручил рецепт и велел изготавливать точно такой же силами хотя бы четырех алхимиков, включая и самого изобретателя оного. Для контроля соответствия отдал почти весь готовый шнур, оставив немного и себе.

Затем Разумовский обнаружил, что заняться ему особо нечем. Дальнейшая разработка аркебузы упирается в испытания, пока не будет результатов — непонятно, что проектировать-то. Он позвал слуг и потребовал подавать обед: денек грозит быть слегка напряженным.

В этот раз перед ним на столе оказались клецки в масле, три разных овощных салата и густой, пряный суп. К этому шли обжаренные хлебцы с сыром, легкое вино и что-то, похожее на шербет. Старший из слуг с поклоном извинился, что нет мяса: высочайшим указом велено мясные блюда готовить только вечером.

— Хм... пост, что ли? — не сразу понял Данила.

— Нет, ваша светлость. Грядет осада. Мясо, как я слышал, засаливается в огромных количествах, почти все поголовье мясного скота забито, остались лишь коровы, овцы да козы. И птица.

Данила наколот на вилку клецку и отправил в рот. Весьма неплохо, он-то и дома мясо не трижды в день кушал. А затягивание поясов — на войне дело обычное.

Через час появился Йонгас.

— Только что с пороховой фабрики, — сказал он, — порох и рабочие уже на месте. Когда будем делать эти, гранаты?

— Как только алхимики обеспечат нас фитилями. Но я немного пробного образца припас, так что показать, что и как делать, я могу прямо сейчас. Поехали к казарме, и надо прихватить с собой взвод солдат: цех, само собой, надо охранять.

Они загрузились в карету — Данила, Йонгас, Роктис и полуорк-гвардеец, не Гаскулл, а другой — и поехали. По пути Разумовский прояснил для себя любопытный момент, заинтересовавший его еще с прошлого дня, а именно — обилие рыцарей во вроде бы небольшой стране. Если в средневековых войнах обычно потери собственно рыцарей исчислялись десятками на фоне тысяч погибших, то Арлансия, потеряв немало дворян в кровопролитной битве, все еще могла наскрести три сотни. Три сотни дворян. Это ж на сколько феодалов страна разбита?!

Он поделился своим недоумением в Йонгасом.

— А это благодаря реформе, проведенной еще прадедом нынешнего короля Дарданом Третьим, — пояснил эльф. — Теперь феодалами управляют наместники из не-благородных, но

которые умеют это делать. К каждому феоде прикреплено некоторое число благородных рыцарей, которых этот феоде содержит и вооружает, и подразделение регулярной армии.

— Хм. Интересно, а как тогда с титулами? В моем мире титул барона или, скажем, графа говорил о том, что его носитель — владетель определенного баронства или графства.

— Титулы остались, но они больше не привязаны к земельным владениям. Дардан Третий столкнулся с ситуацией, когда разленившаяся знать не хотела идти на войну, расвирепел и повыгонял всех отказников, лишив их всех привилегий и титулов. С тех пор его слова вошли в поговорку: «благороден лишь тот, кто рожден для благих дел». Когда потомки прославленных родов оказались ожиревшими лентяями... в общем, король Дардан взял да отменил наследование благородности, потребовав доказывать ее на поле брани. Так что теперь рыцарем вполне может стать простолудин, уже доказавший отвагу и сноровку. А титулы, начиная с баронского, теперь даруются за доблесть, верность и отвагу. Потомки титулованного дворянина могут сохранить за собой титул, только продолжив службу короне и доказав, что достойны, в бою. Дворяне с тех пор получают от короля не земли во владение, а щедрое жалование, и им запрещено заниматься чем-либо, кроме ратного дела. На досуге разрешены только науки и искусства.

И потому Арлансия всегда побеждала в войнах за счет многочисленной прослойки хорошо обученных и вооруженных рыцарей, для многих из которых служение короне — семейная традиция. Увы, сейчас их осталось мало...

Приехав на место, Данила осмотрел цех и окрестности. В целом неплохо, ближайšie дома — шагов за двести, через пустырь. Он велел обнести этот пустырь и казарму деревянной оградой без просветов и высотой в два человеческих роста, во-первых, чтобы при несчастном случае осколки далеко не летели, во-вторых, чтобы от глаз людских подальше. Ну и охрану выставить, само собой.

Затем инженер осмотрел отлитые шары и порох, а на улице приказал устроить очаг, чтобы топить воск.

— Запомните, — сказал он рабочим, — внутрь никакого огня, вы это и так знаете, раз на пороховом производстве работали, но повторяю все равно. Топить воск вы будете снаружи в железном ковше, затем переливаете в деревянный! Железный внутрь не вносить: вот этот вот шнур может вспыхнуть от касания к горячему металлу, а деревянный ковш с теплым воском не опасен.

Первую гранату он собрал лично: насыпал в пустотелый шар пороха, вставил отрезок водостойкого стопина и сверху залил отверстие воском.

— Ну что же, давайте испытаем.

Все вместе они подошли к небольшому овражку, Йонгас дал огонька, Данила поджег фитиль и метнул гранату. Несколько секунд спустя там знатно ухнуло, поднялся столб белого дыма. Рабочие и некоторые солдаты аж присели от неожиданности.

— Поняли, с чем дело имееете? — напутствовал их Данила, — так и знайте, ежели какой дурак тут с огнем играть будет — весь цех рванет в тысячу раз сильнее, костей не соберете своих.

Напоследок рабочие набили песком пятьдесят гранат и загрузили ящик в карету: чтобы завтра тренировать рыцарей, понадобятся учебные. Данила велел рабочим наполнять остальные шары и ждать, когда привезут фитили, а затем приступать к полномасштабному производству, пока хватит материалов.

В целом, дело выглядело достаточно обнадеживающе: первую партию гранат можно

будет получить уже к следующему вечеру. Старший рабочий, пожилой тощий дядька с длинными усами, показался Даниле весьма сообразительным и ответственным, можно надеяться, что производство в надежных руках.

— Вот что, Йонгас, надо еще пошить особые седельные сумки для гранат, — сказал инженер, — такие, чтобы гранат вмещалось хотя бы по четыре штуки в каждой, и попарно к седлу цеплять.

— Я распоряджусь.

— Отлично. Слушай, а все эти рабочие, алхимики, кузнецы — им кто платит? Король?

— Платит? Ты о чем это, мастер из другого мира? Плата за их труд — их жизнь, если мы победим. У нас война, причем не за феода и не за город против себе подобных, а на уничтожение с непримиримым врагом. Тут либо работай и воюй — либо умри. Деньги почти перестали ходить, потому как покупать особо нечего стало. Еду раздают централизованно, все необходимые ресурсы для работ распределяются королевским советом.

На обратном пути важных тем для разговоров не нашлось, потому Данила, немного поскучивав, спросил:

— А все-таки, Йонгас, как так вышло, что эльф да вдруг человечьему королю служит?

— А я ему, формально, не служу. Я своему народу служу, я — Посредник.

— Вроде дипломата?

— Да вот не совсем, у меня другая роль. Я решаю конфликты между двумя народами. Если люди обидят эльфа, я ищу и наказываю виновных.

— Хм... А королевские стражники, эдилы или как они тут называются, зачем?

— Эльф никогда не будет жаловаться человеку на другого человека. Он будет мстить. И чтобы это не происходило бесконтрольно — появилась должность Посредника — эльфа, к которому обращаются другие эльфы, если их обидели люди.

— Судья и следователь в одном лице?

— Скорее — следователь и палач. У нас судей в привычном понимании нет, виноватого судит пострадавший.

Данила приподнял бровь:

— А как же беспристрастность?

— Это человеческая категория, как и суд. У нас даже слова «судить» нет, строго говоря. Если вина обидчика доказана — совет старейшин закрепляет за пострадавшим право отомстить по своему усмотрению. И эта разница в мировоззрении была причиной многих войн между людьми и эльфами. Потом компромисс был найден: эльф, которому люди дают полномочия искать и судить людей, а другие эльфы делегируют свое право на месть.

— Понятно. А мне казалось, ты при короле советник или что-то в этом роде. Вот прямо сейчас ты выполняешь совсем другие обязанности.

— Мои знания, мудрость и ум полезны королю и остальным людям, так почему бы не помочь? Тем более, что свои прямые обязанности я исполняю, к счастью, редко.

— Не любишь свою работу?

— Не самая приятная роль, прямо скажем.

Роктис, почти все путешествие хранившая молчание, тонко захихикала:

— Никто не любит быть палачом, душенька, даже я. А если приходится казнить невиновных — и вовсе ужас. Недаром многие бывшие Посредники становятся отшельниками.

Йонгас бросил на нее испепеляющий взгляд, но ничего не сказал.

— Что это значит? — спросил у него Данила.

— Отстань от него, — зашебетала Роктис, — видишь же, это неприятная тема. Я сама тебе расскажу. Дело в том, что если Посредник не может найти виноватого — ну, к примеру, убили эльфа в трактире деревенском, свидетелей нет, а кто видел, тот молчит — то казнит невиновного.

— Как так?!

— Ну вот такие они, добрые честные эльфы, — голос Роктис стал еще слаще.

Данила снова взглянул на Йонгаса.

— Я, конечно, понимаю, что Роктис рада сделать тебе пакость, но тут как раз тот случай, когда я вынужден спросить: что это, демон возьми, значит?!

Эльф, скрестив руки на груди, мрачно ответил:

— А то и значит. Смерть эльфа не может остаться безнаказанной. Раньше мы вообще не разбирались ни в чем. Ваши убили нашего — война. И мы убивали людей до тех пор, пока не решали, что месть свершилась. Раньше нам вообще не приходило в голову мстить именно тому, кто убил нашего, мы убивали всех подряд.

— Даже детей, — медовым голосом вставила Роктис.

— И ты еще считаешь себя лучше людей! — ужаснулся Данила. — Да как так вообще можно?!

— Встречный вопрос, — ледяным голосом произнес эльф и передразнил возмущенные интонации Данилы: — да как так вообще можно, чтобы люди убили эльфа?! Мы вас не убиваем иначе, чем в порядке мести и защиты! И это одна из причин, почему мы лучше вас! Вы кровожадные варвары, убивающие даже друг друга в борьбе за власть, территории, богатства! А чтобы эльф убил эльфа? Да еще за какой-то кусочек желтого металла? Неслыханно. Мы настолько высокоразвитый народ, что даже тебе, человеку из мира мудрецов, не понять разницу между нами. Потому что даже в твоём мире мудрейших ученых, постигших тайны разума, вы продолжаете убивать друг друга.

— Ага, так высокоразвитый народ считает нормальным убийство невиновного? — вернул шпильку Данила.

— Конечно же, да, — немедленно оживилась Роктис, — если люди убьют эльфа — его родня отправляется мстить. Стреляют из засады в путников на дорогах, в рабочих на полях, в купцов... А если мстителей соберется много — начинают жечь деревни.

Йонгас тяжело вздохнул, обращаясь к Даниле и полностью игнорируя темную:

— Принципиальная разница в мировоззрении заключается в том, что мы в подобных ситуациях не видим невиновных. Люди убили одного из нас — люди виновны. А то, что убийство могло быть совершено кем-то одним без ведома и одобрения остальных — это уже не наши проблемы. Долгие века эта политика приносила определенные плоды: вы боялись убить эльфа, понимая, что за этим последует неминуемая кара. Однако изоляционизм в какой-то момент исчерпал себя. Мы поняли, что к потенциальному врагу надо держаться ближе, а не дальше.

Живя среди людей, я понял, что вы все очень разные. Среди вас попадаются как достойные представители, так и гнусные животные. И потому, если Посредник не может найти виновного, он выбирает из подозреваемых кого похуже и казнит, а своему народу говорит, что это и был виновный. Если этого не сделать — эльфы снова пойдут воевать. Мы не умеем прощать убийство наших, понимаешь? Посредники вынуждены жертвовать одним невиновным, чтобы спасти сотни невиновных, людей и эльфов. И для этого должны лгать,

чего мы обычно не делаем. Вот потому-то многие из Посредников становятся добровольными изгоями...

— Так что ж вы, такие высокоразвитые, в лесу своем не сидите? Вначале лезете к людям, гнусным животным, а потом обижаетесь, что где-то кого-то убили? — спросил Данила с сарказмом.

Йонгас мрачно ухмыльнулся в ответ:

— Да, йоклол возьми, обижаемся. Если ты встретил эльфа в своем городе, это еще не дает тебе права причинить ему зло. И вообще, тебе-то, по большому счету, какое дело? Твоя задача сделать оружие, не более того. И если уж на то пошло, это люди нас зовут, непрошенными только вы в наши леса приходите.

— А, то есть того мага в мой мир кто-то приглашал, да?

— Не совсем. Но мы это сделали по просьбе короля. Идея вторжения в другой план бытия нам самим в голову просто не пришла бы. В любом случае, я исполняю роль Посредника с ведома и разрешения людского короля. Если тебе что-то не нравится — обращай к нему. А мне читать проповеди — уволь.

В этот момент карета остановилась: приехали.

В «штаб-квартире», как назвал Данила свой зал для совещаний, его уже ждал Кадис, потому инженер не стал терять время попусту. Испытания устроили там же, где и первый раз — в темнице. Остроконечная пуля пробила нагрудник, можно сказать, легко и непринужденно. Ну почти.

— Вот это уже прорыв, — сказал Данила, — теперь мы знаем, что делать дальше. Необходимо изготовить таких стволов... скажем, сто штук. Чтобы с запасом. Или хотя бы пятьдесят для начала.

Озадачив министра-кузнеца, он велел слугам подать в его комнату побольше пирожков и «кофейного напитка» и принести большой канделябр с яркими светящимися кристаллами: для него как инженера начинается самый сложный и самый интересный этап: проектировка.

Для начала Данила решил не изобретать велосипед. Имея проверенные технологии изготовления ствола, пороха и пули, он спроектирует простейший однозарядный мушкет, а затем уже по результатам применения оного будет видеть, в каком направлении двигаться. Правда, «модель номер один» тяжела для человека, но первая партия изначально рассчитана на полуорка, а вторая и все последующие будут созданы с учетом уже накопленного к тому времени опыта.

Исходя из того, что важнейшим фактором является скорость разработки и простота изготовления, Разумовский пожертвовал скорострельностью в пользу и надежности в том числе. Затвор, если так это можно было назвать, представлял собой винт-заглушку с рукояткой по типу тисков. Открутил, засунул пулю, засыпал порох, закрутил, подсыпал пороха на полку для затравки — и можно стрелять.

Конечно, боевая ценность такого мушкета — ну не поворачивается язык назвать аркебузой бандуру под двадцать кило веса! — будет минимальной, потому как даже в скорострельности гоблинские образцы лучше, у них переломный замок и запираение получше устроены, скорострельность куда выше. А самое худшее — что если хотя бы один мушкет с пулями попадет в руки врага — дело обернется совсем худо, потому как оперенные дротиковые пули гоблины переймут тот же час. И тогда будут косить арлансийцев с еще большего расстояния, чем прежде. Хреново.

Данила упер голову в локти. Все осложняется тем, что какую классную пицаль ты ни сделай — преимущества от передового вооружения можно будет получить только в одном сражении. К следующей битве враг уже переймет все новаторские идеи. Гранаты принесут победу — но лишь однажды, есть высокая вероятность, что гоблины поймут, как они устроены, даже не получив в руки целый экземпляр. Разумеется, при условии, что они пока еще не имеют оных.

И дождь можно будет использовать лишь один раз, увы. Обжегшись на дожде — парадоксально звучит, к слову — ублюдки сделают выводы. А дальше — простейшее решение в виде зонтов.

Инженер взял с тарелки пирожок и откусил, запив кофейным напитком. Напиток, конечно, на кофе не похож вообще никак, но бодрит, а это главное: впереди ждут бессонные ночи.

Расклад, на самом деле, и правда плох. У противника перевес в живой силе, производственная база у него наверняка уже налажена, примитивные танки пока что

непобедимы, плюс неизвестное число козырей в рукаве. У Данилы — только масса передовых для средневековья конструкторских решений, и применить любое из них — значит отдать противнику, который пока что и так опережает по новинкам, будь то недотанк или доспех повышенной прочности. И любая победа может оказаться пирровой, потому что хитрый враг всякую новинку возьмет себе на вооружение, а на всякую уловку будет знать противодействие самое позднее к следующему бою.

Вывод напрашивался только один: в длительной войне перспективы не самые радужные. Чтобы победить серых уродцев, необходимо выманить их на решительное сражение и учинить сокрушительный разгром. Это, как минимум, позволит сохранить секрет оперенных пуль. Идеальный вариант — генеральная битва под дождем с применением ручных гранат, но это вряд ли осуществимо.

Данила вздохнул и отправил в рот остатки пирожка. Как ни жаль ему выкладывать мощный козырь — противопехотную гранату — за малозначащую победу, а придется. Король прав: люди, потерпев кровавый разгром от нечестивого оружия, не пойдут на битву без веры в победу. Надо доказать, что и они способны малым числом разбить вражье полчище. Первая победа если и не нанесет врагу больших потерь, то хотя бы вернет людям веру в себя и в новое оружие.

Однако этот временный успех никак не изменит того факта, что ему, Даниле, придется играть на хитрость против врага, заведомо опережающего по этой самой хитрости. Ему по-прежнему нужно противотанковое оружие, это раз. Артиллерия — очень возможный козырь, который враг пока держит в секрете, значит ему и самому нужна артиллерия. Что-то типа торсионной метательной установки, баллиста там, или тот же онагр, приплюсовать к этому фитильную гранату — вот и артиллерия. Вопрос в том, как обстоят дела с осадными машинами у гоблинов: если оные у них есть, то, узнав концепцию гранаты, они стопроцентно додумаются метать ее катапультай. И потому в плане артиллерии серых не обогнать, максимум, что получится — это не дать обогнать себя.

Данила взял с тарелки новый пирожок, откусил и принялся меланхолично работать челюстями. Выиграть войну быстро будет реально, если найдется хоть что-то, чего гоблины не смогут перенять. В противном случае он, Данила Разумовский, рискует застрять в этом мире надолго. Черт.

Минут через пять, решив позвать слугу и потребовать еще пирожков, инженер встал, со стуком поставил на стол опустевший бокал и внезапно замер. Стук бокала по столу пробудил в голове некоторые ассоциации. Стук. Удар. Удар... Эврика!

Капсюль.

Маленький сукин сын, медная площадка с гремучей ртутью внутри, залитой каплей клея или лака. Капсюльное оружие даст, во-первых, эффект всепогодности. Во-вторых, применение капсюля вместо фитиля позволит существенно сократить количество пороха в заряде или же повысить его мощность при том же весе. В-третьих, это первый шаг к многозарядному скорострельному оружию. Производство унитарных патронов — нереально, но первые капсюльные револьверы прекрасно обходились и без них: в каждую камеру барабана насыпался порох, запрессовывалась пуля, во избежание поджога спереди камера замазывалась пушечным салом, на брандтрубку надевался капсюль — и можно стрелять.

Данила забарабанил пальцами по столу. А ведь это действительно выход. Остроконечные оперенные пули, гранаты, начиненные порохом, метательная артиллерия и даже настоящие литые пушки — изобретения простые, которые достаточно просто

подсмотреть. Но вот капсуль фиг подсмотришь, нужно понять, как он изготавливается. Надо знать формулу. И если развитой химии у серых гоблинов нет — капсульного оружия им не видать. Правда, если алхимия Арлансии находится в зачаточном состоянии — не видать оно и Даниле.

Он встал, взял свой новый дублет и вышел, на ходу кивнув охраннику:

— Едем к министру алхимии.

Правда, уехать сразу не получилось: пришлось ждать Роктис, хоть и недолго. Главный алхимик обитал неподалеку от дворца, так что путь занял немного времени.

Данила постучал в дверь, открыл слуга. После короткого объяснения он с поклоном пригласил гостей войти, а сам отправился за хозяином. Вскоре тот появился, не успев снять передник.

— Приветствую, — сказал Данила, — тут возник очень срочный вопрос. Мне надо знать, во-первых, есть ли у вас кое-какие компоненты. Во-вторых — осмотреть вашу лабораторию.

«Во-вторых» старому алхимику не очень понравилось, но деваться некуда, о том, что мастер-чужеземец получил от короля фактический карт-бланш, знали уже все.

— Входите, — пригласил он, — желаете вина? Перекусить с дороги?

— Нет, чем быстрее мы разберемся с этим вопросом, тем лучше. — Данила двинулся следом за алхимиком и задал первый вопрос: — у вас есть ртуть?

На выученном им языке «ртуть» прозвучала как «жидкое олово». Довольно закономерное название.

— Нету, зачем она мне? Но ее можно получить, пережигая киноварь.

— А киноварь есть?

— Можно достать. Ближайший карьер — в дне пути от города на запад.

— Мне понадобится жидкое олово, и много. Для начала — хотя бы десять мерок.

Алхимик пожал плечами:

— Вопрос только в рабочих.

— Хорошо, это я с королем утрясу. Второе, у вас есть?.. — он немного подождал, пока слово само прыгнет на язык, как это бывало раньше, но этого не случилось, видимо, тот мудрец в алхимии был не силен.

— Что именно?

— Вот блин, а я слова-то не знаю. Бурая прозрачная жидкость, в которой медная монета растворяется, а золотая — нет!

— Селитряно-едкий эликсир?

— Вы его добываете из селитры и медного купороса?

— Ну да.

— Он и есть. Его понадобится по весу в двенадцать раз больше, чем жидкого олова.

Алхимик схватился за голову:

— В таких количествах?! Тогда придется еще и за железным купоросом караван работников посылать...

— Значит, пошлем. Давайте я гляну, что у вас есть из лабораторной утвари.

Осмотр показал, что все необходимое имеется: фульминат ртути на самом деле можно произвести даже в домашних условиях, из оборудования наиболее сложная штука — колба с так называемым обратным холодильником в виде трубки, и этого добра у алхимика нашлось навалом.

— Понадобится «водяная баня» для подогрева реакции — и таких комплектов оснащения надо много, чтобы быстрее производить...

— Что именно?

Данила ухмыльнулся:

— Пока секрет. Но вам, почтенный, понравится!

* * *

Т'Альдин осмотрел дерево и записал на листе бумаги его ориентиры: позже сюда придут заготовители и спилят. Всего в списке Т'Альдина восемь деревьев, которые уже отжили свое, если окажется недостаточно — найдет еще.

Он никогда не понимал, почему нельзя срезать первые попавшиеся деревья. Переться полдня, искать старые, потом резать их, пилить на части, нести обратно... Масса ненужной работы, с его прагматической точки зрения. Но у поверхностных эльфов к лесу свое отношение, недоступное пониманию дроу. Странные они, считают лес своим домом, а дома, обычные домики из дерева — всего лишь обителью. Это как если бы Т'Альдин считал своим домом не родовое поместье, а все Подземье целиком. Странно.

Т'Альдин, впрочем, никогда не переживал по этому поводу: ну да, некоторые правила странные, но вовсе не обязательно их понимать. Он их просто выполняет, приняв как данность, и это устраивает всех, и его самого, и эльфов, среди которых он теперь живет.

С тех пор, как эльфы приняли его к себе, прошло двадцать лет, не особо долгих, потому что Т'Альдин устроился быстро и без проблем. Да, он по-прежнему многого не понимает в том, как работает мышление его новых сородичей, но это совершенно не мешает ему спокойно жить.

Кое-что Т'Альдин, впрочем, понял. Зашла как-то речь о доверии, и он обронил, что трудно понять то, чего нельзя увидеть. Один из старейшин, или, как зовут их сами эльфы, светлейший, в ответ заметил, что доверия Т'Альдин не видел потому, что оно исчезло с его появлением.

— А раньше оно как проявлялось? — спросил он.

— Как тебе сказать... Пока тебя не было, никто не запирает на ночь дверь, — ответил светлейший.

После того разговора прошли годы, и жители деревни снова перестали запирают двери. И, что самое удивительное, Т'Альдин тоже научился оставлять незапертой свою собственную.

Постепенно к нему привыкли, он стал в деревне своим, и ее жители стали своими для Т'Альдина. Он научился говорить только правду, это, оказывается, совсем несложно, особенно если за невыгодную для него правду минимальное наказание, а за ложь можно быть изгнанным. Вопрос веры решился еще проще: божества эльфов не требуют ни опасного служения, ни жертв, выбирай любого покровителя и присягай, кому хочешь. Или всем сразу: здесь на удивление неревнивые боги.

Вегетарианство тоже удалось благополучно обойти. Оказывается, эльфы не охотятся на животных в своем лесу и не едят их мясо, но совершенно не возражают, если Т'Альдин, посещая города людей, будет есть мясо там. Конечно, он так и не понял, с какого чуда светлоухие считают любую зверушку в своем лесу своим домашним питомцем — ну и ладно.

Всего пару лет спустя ему разрешили покинуть деревню по своим делам без спросу, Т'Альдин быстро взял на себя обязанности ночного следопыта, охранника и гонца. Вскоре он подружился с невысокой, симпатичной девушкой по имени Таруна, на несколько лет моложе себя, и обнаружил, что не так уж сильно он привык быть на голову ниже женщины. Некоторое время Т'Альдин всерьез опасался, что совет светлейших может иметь иные планы на его женитьбу, но оказалось, что это не так. Для чего светлейшие изначально оговорили, что сами выберут ему супругу, а затем отказались от этих намерений, выяснять не стал: он давно уже прекратил попытки понять других. Его все устраивает, эльфов все устраивает, а остальное не имеет значения.

Примерно так же сложились судьбы остальных: Саами'Дан взял в жены кто-то из соседнего поселка, Каэлис завела интрижку в обход совета — и совершенно никак за это наказана не была. Двое кадетов были отправлены куда-то далеко, и за двадцать лет Т'Альдин видел их лишь однажды, когда был в тех краях по службе, к тому времени оба уже обзавелись семьями. Подробностей он не спрашивал, а те двое не спешили откровенничать, но по их лицам было понятно: их тоже все устраивает. Один, правда, лишился кончика уха — оказалось, дело в бешеном волке, а не в наказании, как поначалу думал Т'Альдин.

Что же до шести оставшихся, то не прошло и месяца, как Заар'Ти, Ар'Кай и еще один, все трое изможденные, исхудалые и больные, вышли посреди ночи к деревне и без сил опустились на колени в пыль. По их наводке отряд отыскал еще двоих, слишком слабых, чтобы прийти самостоятельно. Ринкора среди них не оказалось: он погиб неделей раньше.

Всем пятерым выдвинули те же условия, и они так же безропотно их приняли. Впоследствии их раздали в несколько особо удаленных селений, и Т'Альдин годы спустя встретил только Заар'Ти: она тоже устроилась вполне сносно, по крайней мере, с виду всем вполне довольная. Поговорить им не пришлось: никто не горел таким желанием. Впрочем, Т'Альдин при виде ее испытал небольшой прилив гордости: как ни крути, а свою группу он, по большей части, спас, что в той гиблой ситуации было чуть ли не чудом.

Т'Альдин зевнул. Вести в соседний поселок доставлены, заодно и деревья поискал. Неплохо для одного похода, а до конца ночи еще есть время. Как вариант — забежать в селение людей, в той деревне, что у лесной дороги, есть харчевня, открытая круглые сутки, и там подадут неплохое жаркое.

Он порылся в карманах: деньги заканчиваются. Вообще говоря, у эльфов денег как таковых нет, они нужны только в селениях людей. Т'Альдина это даже сейчас, двадцать лет спустя, ставит в тупик: денег нет, богатства нет. Светлейшие живут в таких же домах, едят такую же еду и носят такую же одежду, как и все остальные — так какой же смысл во власти и статусе?! Получается, что никакой выгоды со своего авторитета у них нет.

Пересчитав монеты, Т'Альдин прикинул, что на пару раз поесть жаркого еще хватит, но потом надо где-то добыть наличности. Если удастся поймать парочку разбойников — хорошо, но с течением времени их становится все меньше и меньше. Видимо, придется сменить место охоты, о том, что есть в лесу гиблое для работников ножа и топора место, скорее всего, знает уже каждая собака в окрестных селах.

А раньше это было весьма доходное занятие: находишь разбойников, велишь сдаться, убиваешь непокорных, прикарманиваешь их добычу, отрезаешь головы и сдаешь в людском городе начальнику стражи, получая еще и вознаграждение. И все довольны: людишки избавляются от грабителей, у Т'Альдина в кармане звенит.

Он двинулся в сторону деревни. Если тут разбойников нет — плохи дела. Придется

корнем черной мандрагоры приторговывать, благо людишки приписывают ему бездну волшебных свойств, но растет он только в глубине леса, куда им путь заказан. К счастью, эльфы не возражают против выкапывания этого растения, считая его вредным для леса — а значит, совсем уж без денег Т'Альдин не останется. Еще вариант — сидеть на дороге и самому грабить путников. Законное основание для этого есть, так называемое право на «выстрел из лука». Стоя под самым крайним деревом родного леса, эльфы вправе стрелять из лука куда хотят, даже в людишек. Другой вопрос, что на его памяти такого ни разу не было, с людьми эльфы живут мирно и даже разрешают им заходить недалеко в лес собирать хворост и грибы, однако же права Т'Альдина стрелять из лука и убить любого человечка, зашедшего в лес, это не отменяет. И потому на лесной дороге любой путник, даже если он не разбойник — законная добыча. Нет, убивать их вовсе ни к чему, но можно взимать с торговцев дань в обмен на неиспользование Т'Альдином своего законного права...

Чуть подумав, он все же отказался от этой идеи: люди начнут жаловаться, жалобы достигнут ушей светлейших, а те, конечно же, сразу сообразят, откуда ноги растут, и им, надо думать, такой способ обогащения может не понравиться.

В этот момент ветерок зашелестел в кронах деревьев и принес очень выразительный аромат: запахло дымом, жареным мясом и деньгами. Ночной странник остановился и принялся. Точно, костер и мясо. Какой-то убогий умом идиот жарит мясо в эльфийском лесу, словно у него две жизни.

Т'Альдин в предвкушении потер руки. Жечь в лесу огонь не в специально отведенном для этого месте, не в освященном должным образом очаге — значит напрашиваться на большие неприятности. Жарить на этом огне мясо — и вовсе самоубийство. И теперь все эти несчастные — законная добыча любого проходящего мимо эльфа, в том числе и его, Т'Альдина.

Вынув саблю из ножен, он тенью скользил в направлении запаха. Если вдуматься — никто не обязывает его непременно поубивать недоумков, у эльфов нет такого закона или обычая, который обязывал бы прикончить осквернителя, другой вопрос, что они обычно делают это в праведном гневе. Т'Альдин же не такой кровожадный, он вполне может удовлетвориться всеми деньгами и имуществом придурков, при этом ему не придется пачкаться, он отнимет у них все ценности и сделает вид, что никого не видел, а людишки будут просто счастливы сохранить свои несчастные душонки.

Запах все сильнее. Т'Альдин вскоре заметил впереди светлое теплое пятно: часовой. Только, йоклол его дери, что-то он слегка великоват для человека.

Охранник был огромного роста, полуголый, с невероятно мощными руками и короткими кривыми ногами. Палица на плече — чуть ли не молодой дубок, с корнем вырванный. Голова маленькая, челюсть выдается вперед, лба почти нет.

Стоя в пяти шагах сбоку, Т'Альдин разглядывал это пугало и боролся с желанием учтиво поинтересоваться, кто такой этот урод и что он забыл в его, Т'Альдина, лесу.

Чуть дальше меж деревьев — полянка, на ней костер, вокруг него еще трое таких же да двое меньших по размеру, но ничуть не менее уродливых существ. А вот на костре, на уложенных вдоль в виде решетки жердях жарится мясо, которое раньше ходило на двух ногах и разговаривало. Либо эльф, либо человек. Йоклол возьми!

Т'Альдин несколько раз моргнул, собираясь с мыслями. Четверо бугаев размером с тролля, двое мелких, сидят в лесу эльфов и жарят то ли человека, то ли эльфа. Что за бред тут происходит-то?! Надо срочно возвращаться домой и поднимать тревогу, потому что

подобный расклад явно не нормален для здешних мест.

Тут его внимание привлекло движение под кустом. Он присмотрелся и заметил еще два тела, точнее, тельца. Связанные пленники. Люди. Судя по размерам — дети.

Т'Альдин призадумался. Шесть существ с людоедскими наклонностями жарят на костре человека и еще двоих детей держат на закуску. Где они поймали их? Да в деревне, куда направлялся и сам Т'Альдин, это самый вероятный вариант. Что дальше делать? Если спасти детей, людишки будут ему должны много-много денег. За подмогой сбегать дело небыстрое, пленников к тому времени уже съедят. Перспектива драться в одиночку с шестью уродами тоже не вдохновляет. Йоклол бы взяла.

Он присмотрелся, пытаясь понять, что это вообще за твари приبلудные. Двое мелких, как ни странно, главные, сидят и ничего не делают, только командуют тонкими гортанными голосами. Оба в металлических доспехах, в то время как большие уроды — в кожаных, да и то неполных. Выглядят неопасными, не будь тут четырех троллей — Т'Альдин бы разобрался в одно мгновение.

Тролли тоже не особо опасны, чем больше туша — тем медленнее. К тому же они явно туповаты и видят в темноте плохо: Т'Альдин буквально в пяти шагах от часового стоит, он, конечно, в маскировке далеко не профан, но другой дроу заметил бы его сразу. Один на один можно было бы прирезать любого, но их четверо, ну и двое мелких.

Т'Альдин пожалел, что расслабился от спокойной жизни, самострелы нарукавные носить перестал, они бы очень упростили ему задачу. А теперь у него только сабля да два кинжала, и что делать? Пойдет за подмогой — плакали денежки. Драться? А почему бы и нет, если риск небольшой. Самое главное — свалить он сможет всегда, ночной лес — его поле битвы и его время. Шансы на успех невелики, но если все тщательно продумать — может и получиться. И тогда ему не придется ни с кем делиться огромной наградой.

Он бесшумно сместился так, чтобы оказаться за спиной у мелких уродцев, с противоположной от часового стороны. Эти идиоты умудрились выставить всего одного охранника, да и того больше интересует жарящееся мясо, нежели несение караула, это значительно упрощает задачу.

Т'Альдин подкрался на расстояние двух шагов, прячась за ствол дерева, и вынул кинжалы. Клинки длинные, тонкие, острые, главное — попасть куда надо. Примерился, выбрав основной целью тролля, сидящего с противоположной стороны, медленно занес руки для броска.

Когда левая рука стремительно распрямилась и смертоносный кинжал покинул ладонь, Т'Альдин запоздало вспомнил, что не попросил помочь ни одного из богов. Не привык просто, не те у дроу боги, от которых можно дожидаться помощи, надеяться стоит только на себя. Ну и плевать: всегда справлялся своими силами, и теперь тоже справится.

Клинок вонзился в спину часовому, и тот взвыл от внезапной острой боли. Пять голов одновременно поворачиваются в его сторону, при этом Т'Альдин видит основную мишень и ее шею сбоку. Второй бросок точен и смертоносен. Затем стремительный шаг вперед, пальцы левой руки уже складываются в магическую усиливающую печать, заклинание уже почти дочитано, безмолвно и элегантно.

Т'Альдин поместил «вуаль тьмы» прямо в центре костра, купол, сотканный из первородной, непроглядной тьмы, прозрачной лишь для сотворившего, накрыл почти всю полянку. Оба уродца вскакивают на ноги, хватаясь за какие-то странные, тоненькие палицы. Все по плану, на то и был расчет, что они вскочат.

Сильнейший пинок в спину отправил одного из мелких в костер, затем Т'Альдин быстро скользнул в сторону, выхватывая саблю из ножен. Вопль угодившего в огонь уродца заглушил весь производимый шум, позволив одинокому воину оказаться за спиной ближайшего тролля. Удар острой сабли по ноге, неистовый рев и свирепый взмах. Т'Альдин уходит прочь в быстром прыжке, удар тяжелой дубины рассекает воздух впустую. Падая, гигант умудрился огреть вскользь своего товарища, тот, ничего не видя, ударил в ответ.

На все это ушло времени меньше, чем понадобилось сердцу для десяти ударов. На этом первый этап сражения закончился, Т'Альдин попытался оценить ситуацию, чтобы решить, продолжать бой или ретироваться. В этот момент брошенный в костер уродец, визжа, почти выбрался из огня, и тут эльфу показалось, что внутри уродливой фигурки, прямо в желудке, вспыхнул огненный шар, сотворенный впечатляющей силы мастером. Яркая вспышка, затем грохот, словно от удара грома, хлестнул по ушам.

На поляне творилось йоклол знает что. Т'Альдин и заметить не успел, как одного тролля, который с подрубленной ногой, убило непонятно чем, то ли громовым раскатом, то ли товарищ палицей пришиб. Часовой крутился на месте, одной лапицей пытаясь вытащить из спины кинжал, второй размахивая своей палицей вокруг себя. На ногах, помимо него, оставался только один тролль, тоже размахивающий палицей, оба мелких лежат без движения, и один потихоньку горит. Охранник вопит, умирающий булькает пробитым горлом, связанные пленники визжат звонко, да так, что уши закладывает.

Т'Альдин восторжествовал. А ведь получилось же, удача, боги или просто личное мастерство — на его стороне. Он метнулся в атаку, спеша воспользоваться последними мгновениями слепоты врагов: купол магической тьмы на глазах тает, сотворить заклинание повторно может и не получиться. Поднырнул под просвистевшей дубиной, полоснул саблей по ноге, перекатом ушел в сторону и атаковал повторно, по горлу, снова ушел от удара, сделанного конвульсирующей лапицей, на бегу вырвал из шеи умирающего кинжал, перебросил свои оружия из рук в руки, и замахнулся правой для броска.

В этот миг заклинание окончательно рассеялось, и Т'Альдин оказался лицом к лицу с охранником, их разделяли каких-то четыре шага. Мгновенного замешательства хватило для прицельного броска: клинок вошел точно в глаз и достиг мозга, громила замер и медленно завалился на спину.

Позади — движение. Т'Альдин, еще не успев обернуться, бросился в сторону, уходя с линии возможной атаки. Снова грохнуло, и очень близко, ухо обожгло огнем, в голове зазвенело, словно от удара. Он обернулся, на бегу перебрасывая саблю обратно в правую руку, и увидел второго мелкого. В руках у него — та самая тоненькая дубинка, из трубки, направленной на Т'Альдина, сочится дымок.

Уродец еще попытался перехватить странное оружие за другой конец и нанести удар расширяющейся частью, но Т'Альдин ударил раньше. Клинок легко разрубил лицевые кости уродливой головы, и уродец без звука упал.

Звон в голове пошел на убыль. Он оглянулся, убеждаясь, что остался единственным стоящим, пощупал пострадавшее ухо: на месте, но пальцы в крови. Последний тролль булькнул кровью в последний раз и затих. Победа.

А ведь он был на краю гибели, пришла мысль. Второй мелкий в самом начале боя, ослепнув, не стал бегать с воплями, а упал и замер, таким образом избежав и удара от своих, и внимания нападающего, а затем применил свое оружие — и почти успешно, Т'Альдина спасли только великолепные рефлексy хорошо обученного бойца. Но — все-таки победа.

Награда уже в кармане. Кстати, о ней, родимой.

Он подошел к связанным детям и после нескольких несильных оплеух привел их в относительно вменяемое состояние. Точнее, только старшую девочку: она его узнала. Та самая, которая иногда приносила в харчевню кувшины с молоком, она всегда с любопытством косилась на едящего свое мясо темного эльфа, но никогда не пыталась заговаривать.

Т'Альдин попытался выяснить, что произошло, но помешало незнание языка людей: он-то с людишками дел почти не имеет, в их города и села обычно ходил не один, а если ему поручали доставить почту или посылку — выручала простая фраза «Зови свой старейшина, принес письмо!», и даже в харчевне он обходился минимумом слов. Все, что ему удалось узнать — на костре мать девочек, отца убили. На слова Т'Альдина о том, что он отведет их обратно домой, обе девочки отреагировали захлебывающимся плачем. Должно быть, что-то не то сказал.

Чуть подумав, Т'Альдин решил вначале отвести их к себе в селение: неровен час, может и на других таких же уродов напороться. Правда, младшая очень быстро выбилась из сил, потому ее пришлось нести на руках, однако к утру он уже добрался домой.

Немедленно разбудили старейшин, и Т'Альдин снова, как двадцать лет назад, оказался в центре всеобщего внимания. Он обстоятельно рассказал, как нашел в лесу группу непонятных уродцев, жарящих человека, и одолел их в бескомпромиссной смертельной схватке. Затем старшую девочку расспросили светлейшие, знающие язык людей.

— Надо же, какой ты у меня герой, — сказала появившаяся из толпы Таруна, как только Т'Альдин, закончив свой рассказ, сделал несколько шагов назад из центра площади, где и проходил совет, — не побоялся в одиночку против целого отряда выйти. Вот и верь, что дроу равнодушны и бессердечны и никогда не станут рисковать собственной головой ради чужого спасения.

Т'Альдин ухмыльнулся, словно комплимент ему приятен, но на самом деле — чтобы скрыть собственные мысли. Таруна такая глупая и наивная — слов нету. Своим старейшинам в таких вопросах как раз стоило бы верить. Впрочем, что греха таить, ему действительно приятен и восторг подруги, и уважение остальных эльфов. Мелочь — а приятно.

Тут допрос девочки закончился, и светлейшие сообщили остальным результаты. Бедняжка рассказала, как целая толпа огромных тварей напала на деревню посреди ночи. Отец буквально выволок их с матерью из дома, когда селение уже горело, и огородами вывел к лесу, видимо, изначально намереваясь искать спасения у эльфов, однако их заметили и пустились в погоню. Убежать от огромных уродов не удалось, отец девочек погиб, пытаясь задержать преследователей, однако его колун оказался бессилен против огромных палиц, жертва пропала даром, потому что выиграл он для своей семьи всего одну секунду, которая ничего не изменила. Всех троих догнали и схватили, мать сразу же убили и разделали на мясо на глазах у девочек, а их самих связали, видимо, намереваясь съесть позже.

— Это низшие орки, — пояснил светлейший, — а те мелкие — серые гоблины. И их возвращение не сулит ровным счетом ничего хорошего. Деревня людей, видимо, разорена и сожжена дотла.

Т'Альдин, слушая это, в отчаянии спрятал лицо в ладонях: все, плакала и его награда, и жаркое, он дрался с тварями и заработал полукруглую насечку на ухе совершенно напрасно. Таруна, неверно истолковав этот жест как проявление ужаса перед зверствами орков, молча

прижалась к нему.

* * *

Знаменитый принцип «скальпеля Оккама» гласит, что если есть несколько возможных объяснений чего-либо, то самое простое, скорее всего, и будет верным. По этой же логической формуле Данила когда-то сформулировал для себя «правило неудачи Оккама-Разумовского»: жизнь — это дерьмо, которое случается, и из нескольких возможных дерьмовых вариантов чаще всего происходит самый простой и оттого самый вероятный. Первое следствие из этого правила — если что-то может не получиться — оно и не получится.

По дороге к пустырю, где должно было состояться обучение солдат, Данила опасался не столько затесавшегося в полусотне вроде бы умных бойцов одного дурака — дурак, понимающий, что он дурак, зачастую оказывается относительно вменяемым — а дурака, который считает себя умным, да еще и навязывает это мнение окружающим.

Получилось так, что основная масса рыцарей особым умом не блистала. Не то чтоб эти люди были глупы, нет, однако схватить на лету принцип поражающего действия гранаты им не удалось, главным образом из-за слабости понятийного аппарата. Как говаривал Козьма Прутков, «некоторые вещи непонятны нам не оттого, что понятия наши слабы, а оттого, что они лежат за пределами наших понятий».

Опасность осколков, разлетающихся во все стороны при взрыве, они осознали сразу же, как только Данила провел параллель с пулями уже известного им нечестивого оружия, но вот понятие «ударная волна» в их головы не укладывалось.

— Какая волна?! Откуда волна, если внутри нет воды?! И наконец, «ударная» — это как? Очень большая? — вопрошал благородный рыцарь по имени Саверон, тип высокий, с худым аристократическим лицом и вроде бы высоким лбом, вот только особого ума в нем Данила не заметил.

Хуже всего было то, что другие воины считали Саверона умным.

— Во-первых, — с расстановкой объяснял инженер, — волны бывают не только на поверхности воды. Во-вторых...

— Никогда не видел других волн, — с апломбом заявил тот.

— Ты сегодня в храме молился?

— Разумеется!

— А богиню свою когда-нибудь видел? Нет. Но ведь не сомневаешься, что она есть.

— Так то богиня, а то — какие-то якобы волны не из воды.

Самая худшая ошибка заключалась в том, что этого парня надо было отбраковать моментально, но Данила переоценил свои просвещенские таланты, а когда осознал, что бьется головой о стену, было уже поздно: своими сомнениями Саверон заразил остальных.

— Уфф... Давай иначе. Когда порох внутри гранаты вспыхивает, граната взрывается. Образуется много огня и дыма, и этот дым несется во все стороны с такой силой, что буквально спрессовывается в мощные сгусты. И вот такое дымовое кольцо от гранаты называется «ударная волна». И тот, кто будет стоять близко возле гранаты, получит такой удар этой волной, что будет убит, либо ему поотрывает руки и ноги.

— Дымом? — скептически приподнял бровь Саверон, — как убивают быстро летящие

пули, я понимаю, но они тяжелые и твердые. Дым... как дым может убить? Разве что если задохнуться в нем...

— О боги, дайте мне сил... Сэр рыцарь, я мог бы рассказать вам множество невероятных вещей, но вы их все равно не поймете. Это очень уж сложно. Просто запоминайте правила обращения с гранатами, это очень опасное оружие...

— Чем, осколками? У низших орков щиты весьма крепкие, их не пробить так легко.

— Граната убивает именно ударной волной, и щит от нее не спасет. Это все равно что закрываться щитом, стоя на пути несущегося горного потока. Или, в данном случае, невероятного урагана. В общем, смотрите, я вам покажу на деле.

Испытание гранаты провели в том же овраге, что и за день до того. Данила поджег одну и бросил вниз, стоя подальше от края. Внизу рвануло, вверх взметнулся дым, почти все рыцари основательно вздрогнули от неожиданности. Затем обратно посыпалась земля и пыль.

— Теперь понятно?

— Знатно прогремело, — признал Саверон, — но гром и то громче гремит, и ничего. И ураганов, вырывающихся из оврага, я тоже не заметил. Мастер-оружейник, вы предлагаете нам полусотней воевать против тысячи, надеясь, что серая чума перемерет от... дыма?! Это... это безумие. Они просто закроются щитами от осколков — и все!

Все катилось к чертям. Йонгас и Роктис наблюдали за всем этим, но вмешиваться не спешили, сами, видимо, ничего не понимают. Вселить в рыцарей веру в мощь оружия, из-за твердолобости Саверона, не удалось даже при помощи демонстрации. Остается один, крайне бесчеловечный метод.

Данила тяжело вздохнул и решился. Изможденные пленники в концлагерях, множество убитых серой чумой, разоренные земли, из последних сил держащиеся осажденные города... Им нужна помощь, стране Валлендела нужно спасение от наступающей беды — а дело намертво застряло из-за тупицы, заразившего своим скепсисом весь отряд. Будет то, что задумал Данила, убийством или все-таки самоубийством? Боже, прости, но другого выхода нет.

— Вы полагаете, что сможете щитом закрыться от ударной волны? — мрачно спросил инженер.

— От осколков — да. А эта ваша волна ничего не стоит. От дыма заслоняться бессмысленно. Дыхание задержал да и все.

— Ладно же, — согласился Данила, — давайте мы положим на землю гранату, вы станете возле нее, закрывшись щитом, и подожжете фитиль. А мы поглядим, что из этого выйдет.

— Да сущий пустяк! — самоуверенно заявил Саверон, — давайте ее сюда.

Он взял один из больших пуленепробиваемых щитов — по сути, двухслойный железный щит, сваренный из двух обычных — и спустился вниз по склону оврага.

— Я готов!

Данила поставил перед ним в двух шагах гранату и протянул подожженную Йонгасом свечу:

— Да поможет вам ваша богиня. Как только подожжете фитиль, сразу спрячьтесь за щит целиком. У вас будет на это лишь несколько мгновений.

Саверон решительно поставил щит нижней кромкой на землю, примерился, как ему удобнее за ним прятаться, и Данила спешно ретировался навверх, к остальной группе.

Грохнуло ничуть не слабее, чем первый раз, затем воцарилась тишина. Выждав еще несколько секунд, Йонгас и еще несколько рыцарей заглянули с обрыва вниз, оттеснив пытающуюся тоже заглянуть Роктис.

— Сэр Саверон? Слышите нас? Должно быть, сознание потерял...

— Ну так спуститесь, приведите его в чувство, — мрачно отрезал Данила, не заглядывая в овраг, и пошел обратно, туда, где слуги вбивали в землю бревна, имитирующие расстановку вражеских колонны и шилтрона.

Йонгас и Роктис почти сразу же пошли следом, раньше других убедившись, что рыцарь мертв.

— У него был вообще шанс выжить? — спросил эльф.

Данила пожал плечами:

— Я не был уверен точно, не знал силы ударной волны этого пороха. Но гранаты моего мира в таких ситуациях обычно шансов не оставляют, а выжившие остаются калеками. Против ударной волны бессильны любые доспехи.

Эльф помрачнел сильнее:

— То есть, ты сознательно дал ему погибнуть?

— А у меня был выбор? Нет, он мне его не оставил.

— Не слушай его, душенька, — защебетала Роктис, — пожертвовать тупицей ради общего блага — святое дело!

Йонгас презрительно фыркнул:

— И этот человечиска еще упрекал меня, что жертвовать одним невиновным ради многих — плохо.

— Я им не жертвовал, — покачал головой Данила, — просто организовал встречу с неизбежностью чуть раньше. В нашем мире говорят, что нет ничего опаснее дурака с гранатой: один такой идиот, погибая, может угробить своих же. Своим презрением к опасному оружию он подписал приговор себе и пытался сорвать запланированную атаку, а теперь его пример послужит наглядным примером для остальных.

Тут рыцари, достав из оврага тело погибшего, двинулись обратно, и на их лица Даниле смотреть было страшно, но свой гнев они неожиданно обратили на Йонгаса.

— Советник Йонгас, этот человек только что убил одного из королевских рыцарей, — сказал шедший во главе процессии, — Саверон мертв.

— Кто же виноват, что Саверон погиб от какого-то, как он сам сказал, пустяка? — пожал плечами эльф. — Мастер Разумовский ведь пытался объяснить вам, какое это опасное оружие. Не верить ему на слово — все равно, что не верить вашему королю. Так что Саверон получил, что заслужил, разве нет?

— Можно же было на собаке показать! — крикнул кто-то из толпы.

— Мне не пришло подобное в голову, — примирительно сказал Данила, — там, откуда я, с животными не принято так обращаться. К тому же, одеть собаку в доспехи было бы трудновато. Сэр Саверон не верил в силу ударной волны — и вы не верили. Разрушительное оружие требует уважительного отношения, и теперь вы это знаете.

Добрых полдня Данила тренировал бойцов с учебными гранатами, отрабатывая двустороннюю атаку на колонну и шилтрон.

— Ваша задача бросать гранату навесом, так, чтобы она не ударилась о щиты крайнего ряда и отскочила, а упала сверху в середину колонны. Упавшая с краю граната опасна для вас же или для тех, кто следует за вами, а если она взорвется на земле посреди вражеского

строю — поубивает и поотрывает ноги врагами, а не вашим лошадям.

— А если враги образуют «черепашу»?

— Это им не поможет, граната скатится со щита в промежуток между ними. На самый крайний случай у вас есть щиты — от осколков они спасут, да и броню коня осколок вряд ли пробьет. Главное — чтобы граната не взорвалась совсем рядом с вами.

Несмотря на то, что вес гранаты доходил до килограмма, рыцари быстро наловчились забрасывать их на двадцать-тридцать метров, и довольно точно. Отработка тактических приемов в построении тоже прошла неплохо: хорошо обученные и вымуштрованные конные воины достаточно быстро схватили суть и смысл новых маневров.

— У каждого из вас будет по три-четыре гранаты, но в целом вам вряд ли понадобится более двух: после первой атаки вражеский строй сломается и рассыплется, после этого применять гранаты уже нельзя, высокие шансы попасть по своим. Атаковать надо только пока враг сбился в кучу, в плотный боевой порядок, колонна там или шилтрон. И не вздумайте преследовать врага, бросая гранаты — живыми мало кто из вас вернется, это понятно?

К обеду отряд достаточно уверенно отрабатывал атаку колонны, следуя вдоль нее в шахматном порядке на полном скаку. Выяснилось, что среди рыцарей нет ни одного левши, что не позволяло провести двустороннюю атаку, но зато сильно упрощало одностороннюю: теперь можно было не бояться, что граната, брошенная слишком далеко или вообще перелетевшая колонну, повредит своим.

Обедали здесь же, неподалеку от гранатной фабрики: слуги развели несколько костров и сварили простую походную кашу, сдобрив ее бужениной. Сразу же после обеда на коне в полном боевом облачении примчался хромой сэр Кэлхар, сияющий, как отполированный грош.

— Его величество все же разрешил мне возглавить отряд! — радостно сообщил он.

— Охромел, но все равно рвешься на войну? — выразительно постучала себя костяшками по виску Роктис, — теперь ведь если с коня упадешь — даже не сможешь убежать.

— А я и у Сигны о бегстве не помышлял! — отрезал рыцарь.

Другие рыцари ему обрадовались, а Данила не очень: перспектива повторно учить одного человека не радовала.

— Ты на учения опоздал, — сказал инженер, — а мы как раз очень важную вещь изучили.

— Так повтори урок! Я быстро все усвою!

— Повторить не получится, потому что цена урока была дорога.

— Сэра Саверона уб... он погиб, в общем, — сказал кто-то.

— Жертва недоверия к моим словам и несерьезного отношения к оружию. Ну да ладно, сэр Кэлхар, ты еще во дворце видел, как работает граната, так что отработай с остальными маневры. Им повторение, тебе учение.

Рыцарь на удивление быстро схватил теоретические принципы конной гренадерской атаки, потому Данила оставил его за главного на тренировке и вернулся во дворец: его ждал непочатый край работы.

Первым делом он послал за королевским мастером чеканного двора, выяснил, сможет ли он чеканить медные плоские для капсулей и дал ему чертеж. Итак, проблема номер один решена. Затем он через Йонгаса организовал отправку двух караванов за караваном и

железным купоросом, поручил министру алхимии мобилизовать всех свободных алхимиков на производство реагентов, вернул из карьеров гильдию стеклодувов, которую королевский совет ранее отправил на заготовительные работы, чтобы те сделали большое число емкостей для кислоты и ртути. Одновременно он получил отчеты с порохового завода, поручил литейщикам продолжать отливку корпусов для гранат и организовал отправку новой партии компонентов на гранатный завод.

Наскоро перекусив после праведных трудов, Данила засел за чертежи.

Самой большой проблемой был самый механически сложный компонент — ударно-спусковой механизм. В общих чертах «всепогодный мушкет Разумовского» представлял собой классический «переломный» — от винтовой заглушки было решено отказаться в пользу более сложного, но и более скорострельного решения — одноствол крупного калибра, рассчитанный на полуорка, принципиальная разница с так называемыми «африканскими штуцерами» — в стволе без нарезов. Немного поразмыслив, Данила решил, что ударно-спусковой механизм будет крепиться на ложе, а капсюль — надеваться на брандтрубку, впаянную в боковое отверстие в стволе. К тому же, можно разгрузить себя, поручив проектировку гильдии часовщиков. На совещание с тремя «времемерных» дел мастерами, как они тут называются, ушло три часа — всяко меньше, чем проектировать сложный механизм самому. Правда, насколько хорошо часовщики справятся с этим делом — вопрос интересный, их приоритетом всегда была точность, а от детали оружия в первую очередь требуется надежность.

Данила решил, что ложа будет деревянной: для дуболомов-гвардейцев лишних полкило не критично, удобство — это всегда плюс, к тому же обработка дерева — технологически гораздо проще, особенно с учетом того, что тем ремесленникам, кто умеет работать с металлом, работы и так хоть отбавляй.

Заряжение — бумажным патроном. Точнее, бумажный только мешочек, внутри пуля и порох. Состав, хорошо вспыхивающий и непромокаемый, алхимики уже создали, патроны будут обрабатываться им же. Боец будет носить патроны в патронташе, по три-четыре в карманчике, и капсюли там же, причем по числу их надо будет чуть больше, чем патронов: мелкие, потерять легко, особенно с учетом, что пальцы у полуорков массивные и толстые. В идеальном варианте с каждым стрелком будет ходить заряжающий-патроносец. Боец целится — а помощник уже с патроном и капсюлем в руках. Стрелок только открыл ствол, и...

Стоп!! Данила хлопнул себя по лбу. Как он мог забыть про фактор риска! Недаром пушки и ружья кремневой эпохи чистятся банниками и шомполами перед заряданием: в стволе могут находиться тлеющие остатки бумажного картуза или патрона, которые непременно приведут к досрочному взрыву нового картуза или патрона, особенно если патрон покрыт легковоспламеняющимся веществом. Нужен другой состав, на самый крайний случай бумажные патроны можно обмазывать смальцем или покрывать воском. Ладно, все в свое время, химия тут, видимо, все-таки не самая отсталая наука, авось, алхимики справятся.

Он дернул за веревочку колокольчика, вызвал слугу и потребовал подать побольше шербета и пирожков, или еще чего угодно, что можно есть быстро, не отрываясь от работы: часики-то тикают, и времени остается все меньше.

Начался исход.

Все было куда хуже, чем поначалу представлял себе Т'Альдин. Мелкие серые уродцы и их огромные слуги не просто сожгли ближайшее селение, пылал весь человеческий край. Отряды разведчиков обследовали окружающие территории — везде одно и то же. Серые гоблины сокрушили страну людей настолько внезапно, что выживших было мало. Вести из соседних лесов, полученные с помощью магии, сообщали все ту же самую весть: некогда изгнанные серые гоблины пришли невиданной ордой, вернулись, чтобы взять реванш.

Первые беженцы появились только через день. Горстки людей, каким-то образом сумевших выбраться, вырваться с боем или просто удачно проскользнуть мимо рыскающих отрядов. Это было весьма некстати, потому что собственных продовольственных запасов у эльфов было явно недостаточно, чтобы кормить еще и людишек.

В довершение всего, враги явились, чтобы отомстить, очень скоро, но Т'Альдин предложил устроить хитрую западню и мастерски осуществил задуманное, возглавив боевой отряд: противник потерял более сотни воинов, не убив ни одного эльфа, и с позором удрал из леса.

— И так будет со всеми! — надменно бросил вслед убегающим врагам Т'Альдин, в последнее время у него появилось все больше поводов гордиться собой, а у эльфов — уважать «приемыша».

— Боюсь, что нет, — ответил его соратник, вытаскивая из трупа орка стрелы и вытирая с них кровь, — ты просто не знаешь, кто такие серые гоблины.

— Зато я знаю, что онидохнут легко и быстро...

— Когда их мало.

Затем последовали быстрые сборы: селение забирало с собой только оружие, провиант, одежду и лекарства, все остальное оставляли. Т'Альдин собрался, пожалуй, раньше всех, за двадцать лет он не накопил ничего лишнего: дреу чужд вещицам. А вот у остальных жителей селения на глазах стояли слезы. Эльфы любят свой лес, который для них — родной дом. Почтовая птица принесла письма и из других деревень: уходят все. Должно быть, опасность, исходящая от уродцев, слишком велика, если целый клан эльфов — а это одних только воинов и магов под восемь сотен — вынужден сниматься с места, где прожил тысячи лет.

Уходили поспешно: разведка сообщила о большом количестве вражеских солдат, пришедших отомстить за разгромленный отряд. По пути колонна соединилась с беглецами из соседнего селения, и Т'Альдин в составе объединенного военного отряда прикрывал отход. Ситуация становилась все хуже: противник постепенно догонял, беря отступающих эльфов в полукольцо.

— Видимо, придется драться, и уже не на наших условиях, — заметил он, — дело дрянь.

— Все гораздо хуже, — флегматично отозвался воин из соседнего селения, — боя не будет, если успеем уйти на равнину, но... А, к йоклол.

Т'Альдин мысленно выругался в гораздо более крепких выражениях. Выйти на равнину? Зачем? Эльфы опасней всего именно в лесу, стоит оказаться на открытом месте... Конечно, мало кто способен бить из лука на сто шагов в глаз, но враги слева, справа, сзади. Их много, и это, видимо, только передняя волна.

— А где жители других деревень? Из Дрожащей Листвы и Лунной Песни?

— Должны уже ждать нас у опушки, судя по сообщениям, присланным птицами. Мы замыкающие.

Гонка на запад продолжалась несколько часов, и Т'Альдин уже думал, что бой неизбежен: враг наступает на пятки. Однако тут лес закончился, впереди — луга длиной в день пути, за ними в дымке тонут невысокие лесистые холмы. А сразу у опушки — тысячи две эльфов, все население леса.

Он еще раз выругался. За каким таким дивом светлейшим вздумалось принимать бой посреди поля?! Ну не сильны эльфы стенка на стенку драться, как это делают орки и люди, и все тут. В лесу картина была бы не так печальна, ни свои, ни враги не могут держать строй, но для эльфов это излюбленный стиль боя, когда они, кажется, везде, со всех сторон, и отовсюду летят стрелы невидимых лучников...

Однако тут стало очевидно, что эльфы, обернувшись лицом к лесу, вовсе не в боевые порядки выстроились.

Т'Альдин быстро отыскал в толпе Таруну, с тоской глядящую назад и утирающую с лица слезы.

— Не плачь, — тихо сказал он, — когда-нибудь мы еще вернемся сюда...

Девушка покачала головой и едва слышно ответила:

— Мы больше никогда сюда не вернемся...

Вперед вышли светлейшие всех четырех селений, за ними в шеренгу выстроились младшие маги. Светлейшие нараспев заговорили хором, используя древние ритуальные слова, но Т'Альдин кое-как понял: они благодарят лес за то, что тот тысячи лет был их домом, и просят прощения.

Издали уже доносился треск веток под тяжелой поступью сотен, если не тысяч ног, а сколько там мелких уродов — можно лишь догадываться. Захотелось крикнуть светлейшим, что тут не с лесом прощаться надо, а с жизнью, но Т'Альдин промолчал. Будь что будет.

Над толпой разносился плач. Сдержанные эльфы не справлялись с эмоциями, многие взрослые рыдали навзрыд. Т'Альдин стоял в толпе один из немногих, сохранивших невозмутимость, но внутри все клокотало. Он сжимал руку Таруны, старался не слышать ее плач и отрешенно удивлялся, почему ее слезы причиняют ему почти физическую боль. Что ж, скоро все закончится. Еще не совсем понятно, как, но...

Светлейшие умолкли, заговорил только один из них, на древнем языке прося у леса о последней милости: стать погибелью врагам эльфов. И следом в унисон заговорили все маги, и светлейшие, и младшие, и читаемое ими заклинание, извращенное, дикое и неправильное, грянуло едва ли не громом. Т'Альдин с каким-то необъяснимым ужасом понял, что ему очень знакомы эти слова. Заклинание, которое каждый маг эльфов учит в первую очередь, заклинание, которым светлейшие сообща способны прямо из селения погасить пожар даже на другом конце леса.

Только они читали его наоборот.

И тогда лес вспыхнул. И не как подожженный, нет. Огонь, казалось, появился везде сразу, со всех сторон и в середине. Рыдания и стоны поднялись до небес, но Т'Альдину в громогласном реве пожара слышались вопли сотен сгорающих заживо глоток. Весь огромный лес превратился в один чудовищный погребальный костер.

Казалось, плач эльфов разжалобил даже небо, и оно тоже заплакало мелким дождем. Т'Альдин стоял, глядя на огонь, и сжимал руку Таруны. Он не разделял вселенской скорби лесного народа, напротив, он был единственным в толпе, кто почувствовал облегчение,

когда смертельная битва отменилась. Дроу не свойственна сентиментальность, но... все же в этом лесу Т'Альдин прожил двадцать лет, и это были двадцать самых легких и беззаботных лет в его жизни. Он собрался провести тут остаток своих лет, сколько бы ему их не выпало, еще семьдесят или семьсот... И вот теперь Т'Альдин, как и двадцать лет назад, снова бездомный. Но тогда его беспокоила, главным образом, своя судьба, остальные кадеты — только если не в ущерб собственным интересам. Теперь... теперь он держит за руку рыдающую Таруну, и ему, йоклол возьми, больно. Т'Альдин снова стал бездомным и обездоленным, и не только один он, и тому виной вполне конкретные существа. Серые ублюдки, припершиися незваными.

Раньше он ненавидел поверхностников. Всех подряд, заочно, несфокусированно, бесцельно, просто потому, что так его воспитывали. Теперь тщательно выпестованная ненависть, двадцать лет спавшая в глубине души, обрела совершенно определенное направление — и на этот раз до невозможности личное.

* * *

За несколько дней напряженной работы Даниле удалось собрать первый образец тяжелого мушкета и почти довести до ума всю линию сборки. Правда, за капсули он еще и не брался, прототип был фитильным, но уже с действующим ударно-спусковым механизмом, рассчитанным на разбивание капсуля. Еще одна проблема — массовое производство патронов наладить будет нелегко, но это дело инженер уже придумал, кому поручить: аптекарям. Разумеется, как только алхимики разработают нужный водоустойчивый состав для бумажных патронов.

Испытав несколько оперенных пуль разной конфигурации и изрешетив при этом почти все доспехи, выкованные дварфами, которые только нашлись в оружейной палате дворца, Данила остановился на самом удачном варианте и заказал литейщикам отлить пятьдесят тысяч их. По тысяче патронов на стрелка — должно хватить и на обучение, и на несколько больших перестрелок, по крайней мере, Гаскулл, сделав в процессе испытаний около полусотни выстрелов, быстро освоил и зарядание, и прицеливание, и достаточно уверенно поражал мишень размером с человека с тридцати шагов, что для гладкоствола очень даже неплохо.

Работать пришлось тяжело, но в целом Разумовский чем дальше, тем оптимистичнее смотрел на ситуацию. Разведчики докладывали, что противнику подходят небольшие подкрепления, что появились два новых лагеря поближе к столице и что драконы начинают перебираться в эти лагеря, но если темпы сохранятся — у короля появятся стрелки раньше, чем нападет враг.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Что действительно было занозой в заднице — так это Роктис. Прямо ни шагу без нее, и это бесило, но чертовка, впрочем, больше не мешала Даниле работать и даже стала любезней, чем обычно, хотя несколько раз оставляла своего подзащитного без пирожных. Но инженерская смекалка и тут выручила: однажды Роктис, по своему обыкновению, уселась на подоконник, болтая изящной ножкой, сняла крышку свистнутого со стола Данилы блюда и обнаружила, что все пирожные надкушены с двух сторон.

— Это неслыханно! — возмутилась она, — я жестоко накажу за это негодных слуг за

такое неуважение!! Это... это...это же как плевок в лицо!! Кто-то надкусил твои пирожные, ты только представь это!!

— Я кушаю, нельзя ли не говорить о плевках? — миролюбиво сказал инженер, — а что касается пирожных — это я попробовал, какое вкуснее и с какой стороны. То, что посередке — самое сладкое, угощайся, пожалуйста.

Роктис секунд двадцать молчала, застыв с блюдцем в руках, и ее лицо выражало вселенскую скорбь вперемешку с досадой и осуждением.

— Эх, душенька, какой же ты... эгоист, — наконец вздохнула она и поставила пирожные обратно на стол: — приятного аппетита, жадина.

Данила, в принципе, ожидал всего, вплоть до вспышки ярости и надетой на его голову тарелочки со сладким, но столь беззлобная реакция его все же удивила.

После этого Роктис резко поменяла свой стиль поведения, вместо прежней словоохотливости и вкрадчивых интонаций — короткие, неохотные, односложные ответы. Данила лишь вздохнул с облегчением, но при этом искренне недоумевал: обиделась? Фаворитка короля, нахалка, слегка оборзевшая от полной безнаказанности — и обиделась из-за пирожных?! Воистину, женщины непредсказуемы. Особенно если они принадлежат к совсем другому народу.

На следующий день Роктис заявила во время обеда и поставила перед Данилой два флакончика:

— Твое лекарство.

— А зачем второй пузырек? — любопытствовал инженер.

— В запечатанном — сильнодействующий яд, чтобы ты не мучился, если снова выбросишь противоядие.

— Да ты прямо сама доброта. Хочешь пирожных?

— Нет, спасибо, — желчно отозвалась Роктис, — кушай сам.

Данила снял с блюдца крышечку:

— Я оставил парочку не надкусенными, а то ты так огорчаешься, если не удастся свистнуть у кого-то десерт...

— Ах, какой ты милый, душенька! — обрадовалась она, вернулась к столу и схватила с тарелочки оба пирожных, которые Данила там оставил, предварительно спрятав два других в соседнюю тарелку с крышкой, — знаешь, я даже раскаиваюсь, что в сегодняшней порции противоядия использовала самые омерзительные на вкус компоненты, которые только могла. Ты же не сердись?

— Да нет, что ты, как бы я мог сердиться на такую хорошую тебя, — печально вздохнул Данила, скопировав речевой оборот Роктис, и не удержался от вопроса: — слушай, а ты сегодня сколько пирожных уже съела?

Роктис проглотила остатки первого и откусила от второго, подсчитывая в уме.

— Ну, утром мне подали четыре, я отправила слугу за добавкой, это будет восемь, потом после тренировки прошла на кухню и съела еще то ли десять, то ли одиннадцать, должно быть, кто-то из младших чинов, живущих при дворце, остался без сладкого... ну, получается то ли двадцать, то ли двадцать одно... А что такое?

— Господи... Ты всегда столько кушаешь?

— Да, а что?

— Знаешь, некоторые девушки в моем мире душу отдали бы, чтобы знать, как кушать по двадцать пирожных в день и не толстеть.

Роктис проглотила еще кусок и пожалала плечами:

— Ну как тебе сказать... Если они смогут делать вот так...

Она сбросила с ног туфельки, развернулась спиной к Даниле и метнулась, словно ветер, от него к стене, будто намереваясь убиться о нее, но вместо этого стремительно взбежала вверх до середины, оттолкнулась обеими ногами и, приняв положение головой вниз, успела сделать по потолку два молниеносных шажка, пробежав при этом над головой Данилы. Затем, завершая круговой «оверкиль», в полете снова приняла нормальное положение и мягко приземлилась прямо за спиной изумленного инженера, все еще держа в пальчиках недоеденное пирожное.

Данила с трудом вернул отвисшую челюсть на место. Он в свое время видал аттракцион «мотоцикл в шаре», где каскадер наматывает вертикальные круги, но то же самое, исполненное в квадратной комнате и без мотоцикла, повергло инженера в глубочайшее изумление.

— А ты... быстрая... — пробормотал он.

Роктис отправила в рот остатки лакомства, проглотила и легкомысленно обронила:

— Это — еще не быстро, так, разминка. Быстро — это когда один мерзавец, булькая кровью, завопил, что я поплачусь за воткнутый в его пузо кинжал, а я спросила — за который из шести? Да, ну вот. Кто способен делать такое упражнение каждый день — может есть что угодно и сколько угодно, не опасаясь за фигуру... Ладно, душенька, мне пора. Приятного аппетита, и это... Постарайся не выbleвать противоядие после того, как примешь, ладно?

Она упорхнула, что-то насвистывая себе под нос, и оставила Данилу в состоянии такого удивления, что даже возмутиться редкостно мерзким вкусом противоядия сил не хватило.

Произошли и некоторые другие события. Когда ударный отряд отбыл в рейд, что-то очень неуловимо изменилось в отношении к Даниле со стороны других обитателей дворца, и даже на улице карету, в которой он ездил, провожали не только положенным приветствием королю, но также долгими удивленными и любопытными взглядами.

Вскоре выяснилось, в чем дело: из дальнего разведпохода вернулись эльфы-разведчики и привели с собой добрых четыреста узников, которых им удалось собрать по лесам и глухими чащобами вывести с вражеской территории. И вместе с этими людьми пришел и молниеносно распространился слух о неизвестном колдуне, который разрушил магический барьер концлагеря волшебным посохом, сделанным из лома, а теперь сидит где-то и создает для солдат новое оружие. Конечно, при таком размахе производства с задействованием сотен, а то и тысяч представителей многих профессий утечка была неизбежной, но в конечном итоге это пошло только на пользу, подняв боевой дух того разношерстного и разноязычного сброда, из которого королевские офицеры пытались создать боеспособное войско. Ну а не самые умные и знающие жители дворца довольно закономерно сделали верный вывод о том, что могучий чародей — это и есть Данила.

Время шло, разведка донесла, что противник начал готовиться к марш-броску на Вайландрию. Времени оставалось критически мало, и если отряд хромого рыцаря не достигнет хоть какого-то успеха — все закончится быстро и трагично.

Сэр Кэлхар выехал из-за густого кустарника на обочине так, чтобы видеть поверх растительности, в то время как он сам и его конь оставались скрыты от неприятеля. Так и есть, тысяча с лишком серых сволочей. Впереди толпа громадин-орков, затем колонна закованных в латы бойцов — то ли гоблины, то ли карликовые орки, то ли вперемешку, не разобрать издали — затем длинная вереница телег с мешками, в конце — еще одна толпа орков. И чуть сбоку — небольшой отряд кабаньих кавалеристов.

Рыцарь облизнул пересохшие губы. Сейчас-то все и решится. Упорные тренировки, долгий поиск врага и удобного момента, дожди, тревожный сон под открытым небом, когда на теле ни единой сухой нитки — зря все это было или нет? Их — горстка. Врагов — тысяча. Достаточно ли будет мощи оружия, покоящегося в седельных сумках? Если верить мастеру-чужаку — да. Если нет... Уйти уже вряд ли получится, но сэру Кэлхару не привыкать к девизу «победа или смерть», один раз он уже проиграл, и теперь, можно сказать, живет в долг. Кэлхар пережил очень многих достойнейших людей в битве под Сигной, и сейчас должен либо победить ради них, либо присоединиться к павшим в посмертии.

Он проверил, хорошо ли горит промасленный фитиль, закрепленный на внутренней стороне щита, и махнул рукой, подавая команду скрывающемуся за леском отряду: пора. В ответ земля вздрогнула, когда отряд тяжелой кавалерии пришел в движение.

Враг немедленно начал разворачивать в оборонительный порядок головную ватагу орков и те сразу же перекрыли дорогу, но всадники понеслись вскачь по обочине. Сэр Кэлхар рванул из сумки первую гранату, поравнялся с первыми рядами орков, поднес к фитилю запал. По шнуру гранаты заплясал веселый огонек.

Он метнул увесистый кругляш в середину толпы и втянул голову в плечи, насколько это позволяли сделать шлем и наплечники. Треска их нечестивого оружия нет — либо не успели, либо мастер-оружейник был прав. Затем позади раздался грохот — и дикий вой следом. А потом начали рваться гранаты, брошенные другими рыцарями.

Сыр Кэлхар выхватил из сумки вторую гранату, на всем скаку увернулся от выскочившего ему наперерез орка-громилы, еще одного, мелкого и в доспехах, сбил конем — и второй кругляш шлепнулся в грязь в середине вражеской колонны. Получайте, гады! Следующего за Кэлхаром рыцаря сбили вместе с конем броском тяжелой дубины, но затем начала рваться вторая партия смертоносных гранат.

Вражеская колонна, растянувшаяся по дороге длинной тонкой змеей, оказалась застигнута врасплох. В считанные мгновения серую чуму забросали доброй сотней гранат, и еще до того, как рыцари на скаку сумели произвести третий бросок, вся эта длиннющая толпа бросилась наутек.

Сопrotивления не было. Все противодействие противника заключалось в нескольких выпущенных арбалетных болтах, да еще кабанья кавалерия попыталась помочь атакованной колонне, но на них вихрем налетела легкая сотня и рассеяла, многих перебив. Серые гоблины, увидев, что дело плохо, бросали оружие и пытались спастись в лесу, откуда уже летели стрелы эльфов-разведчиков, которые, собственно, и навели ударный отряд на вражескую колонну.

— Они бегут, бегут!! — ликующе завопил кто-кто.

Вот она, разница. Сэр Кэлхар ринулся с копьем на ужасного дракона, даже понимая, что шансов почти нет, в самой безнадежной ситуации он шел на смерть, верный королю, присяге, долгу перед своей родиной. А эта серая мразь разбегается во все стороны, как только дело обернулось не в их пользу. Честь, принципы, боевые товарищи — все это ничто

для них. В их мелких душонках нет ничего, кроме животного страха за свои дряблые шкурки.

— Прекратить бросать гранаты, прекратить бросать гранаты!! — завопил он, памятуя наставления оружейника, и рванул из ножен меч: — вперед, за Арлансию! Не дайте уйти никому, убейте их всех!!

По его приказу группа рыцарей атаковала гранатами замыкающую ватагу орков, слишком тупых, чтобы разбежаться своевременно, остальные, включая легкую кавалерию, бросились преследовать убегающего неприятеля. Бой занял так мало времени, что сэр Кэлхар еще даже не успел полностью поверить в победу, но это, слава Эртэс, была именно она. Первая победа в этой войне.

Гранаты в деле оказались до невозможности ужасным оружием, нет, рыцарь видел их в действии на тренировке, но даже не мог представить себе их воздействие на плотные скопления воинов. Менее чем от ста гранат погибли сотни врагов, и все это — чуть ли не мгновенно. Очень многих перекалечило, и все они тоже встретили свою смерть, когда кавалеристы принялись добивать тех, кто еще не сдох. Сколько врагов было и сколько спаслось в лесу — точно неизвестно, восемь эльфов-разведчиков вряд ли убили многих, но вот здесь, в грязи, лежали сотни тел, и грязь эта очень быстро окрасилась в ярко-алый цвет от крови, сочащейся из рваных ран и оторванных частей тел.

Потери кавалерийского отряда составили всего восемь человек: двоих убили бросками дубин, еще шестеро погибли во время преследования и рукопашного боя с последними группками орков-громил, слишком медленно соображающих, чтобы своевременно убежать, но слишком рассеянными, чтобы применить по ним гранаты. Легкая кавалерия потеряла еще восьмерых во время боя с кабаньими наездниками.

Тела погибших положили в одну из захваченных телег. Пока отряд готовился к отходу, Кэлхар обратил внимание на странные мешки, валяющиеся тут и там. Как и предсказал оружейник, серые несли свои аркебузы в чехлах, но из-за дождя не смогли их применить.

Рыцарь немедленно позвал сержанта легкой кавалерии и показал мешок:

— Братец, видишь это? Немедленно всех своих людей организуй на сбор вот таких мешков! Нам нужна еще одна телега или две! Собрать все мешки! А если получится — будет хорошо вывезти еще и оружие тех ублюдков, которые в латах! Хороша сталь их топоров! И сами доспехи — тоже! Мы такое не напаялим — но наши кузнецы доброй стали найдут применение!

— Нам уходить надо, и поскорее! — тяжело дыша, сказал заместитель Кэлхара, сэр Мальдус.

— Не тот случай... Эти трофеи очень пригодятся нам для будущих боев! Врагов поблизости нет, соберем и уйдем лесами. Не получится — бросить успеем, но гранаты у нас еще есть, если сможем — должны доставить это оружие в столицу!

Тут в разговор вмешался еще один рыцарь:

— А если ублюдки нагонят — я только рад буду! Перебьем всех!

Сэр Кэлхар мрачно улыбнулся:

— Это точно. Перебьем их всех, рано или поздно. Заставим заплатить сполна.

* * *

Данила проснулся посреди ночи от того, что начался штурм Вайландрии,

землетрясение, извержение вулкана или конец света. Весь город вопил, дудели гигантские горны, должно быть, в каком-то храме. Вскоре хаос добрался и до дворца: топот ног, неразборчивый гомон.

Инженер в полуодетом состоянии выскочил в прихожую: охранник, сжимая свой устрашающий клинок, стоял у двери, прислушиваясь.

— Что происходит?!

— Не могу знать, — мрачно ответил тот, — все, что я сумел разобрать — «убьем их всех». Не понимаю.

— Блин! И что дальше делать будем? Ты не хочешь попытаться выяснить обстановку?

— Мой пост — здесь, — коротко ответил гвардеец.

В этот момент дверь с грохотом отворилась, явно с ноги, и на пороге появилась Роктис, в чем-то похожем на халатик поверх ночной рубашки и со светильником в руке.

— Душенька, просыпайся! — завопила она и спохватилась: — а, ты уже тут.

— Что происходит?! Кто кого убивает?! Штурм или восстание?!

— Ой, да ты что! Просто отряд сэра Кэлхара вернулся. Им удалось уничтожить целую колонну серой чумы, и он от ворот об этом принялся вопить. Ну, вот город и встал на уши.

— А чего тогда все орут — «убьем их всех»?!

— Так это сэр Кэлхар крикнул, что они перебьют всех гоблинов, а толпа и подхватила. Ты это, одевайся бегом, полагаю, король тебя очень скоро вызовет. Я тоже пойду переоденусь, пожалуй, не в рубашке же к королю идти.

Она повернулась, избавив Данилу от необходимости делать усилие воли, чтобы отлипнуть взглядом от выреза неплотно запахнутого халата, и ушла.

Получилось именно так, как она и говорила: слуга с требованием явиться к королю пришел как раз, когда инженер застегивал камзол.

В зале совещаний собрались, помимо самого Валлендела, Йонгас, несколько уже знакомых Даниле баронов и графов из числа военных, включая Вольсунга, Марнея и Ренфорта, давешний эльф-разведчик, еще несколько незнакомых. У дверей снаружи и внутри Гаскулл поставил нескольких охранников, а сам безмолвно возвышался за спиной короля. Вскоре незаметно просочилась и Роктис.

Героем дня, точнее, ночи был тот самый хромой, Кэлхар. Рыцарь коротко доложил о потерях и результатах боя и вытянулся по струнке. На него сразу же посыпался град вопросов, и из его ответов Данила составил себе полную картину произошедшего. Как он и ожидал, применение пороховых гранат оказалось чрезвычайно эффективным против колонны на марше.

— Вот только потери не радуют, — заметил он, — сэр рыцарь, я же говорил — ударить и уйти, нам нельзя терять людей. Если бы вы просто ушли после первой же атаки, потери были бы единичными. А так — полтора десятка убитых. И ради чего?

— Но мы истребили их сотни! Всю колонну разгромили! Уйди мы после первой атаки — враг понес бы куда меньшие потери!

— Все же, тут я на стороне сэра Кэлхара, — сказал король, — погибшие отдали свои жизни за стоящее дело. Потому что теперь вместо чисел, сколько убито врагов, мы можем отвечать коротко и веско: безоговорочная победа, сокрушительный разгром противника. Сейчас ликует весь город, когда гонцы разнесут весть — будет ликовать вся страна.

Данила вздохнул:

— Я хочу донести до вас одну мысль. Мы ведем войну по невиданным ранее правилам.

Эти погибшие — они были очень ценны, потому что уже обладали боевым опытом, которым сейчас не обладает никто, кроме непосредственных участников первого боя. На будущее — старайтесь все-таки делать, как я говорю. Потому что врага бить мы будем не моралью, а оружием, и мне нужен каждый человек, способный правильно применить это оружие.

— Вопросов нет. Мне и самому печально терять достойнейших. Что дальше?

— Дальше — дайте нам больше этих гранат! — воскликнул рыцарь, — и мы учиним им еще и не такое!

Данила покачал головой.

— Я так не думаю. Вторая атака по той же тактике успеха иметь не будет, вас просто перебьют. Враг найдет противодействие, и простейший вариант — зонты. Более того, стоит ожидать появления у врага гранат в скорейшем времени, так что нам понадобится новый план. А пока что мы сделаем вот что. Сколько городов и крепостей нам потребуются оборонять, если враг двинется в наступление?

Король с советниками начали на лету подсчитывать, загибая пальцы.

— Шестнадцать укрепленных пунктов между столицей и серой чумой, — подытожил Валлендел, — осадить все гоблины не смогут, у них не хватает сил для наступления широким фронтом, но как минимум пять они обложат...

— А как же Йоррваскр? — вмешался Марней, — мы его не посчитали!

— Потому что жители деревни уже давно ушли в ближайший город, — ответил Валлендел, — в замке только наблюдатели, оборонять его мы не будем. Слишком далеко он.

— Значит так, — сказал Данила, — необходимо в каждый замок и город отправить по одному инструктору, и по тысяче гранат. Инструкторов обучат рыцари, участвовавшие в бою, а они уже должны будут обучить бросать гранаты тамошних солдат, хотя бы двадцать человек. Для обучения им хватит ста гранат, еще девятьсот помогут отбить штурм, если он последует. Необходимо увеличить производство пороха вдвое как минимум, выплавку корпусов для гранат поставить на поток, для них сгодится самый дрянной металл, причем любой. Производить огнепроводные шнуры будут почти все алхимики, а рабочих на фабрике гранат надо утроить, каждый из тех, что есть, обучит еще по два помощника, а лучше по четыре, и пусть работа идет круглые сутки напролет. Шестнадцать тысяч гранат можно произвести за пару дней, если крепко поднапрячься. Пусть кто-то запишет, чтобы не забыть, и с утра всем этим займется.

— Я запомнил, — сказал Йонгас, — завтра сделаю.

— Что дальше? — просил король.

— Трофеи. Во-первых, осмотрим их оружие, поглядим, чем оно нам поможет. Во-вторых, испытаем, что же на самом деле могут их доспехи. Четыре телеги трофеев — это, надо сказать, все же большой успех.

Осмотр привезенного вооружения оказался сопряжен с небольшой неприятностью: все — чехлы ружей, топоры орков, доспехи — было запачкано грязью, и очень многое — еще и кровью, пришлось закатать рукава и основательно замараться. Но результаты осмотра радовали.

Рыцарям Кэлхара удалось собрать около двухсот чехлов с аркебузами и патронами, боеприпасов, правда, не больше десяти на ствол, но их сделать не проблема. Неприятно поразила степень сходства оружия: два любых экземпляра почти одинаковы, несмотря на явные следы кустарного производства, калибры совершенно идентичны. Получается, у врага огромное количество мастеров, изготавливающих оружие по единому образцу. Сам факт

наличия такой шулки, как стандарт, говорит очень многое, даже не столько о технологическом уровне врага, сколько о его организованности. Черт.

Даниле пришлось пережить несколько минут тяжелейшей борьбы с самим собой. Двести стволов — что с ними делать? Готовое оружие дает соблазнительную возможность прямо сейчас подготовить две роты стрелков, которые могли бы быть большим подспорьем в следующем бою. Или же использовать сами стволы как таковые, вставляя навитой ствол в форму и заливая его снаружи тонким слоем прочной стали, можно легко получить двести куда более тяжелых, но при этом и более прочных заготовок для производства аркебуз повышенной мощности.

В итоге Разумовский решил, что утро вечера мудренее: выспится и подумает.

* * *

Новый день принес новые заботы. Вместе с Кадисом Данила испытал доспехи врага, оказалось, металл такой же, или почти такой же, как сплав dwarфов. А вот работа далеко не так хороша, но прочность брони все равно была на высоте. Проведя тестовые стрельбы на пустыре у окраины города, Данила установил, что гарантированное пробитие гоблинских доспехов из гоблинской же аркебузы — только с пятидесяти шагов, с двухсот стрелять уже бесполезно. Обычный рыцарский доспех гарантированно пробивался со ста шагов, от выстрела с трехсот защищал недостаточно надежно, хотя попасть с такого расстояния в одиночную цель можно было только волею случая. В то же время прототип мушкета с оперенными пулями прошивал гоблинский доспех со ста шагов навывлет и пробивал нагрудную пластину второго доспеха в половине случаев. На триста — только по толпе стрелять можно, но если попасть — как минимум нагрудная пластина будет пробита, что равнозначно игре в ящик.

Все это давало определенные надежды. Мушкеты Разумовского смогут поражать противника на расстоянии триста шагов и даже больше, может, и на четыреста. В то же время гоблины опасны только с трехсот. Если армия короля применит щитоносцев, которые будут нести большие, непробиваемые щиты в первом ряду — гоблины вообще окажутся по уши в дерьме. Другой вопрос, что они и сами применят щиты в следующем же сражении, как только поймут, что у арлансийцев тоже появился огнестрел.

Большое искушение — изготовить стреловидные пули по калибру гоблинских аркебуз и спланировать новую атаку с их применением, но риск высок. Стреляться с гоблинами придется на равных — превосходство в бронебойности против превосходства в защите — плюс риск, что гоблины получают хоть одну пулю, а попадание концепции оперенной пули врагу равнозначно поражению. Увы — но применить огнестрел можно будет только в генеральном сражении.

Поразмыслив, Данила решил действовать наверняка. Трофейные аркебузы послужат благому делу, с их помощью можно начинать обучение солдат прямо на следующий день, и когда армия получит первые партии огнестрельного оружия, из него уже будет кому стрелять.

В полдень появились новости, как хорошие, так и плохие.

Данила, пытаясь пойти к королю для согласования мелких деталей, внезапно наткнулся на еще одного гвардейца-полуорка, который не выпустил инженера ни из крыла, ни даже с

этажа.

— Приказ короля, — сказал громила и пояснил: — никто не входит и не выходит, кроме тех, на кого действует исключение.

Данила понял, что оказался буквально в заточении. Хреновый признак.

Правда, охранник согласился послать слугу за Роктис. Та вскоре появилась, неожиданно мрачнее тучи, и повела инженера в зал совещаний.

— Что-то не так? — обеспокоенно спросил Разумовский, — а то на тебе прям лица нет...

— Да все в порядке, просто настроение не ахти, — замогильным голосом ответила Роктис.

Данила отлично видел подрагивающие уголки губ, тяжелый взгляд и дергающуюся щеку. Ни фигу не в порядке, она просто взбешена — но из последних сил держится. Что же произошло — видимо, и правда лучше не спрашивать.

Хорошую новость Разумовский увидел сразу: вокруг стола с расстеленными картами, помимо уже знакомых лиц, стояли трое здоровенных орков, таких же, как те двое, что спасли его в том проклятом лесу. Оказалось — наблюдатели, посланные вождем Лагатцом, чтобы быть в курсе событий. Явились они сразу же, как слышали о новом оружии и первой победе, и теперь с любопытством изучали мастера-оружейника.

Данила сразу же смекнул возможные выгоды от появления столь сильных ребят. Если обычные орки еще сильнее низших — а то, что видел он своими глазами в лесу, именно об этом и свидетельствовало — то в генеральном сражении можно будет применить контргренадеров. Разумовский не сомневался, что уже в следующем бою у гоблинов будут гранаты, и бросать их будут именно низшие орки, которые легко закидают порядки людей издали. А вот если с людьми будут эти вот ребята с габаритами, которым позавидует любой шкаф — перевес в дальнобойности гренадеров может стать решающим. Надо бы только проверить, действительно ли орки способны на дальний бросок.

Взгляд Данилы упал на массивную бронзовую перьедержательницу, выполненную в виде кувшинчика. Стодится. Он вынул перья, взвесил в руке: килограмм есть. Открыл окно, выходящее на сад, обернулся к оркам:

— Сделайте одолжение — продемонстрируйте, насколько вы сильны. Мне надо убедиться, что вы справитесь с оружием, которое я планирую вам дать. Который из вас троих самый слабый? Вот, бери это и бросай!

— Куда? — глубоким рокочущим басом уточнил орк, детина ростом почти в два с половиной метра, с кулаками побольше головы Данилы и вчетверо шире в плечах.

— Вперед. Как можно дальше.

Кувшинчик исчез в огромной лапище оливкового цвета. Детина с ленцой, словно нехотя, размахнулся, его рука, покрытая бугрящимися мышцами, внезапно мелькнула со скоростью жалящей змеи. Сверкнув в лучах солнца, отполированная бронза унеслась вперед и вверх, прочертила красивую дугу, перелетела через ограду дворца и врезалась в крышу ближайшего дома. С расстояния в добрых сто пятьдесят метров Данила увидел разлетающиеся осколки черепицы.

— Ни хрена себе, — присвистнул он.

Сэр Кэлхар только хмыкнул:

— Ты еще не видел, мастер, как они швыряют свои топоры... Я в бою потерял двоих рыцарей — их убили вместе с лошадьми. Броском дубинки.

— Вместе с лошастью?! Это ж какая дубинка должна быть?!

Рыцарь показал пальцем в угол:

— Вон, любуйся.

Там, аккуратно прислоненные к двери, стояли два двуручных топора и молот огромных размеров. Длина рукоятей — метр восемьдесят или около того, общий вес, скорее всего, просто ужасен.

— А посмотреть можно?

Владельцы благосклонно разрешили, перекинувшись несколькими словами на своем языке. Данила взялся за молот и с усилием поднял его. Мама дорогая, килограммов сорок!

— И далеко вы можете такое бросить?

— Будешь сидеть в карете — убью тебя с пятидесяти шагов вместе с кучером и слугами на запятках, — буркнул владелец оружия.

— Я что-то не то сказал? — насторожился Данила.

Граф Гаунт наклонился к нему и негромко пояснил:

— Он только что поспорил с товарищем, что ты не поднимешь. И проспорил.

— Хех. А что, правда может убить человека, сидящего в карете?

— Лет сто назад король Тархалона именно так и был убит, в собственной карете. Броском топора с сорока шагов. Карета-то деревянная, а топор — очень тяжелый...

Тут вмешался король:

— Топоры топорами, но у нас есть дела поважнее. Наша победа обернулась против нас же. Разведка доложила, что серая чума перешла в наступление. Перебрасывает драконов вперед. Так что нам срочно нужно что-то предпринять!

Данила склонился над картой, где войска, свои и врага, представлялись в виде фигурок, очень похожих на шахматные. Придворные мастера уже успели изготовить крохотные, но искусные фигурки гоблинов, орков, кабаньих наездников и драконов.

Рассказ эльфа-разведчика и уточнения королевских офицеров воссоздали достаточно понятную и не очень утешительную картину. Сразу же после разгрома колонны фуражиров гоблины резко повысили активность и начали продвигаться вперед. Обустроили перевалочный пункт в двух днях пути от столицы, разместив в покинутой деревне около трех тысяч живой силы и собрав там по меньшей мере сотню телег-водовозов, постоянно подвозят припасы. В качестве подкрепления туда с большим трудом перегнали одного дракона.

Почему с трудом, Данила догадался и без подсказок: дожди прошли короткие, но частые, дороги развезло, а дракон — суть паровая повозка, проходимость настоящего танка у него нет, а большой вес и малая мощность паровой машины только усугубляют расклад. В самом деле, сколько ж тот дракон, которого Разумовский видел, весит? Тонны две, это как минимум и при условии, что в конструкции использовано дерево. Если же корпус цельнометаллический — то и все четыре, если не восемь. А сколько может развить примитивный паровой двигатель крайне малых размеров? Лошадок пять-десять, не больше. Даже беря крайние значения, получится удельная мощность от силы пять лошадей на тонну. А пять лошадей на тонну для танка — это уже не удельная мощность, а удельная немощь.

Данила задумчиво побарабанил пальцами по столу, понимая, что все взгляды сосредоточены на нем.

— В общем, стратегия гоблинов мне вполне понятна, — сказал он, — и свидетельствует, что нам все же удалось их удивить и выбить из колеи...

— Вот только почему-то это подвигло их на наступление, а не на задержку!

— Да, вполне закономерно. Гоблины действовали четко и расчетливо, пока все шло по их плану. Получили неожиданного и непредсказуемого пинка — решили прихлопнуть нас поскорее, чтобы не дать развить успех.

— Ну и что нам теперь делать?!

— Как — что?! — сделал круглые глаза Данила, — еще раз пнуть, чтобы они не думали, что этот сюрприз у нас единственный! Сволочи хитры и находчивы, значит, наш единственный путь к победе — каждый раз использовать новую тактику и новое оружие. В общем, так. Мне нужны литейщик и кузнец — срочно, это раз. Я хочу осмотреть осадные машины, какие есть — это два.

— У нас нет осадных машин, — ответил ему Гаунт.

Вот теперь Данила удивился уже всерьез. Что за средневековье без катапульт и баллист? Видя его замешательство, граф Вольсунг пояснил:

— Арлансия последний раз вела осаду лет двести тому назад...

— То есть, ни катапульта, ни баллист, ни скорпионов с онаграми нету?

— Вообще-то есть, но они установлены на крепостных стенах города и предназначены для обороны, а не осады. Они не такие большие, как осадные.

— Сгодятся. Мне необходимо осмотреть их как можно скорее. И главный вопрос — помогут ли нам орки. Если да — мы в течение двух дней сможем подготовиться, а затем разбить этот их перевалочный пункт. Разломаем водовозы, сожжем, что горит, захватим, что сможем — и тем самым остановим продвижение противника.

— У плана есть изъян, — пробасил старший из орков, — там уже дракон. За два дня могут приползти новые. Как убить дракона, если он железный?! А не убив его, победить нельзя!

— Вот для этого мне и нужны вы, — спокойно ответил Данила, — именно воины орков и убьют дракона, для этого я дам вам волшебные драконобойные молоты, для людей непосильные. Сколько вас?

У орков загорелись глаза, и хотя их лица остались неподвижными, инженер понял: заглотнули наживку с грузилом и поплавком. Кто же откажется от славы убийцы дракона и волшебного оружия?

— У города стоим лагерем, нас три десятка. Остальной отряд пока на границе. Посмотрим на твои волшебные молоты, если колдовство будет чего-то стоить — мы присоединимся к атаке.

— Вот и договорились, — ухмыльнулся Данила.

Этот день стал фантастически насыщенным.

Наскоро промеряв молот орка, Данила выдал задания литейщикам — на огромные пустотелые шары и кузнецам — на прочные стальные трубы. Затем совершил поездку к городской стене и осмотрел боевые машины.

Катапульти и баллисты оказались совершенно непригодными к транспортировке, и снять их со стен было бы проблематично, в то же время самые маленькие онагры — эдакий средневековый аналог полевой пушки — благодаря своим габаритам и конструкции вполне отвечали запросам инженера.

— Нужно не меньше двадцати онагров, — распорядился Данила, — снять со стен, приладить колеса, чтобы тащить их лошадьми, и спереди — деревянные щиты. Кровь из носу, но к утру должно быть готово!

Затем ремесленникам было велено бросить все и делать щиты в человеческий рост высотой и десять шагов шириной, прикрепляя на слой досок металлические листы. Щиты получились достаточно тяжелыми, и носить их пришлось бы вшестером.

Командовать атакующим соединением король поставил графа Вольсунга, и несколько часов Данила потратил на то, чтобы объяснить всем участвующим командирам, вплоть до самого последнего десятника, что от них требуется. Тактика и маневры относительно простые, требующие не муштры, а простой человеческой вменяемости и хотя бы небольшой слаженности в действиях.

Весь кавалерийский отряд хромого Кэлхара расформировали, приставив по два человека к каждому онагру. У рыцарей переквалификация в пылеглотов-пехотинцев энтузиазма не вызвала, но Даниле удалось их уговорить.

— Поймите, больше я никому не могу доверить то, что поручаю вам! — сказал он. — Гранаты — оружие очень опасное в неумелых руках, а умелые — это только вы. Ошибка в первом бою стоила бы вам ваших жизней. Ошибаться в предстоящем сражении — значит погубить шесть тысяч солдат, проиграть битву, потерять боевой дух и мораль и обречь всю страну на поражение, потому что второго шанса уже не будет!

Один онагр использовали для обучения расчетов боевых машин и испытания гранат в роли снарядов. В пращу на конце метательного рычага вкладывали гранату, расчет приводил машину в состояние готовности, затем один из двух приданных к метательной машине рыцарей поджигал фитиль гранаты и давал команду, после чего командир молотом выбивал удерживающий ключ. Онагр метал гранату на добрых четыреста метров, чего для плана Данилы вполне хватало.

Вечером Разумовский проверил успехи гвардейцев и убедился, что они должным образом освоили огнестрельное дело. О меткости речь не шла, но приемы заряжания и стрельбы выучены хорошо. Когда мушкеты начнут поступать в войска — будет кому стрелять из них и учить других солдат.

Еще Данила между делом узнал у Йонгаса, отчего его передвижения так ограничили: оказывается, Валлендел на полном серьезе опасался происков так называемых «союзников».

— В столице сейчас только беглых королей, уже потерявших свои королевства, четверо, вместе со своими дворами и охраной. А еще есть послы тех держав, которые окажутся под ударом, если Арлансия падет. И все они уже знают, что у Валлендела есть колдун-

оружейник, чьим оружием полсотни солдат разгромили тысячную колонну серой чумы. За тебя любой согласится отдать что угодно... Только дурак не будет опасаться похищения.

— Хм... А эти союзнички помочь не собираются?

— Собственно, помогают понемногу. Королева Латанны не пропускает беженцев через свои границы, чтобы у нас были рекруты, другие снабжают продовольствием и оружием — но посылать своих солдат умирать за Арлансию они не станут, пока мы сами не дадим отпор. А если мы дадим серой чуме пинка — можешь быть уверен, что все окружающие нас королевства бросятся наперегонки захватывать оставленные земли и подчинять все еще держащиеся замки...

Больше всего Данила опасался, что собрать необходимые для атаки шесть тысяч солдат будет трудно, удар малыми силами предприятие всегда рискованное, но неожиданно помогли те несколько сотен беглецов, с которыми инженер сбежал из концлагеря. Заслышав, что могущественный колдун дает и оружие, и воинов, которые уже записали на свой счет одну победу этим самым оружием, пылающие жаждой мести, они согласились почти в полном составе. Многие из них потеряли все, включая свои семьи, и теперь ухватились за возможность собственноручно расквитаться с ублюдками, одновременно заразив своим боевым духом и других солдат, так что шесть тысяч воинов, готовящихся к рейду, минимум на две трети состояли из добровольцев.

Наутро в гранатный цех начали поступать детали: литейщики работали всю ночь. Данила собственноручно собрал первое «изделие»: затрамбовал в пустотелый чугунный шар диаметром шестьдесят сантиметров почти шесть килограммов пороха, сквозь рукоятку протянул огнепроводный шнур и загерметизировал растопленным воском, а потом аккуратно вкрутил рукоять в шар при помощи резьбы.

Общий вес «драконой булавы», на глазок, составил двадцать с небольшим кило. Нехило так. Конечно, вес заряда маловат для такого фугаса, Данила предпочел бы не четырнадцать с гаком килограммов чугуна и шесть — пороха, а наоборот, но увы. Дымный черный порох обладает очень хорошим качеством — никогда не разрывает ствол, сколько его ни насыпь, потому что горит относительно медленно и при слишком большом навесе «лишка», которая могла бы привести к разрыву, выдувается из ствола до того, как успеет сгореть. Но вот прямо сейчас эта приятная для стрелка особенность только мешает: при тонких стенках снаряда он взорвется быстрее, чем успеет сгореть весь заряд. Эту проблему Данила решил неуклюже, но эффективно: толстая стенка тяжеленного шара не разорвется от малейшего взрыва, и порох успеет сгореть весь, после чего никакой чугун его уже не удержит.

Разумовский с мрачным удовлетворением взирал на свое творение и сожалел, что не может занести это достижение в книгу рекордов Гиннеса, хотя у него куда больше прав попасть туда, чем у многих других. В самом деле, весь смысл пиццы весом в тонну и двадцатиметрового замка из песка — просто создать рекорд ради рекорда. Для галочки. В то время как Данила не только сконструировал самую большую противотанковую гранату из всех, когда-либо созданных земным оружейником, но и намерен применить ее в бою.

Конечно, тротил был бы очень кстати, но шесть кило пороха — тоже не фунт изюма. Знаменитая РПГ-43, содержащая в себе семьсот с лишком граммов тротила, была способна уничтожить боевую машину с броней порядка двадцати миллиметров, и Разумовский сомневался, что броня «дракона» будет такой же прочной, как катаная гомогенная броня немецких танков. Должно хватить.

В обед к фабрике, как и договаривались, прибыли орки — все тридцать здоровенных лбов. И даром что сдержанны и невозмутимы: любопытство читается на их каменных лицах, несмотря на все попытки держать эмоции при себе. Вместе с орками прибыли также офицеры из числа тех, которым предстояло командовать походом, включая и Вольсунга.

В толпе Данила случайно заметил знакомое лицо — один из тех двоих орков, что спас его задницу в том лесу.

— Всегда приятно видеть старых знакомых, — ухмыльнулся инженер, — доверить испытание оружия такой силы стоит тому, чьи способности я уже видел в деле.

Он вручил орку тестовый образец, тот повертел его в руках и заметил:

— Что-то уж больно легковат. На дракона я предпочел бы что-то потяжелее... и с рубящими кромками, а не гладкое.

— Это волшебная булава, ей не нужно лезвие. Значит смотри, сейчас мы станем вот туда, ты приготовишься бросать, твой товарищ поднесет тебе огонь. Ты поджигаешь вот эту веревочку, что торчит из конца рукояти и сразу же бросаешь как можно дальше...

— Так а во что бросать-то? Как силу испытать без мишени хоть какой-то? — удивился орк.

— Объясняю. Обычная булава убивает врага силой удара. Эта убьет силой магии, сокрытой внутри, ею не нужно попадать точно в цель с большой силой, главное — бросить подальше. Идеальный бросок — под дракона, снизу у него нет прочного панциря.

— А откуда ты знаешь? — послышались вопросы из толпы.

— Вот сами подумайте. Спереди или сбоку может прилететь стрела из катапульты или отчаянный рыцарь с копьем. Сверху могут сыпаться камни со стен или из баллисты. Но в брюхо ничем не попасть — потому броня там всегда самая тонкая. И в моем мире «драконы» точно так же устроены.

— И в твоём мире драконов вот такими штуками убивают? — вклинился вездесущий сэр Кэлхар.

— Не совсем. В моем мире нет орков, потому противодраконьи гранаты делают маленькими и слабыми. Если их мощи не хватало, делали связку гранат, и ее бросать приходилось с очень близкого расстояния, а некоторые солдаты и вовсе бросались под брюхо дракону, чтоб наверняка, и взрывали всю связку прямо там.

— Хм... А как они сами в таком случае спасались? — спросил граф Вольсунг.

Данила посмотрел ему в глаза:

— Никак. Война была такая же отчаянная, как и тут, на уничтожение. С чем-то вроде ваших гоблинов, только у вас серая чума, а у нас была коричневая, скажем так.

Инженер повернулся к орку и продолжил инструктаж.

— Значит, учти одну вещь. Как только вот этот шнурочек зажжен — надо бросать немедленно, потому что магия внутри вот-вот вырвется наружу. И беречь от случайного огня обязательно, если булава сработает у тебя в руках — убьет всех вокруг, а тебя просто разорвет на куски. В буквальном смысле разорвет.

Орк кивнул:

— Я понял.

Ему поднесли факел, веселый огонек побежал по шнуру и скрылся внутри рукояти.

— Бросай!

Молниеносный размах, увитые канатообразными мышцами ручищи посылают «булаву» вперед и вверх. Граната, описав длинную дугу, шлепнулась далеко за овражком. Бросок

суперский, метров сто.

— Ну и что дальше?

— Подождем немного.

По расчетам Данилы, шнура должно было бы хватить секунд на двадцать — этого достаточно с точки зрения безопасности при применении громоздкой и неудобной гранаты. Он успел в уме отсчитать до двадцати двух.

Рвануло зверски, уж точно не хуже, чем полкило тротила, и толпа зрителей аж присела от неожиданности. Стоять прямо остались только орки, Данила да Роктис: чертовка предусмотрительно заняла позицию за спиной у инженера, здраво рассудив, что если Данила не боится, то и ей нечего опасаться.

— Вот это да! — присвистнул кто-то из офицеров.

— Да уж! — поддержали его другие.

Орки молчала смотрели, как сыплется поднятая взрывом пыль и ветер уносит клубы белого дыма, затем переглянулись и один из них выдал:

— Хорошая магия. Сильная. Булаву можно использовать только однажды?

— Верно, потому что магия, вырвавшись, разрушает ее. Но я дам каждому из вас по две такие, этого хватит, чтобы убить любого дракона, а потом еще и пехоте дать трендюлей. Что скажете?

— Мы в деле, — коротко ответил один из трех старших.

— Вот и отлично. Сегодня проведем совместные учения и завтра выступаем.

* * *

Кэлхар очень не любил ждать. Вообще. А на войне ожидание — особенно паскудная штука. Неизвестность гнетет, и потому рыцарь охотно поменялся бы местами со своими товарищами у онагров, но увы. Нога еще не скоро позволит ходить, не хромя, так что у метательных машин толку с него маловато. И вот теперь он командует конным отрядом в тридцать рыцарей, в то время как вся конница — четыреста легких кавалеристов — под командованием графа Марнея. Им отводится роль резерва, если у пехоты под командованием Вольсунга что-то пойдет не так... Проще говоря, если сражение пойдет не по плану, отряду кавалерии, вооруженному гранатами, предстоит погибнуть, чтобы спасти хоть что-то.

Маленькая армия — шесть тысяч человек, не считая трех десятков орков и примерно сотни эльфов-стрелков — вышла на позицию еще до рассвета. Пока миром правит ночь, серые ублюдки выходить за пределы своих укреплений и сторожевых костров не рискуют: во тьме их поджидают ничуть не менее опасные охотники. Слухи о маленьком отряде эльфов из числа пришедших с востока беженцев, возглавляемом дроу-подземником, упрямо ходят среди людей, хотя дроу — не те парни, которые будут рисковать в неравных боях. С другой стороны, эльфы и гоблины ночью примерно на равных, а неуловимый отряд, если верить рассказам, устраивает ублюдкам резню чуть ли не еженощно, да и эльфы-разведчики, которые снуют везде, не откажутся пустить стрелу по подвернувшейся цели. Впрочем, когда это захватчиком было легко?

Два дня перехода маршем по лесам да оврагам, скрываясь от вражеской разведки — не самое простое дело, люди устали. Сам Кэлхар в подобной ситуации не стал бы вступать в

бой, но положение отчаянное, придется рискнуть.

Местность везде открытая, разве что там кустарник да тут крохотная рощица. По правую руку река — драконы гоблинов без воды ни туда ни сюда. По левую — равнина и вдалеке лес. Идеальное место для атаки драконами, недаром серая чума обосновалась именно тут.

Разведчики, наблюдавшие за лагерем, вкратце обрисовали диспозицию: четыре тысячи низших орков-карликов, обычных, расположившихся вокруг лагеря за пределами ограды, примерно столько же, до тысячи гоблинов, укреплений практически нет, только ров да частокол, лагерь строили на скорую руку и ненадолго. Чуть на отшибе загоны для волов и кабанов — хорошо охраняются. В центре укрепленного лагеря — склад припасов и множество телег с бочками. У самого лагеря — драконы, вроде бы спят. Два, йоклол их возьми. Лишь бы волшебные молоты орков не подкачали.

Армия вышла на позиции, развернулась в строй. Их обнаружили почти сразу, но пока в стане врага сыграли тревогу да выдвинулись за пределы лагеря, арлансийцы уже выстроились в боевые порядки. Впереди — пехота с длинными щитами, каждый держат, уперев его в землю, по четыре пехотинца, за щитами укрылись лучники, арбалетчики и пикинеры, среди которых попрятались орки и эльфийские стрелки. В промежутках и чуть позади — онагры, заслоненные от взоров врага шеренгой воинов. На флангах — опять же лучники и конница, на случай атаки кабаньей кавалерии.

То ли Эртэс помогла, то ли просто чужак-оружейник так умен — но враг действительно не стал отсиживаться в лагере. Должно быть, как сказал мастер, побоялись за припасы и бочки и захотели разбить людей в чистом поле. Расстояние от арлансийской армии до лагеря — тысяча шагов. Теперь — ждать, будь оно неладно.

Рыцарь попытался помолиться, но не успел: вся вражеская масса пришла в движение. Гоблины действовали именно так, как и предсказал оружейник: подойдут на расстояние выстрела из аркебузы и начнут расстреливать людей, оставаясь в недосягаемости для них. Ну, понеслась.

Выстроившись в типичной для себя манере — орки в доспехах впереди, за ними стрелки, обычные дикие кучкуются по сторонам и чуть сзади — отряды серой чумы неторопливо двинулись вперед и подошли на расстояние в двести пятьдесят шагов без единого выстрела. Кэлхар, стоя на небольшом пригорке, увидел, как граф Вольсунг дает отмашку, по сигналу шеренги воинов перед онаграми разбегаются в стороны и укрываются за щитами. Гоблины, завидев метательные машины, начинают беспорядочную пальбу, не причинившую особого урона: острый глаз Кэлхара выхватил буквально двух или трех упавших, аркебузы не смогли пробить щиты с такого расстояния.

Непродолжительная возня у онагров — и боевые машины начинают швырять во врага гранаты. Первый залп поразил порядки врага четко и уверенно, убив десятка три орков, все-таки граната — увесистая штука, хоть и пустотелая. Затем прогремели взрывы, ряды врага окутало белым дымом, так что оценить ущерб неопытный наблюдатель не смог бы, но рыцарь уже видел, что делают гранаты, брошенные в плотную толпу.

Треск рычагов и лебедок — расчеты принялись взводить онагры для повторного выстрела. Командир гоблинов благодаря присущей ему сообразительности сразу же понял, чем чревата перестрелка аркебуз и онагров-гранатометов, и приказал атаковать. Тысячи орков устремились вперед с ревом и воплями.

Им удалось пробежать шагов двести, когда онагры вновь метнули свои смертоносные

снаряды. Гранаты начали рваться везде, и под ногами передних рядов наступающих, и в глубине их порядков. Видимо, попадая в орка, чугунный шар дальше уже не летит и взрывается с краю, а если удастся пролететь между бойцами двух-трех рядов — взрывается в середине.

Потери были таковы, что до первых рядов арлансийцев добралось вовсе не четыре тысячи орков, а хорошо если две. Здесь их встретила, сомкнув ряды и щиты, пехота, орков косили залпами арбалетчики и лучники, от эльфов, бьющих в упор в щели забрал, не спасали никакие доспехи, а в довершение всего в толпу орков полетели бутылки с горючей смесью. Дикие орки, будучи изначально слева и справа и чуть дальше, подоспели как раз к раздаче сотен огненных бутылок, кроме того, без доспехов они представляли собой отличную мишень для лучников на флангах, их атака захлебнулась еще до того, как эта неорганизованная толпа сумела достичь порядков арлансийцев.

Подобного приема серая чума не ждала. Орки, понеся огромные потери, сцепились с пехотой в рукопашном бою, поливаемые огнем и стрелами сверху и с флангов, но теперь их сила нашла себе достойную преграду в виде численного перевеса и слаженности действий пехотинцев. Когда дым от взрывов немного рассеялся, командиры — Вольсунг и его противник-гоблин — сумели оценить изменившийся расклад. Орочьи броненосные отряды потеряли как минимум три четверти живой силы, вражескому командующему не осталось ничего другого, как сигнализировать отступление, пытаясь спасти тех орков-людоедов, которые еще не разбежались сами.

Кэлхар стащил с руки латную перчатку, приподнял забрало и протер глаза, потому что картина на поле боя вырисовалась совершенно невероятная. С момента первого выстрела со стороны гоблинов прошло каких-то семь минут, и вот остатки низших орков бегут обратно к лагерю, поредевшие отряды гоблинов-стрелков уже у самого частокола. За столь короткий промежуток времени погибло не меньше четырех тысяч орков, диких и броненосных, и около сотни гоблинов-стрелков.

Однако это было только начало.

Граф Вольсунг взмахнул рукой, горнисты протрубили приказ к наступлению. Медленно, не спеша, пехота двинулась вперед, неся перед собой щиты и катя онагры. С этим подсобили свои орки, иначе эти тяжелые метательные машины, обычно таскаемые быками, были бы большой обузой. Что ж, теперь серая чума понимает, что самое время будить драконов.

Словно в ответ, вначале один протяжно взвыл, потом второй, затем оба медленно поползли вперед. Кэлхар сжал кулаки: теперь главное не дрогнуть. Пехоте предстоит пережить несколько страшных минут, пока железные чудовища ползут к ним, и только после этого выяснится, чего стоят драконобойные молоты... и стоят ли чего-то вообще.

Мальдус хлопнул его по плечу, привлекая внимание:

— Гляди! Свиноезды появились! Сотни две!

— Вижу... Если сунутся поближе — нас ждет нелегкий бой, потому что один залп из этих хреновин они по нам точно сделают...

Снова заработали онагры, однако гранаты, как и их взрывы, не замедлили неспешного продвижения драконов. Зато пехота гоблинов, шедшая следом, опять понесла незначительные потери и, видимо, решила дальше не идти, предоставив расправу над людьми драконам. И пока металлические монстры приближались, набирая скорость, гоблины и орки принялись перестраиваться. Их план понятен: сокрушительная атака, как только драконы расколуют порядки арлансийцев. В точности, как в битве под Сигной.

Рыцарь бросил взгляд на кучкующихся на почтительном расстоянии «свиноездов». Не исключено, что в момент атаки драконов они предпримут фланговую атаку, хотя, конечно, вряд ли серые твари всерьез будут рисковать шкурами, если можно просто полюбоваться, как металлические монстры сожгут всю арлансийскую армию...

Тут он заметил эльфа и орка, ползущим меж кустов в ту сторону. Эльф без лука, видимо, в этой странной паре он главный. Или, может быть, просто показывает верный путь орку, зеленокожие ребята, вообще говоря, скрытно перемещаться не умеют, предпочитая налетать на врага с ревом, да чтоб земля от шагов содрогалась...

Затем драконы протяжно завывали, выбросив в сторону арлансийцев струи белого пара, но, конечно, не достали, счастье, что их обжигающее дыхание простирается на двадцать шагов, а не на двести. Но до момента истины — считанные мгновения, железные монстры надвигаются все быстрее, все ускоряют свой бег по усыпанному трупами полю. Вот вождь орков поднимает над головой руку, давая команду остальным, и все двадцать девять, не считая того, что уполз, бросаются в атаку, потрясая волшебными молотами и факелами.

Кэлхар сглотнул. Если оружейник из другого мира подведет, если его магия окажется бессильной против этих чудищ — все будет кончено. И об этом думал, скорее всего, каждый из собравшихся на этом поле брани солдат.

Первый молот взмыл ввысь, за ним полетели еще несколько. Кэлхар видел, как увесистые снаряды падают перед драконом, рядом с ним, один даже попал в него, без толку, конечно. Таковую махину да молотом — не пронять, ох, не пронять!

И в тот момент, когда рыцарь уже раздумывал, как именно он попытается задержать драконов, что делать при команде «спасайся, кто может» — магия первой булавы вырвалась из заточения.

Рвануло славно, как двумя днями раньше на пустыре, в воздух поднялась туча дыма, пыли, вверх полетели куски трупов, образовался красноватый туман из взвеси мелких капелек крови. Грохнуло совсем недалеко от дракона — но все напрасно!

Вторая булава взорвалась позади дракона, монстр успел проехать над нею и не пострадал, затем начали рваться следующие, а орки уже метнули еще несколько. Пара взрывов перед драконом полностью заслонила его клубами белого дыма.

Рыцарь осенил себя знамением, молча воззвал к Эртэс, сжал в руке копьё — и тут дракон выкатился из дыма.

Только без головы — ее не было, оторвало вместе с шеей, подчистую.

А затем рвануло снова, и снова, и снова. И третий раз — аккурат у колеса. Полетели обломки толстых спиц, затем колесо хрустнуло и сложилось, когда остальные уцелевшие спицы сломались. Дракон накренился на правую сторону, ткнулся безголовой грудью в землю и остановился, со свистом выпуская пар из многих дыр в брюхе.

Готов.

Войско завопило, восторженно, ликующе, Кэлхар еще успел понять, что и он сам тоже непроизвольно вопит что-то нечленораздельное, затем над полем, перекрыв все остальные звуки, грянул боевой клич орков.

Второй дракон выполз из облаков дыма, сбавляя скорость, он пытался остановиться и поползти обратно, но волшебные молоты уже летели к нему, неотвратимо, неизбежно, неумолимо.

Тут рвануло дважды слева. Кэлхар повернул голову и увидел, как сверху сыплются куски оторванных конечностей, кабаньих и гоблиньих. Две булавы, которые метнул уползший орк,

произвели невероятно опустошительное действие, разорвав на части и разбросав пару десятков свиноездов и уложив на месте по меньшей мере еще сотню вокруг. Выжившие бросились наутек, точнее, задали стрекача кабаны, и многие мчались без своих всадников.

А затем начали взрываться молоты остальных, и рыцарь с головой ушел в созерцание потрясающей гибели второго дракона. Сразу несколько последовательных взрывов под брюхом не смогли оторвать колеса, но дракон полностью остановился, свистя раскаленным паром из кучи пробоев и щелей в брюхе. Вот на его спине поднимается огромная металлическая чешуйка, оттуда пытается выбраться серый гоблин — и внезапно оттуда же начинает бить струя пара, гоблин, застряв в отверстии, корчился в агонии, свист пара перекрыл вопль заживо варящегося ублюдка.

Ублюдку — смерть ублюдка. Как только рыцарь это подумал, второй дракон буквально лопнул изнутри, выбросив в небо колоссальные клубы белого пара вперемешку с огненными языками и черным дымом, панцирь раскололся едва ли не напополам.

Над полем боя на короткий миг повисла тишина, умолкли все, потрясенные зрелищем — а затем шесть тысяч плоток — людей, орков, эльфов — грянул в едином торжествующем вопле.

Все пришло в движение. Вся армия, оставив позади онагры и бросив уже ненужные щиты, ринулась в атаку, вопя и потрясая оружием. Кавалерия прищорила лошадей и перешла в галоп — каждый намеревался добраться до врага раньше всех. Земля содрогнулась под поступью тысяч ног, когда воины, окрыленные успехом и сжигаемые жаждой возмездия, побежали вперед так быстро, как только могли.

Ни о каком командовании не могло быть и речи — даже горнам не под силу перекричать такой хор — да оно уже было и ни к чему. Сражение закончилось с гибелью драконов, началось преследование ненавистного врага, который, конечно же, даже не подумал оказать сопротивление. И хотя войско, бросив щиты, стало уязвимым к стрельбе аркебуз — никто уже не стрелял, серые твари и их безмозглые слуги спасали свои шкуры в паническом, безоглядном бегстве.

Кэлхар на скаку проткнул пикой орка-людоеда, не смог вовремя выдернуть оружие и схватился за меч. Наклонившись, рубанул первого гоблина, примерился рубануть второго — но его прямо из-под рыцарского носа вздернул на пикку товарищ. Кавалерия неслась вперед, сквозь толпу убегающих врагов, и прореживала ее с рьяным усердием. Кэлхар рубил так отчаянно, что рука, привычная к мечу, быстро устала. За старого короля! За Арлансию! За сожженные деревни, за убитых, за зарезанных, словно скот, на мясо женщин и детей!! Умрите, сволочи, умрите!

Рука онемела, потому он вскоре перестал вкладывать в удары свою силу, предпочтя использовать скорость коня. Ткнуть в спину, полоснуть по шее, по руке, да куда придется! И ладно, что рана не смертельная, ослабевшего врага добьет наступающая следом пехота. Убить как можно больше сейчас — меньше труда останется на потом!

Лагерь взяли с наскоку — его никто не оборонял. Здесь граф Вольсунг все же сумел взять инициативу в свои руки, приказав кавалерии продолжать преследование, оркам — крушить телеги-водовозы, а пехоте — собирать трофеи и готовиться увезти все из вражеских припасов, что можно, а остальное предать огню.

Кэлхар ринулся выполнять приказ вместе с товарищами, и на самой окраине лагеря они обнаружили загон с молодыми девушками и подростками — их тут явно держали на мясо. Их радостные крики и надежда, загоревшаяся в уже потухших глазах, подстегнули рыцарей

сильнее, чем любое боевое пойло. Здесь граф Марней оставил заботиться о пленных горстку самых уставших или легко раненных воинов, а сам вместе с остальной кавалерией ринулся в погоню.

Кэлхар пришпорил коня и мысленно попросил у четвероногого боевого товарища прощения: он будет гнать его до тех пор, пока не загонит насмерть или пока убегающих ублюдков не перебьют всех до последнего.

* * *

За два дня Данила изрядно намаялся. С производством мушкетов возникли некоторые незначительные трудности, а вот с линией сборки творился тихий ужас, который, если похорошему, надо было бы предвидеть. Сам Разумовский, планируя производство предельно простого оружия, совершенно упустил из виду, что изготовить нужную деталь — одно дело, тут не надо ничего понимать. Сказали — рабочий делает. Зачем и почему так, а не иначе — ему знать не надо. Но вот собирать кучу деталей в готовое оружие должен тот, кто хорошо понимает, как работает огнестрел вообще и как будет работать именно этот мушкет.

Из-за этого просчета первая партия — пять экземпляров — оказалась совершенно негодной. Рабочие не видели ничего плохого в том, что ударно-спусковой механизм установлен немного наперекос, из-за чего либо клинил спуск, либо курок не попадал по брандтрубке. Два мушкета — с проблемами запирающего замка, у одного ствол к ложу прикреплен недостаточно туго.

И дело было вовсе не в халатности сборщиков — все-таки на это дело Данила подрядил весьма умелых мастеров, кузнецов и часовщиков — просто из-за непонимания принципов работы оружия сборщик оказался не в состоянии определить качество своей работы. Можно ли винить рабочего, допустившего прокол в сборке запирающего замка, если он вообще не знает, что оружию и положено открываться и закрываться?

Даниле пришлось убить полдня лишь на то, чтобы до мельчайших подробностей расписать специфику эксплуатации оружия и вместе с мастерами качественно собрать один мушкет. Само собой, что всю партию придется проверять поштучно, и это станет большой проблемой при производстве большого количества мушкетов, так как сам Данила пока что единственный человек, способный это сделать.

Параллельно с курированием производства оружия, инженер начал организовывать предприятие по производству патронов. Ручное изготовление бумажного мешочка строго по заданным размерам, пропитывание его составом, который алхимики обещали закончить «вот-вот, буквально завтра», сушка, отмеривание пороха, затем пыж, затем пуля, затем аккуратно заклеить книжным клеем, который тоже пришлось производить в большом количестве — все это подразумевало, что обеспечить боеприпасами всего роту стрелков может только большая и грамотная артель. А если огнестрела станет много — тут уже артелью не обойдешься.

Выход он нашел. Вначале обучил четверых рабочих — двое делают мешочки, один — пыжи, последний отмеряет порох и собирает патрон. Затем они, в совершенстве освоив патронное дело, обучат своих учеников и сами станут главными мастерами артелей, комплектовать которые Данила предложил женщинами: рукоделье, как-никак, не придется отрывать рабочих с других работ.

В общем, это были трудные два дня, точнее — особо трудные. Наутро третьего Разумовский, толком не выспавшись, продолжил свои труды, навестил сборочный цех, проинспектировал процесс подготовки химических компонентов к производству гремучей ртути, вернулся во дворец и как раз обрелся пообедать, когда начался форменный бедлам: город снова стал на уши, вопя хвалу небесам, богам, королю и армии. Кажется, атака на перевалочный пункт завершилась успешно.

Данила оставил суп и салаты на столе — авось, никто не украдет — и в сопровождении охранника двинулся в королевский зал совещаний, по пути повстречав Роктис. Вскоре появились еще несколько высокопоставленных офицеров, а затем пришли и гонцы, уставшие, едва держащиеся на ногах, покрытые пылью дорог.

Первый, вроде бы младший офицер вроде десятника, парень типично крестьянской внешности, поклонился вначале королю, а затем неожиданно адресовал персональный поклон Даниле.

— Мы победили, — устало выдохнул он.

— Как?! — нетерпеливо воскликнул Валлендел, — детали? Рассказывай же!

— Мы победили, вот и все. Разгромили, разбили наголову, вырезали почти все вражеское войско, всех, и гоблинов, и их слуг. Вначале, как и предсказал министр-оружейник, они хотели просто поубивать нас на расстоянии, не подходя ближе, но мы онаграми стали бросать волшебные ядра, убили многих, а они своим колдовским оружием с такого расстояния ничего не смогли. Тогда вперед пошли орки-людоеды, мы их встретили онаграми, стрелами, огненными бутылками и проредили толпу. А потом с теми, кто добежал, сошлись в рукопашном бою, но к тому моменту уже тысячи их были убиты, и мы остальных обратили в бегство. А потом они сами убежали к лагерю, а на нас натравили драконов, их было уже два. Онагры оказались бессильны, и тогда наши орки принялись метать волшебные булавы.

— И?!!

— И убили их, ясное дело. Магия его светлости, — тут снова последовал почтительный поклон в сторону Данилы, — просто на куски их разрывала. Одному голову оторвало, второго вообще наизнанку вывернуло, да так, что все его проклятое дыхание наружу вышло. И тогда все враги побежали. Мы гнались за ними, сколько могли, убили сколько догнали. Всего, наверное, положили тысяч семь, не меньше, а то и больше восьми.

— А потом?

— Потом его светлость граф Вольсунг приказал громить их лагерь, забрать все, что можно вывезти, а что нельзя — сломать, сжечь. А еще мы там освободили сотен шесть наших людей, все девушки да малышня, которых гады съест собирались... Теперь войско на пути назад, битва вчера была, еще денька два им понадобится, чтобы вернуться с добычей.

— Наши потери? Много полегло?

— Меньше ста солдат, ваше величество.

По залу прокатился изумленный вздох.

— Да я ушам своим не верю, — пробормотал барон Рэнфорт.

В следующий момент присутствующие разразились радостными восклицаниями и поздравлениями в адрес короля, Данилы и друг друга так, словно только что была одержана окончательная победа в этой войне.

— Да ты просто чудотворец, душенька, — проворковала за спиной Разумовского Роктис.

Инженер тяжело вздохнул.

— Минутку тишины, будьте любезны! — громко отчеканил он.

Восторг и ликование пошли на убыль, не столько оттого, что Данила так сказал, скорее присутствующие наконец-то обратили внимание, что виновник торжества — единственный, не проявляющий признаков бурной радости.

— Гонцы могут быть свободны и идти отдыхать, — распорядился Разумовский, дождался, пока те, поклонившись, удалились, и обвел собравшихся мрачным взглядом: — рано радуетесь, господа.

— Ты так считаешь? — насторожился король. — Ведь мы не только разгромили их войско, превосходящее числом, но и драконов убили. Я ручаюсь, что в считанные дни вся небольшая орда Лагатца, что сейчас на границе, соберется под наши знамена. Я знаю орков — возможность поубивать всех оставшихся драконов врага для них дороже жизни, так что готовь побольше драконобойных молотов, мастер...

— В том и дело, что больше драконобойные молоты нам не помогут. В моем мире любой, даже самый завалыщий командир знает, что оставить танки — ну, то бишь драконов — без поддержки пехоты нельзя. Дракон без помощи солдат — легкая добыча вражеских пехотинцев, вооруженных драконобойным оружием, и вчера гоблины получили это знание ценой серьезных потерь и утрат. Второй раз они наших орков к своим драконам на расстояние броска не подпустят, увы, они стреляют намного дальше, чем орки метают противотанковые гранаты.

Король и остальные офицеры переглянулись.

— И что делать дальше?

— Придерживаться намеченного курса. Мы достигли поставленных задач, сорвали наступление противника, выиграли время, как я и рассчитывал. Больше номер с орками-гранадерами против танков не прокатит, надо будет придумать что-то еще. А гоблины обезопасят драконов уже к следующему бою, будьте уверены. Простейший способ — посадить на спину дракона стрелков и установить щиты.

Данила отошел к окну, устало уселся на стул и забросил ногу на ногу. Король и вельможи следили за каждым движением, безмолвно ожидая, когда он продолжит говорить.

— Я вот чего опасаюсь... Гоблины хитрые, но мы уже дважды их переиграли. Теперь враг точно знает, что ему противостоит хорошо организованная объединенная армия и что эту армию снабжают все новым и новым оружием. Вначале гранаты и бутылки с горючей смесью, теперь онагры-гранатометы и орки-драконобойцы. Все, господа, разминка закончилась, дальше игра пойдет с полной самоотдачей, потому что гоблины уже поняли: с нами шутки плохи, мы им равный противник. Я не знаю, какие у них есть козыри про запас, но готов побиться об заклад, что очень скоро они обрушат на нас все, что смогут. Сражения многочисленными войсками мы больше вести не можем...

— Почему? — спросил граф Гаунт.

— Потому что против нас применяют онагры с гранатами, а то и чего похуже... Я опасаюсь появления пушек — это то же самое, что аркебуза, но во много раз больше, возится на телеге, стреляет ядрами с кулак, а то и с голову, и одним выстрелом пробьет любой щит, пролетит сквозь строй солдат, убивая всех на пути. Так что пока — продолжаем производство, больше никаких сражений. А вот разведку надо усилить до предела, насколько это возможно.

— У тебя есть план, мастер-оружейник?

— У меня есть план развития, который ты, король, и так знаешь, мы его каждый день обсуждаем. Дальнейшие боевые планы будем строить, когда узнаем реакцию врага на этот разгром. А мой личный план на сегодняшний день — наконец-то как следует отдохнуть.

Несмотря на шум и гам происходящей на улицах вакханалии, Данила уснул легко и быстро, как это обычно бывает с уставшими от тяжелых праведных трудов людьми. Однако в объятиях Морфея пребывал не так долго, как собирался.

После полуночи Разумовский проснулся от скрипа со стороны окна. Разлепив глаза, он увидел, как окно отворяется, на фоне звездного неба — почти полностью сливающаяся с цветом ночи фигура.

Кто-то уже почти влез в комнату, и Данила, которого сразу же прошиб холодный пот, моментально рассудил, что наилучшим решением будет позвать охранника.

— Охрана!! Тут чужак!!

— Тише, душенька, не ори, — сказал «чужак» голосом Роктис, — все равно я наложила на комнату заклятие круга тишины, ты хоть охрипни — охранник ничего не услышит.

Она негромко свистнула, пробуждая светящийся кристалл у потолка, и сняла с головы капюшон. Данила подозрительно окинул ее взглядом, отметив, что Роктис облачилась в темный шпионский костюм, неуловимо смахивающий на облачение ниндзя как по цвету, так и по назначению.

— Ради всего святого, на кой ляд ты влезла ко мне в окно посреди ночи? Через дверь зайти нельзя было, раз уж невтерпеж?

— Конечно же, нельзя! — радостно ответила та и обнажила в искренней белоснежной улыбке все свои тридцать два зуба без клыков: — видишь ли, душенька, я собираюсь тебя похитить!

— Зачем?! — искренне удивился Данила.

Роктис уселась на подоконнике и задумчиво подперла голову кулаком.

— Ну как тебе сказать, душенька... Не ценят нас тут. Ни меня, ни тебя. Я двенадцать лет верой и правдой служила королю Арлансии — где благодарность?! Ты тут совсем недолго — но уже успел чуть ли не горы своротить, губишь себя, трудишься, из кожи вон лезешь — где благодарность? Ты живешь в двух комнатах, тут у некоторых слуг комнаты получше твоих будут. Во что ты одет? В золоте и в шелках? Нет. Да и то, твоим гардеробом озаботилась я, когда поняла, что остальным на тебя наплевать.

— Честно говоря, меня все устраивает. Надо дать отпор серой чуме — а остальное неважно.

— Можешь ведь и не успеть.

— О чем это ты?!

Роктис с плохо скрываемым осуждением покачала головой:

— Душенька, ты в зеркало когда последний раз смотрелся?

— А зачем мне у зеркала вертеться? Времени нет, каждая минута на счету...

— А ты посмотри. Оно, кстати, у тебя за спиной, на стене.

Данила последовал совету и подошел к зеркалу. И ужаснулся.

Оттуда на него смотрело совершенно чужое лицо, исхудавшее, с впалыми щеками, заросшее бородой, с лихорадочно блестящими глазами. Разумовскому потребовалось несколько секунд, чтобы понять: это лицо изможденного, уставшего человека — его собственное. Он видел, как день за днем сдает король, вчерашний пацан, на которого свалилось бремя управления воюющей страной — но только сейчас понял, что и сам сдал не

меньше. Длительная работа на износ наложила свой отпечаток и на него.

— Да уж, — только и сказал он.

— Вот-вот, душенька, — вздохнула Роктис, — твои колоссальные усилия не ценят. Ты, фактически, единственный человек, который удерживает тонущий корабль «Арлансия» на плаву. Ты каждый день делаешь больше, чем некоторые дворяне и вельможи — за всю жизнь. Где твой замок? Где твои владения? Слуги? Изысканные блюда и дорогие вина? Сколько слуг с опахалами у твоей кровати? Ни одного? Ты все это заслужил — но живешь в двух комнатах и ешь, что подадут, вместо того, чтобы слуги готовили твои любимые блюда.

Разумовский сел за стол и налил себе воды из графина.

— Ты должен был дернуть за веревочку и вызвать слугу с прохладительными напитками, — жестко сказала Роктис, — ах да, я же забыла, что личных слуг тебе тоже никто не предоставил.

— Ну и при чем тут мое похищение? — устало спросил Данила.

— А при том. Арлансию все равно не спасти, но возможность продержаться подольше ты ей дал. Арлансия — не последняя страна на свете. После вчерашнего успеха каждый король желает иметь на своей стороне волшебного оружейника — и каждый готов предоставить тебе все мыслимые блага. Я уже договорилась. Доставлю тебя в соседнюю страну, где нас будут ценить намного больше. Титулы, владения, замки, золото, слуги... Ты пойми, душенька, ты можешь диктовать всем и вся свои условия. Вплоть до того, чтобы получить руку дочери того короля, которому я собираюсь тебя привезти, и после его смерти — кстати, он не обязательно должен умереть от старости — стать королем самому. А когда ты станешь королем — с твоим оружием ты завоюешь как минимум полмира.

Разумовский слушал это и охреневал все больше.

— Ты надумала предать своего короля?!

— Предать? — глаза Роктис внезапно стали злыми, а в голосе зазвенело бешенство. — Ты сказал — предать?! Душенька, я служила королю Арлансии верой и правдой двенадцать лет! Оберегала его интересы, как свои собственные, и не было такой дерьмовой работы, которую я отказалась бы делать во благо короля и страны!! Ты думаешь, мне нравится быть палачом и пыточных дел мастером?! Нет, будь оно все неладно — но все мои таланты все до последнего были в полном распоряжении старого короля, а потом и нового!! Душенька, ты даже не представляешь себе, как много я сделала — уж точно не меньше, чем самые приближенные придворные, и это я даже не говорю о том, что выгащала старого короля из могилы!! И что же?! Когда я намекнула Валленделу, что заслуживаю, наконец, дворянского титула, который, между прочим, и так полагается мне по праву происхождения — он сказал, что, видите ли, благородный титул даруется только тем, кто рожден для благих дел!! Видите ли, яды и пытки — неблагородное занятие, я за двух королей такое дерьмо разгребала — а он нос воротит?! И после этого ты говоришь о предательстве?! Нет!! Я просто меняю неблагодарного хозяина на другого, который будет меня ценить!!

Данила негромко хмыкнул.

— Ну да, короли они такие. И ты решила купить себе привилегии, похитив меня для другого короля...

— Именно. Я уже обо всем договорилась. Мы с тобой получим графские титулы сразу же — а дальше все в твоих руках, душенька, и поверь, что с такой помощницей на твоей стороне, как я, ты легко добьешься всего, чего пожелаешь! Включая корону, и может быть, не одну!

Разумовский лишь криво усмехнулся.

— Да уж, ловкачка ты. И как ты собралась меня похитить? Уронить меня мордой в пол ты, конечно, мастачка, но я слабо представляю себе, как ты будешь тащить меня на закорках через окно. Видишь ли, я не собираюсь никуда сбегать. Титулы, короны — они мне не нужны.

Глаза Роктис хищно блеснули:

— А придется. Тебе напомнить, что каждые три дня надо пить противоядие? Куда я, душенька, туда и ты, такие вот дела.

Данила зевнул и забросил ногу на ногу.

— У меня встречное предложение. Ты свалишь отсюда тем же путем, каким пришла, а я забуду о твоих намерениях предать Валлендела, который, видит бог, и так слишком многое тебе позволяет и прощает. Видишь ли, без меня тебе все равно бессмысленно сбегать, потому что королю, с послем которого ты уже договорилась, нужен я, а ты нахрен не сдалась. А я никуда с тобой не пойду, потому что у меня сделка с Валленделом, которая меня вполне устраивает. Мне не нужны замки и титулы здесь, потому что я хочу домой. В мой мир. И золото, сколько я вешу, для меня вполне нормальная награда.

Роктис изменилась в лице, но вместо ожидаемой вспышки гнева Данила заметил то ли грусть, то ли что-то подобное.

— Знаешь, душенька, — вздохнула Роктис, — мне, хочешь — верь, хочешь — нет, неприятно тебе это говорить, но... Ты никогда не вернешься домой. Обратного пути нет.

Данила к такому повороту был, в общем-то, готов, и козырь в рукаве имел. Капсюли, а точнее — формула гремучей ртути. Без них огромная партия оружия будет бесполезной, да, можно переделать аркебузы в фитильные, однако капсюльное оружие по своим возможностям намного лучше. Потому первую партию гремучей ртути инженер собирался изготовить самостоятельно, а секрет отдать человеку короля, только уже находясь на Земле.

Потому слова Роктис он воспринял спокойно.

— Ты намекаешь, что король не сдержит слова?

Темноухая презрительно и едко рассмеялась:

— Конечно же, сдержит, ха-ха! Валленделы за много веков ни разу не нарушали слова!

— Тогда в чем проблема?

Роктис склонила голову набок.

— Душенька, а ты помнишь, что именно обещал тебе король?

— Дать золота, сколько я вешу, и отправить домой.

— Не-а. Ты память свою напруги и вспомни, что он обещал, дословно.

Данила припомнил тот разговор в ритуальной комнате, но ничего подозрительного вспомнить не смог.

— Хм... Да нет же, он именно это и обещал... Хотя тот старик-мудрец как-то очень странно отреагировал на его слова...

Роктис кивнула:

— Знаешь, почему? Потому что тот мудрец попался на ту же удочку вместе с тобой. Он тоже воспринял слова короля как обещание отправить домой — и ужаснулся, потому что знал, что это невозможно! Душенька, я цитирую тебе обещание короля, слово в слово: «выиграем — я дам тебе золота, сколько ты весишь, и, когда действие яда закончится, прикажу отправить обратно в твой мир». Вспомнил?

Инженер почесал затылок.

— Боюсь, что не понимаю. Он именно это мне и обещал. Не вижу проблемы.

— Душенька, он обещал, что прикажет отправить, а не отправит. Это совсем не одно и то же.

— Как так? — подозрительно приподнял бровь Данила.

Роктис вздохнула.

— Что ж, рассказываю все по порядку. Изначально идея поискать оружие в другом мире принадлежала магам-людям. Однако прорваться сквозь грани планов бытия — сложнейшая задача. Ритуал требует не просто много магической силы — а бездну ее. Только сильнейшие маги, только сообща и только с невероятным риском могут сделать это. Среди людей в Арлансии нашлось всего четверо чародеев, достаточно искусных и готовых отдать свою жизнь ради всеобщего блага, пятый прибыл из другой страны, остальные одиннадцать были светлейшими — сильнейшими магами эльфов. Было решено послать по разведчику в четыре ближайших мира, причем изначально все знали, что вернуть обратно с трофеем можно будет только одного...

— А остальные трое?!!

— Они принесли наивысшую из возможных жертв, навсегда оставшись в других мирах. Отдали не только свои жизни, но и души, потому что в чужом мире можно умереть, не успев найти себе покровителя из местных божеств. Разведчики шли на это, наперед зная, что жертвуют и жизнью, и посмертием. Вот такие они, эльфы. Никогда их не понимала. Так вот. К тому времени, когда портал открыли, из пяти магов-людей четверо уже умерли, и двое эльфов. Когда провели сквозь грани разведчиков — последний маг из людей сошел с ума и позднее тоже умер, а из эльфов в живых осталось восемь. Поддерживая портал, умерли еще двое. И когда один из разведчиков подал сигнал, что нашел искомое, то есть тебя, и когда его протащили в наш мир — еще двое умерли, из оставшихся четырех один свихнулся и еще один умер позднее. Именно потому вас занесло йоклол знает куда, а не прямо в портал, что магов было уже слишком мало. И вот сейчас из всех шестнадцати магов, которые создали портал, один лишился рассудка, двое растратили все силы, что могли, они уже никогда не вернут себе былую силу, да и вряд ли вообще долго проживут. Остальные тринадцать погибли, они наперед знали, что идут на смертельное дело.

Роктис наклонилась вперед и посмотрела Даниле в глаза.

— Именно потому, душенька, все всячески избегали разговоров о том, как ты сюда попал. И когда иерарх эльфов обронил, что ты дорого обошелся им — король быстренько его прервал. Чтобы ты не понял, что отправлять обратно тебя некому. Да, Валлендел сдержит слово, которое дал тебе. Он прикажет отправить тебя обратно. А что приказ выполнять физически некому — это уже твои проблемы, в Арлансии не осталось ни одного мага нужной силы, а маги-эльфы Валленделу вообще не подчиняются, да и не найдется среди них достаточного числа таких же сильных, как погибшие. А даже если бы и подчинялись — как думаешь, согласится ли полтора десятка великих магов пойти на смерть только ради доставки тебя, уже не нужного человечки, обратно в твой мир? Для тебя нет никакого способа вернуться. Король умышленно высказал свое обещание так, чтобы формально сдержат слово, но по сути... В общем, ты понял. А, и кстати. Если он, перед тем как отвесить золота, отрежет тебе руки, ноги и уши — то экономит немало денег, и при этом не нарушит своего слова. Он обещал дать, сколько ты вешишь — но не обещал, что будет взвешивать тебя целого!

Данила молчал минуту или около того: услышанное оказалось слишком чудовищно.

Никогда больше не вернуться домой... Застрять тут навсегда... Планы на будущее, мечты, устремления — все к черту, если только длинноухая бестия не соврала. Малый шанс, что она все это выдумала, чтобы озлобить Данилу и уговорить на смену места работы — но интуиция подсказала: все это правда. Обещание вернуть обратно с полуцентнером золота изначально было слишком уж заманчивым.

Разумовский рывком встал и принялся натягивать штаны. Роктис молча болтала ногой, сидя на подоконнике, понимание, что ее план где-то дал сбой, пришло к ней только когда Данила надел камзол, не застегивая, и направился к выходу.

— Э, душенька, куда это ты намылился?!

— Сама-то как думаешь? К королю. Вопросец к нему появился.

— Нет-нет, душенька, не получится. Как только ты спросишь короля, верно ли, что он не сможет отправить тебя домой, он сразу все поймет, и тогда ты сбежать уже точно не сможешь...

— А я и не собираюсь никуда сбежать, ведьма!

Тут Роктис уже перекосило всерьез.

— Давай я объясню тебе одну вещь, которую ты, глупец, не догоняешь! Если ты рыпнешься к королю — мне придется сбежать без тебя, смекаешь? Я сбегу, а ты останешься тут, и жить тебе без противоядия останется меньше недели. Так что выход у тебя, увы, только один — уйти со мной.

Данила заиграл желваками. Серьезно, а есть ли у него выбор? Если вернуться домой действительно нельзя — стоит ли трепыхаться? Убежать с ведьмой — а есть ли смысл? Стать ее цепным песиком, за которого ей дадут титул и замок? Не стоит овчинка выделки. «Но разве ж это жизнь, когда в цепях? Ну разве ж это выбор, если скован?» Да, Володя Высоцкий метко это подметил. Стоит ли цепляться за жизнь, если она намечается столь жалкой и дерьмовой?

Он посмотрел Роктис в глаза и отчеканил:

— Иди к черту, ведьма.

— Куда?! — не поняла посыл с употреблением неизвестного слова темноухая.

— Не «куда», а «к кому». К черту.

Разумовский резко крутанулся на пятках и вышел в предбанник, поймал удивленный взгляд охранника, но проигнорировал его. Выйдя в коридор, прошел до двери на лестничный колодец и встретился со вторым гвардейцем. Первый, идя следом, остановился позади.

— Дай пройти, — безапелляционно потребовал Данила.

— Не велено, без приказа...

— Плевал я и на твой приказ, и на того, кто тебе его дал. Уйди с дороги нахрен.

У гвардейца от удивления и возмущения вытянулось лицо. Ах ну да, ведь приказ же король отдавал вроде бы... ну и пофигу. Данила впился в глаза охранника взглядом в упор, выиграть поединок в гляделки не вышло, однако гвардеец несколько секунд спустя сделал шаг в сторону от двери, а затем увязался за инженером следом.

Несмотря на сумрак, разгоняемый только свечами — кристаллы, видимо, слишком дороги для дежурного света в пустынных коридорах — Разумовский легко отыскал путь к покоям короля, миновав пару постов.

Широкие двойные двери, ведущие в монаршие покои — единственные, охраняемые сразу двумя гвардейцами. Оба амбала стоят, скрестив руки на груди, прямо перед створками, словно говоря всем своим обликом: никто не войдет.

Данила вместе с двумя своими провожатыми подошел напрямик к ним.

— Мне нужно к королю.

— Входа нет.

— А надо чтоб был.

Один из них с высоты своего роста взглянул на Данилу, как на идиота:

— Король спит!

— А мне плевать. Пусть проснется.

— Исключено.

Ну ладно же. Разумовский повернулся, его взгляд упал на красивое витражное окно. Если подумать, то окна короля должны быть соседние, или через одно-два. Он шагнул к стене, снял с нее канделябр с тускло мерцающим кристаллом — и еще до того, как охранники успели ему помешать, запустил им в окно.

Осколки стекла со звоном посыпались на мраморный пол. Данилу немедленно схватили под руки и буквально оторвали от пола — но было уже поздно.

— Просыпайся, король! — завопил инженер так, что слышал, наверное, весь дворец. — Просыпайся, я сказал!!

Его поволокли, а точнее понесли прочь, то ли в темницу, то ли сразу на плаху — Данилу это уже мало волновало. Правда, донести успели только до лестницы, когда раздался окрик Валлендела.

— Обратно сюда его тащите, йоклол подери!

И Данилу понесли обратно. У открытой двери в окружении четырех охранников стоял, протирая глаза, король, затем из бокового коридора появились еще семь или восемь гвардейцев, начали выглядывать слуги.

— Что стряслось? — спросил Валлендел, но по его глазам Данила понял: он уже понимает, что.

— Из шестнадцати магов, которые доставили меня сюда, тринадцать умерли, — Разумовский буквально выплюнул эти слова, — не правда ли?

Валлендел юлить не стал.

— Да, правда, — со вздохом ответил он и сделал знак охранникам: — да отпустите вы его наконец...

— И ты пообещал мне приказать доставить меня в мой мир, отлично зная, что приказ все равно невыполним!

Король кивнул:

— Так и есть, его исполнять-то некому.

— Кусок ты лживого дерьма!

Валлендел отреагировал совершенно спокойно, то ли превосходный самоконтроль, то ли просто нехватка душевных сил на бурные эмоции.

— Какой смысл упрекать того, у кого не было выбора? Поставь себя на мое место: твоя страна в огне, твой народ забивают на мясо. На какую жертву ты пошел бы ради шанса все изменить? Впрочем, если быть точным, выбор у меня имелся: заставить тебя сотрудничать пытками или хитростью. Из двух зол я выбрал меньшее. Думаю, второй вариант был бы хуже и для дела, и для тебя лично. Что ж... Полагаю, пункт второй нашего соглашения утратил свой смысл, не в моей власти вернуть тебя домой. Первый остается в силе. Мне по-прежнему нужен колдун-оружейник, а тебе, как ты уже понял, все равно надо жить как-то дальше. Все очевидно, не так ли?

— Не так очевидно, как тебе кажется, король.

Данила повернулся и пошел прочь. Собственно, теперь уже ситуация безвыходная: Роктис свалила, а ему осталось жить меньше недели. Ну и к черту.

Тут он вспомнил про усача, с которым бежал из концлагеря, министра-кузнеца, алхимиков, хромого рыцаря... Некрасивую изможденную девушку в концлагере, которая раздавала еду, обездоленных людей, усыпанные трупами сожженные деревни... Для него, Данилы, скоро все закончится. Но перед тем как уйти в обитель скорби, мрака и печали, он завершит начатое. Оружейное дело уже почти поставлено на поток, осталось научить алхимиков готовить гремучую ртуть, а генералов — воевать с применением огнестрела и артиллерии. Гоблины не смогут защитить свои танки пехотой, если у людей тоже будут дальнобойные ружья. И если серой чумы относительно мало, а арлансийцев вместе с тучами беженцев — много... Крови прольется еще немерено, но перевес в числе, качестве оружия и возможности вести бой под дождем маленько посильнее тактической изворотливости гоблинов. А когда другие страны, увидев, что врага вполне можно победить, выступят сообща — песенка серой чумы будет спета, а точнее — и вовсе на полуслове прервется...

Внезапно мимо Данилы по коридору прожогом пронесся слуга, со всех ног бегущий к королю.

— Ваше величество, ваше величество! — услышал Разумовский его панический лепет. — С госпожой Роктис беда приключилась!

Он остановился, как вкопанный, так что сопровождающие гвардейцы едва не налетели на него. Беда? С Роктис? Она же свалила, разве нет? Данила повернулся и двинулся туда, куда поспешно направился король со своими телохранителями. Его собственные охранники потопали за ним.

На первом этаже уже столпилась небольшая кучка слуг. Разумовский еще с противоположного конца коридора увидел, как дверь отворяется, оттуда выходит целительница — тоже из эльфов.

— ... Не в моих силах сделать что-либо. Она уже умерла, — расслышал Данила.

Он заглянул внутрь, прошел пару комнат. Приоткрытая дверь, у нее стоят все те же стражники. На Разумовского они покосились предельно недружелюбно, но пройти не помешали.

Комната оказалась спальней. Ее хозяйка, облаченная в ночную рубашку и укрытая одеялом, лежала под балдахин. У ночного столика на полу — разбитый графин и лужа вина, рядом валяется круглый пузырек, точно такой же, в каких Роктис приносила Даниле противоядие и яд. Видимо, она еще попыталась поставить пустую склянку на столик, но вместо этого немеющая рука сбросила графин.

Король, сгорбившийся и словно постаревший, молча стоял посреди комнаты. Заслышав позади шаги, он обернулся.

— Это ведь она проболталась о деталях твоего похищения? — тусклым голосом спросил Валлендел.

Данила молча кивнул.

— Как... как глупо... — сдавленно прошептал король, — столько лет среди нас провести и так и не понять, что люди имеют обыкновение прощать ошибки... Она так и не смогла научиться жить не по правилам своего Подземья... Как глупо...

Разумовский промолчал. Стоит ли рассказать королю, что Роктис вовсе не случайно «проболталась», а вполне умышленно? Уменьшит ли его скорбь известие о том, что его

якобы верная приспешница предала своего сюзерена с потрохами? Вряд ли. Замена одной причины скорби на другую бессмысленна, а о мертвых — хорошо или ничего. Хорошего сказать нечего — потому Данила просто молчал.

Странная штука психика. Коварная паскуда, осознав свое поражение по всем статьям, альтернативе снова стать бродягой, которую нигде не ждут и нигде не примут, предпочла смерть. Из своей собственной руки приняла такую же смерть, какую уготовала Даниле, по сути, тем самым и ему приговор подписав. И вроде бы надо радоваться, что такая дрянь землю больше не топчет... А только на душе не радостно. Тут если кого и жалеть надо, так вроде бы себя, потому как срок и у Данилы истекает — но ему почему-то жаль Роктис. Могла бы себе спокойно жить, припеваючи, под покровительством Валлендела, да только натура толкнула на скользкую дорожку, и когда ведьма оступилась — предпочла, не дожидаясь расправы за предательство, сбежать туда, где палач уже не достанет. И прав король — как глупо.

И как странно. Данила поймал себя на мысли, что внутреннее напряжение отпускает его, оставляя только тупую боль в душе. В какой-то мере даже почувствовал облегчение: все, вот теперь уже все. Не надо ни о чем беспокоиться, потому что участь его наконец-то определена. У летчиков это называется точкой невозвращения, миновал ее — обратно уже пути нет. Еще четверть часа назад Данила мог бы что-то как-то изменить, если б знал наперед, но увы. Дара предвидеть будущее у него нет, равно как и способности отматывать время вспять.

Впрочем, если разобраться, точка невозврата, причем в буквальном смысле термина «невозврат», была пройдена в тот момент, когда эльф-диверсант заехал Даниле в челюсть. С того момента инженер уже ни на что не влиял и ничего не контролировал. Словно пилот, попавший в пекло циклона, он лишь пытался удержаться в воздухе и не разбиться, не более того. И вот теперь все, что ему остается — это продолжать свой полет по намеченному курсу до тех пор, пока топливо не кончится.

Роктис неподвижно лежит с закрытыми глазами, неподвижная и какая-то умиротворенная. Ее смертный путь, полный хитрости, коварства, вероломства и предательства, закончился.

Данила подошел к кровати, взял свисающую руку Роктис и положил вдоль тела. Еще теплая, но уже начинает остывать.

Позади заскрипело кресло: это Валлендел сел, уперев локти в колени и спрятав лицо в ладонях.

— А я думал, ты ее терпеть не можешь, — сказал Данила просто для того, чтобы что-то сказать.

— Ну и что? — горько хмыкнул король, — что с того, что не мог?

— Не понимаю я тебя...

— Если у тебя есть, скажем, брат... Ты можешь с ним не ладить, но это не меняет того факта, что он твой брат. Я много кого терпеть не мог, и что? Герцог Ландэгра, к примеру, был рябой, неряшливый, с дурным запахом изо рта, ел руками и вытирал их в свою бороду... Да я сызмальства терпеть его не мог. Но я никогда не переживал за отца, зная, что с рядом ним такой преданный и верный человек. Ландэгра всю свою жизнь провел подле отца — и вместе с ним же и погиб. Или барон Виндэлл... Скряга, склочный, мелочный сквернослов и зануда. Его не то что я — никто терпеть не мог. Потому отец еще давно сослал его на восточную границу. Но он был верен и честен, когда пришла серая чума, Виндэлл оказался в

первых рядах тех, кто преградил ей путь — и в числе первых погибших.

Понимаешь, мастер из другого мира... У королей нет права делить своих подданных на тех, которые нравятся, и тех, кто неприятен, мы вынуждены мерять людей по их чести и верности. Плевать, что я не переносил ни Ландэгру, ни Виндэлла, а с ними еще кучу других — но я на них всегда мог рассчитывать... А теперь многих уже просто нет. О, темное, проклятое время... Те, которые меня окружали, те, на кого я мог положиться, уходят один за другим, война забирает самых лучших, и скоро я совсем один останусь... если сам не лягу в могилу к тому времени... А теперь еще и Роктис, и даже не от рук гоблинов, а просто по своей глупости. Мысль о том, что я простил бы ей и гораздо большие промашки, в ее голову не уместилась, как это похоже на дреу... Вот йоклол бы взяла! А ведь кто тебе противоядие готовить будет?! Проклятье! Так, Врэй! Бегом сюда алхимиков звать!! Пусть разберут ее записи и склад снадобий, у нее должны же быть где-то рецепты записаны!

Охранник затопал сапогами, отправившись бегом выполнять приказ. Данила только покачал головой:

— При ее параноидальности и коварстве, я подозреваю, что она самые важные рецепты хранила в голове.

— А ты слишком уж спокоен для отравленного, которому жить осталось считанные дни, — заметил король.

— Я ведь говорил, что далеко не все так очевидно, как тебе кажется, — философски пожал плечами Данила. — Ну да это неважно. Самое главное сделано, осталось лишь кое-что закончить, а затем пожелать тебе и твоему народу успеха в этой войне...

Он бросил прощальный взгляд на Роктис, повернулся и побрел в свою комнату. На душе — только тупая боль и пустота. Чтобы страдать, тоже нужны силы, у него они уже закончились. Данила слишком многое пережил с момента похищения. Больше, чем мог бы себе представить. Больше, чем мог бы вынести. Спору нет, конструкторам в годы войны с нацистской Германией приходилось не легче. Или хотя бы Кошкин, который, уже будучи тяжело больным, продолжал руководить разработкой «тридцатьчетверки». Но одно дело — великие люди, и совсем другое — Данила, обычный конструктор вентиляторов. Правду говорят — желай осторожно, желания имеют отвратительную способность иногда исполняться. Хотел конструировать оружие? Получи и распишись. А что к этому прилагается непосильная ноша практически единоличной ответственности за судьбу целого народа — уже твои проблемы.

Опять же, как бы физически туго ни приходилось тяжело больному Кошкину или, например, Дегтяреву, положившему здоровье на алтарь обороны своей родины и умершему вскоре после войны, им не выпало нести такое психологическое бремя, ведь они были не одни в строю других таких же оружейников. Если бы Дегтярев не сделал свою противотанковую винтовку — ничего страшного, потому что его коллега Симонов сделал свою, ничуть не уступающую. Оружейников того страшного времени войны против коричневой чумы было кем заменить, их дело было кому продолжить. А Данила Разумовский оказался в положении «один за всех».

Радует одно: нести этот груз осталось уже недолго. Данила сделал, что мог, даже больше, чем мог, прыгнул выше головы. Дальше Арлансии и здешним людям придется как-то справляться без него, и Разумовскому очень хотелось надеяться, что они справятся.

Он вернулся в свою комнату, сел на постель и принялся раздеваться. Надо бы позвать слугу, чтобы погасил кристалл: инженер так и не научился зажигать и гасить их легким

свистом. Взгляд упал на стол с чертежными принадлежностями. Один лист, лежащий отдельно, привлек внимание.

На нем витиеватая надпись, почерка Роктис Данила раньше не видел, но по содержанию догадался, что это ее прощальная записка.

«Яда в вине не было. Живи себе дальше спокойно, душенька».

Он перечитал трижды, прежде чем до него дошел смысл. Роктис и не думала его травить, просто блефовала. И теперь, прежде чем уйти и принять яд, избавила своего «подопечного» от нескольких крайне неприятных дней в ожидании скорой смерти.

Данила набросил на кристалл свой камзол и лег в постель, глядя в почти невидимый в темноте потолок. В голову лезут только два слова, несколько раз повторенные королем — как глупо... Как глупо и бредово все случилось. Как легко было все предотвратить, вот только кто ж знал... Эмоции — обида Роктис на короля, жажда власти и богатства, гнев и отчаяние Данилы — смешались в смертельный, взрывной состав, и вот Роктис уже нет. Вспомнились слова когда-то давно услышанной песни: «а счастье было так возможно-можно-можно»... Теперь-то уже все, не судьба. Роктис ушла на ту сторону, и не исключено, что и Данила вскоре последует за ней, ведь еще не факт, что яда действительно не было. Он читал, что один эсэсовский офицер в лагере смерти так развлекался. Из выстроенной колонны приговоренных вытаскивали какого-нибудь человека и объясняли ему, что все это ошибка, что он вообще не должен был быть в этом лагере и что его сейчас отпустят. Несчастливого водили по канцеляриям, сверяли документы, оформляли бумаги — а затем его, млеющего от счастья, внезапно приводили обратно в самый конец колонны. Не исключено, что и Роктис решила напоследок отомстить таким образом.

Данила вздохнул и закрыл глаза. Завтра надо будет урвать время и пойти на ее похороны. Если в итоге окажется, что он все-таки отравлен... Отравленный на похоронах своей отравительницы — тот еще курьез, уржаться можно.

Вот только Даниле почему-то хочется плакать, а не смеяться.

* * *

Т'Альдин напряженно вглядывался в темноту ночи, сидя на высоком дереве. Где-то рядом должно что-то быть или кто-то ехать, ну не погулять же вышел патрульный отряд на три десятка орочьих рыл и дюжину крысиных гоблинских морд!

Его отряд за пару месяцев от начала исхода успел основательно повеселиться. Беженцы, перебравшись дальше на запад и частично на север, рассеялись по лесам, усилив местные селения. Молодежь, в том числе и его Таруну, пристроили временно в нескольких удаленных лесах, воевать с незваными гостями остались лишь опытные, искусные воины. На границе между Тархалоном и Арлансией (до чего же ужасные названия у людских королевств, язык в узел заплетается) развернулась ожесточенная война, и даже Т'Альдин, выдавший немало жестокости у себя в Подземье, поражался, насколько жестокими и беспощадными могут быть лесные эльфы, по чужой вине лишившиеся своего тысячелетнего дома.

Сам он за пару месяцев сделал головокружительную карьеру от приемыша до неоспоримого лидера боевого отряда, в который вошли две сотни воинов и магов из нескольких кланов. Причем даже не за счет мастерства — ну какое там мастерство у того, кто едва полвека прожил — а благодаря специфическому способу мышления, который

гораздо лучше подходил к текущей войне.

Военная наука у лесных эльфов простая и эффективная: они ведут борьбу до тех пор, пока последний враг не умирает или не убегает прочь из леса. Если раньше им приходилось воевать с людьми — выходят из леса, нападают на первых встреченных людей или поселение и уходят обратно в лес. Хитрых стратегий у эльфов нет, они делают ставку на высочайшее личное мастерство и выдающиеся физические и магические способности, и против людей, медленных и неуклюжих, к тому же еще и слегка уступающих в силе, это работало отлично. Двигайся быстро, рази сильно.

Но против нового врага подобный способ действий оказался не так хорош. Колоссальной силе и свирепому натиску диких орков противостоять непросто, при поддержке стрелков, чьи тонкие трубчатые дубинки убивают на расстоянии, сравнимом с дальностью эльфийских луков, это и вовсе чревато тяжелейшими потерями. И вдобавок врагов еще и много.

Вот тут-то и настал час Т'Альдина. Он, как и все дреу, искренне недоумевал: зачем драться с противником, которого можно застать врасплох или зарезать из засады?! Ни один здравомыслящий эльф-подземник не вступит в открытый бой, не имея решающего превосходства, это во-первых. Во-вторых, нападать на каждый патруль — это чистейший идиотизм. Враг для того и посылает патрули, чтобы вести боевые действия малыми силами или охранять что-то важное. И нападать на патруль — зачастую значит действовать именно так, как это и нужно врагу. Действовать врагу назло, нарушая его планы и расчеты — чуть ли не первое правило войны. Людишки-идиоты напяливают на себя тяжелые доспехи, обмениваются множеством ударов, большинство из которых пропадает впустую, и называют подобные махачи войной. Хитрый и прагматичный дреу бьет кинжалом в спину и выходит победителем, затратив куда меньшие усилия.

Самым трудным оказалось отучить своих воинов бросаться на первого подвернувшегося врага, однако первые успехи Т'Альдина наглядно продемонстрировали, что маленький отряд способен причинить большие проблемы, если действовать чуточку тоньше. Прошмыгнуть под носом патрулей, проникнуть в глубину вражеских территорий, под покровом ночи, отравить колодцы на пути следования их войск, перебить фуражиров, угнать скот — это проще и эффективней, чем драться с патрулями и нести потери.

Однако настоящий авторитет он заслужил во время одной вылазки. Маленький отряд обнаружил крупный лагерь серых, но поначалу подобраться близко не смог из-за кабанов: гоблины разместили загоны для своих ездовых животных по периметру, полагаясь на их звериную чуткость. Поначалу собирались перебить часовых и устроить панику, но Т'Альдин убедил остальных ничего не предпринимать, а сам отправился на разведку. Кабанов он миновал легко и непринужденно под покровом «вуали тьмы». Даже учуяв запах чужого, животные его не увидели и не услышали, человек или гоблин запаниковал бы, обнаружив, что полностью ослеп и не видит ни костров, ни звезд, но кабаны не настолько умны и отличить тьму ночи от магической темноты не могут.

Вскоре Т'Альдин вернулся к своему отряду.

— Тысяч восемь, — сообщил он, — в основном орки. Можно уходить.

— Давайте хотя бы обстреляем палатки их командиров, — предложил кто-то, — хоть какой-то шанс убить парочку высокопоставленных офицеров.

— А зачем?! — искренне удивился Т'Альдин, — я уже и так их всех перерезал. Они так надеялись на свой периметр и охрану, что внутри я просто прогулялся по-тихому.

В дальнейшем «вуаль тьмы» стала одним из главных орудий диверсионного отряда. Заклинанию, предназначенному для ослепления всех, кто оказался под куполом волшебной тьмы, и укрытия творца оно, Т'Альдин нашел массу новых применений, в том числе умудрялся скрывать весь свой отряд, двигаясь к противнику первым в цепочке и наложив «вуаль» на себя самого. Передвижное укрытие из тьмы ночью не обнаружить, даже несмотря на то, что гоблины неплохо видят в темноте.

На объединенном совете, где участвовали военные иерархи многих деревень и кланов, Т'Альдин оказался в центре внимания, предложив совершенно иную стратегию борьбы.

— Вот смотрите! Люди сейчас отчаянно сопротивляются, несут потери и сами наносят потери врагу. Мы не можем позволить себе такие потери и не можем причинить гоблинам такой же урон, но способны облегчить войну людям. Гоблины — они воюют не так, как мы или люди. Я много успел разведать, много видел. Гоблины везут разную утварь, я понятия не имею, что это такое — но они хорошо охраняют свое добро. Они занимают опустошенные селения людей и везут туда стройматериалы. Зачем? Строят что-то свое, им нужно. Стоняют тех людей, кого не убивают, в рабские лагеря и заставляют работать. Зачем? Ответ простой, им нужно что-то, чего у людей нельзя захватить. Вы видели их драконов? Так вот, эти драконы ненастоящие. Я сам наблюдал, как у одного дракона колесо сняли, потом одели другое — словно это повозка. Их тонкие гремящие дубинки, от которого мне на память отметина на ухе осталась — это что-то странное и необычное. Но совершенно очевидно, что у людей такого оружия нет, значит, гоблины сами их делают, и вот для этого, должно быть, им нужны все их причиндалы, необычные строения и прочее добро. Точный удар в незащищенное место полезнее десятка ударов по доспеху. Один хороший рейд — и мы сожжем построек и добра кучу, которые гоблины строили с трудом и везли издалека. Восстановление всего утраченного — время. Усиленная охрана всего и вся от нас — это войны, отвлеченные от войны с людьми, а значит, людишкам будет легче. Нам не надо нести жестокие потери — пока что пусть их вместо нас несут люди. Гоблины поначалу бьют людей, потому что это легче, чем бить нас. Если мы помешаем серым одолеть их — помешаем добраться и до нас. А с патрулями драться — значит играть по правилам гоблинов. Путь к потерям и поражению.

В дальнейшем события показали, что Т'Альдин был прав. Появились сведения о том как малый людской отряд разбил колонну гоблинов новым колдовским оружием — значит, не зря были потрачены усилия по замедлению серых. Несколько отрядов лазутчиков, действуя по ночам, нанесли врагу достаточно ощутимые потери и выиграли время людям.

Т'Альдин к тому времени уже сделался достаточно известным командиром, но пока в Совете иерархов больше не появлялся. Стать большой шишкой он еще успеет, а пока у него свои собственные дела и свои собственные счета к серым уродцам.

Вскоре он, сидя на дереве, заметил еще один патруль. Ну как-то многовато патрулей, тем более что еще чуть погодя и третий объявился. Тут и тупейшему дуэргару понятно, что гоблины всерьез опасаются атаки из леса, вопрос только — опасаются за что именно? Способ узнать — лишь один.

Т'Альдин оставил в лесу большую часть отряда, с собой взял всего шестерых, из которых трое — местные, из здешних лесов. Меньше бойцов — проще быть незаметным. Следуя в том же направлении, что и патрули, на запад, разведчики постепенно отклонялись к югу: что бы гоблины ни делали в таком секрете, ответ надо искать на равнине.

— Я так далеко еще не забирался, — заметил Т'Альдин, обращаясь к своим

подчиненным, — что там дальше?

— Дальше будет город людей, осажденный дней сорок назад. Самый восточный из арлансийских городов. Еще пара рощ, пруд, несколько разоренных деревень — это то, куда мы смогли бы добраться затемно.

— Далеко?

— Город днем был бы уже виден на горизонте. Одна из рощ — как раз на пути к нему, вот прямо за тем холмом. А все остальное — чуть дальше вон в той стороне и в той.

— Тогда двигаем к роще и устраиваемся на отдых. Может быть, днем увидим что-то интересное, заодно выясним, как идут дела в осажденном городе.

Так они и сделали. Т'Альдин завернулся в плащ и завалился спать, все равно днем видит неважно, да и не особо зоркий его взгляд, народу, живущему в сети пещер, просто негде глядеть вдаль. Зато от остальных вряд ли что-то или кто-то укроется.

На рассвете его разбудил далекий раскат грома.

— Только грозы нам тут не хватало, — пробурчал он, не открывая глаз.

— Это не гром, — возразил один из товарищей, — грохот не такой раскатистый, не такой громкий, да к тому же... точечный.

— Я вижу это! — крикнул с дерева наблюдатель, — о, боги... Что это?!!

Все остальные принялись карабкаться на деревья.

Т'Альдин не очень хорошо видел происходящее, но недостающие мелкие детали, которые не смог разглядеть сам, ему сообщили другие.

Осажденный город, взятый в кольцо армией тысяч в девять-десять, чуть поодаль — главный лагерь гоблинов. У стен города на расстоянии примерно трех полетов стрелы — две черные продолговатые громадины, задранные в небо и в сторону города, позади них — около сорока телег, пустых и груженных.

В этот момент одна громадина мощно грохнула, выбросив буквально целую тучу белого дыма. Вначале ничего не произошло, но потом из-за крепостных стен раздался похожий звук, только намного тише.

Гоблины и их слуги у штуковин забегали, принялись таскать какие-то бочки и ящики, сами штуки наклонили и принялись что-то делать.

— Ты видишь, чем они заняты? — спросил Т'Альдин.

— Не разобрать, далеко... Что-то заливают из бочонка... Два орка закатывают большой черный шар...

Вскоре обе громадины снова громыхнули, из города донеслось ответное эхо. А потом над стенами показался дым. Вначале это был один черный столб, но по мере того, как громадные штуки грохотали, в городе началось все больше пожаров.

— Это осадные машины, — догадался Т'Альдин, — вроде их тонких дубинок... Только очень уж большие.

Так прошел весь день, а к вечеру из лагеря стали подтягиваться основные силы. Осадные штуковины наклонили так, чтобы они были направлены не вверх, а прямо в стены, а потом...

Т'Альдин даже с такого расстояния видел, как из башни, куда попал черный шар, полетели обломки камня, а после того, как и вторая машина с грохотом выпустила свой шар, башня обрушилась вместе с куском стены. Раздался многоголосый хор: серая чума бросилась на приступ.

— Дело дрянь, — сказал кто-то.

— Теперь понятно, почему они осаждали города, но не штурмовали. Вы видели? Серые твари просто развалили часть стены. Похоже, людишек ждут большие беды...

Разведчики дождались темноты и отправились в обратную дорогу, а позади них светилось зарево пожара.

Спал Данила плохо, а утром, разбитый и угрюмый, снова принялся за дело. Времени у него — дней пять от силы, пока не доказано обратное.

— Надо начинать полномасштабное производство, — сказал на утреннем совещании инженер, — у Кадиаса уже готово достаточное число оправок, чтобы делать тонкие навитые стволы. Мушкеты будут отличаться только стволом: для гвардейцев калибр больше и оружие тяжелее, для обычных стрелков — мелкокалиберные. Оперенные пули должны все равно хорошо пробивать вражьи доспехи... Но есть тут одна проблема.

— Какая? — спросил Граф Вольсунг.

— Как только гоблины переймут у нас оперенные пули, их дальнобойность станет равна нашей, при том что их доспехи по-прежнему лучше. Как только они поймут, что у нас есть полуорки с крупнокалиберными аркебузами, они начнут вооружать такими же своих карликовых орков. Они используют такие же щиты, как мы сделали к позавчерашнему сражению, как только вообще увидят у нас огнестрел. Даже в самом лучшем случае, если гоблины не сделают пушки — вас ждет война по новым правилам. Аркебузы, щиты, онагры с гранатами, орки-гранатометчики. Война с равным вооружением, понимаете? И это еще не считая драконов. Если мое время истечет на днях, вам придется воевать с ними по правилам размена, при том что они хитрее и находчивее. Проще говоря, у вас одна надежда: взять их числом. Самый идеальный вариант, как по мне — избегать боев вообще, обучить многие тысячи стрелков, вооружить их — а это все непросто будет — и затем выманить тварей на генеральное сражение. Необходимо разбить их наголову при первом же применении огнестрельного оружия. Тогда вы одержите победу в кампании... Но не во всей войне, к сожалению. И если дело затянется — последним выходом, причем уже не для Арлансии, а всего рода людского, будет научить оружейному делу все соседние страны.

— Угу, как же, — желчно отозвался Валлендел, — со всех сторон у нас враги, кроме Латанны, да и Латанна нам не враг только пока там моя двоюродная сестра на троне сидит.

— Ты не понимаешь, король, — вздохнул Данила, — речь уже не идет об Арлансии. Это война народов. Война людей против гоблинов. Если твоя страна падет, не передав мои знания другим — все было напрасно, потому что гоблины по-прежнему сохраняют свое преимущество. Такие вот дела.

В зале повисло мрачное, зловещее молчание. Внезапно дверь открылась, вошел один из дуболомов-гвардейцев с круглыми, как блюдца, глазами, направился к королю и что-то прошептал ему на ухо. Глаза короля тоже стали округляться.

— Что-о-о-о-о-о?! Как?!!

Собравшиеся дворяне забеспокоились, но Валлендел, справившись с поразительной новостью, сообщил, уходя из зала:

— Совещание окончено. Роктис... воскресла. Ушам не верю...

Теперь настала очередь Данилы и остальных удивляться. Разумовский побежал вслед за королем к апартаментам покойницы.

Роктис, бледная, печальная и закутанная в одеяло, сидела на своей постели, держа в руке кружку с горячим напитком, возле нее уже хлопотала целительница. Везде — бардак, парчовые одежды и оброненные вещи валяются по всей комнате. Видимо, слуги, готовившие ее к погребению, в ужасе разбежались, как только «умершая» подала признаки жизни.

Валлендел уставился на нее с немым вопросом в глазах: дар речи он потерял, как впрочем и Данила. Роктис медленно повернула голову, увидела короля и вяло проговорила:

— С добрым утром, ваше величество...

— Как?! — выдавил из себя тот.

— Что — как?

— Ты же умерла! Яд приняла!

— Какой яд? Я вчера устала, приняла снотворное... Но, кажется, перепутала флакончики и вместо разбавленного снотворного выхлебала неразведенное... Оно же безвкусное и бесцветное... поди разбери, разведенное оно или нет...

— Ох, ну ты... На тебе лица совсем нет!

— Потому что худо мне, — жалобно захныкала Роктис.

Данила наблюдал эту картину и офигевал от сюрреализма происходящего все сильнее. По идее, Роктис стоило бы первым делом бухнуться королю в ножки и просить прощения за предательство — но вместо этого она потягивает из кружки горячительное и хнычет, жалуясь на дурное самочувствие. Куда делся ее страх перед карой?!

Не исключено, что лошадиная доза снотворного просто отшибла ей память или повредила рассудок, подумалось Даниле, но... она же помнит, что с ней произошло. И потом... Вот он, послав Роктис к черту, в бешенстве мчится к королю. Ведьмочка, осознав свой провал, пишет ему прощальное письмо, возвращается к себе в покои и принимает... снотворное? Как можно ложиться спать, зная, что вот-вот примчится стража, чтобы отволочь поганку к палачу?! Возможно, она приняла не яд, а именно смертельную дозу снотворного — но и снотворное не действует моментально, а между тем моментом, когда Данила пошел к Валленделу и тем, когда примчался слуга, не прошло и десяти минут. За столь малый промежуток времени Роктис написала записку, вернулась к себе через окно, переделась в ночную сорочку, приняла снотворное и умерла? И потом, за десять минут она уже начала остывать, как-то слишком уж быстро. Бред какой-то.

Но ладно. Приняла лошадиную дозу, умерла... Как тут воскреснуть-то?! Пульса не было, она не дышала, это Данила точно сам определил. До него смерть констатировала целительница. От снотворного даже бригада медиков не всегда может откачать, а тут — сама?

Однако главное даже не в этом. Роктис, внезапно не сумев умереть, просыпается в процессе подготовки ее к погребению — и ее больше не колышет гнев короля за предательство. Как будто вчера они ничего дурного не сделала. И потом — насчет «устала, приняла снотворное» — наглое вранье. Данила-то знает, отчего она его приняла. Король, конечно, не знает о предательстве — но Роктис-то откуда знает, что он не знает?

Конечно, Данила и этому может найти объяснение. Проснулась, прибежал король, выглядит радостным, а не разгневанным... Значит, простил, как-то так. Но опять же — как можно воскреснуть после смерти от снотворного??

— А вы, ваше величество, так спешите от меня избавиться, что при первой же возможности закопать собрались? Чуть не похоронили меня живьем! — продолжила тем временем жалобно хныкать Роктис.

— Нет, ну что ты! — поспешно возразил Валлендел, — тебя бы похоронили по обычаю твоего народа, как ты в завещании и написала, завернули бы в саван и оставили в какой-нибудь пещере, не заваливая вход. И ты бы проснулась и вернулась, не о чем волноваться!

В голове Данилы клацнул тумблер. Стоп машина. Калейдоскоп обрывочных догадок

остановился, сложившись в четкую и понятную картинку. Попалась, ведьма.

— А, кстати, — зевнула Роктис, — посол Харранги недоброе замышляет. Я подозревала его, что он попытается нашего мастера выкрасть, и потому, чтобы вывести гада на чистую воду, еще вчера с ним договорилась, что выкраду для него Данилу. Он мне сразу кучу всякого наобещал, включая графский титул и золото, и Даниле тоже того же, да побольше, если он в услужение королю Харранги пойдет. И видала я, у него есть восьмеро молодцев бандитского вида, которых он планировал подрядить, чтобы напасть при случае на карету и похитить нашего мастера...

— Я так и знал! — побагровел Валлендел, — ну, я с ним разберусь! Отличная работа, Роктис. Ты поправляйся и не беспокойся... Пстой. А почему ты мне только сейчас это говоришь, а не вчера?!

— Так вчера ведь поздно было, мой повелитель, — пожала плечами Роктис, — вы уже отдыхали в опочивальне, да и я устала. Я же, чтобы сукин сын мне поверил и проболтался о своих планах, должна была тайком к нему влезть через окно, иначе он заподозрил бы, что я собираюсь разоблачить его. А он никуда не сбежит, сидит, придурок, ждет, что я сама к нему приведу Данилу...

Король, вопреки ожиданиям Разумовского, купился на эту липу и помчался разбираться с послом-диверсантом. Воистину, самый лучший адвокат предавшему тебя другу — ты сам, потому что никто не станет так упорно искать мерзавцу оправдания, кроме преданного друга, который не в силах поверить в это предательство...

Тем временем целительница, влив в Роктис еще пару микстурок, велела ей отдыхать в тепле и покое.

— Конечно, — быстро поддержал ее Данила, — я проинструктирую слуг.

Целительница ушла, а Разумовский, скрестив руки на груди, прислонился к комоду, у которого стоял.

— Ты что-то хотел мне сказать, душенька? — сонно зевнула Роктис.

— Дай-ка я угадаю. Ты приняла не снотворное, а препарат, позволяющий симулировать смерть. Это был твой запасной план бегства. Тебя бы похоронили по твоему же завещанию в пещере, откуда ты потом преспокойно ушла бы. Но, видимо, ты слышала нашу с королем беседу у твоего «смертного ложа», поняла, что я не рассказал королю о твоём предательстве — и решила никуда не сбегать.

— Какой же ты догадливый, душенька, — промурлыкала Роктис своим обычным голосом.

— Какая же ты дрянь, — вздохнул Данила, — вначале предала своего добрейшего короля, а когда получился пшик — предала того, с кем договорилась о моем похищении.

— На себя посмотри, душенька. Из-за тебя я все еще не графиня.

— Мда... А теперь скажи, паскуда, зачем ты меня пугала ядом, если на самом деле вино не было отравлено?

— А ты память-то поднапряги, — огрызнулась Роктис, — или забыл уже, с чего все началось? Пока ты не начал выдрючиваться, грозясь потребовать мою голову — у меня и в мыслях не было причинить тебе какой-то вред. Всего лишь мера самозащиты хорошей меня от злобного тебя. Вот и думай, кто из нас паскуда, душенька.

Данила помолчал, собираясь с силами. Тут ведьма, конечно, права, спору нет. Зато теперь они поменялись местами: уже не Данила на крючке у Роктис, а она сама — на крючке у Данилы. И это дает ему определенные возможности.

Он набрал в грудь воздуха, но в самый последний момент сказал не то, что собирался:

— Знаешь, я рад, что ты не умерла на самом деле.

— Я тоже, душенька. А теперь, если не возражаешь, я посплю до обеда, меня от этой дряни озноб колотит...

— Отдыхай, ведьмочка.

Данила вышел, тихо притворив за собой дверь, полный досады. И угораздило же родиться в хорошей семье у хороших родителей! Вот теперь, когда он, фигурально выражаясь, держит прелестную ведьмочку за горло, его бы вполне устроил вариант «душенька, я сделаю все, что ты хочешь, только не выдавай меня», но Роктис даже не подумала купить молчание Данилы таким образом. А он сам так и не нашел в себе достаточно сволочизма, чтобы воспользоваться ситуацией, и сейчас первый раз в жизни почти всерьез пожалел, что папа с мамой воспитали своего сына порядочным человеком.

Данила вернулся к себе в комнату и, не раздеваясь, лег на кровать. Спал ночью плохо — теперь немного подремлет перед дальнейшими трудами.

Крушения пока не предвидится, полет нормальный.

* * *

Однако вечером того же дня появились новости — и очень плохие. Как Данила и опасался, враг применил артиллерию, но инженеру и в страшном сне не могла присниться бомбарда калибром в метр и длиной в десять. Он мрачно слушал доклад разведчика-гоблина, который по наводке эльфов перекрасился и проник в лагерь противника, чтобы рассмотреть все вблизи. Не тот же самый, что гонял Данилу по лесу — но неуловимо похожий, только на голове — золотой обруч. Должно быть, обозначает этим свой «цивилизованный» статус.

— Они крутили такую круглую штуkenцию сбоку на подставке, труба эта опускалась, туда из бочек засыпали какой-то песок, потом два орка брали один такой шар, закатывали в дыру, затем снова крутили те штуки, труба задиралась в небо и в сторону города, а потом все отбежали в стороны, только один орк поджигал снизу, — объяснял гоблин, сопровождая рассказ жестами, — потом звук, словно удар грома, огонь и дым из трубы. И черный шар перелетал через стену и падал где-то в городе. И этих труб было две.

— Ты можешь нарисовать всю эту конструкцию?

— Разумеется, — кивнул тот.

На корявом, но вполне адекватном рисунке Данила увидел то, что могло бы быть бабушкой «Большой Доры». Сколько пороха умещалось в шар диаметром в добрый метр — можно было только догадываться. Перемещалась артиллерийская установка благодаря собственным колесам, которых гоблин нарисовал целых десять.

— И с той стороны тоже десять, — добавил он, — а тащат всю эту громадину восемь быков. Или волов, я им под хвост не заглядывал.

— А что с городом? — мрачно спросил король. — Ты был при штурме?

— Наблюдал издали... От города остались руины, по нему кидали эти шары целый день. Потом наклонили трубы так, чтобы они прямо в стену смотрели, и в два бабаха развалили и бастион, и кусок пролета. Какого-то организованного сопротивления не было. Серые сволочи просто убивали, кого хотели, и хватали тех, кто казался им сочнее...

— А как далеко стояли эти штуки от стен города? — спросил Данила.

— Да уж подальше, чем эльфы из лука стреляют, раза в три. Вот как из окна до во-о-н той крыши. И закидывали свои ядра куда-то в сам город, далеко за стену.

Когда гоблин ушел, в зале на короткий момент повисла гробовая тишина, затем Валлендел ее нарушил.

— Верно ли я понимаю, что эти шары — это как наши гранаты, только ну очень большие?

— Так и есть, — кивнул Данила.

— Тогда, полагаю, нам конец. Что ж, мы сделали, что могли. Такая огромная граната, будучи выстреленной в нашу армию, убьет за раз сотни, а то и тысячи...

Данила по старой привычке уселся, не спрашивая позволения, и забросил ногу на ногу.

— Ну, теперь вы понимаете, почему в моем мире толпами не воюют. Надо что-то придумать, черт бы взял... Я знал, что у них наверняка есть и пушки, но чтоб такие большие... Должно быть, именно поэтому серая чума и не штурмует города. Зачем, если можно разбомбить? Хм... А есть сведения, откуда вообще эти пушки взялись?

— Судя по всему — привезли, — сказал Таэнваэрромэйн, — в эту версию укладывается долгий срок с промедлением. Все это время они везли их сюда из своей страны, а это путь неблизкий.

Данила потер переносицу. У него нет ни времени, ни сил развивать еще и артиллерийское дело.

— Я что-нибудь придумаю, — сказал он.

— Сомневаюсь, — ответил король, — я следил за твоей работой и понимаю, как тяжело и долго создать даже маленькие аркебузы, а что уж говорить о таких огромных?! В любом случае, у тебя всего три дня, а потом нас просто закидают гигантскими гранатами.

— Почему три?

— Потому что через три дня пушки будут под Вайландрией.

— Хм... Знаю, прозвучит цинично, но ведь разрушили пока только первый город? Откуда информация, что гоблины вот так сразу пойдут на столицу? Если они оставят другие города у себя в тылу — чревато проблемами. Осадить все у них не хватит сил, да и зачем армию расплыть?

— Вот гляди, — король указал на расстеленную карту, — вот тут Тарсинк, который вчера днем разрушили. Вот здесь, здесь, здесь и здесь гоблины уже готовят лагеря для ночевки. Армия серой чумы движется вместе с пушками и несколькими драконами, от лагеря до лагеря. За день они успевают продвинуться едва ли на четверть дневного марша. Арлансия — страна небольшая, ты и сам это видел. От восточной границы до Вайландрии можно добраться верхом за один день, если лошадей менять. Все четыре приготовленных лагеря — строго на одной линии и строго на расстоянии друг от друга, которое гоблины уже прошли за день. Сейчас они уже устраиваются в первом лагере. Через три дня будут в четвертом, а оттуда сюда рукой подать.

— И штурмом их взять никак не выйдет, — добавил граф Вольсунг, — потому что лагеря эти укреплены отлично, ров и частокол, и рассчитаны примерно на восемьдесят, а то и сто тысяч уродов, хотя на деле их сорок-пятьдесят тысяч. С ними еще и драконов восемь или девять, плюс они везут несколько метательных машин, наверняка захваченных в Тарсинке... Даже без пушек и драконов, мы не смогли бы победить их в открытом бою, потому что надежных войску нас самих тысяч двадцать от силы и еще тысяч шестьдесят сброда, плохо обученного. Нельзя всю жизнь быть пекарем или землепашцем, а потом за две

недели стать солдатом. Я уже молчу о том, что это беженцы из других стран, у них нет мотива сражаться за Арлансию, и вся эта масса говорит на трех разных языках...

— Мы могли бы набрать еще тысяч двадцать бойцов, если бы оторвали от работы всех — кузнецов, литейщиков, оружейников, ремесленников... Но скажи, мастер Данила, а будет ли толк? Есть ли у них хоть один шанс умереть не напрасно?

Разумовский сел и устало откинулся на спинку кресла.

— Итак, подытожим. Враг решил ударить в самое сердце, у него перевес в живой силе, есть драконы и пушки. Он готов к любому отчаянному шагу с нашей стороны и намерен на этот раз нас просто прихлопнуть...

— И что еще хуже, он везет с собой такую тучу припасов, что хватит на двести тысяч солдат. Враги постоянно увеличивались в числе, а теперь, похоже, ожидают огромного пополнения, — добавил Йонгас.

Данила внезапно хлопнул себя по лбу:

— Да блин! Как я раньше-то не сообразил?! В общем, подкреплений в сто тысяч не будет. Это они порох везут в таких количествах. Бомбарда такого калибра, стреляющая ядрами, которое поднимают два орка... Да вы представляете себе, сколько пороха надо, чтобы забросить такой снаряд через стену в середину города?! Вчера они стреляли целый день! Из двух, мать их за ногу, пушек!

— А ведь и правда... Это ж сколько бочек надо?

— Рискну предположить, что за день они выстреляли больше пороха, чем мы изготовили за все время, причем в разы больше.

— Но, похоже, у них его множество бочек, глупо надеяться, что им не хватит пороха, чтобы разгромить город...

Данила засмеялся, зловеще и коварно, словно комедийный архизлодей.

— А вы вообще представляете, как взрывается такое количество пороха? Одна искра — и привет! Трупы потом два дня с неба сыпаться будут!

— Сомневаюсь, что они позволят нам прийти и поджечь. Слишком хорошо охраняется, не прорвемся даже ценой больших жертв.

Данила хмыкнул:

— А мы и не спросим. Сволочи очень любезно указали нам, где именно будут находиться пушки и порох через три дня. Есть подробная карта местности вокруг последнего лагеря?

— Вот, — сказал Вольсунг, выбирая из нескольких карт нужную.

Разумовский уперся руками в край стола. Место выбрано грамотно: открытое поле со всех сторон, только с запада — лес в километре или около того.

— А это что за крестики?

— Тут и вот тут эльфы видели большое количество патрулей, кабанья кавалерия рыскает. И примерно в этих местах есть что-то, что они скрывают. Туда же везли фураж. Возможно, рабов держат, или еще что.

— Скорее тогда кабанью кавалерию, — уточнил Таэнваэрромэйн, — они учатся... В прошлой битве, имея гоблины мобильный резерв стрелков на кабанах, они могли бы вас и победить, окружив и расстреливая со всех сторон. Вот тут они нас словно приглашают подобраться поближе лесом, перегруппироваться и пойти в атаку. Их огромные бомбарды убьют кучу солдат, а затем подходят свиноезды, окружают, орки из главного лагеря давят массой, обстрел со всех сторон...

Данила махнул рукой:

— Да оно и ежу понятно, что штурм — дело безнадежное. В эти игры с артиллерией можно играть и вдвоем. Тут такой момент: я не уверен, что гоблины действительно разместят в одном месте пушки, порох и войска, именно потому, что это очень-очень тупо с их стороны. Надо послать разведку и выяснить, где именно враг размещает пороховые запасы: в самом лагере или рядом, и какими группами. Если не в лагере — дело слегка усложнится. Но в любом случае, мы сможем разрушить их планы, если уничтожим пушки. Порох они сделают новый — а починить такие громадины посреди поля нереально.

Инженер призадумался. Если весь пороховой склад не будет находиться в пределах лагеря, его задача многократно усложнится, потому как без прямого попадания не обойтись. Техническая задача по доставке фугасного заряда на расстояние около трех километров в условиях средневековой промышленности еще кое-как реализуема, но точный выстрел практически невозможен. Уж не за три дня, по крайней мере.

— Вот что, — сказал он. — Во-первых, мне нужны литейщики, кузнецы и алхимики, притом прямо сейчас. Во-вторых, мне нужен именно тот алхимик, который составил рецепт сложного, но хорошо горящего пороха, имя я запомнил. И в-третьих, нам потребуется ночной корректировщик.

— Ночной кто? — раздалось сразу несколько идентичных вопросов.

— Уфф... В общем, вот тут вокруг лагеря деревья есть? В пределах прямой видимости?

— Ну там пара мелких рощиц есть, и отдельно стоящие деревья тоже...

— Вот. Нужен кто-то... — тут Данила внезапно осознал, что радиосвязи нету, кричать корректировщик не сможет. — Нам нужен кто-то, кто хорошо видит ночью, вот как Роктис. Он будет сидеть на дереве, смотреть, куда будут падать наши снаряды, и жестами передавать эти сведения нам.

— Ты все-таки хочешь построить пушку? — догадался Йонгас.

— Не совсем пушку, притом очень маленькую и простую. Но без наблюдателя-корректировщика и живой цепочки, по которой будет передаваться информация, нам не обойтись.

— Вот оно как... — протянул король, — я не представляю себе, как ты будешь делать пушку за три дня, но... Послать немедленно за литейщиками, кузнецами и алхимиками. И пойдите разбудите леди Роктис, она нужна тут немедленно.

Роктис заявила вскоре в сопровождении слуги, зябко кутаясь в шаль и нарочито сонно протирая глаза.

— Доброго вечера, мой повелитель, — она прикрыла зевок ладошкой, — надо кого-то попытать или отравить?

— Никого не надо. Ты в темноте далеко видишь?

— М-м-м... Ну подальше всех, тут собравшихся, уж точно.

Данила быстро объяснил ей, что требуется от корректировщика. Роктис задумчиво посмотрела на карту и пальцами промеряла расстояние.

— Боюсь, что все не так просто. Я не умею лазить по деревьям, это раз. Я вдаль вижу неважно, это два, дреу ведь довольно близоруки, если кто не знал...

— А я думал, у тебя такое же острое зрение, как и у всех эльфов, — удивился Валлендел.

Роктис скептически склонила голову:

— А с чего бы вдруг? Мы живем под землей, и хотя Подземье тянется на сотни лиг во

все стороны, прямого перехода длиной в полверсты не сыскать. Даже колоссальная каверна, где находится мой город, хоть и имеет в длину версты две, застроена так, что откуда и куда не взгляни — взгляд во что-то близкое упирается. Я со ста шагов различу каждую вашу ресницу, но мы не умеем смотреть вдаль. Вы забыли, где меня нашел ваш отец, светлая ему память? Посреди поля.

— При чем тут это? Ты же просто ослепла?

— Конечно, ослепла, ведь день настал. А произошло это потому, что я заблудилась и не добралась до леса, ни туда, куда хотела попасть, ни обратно не смогла вернуться.

Данила приподнял брови:

— Погоди-ка... Посреди поля заблудилась? В чистом поле?!

— Да, душенька. Потому и заблудилась, что оно чистое. Когда ты стоишь в пустоте, словно душа мертвеца, на которую не предъявило права ни одно божество, парящая в полнейшем черном «ничто» и вокруг ничего, за что глаз может зацепиться — как тут не заблудиться? Я потом ездила в карете на то поле, поглядеть... Там всего-то четыре версты поперек и дальше лес, с другой стороны другой лес — но мне хватило и этого, чтобы полностью потерять направление. Мы не выносим открытых пространств, потому что поколениями жили в закрытых. Я и по сей день стараюсь не выходить на открытые места. Неуютно.

— Это правда, — подтвердил Йонгас, — мне моя прапрабабка рассказывала, что поначалу им было очень трудно. В лесу еще нормально, а к равнинам приходилось привыкать. Нужен дреу, привычный к отрытому месту. А кроме того, нам, видимо, нужно несколько наблюдателей, чтобы составить цепочку длиной от лагеря гоблинов до леса. Одной Роктис тут не хватит.

— Ну главное, чтобы именно наблюдатель видел в темноте, — заметил король, — остальные будут передавать...

— Передавать-то жесты придется, — возразил Йонгас, — то есть, наблюдатели должны видеть друг друга на расстоянии. Эльфы не настолько хорошо видят в темноте, чтобы разглядеть жесты в темноте с нескольких сотен шагов как минимум.

— Ну вот и обратимся к твоей прапрабабке и ее соплеменникам, — предложил король.

Тут Данила вмешался, так как перестал понимать, о ком речь:

— А где-то поблизости есть дреу?

— Не совсем, — покачал головой Валлендел и кивнул Йонгасу: — давай ты расскажи, я деталей не знаю.

Эльф пожал плечами.

— Как угодно. Раньше под этими горами был большой анклав дреу, четыре города. Пятьсот с лишком лет тому назад случилось землетрясение, и все здешнее Подземье обрушилось. Спаслось несколько тысяч дреу, они все поднялись на поверхность. Там история была сложная, едва не дошло до большого кровопролития. Стараниями тогдашнего короля Арлансии и королевы Латанны войны удалось избежать, хоть я и не представляю, как. Для дреу выделили территорию примерно между двумя нашими странами, и там они смешались с местными же эльфами. Что же до моей прапрабабки, то ей шестьсот лет с гаком, как и всем остальным спасшимся дреу. Солдаты из них уже никакие.

— А ее потомки? Вроде тебя?

Йонгас вздохнул:

— А ее потомки — уже не дреу. И я тут речь веду не о том, что выросшие наверху, среди

эльфов, молодые дреу сами стали эльфами. Дреу-подземники обладают не только острым ночным зрением, но и способностью видеть тепло тела, к примеру. Однако этот дар есть лишь у чистокровных представителей народа. Полукровки видят тепло хуже. Среди моих прапрапредков — трое чистокровных дреу-подземников. Прадед мой тоже был чистокровным, но его дети тепло видели плохо. Я не вижу его вовсе. Я не думаю, что в последних двух поколениях ты найдешь хоть одного, сохранившего этот дар. Более того, моя жена — почти чистокровная дреу. У нее в роду, считая от прапрапредков — всего двое полукровок. То есть, она дреу на двадцать девять тридцатых. И она тепла не видит. Ее мать видела, но плохо, а отец, будучи чистокровнейшим дреу — не видел, так как был уже третьим поколением, выросшим наверху. Подземные дреу сохраняют дар тепловидения только пока живут под землей.

— Строго говоря, — сказал инженер, — нам ведь не уперлось это тепловидение. Достаточно, чтобы наблюдатель просто видел в темноте, как я понимаю, у дреу все равно ночное зрение лучше всех.

Роктис покачала головой:

— Мы видим ночью лучше других ровно настолько, насколько хуже — днем. Наши глаза до такой степени чувствительны, что дома, в Подземье, мы читаем и пишем, используя очень тусклые свечи, а некоторые предпочитают использовать в качестве светильника нагретый докрасна металл. Этого нам хватает, именно потому на поверхности мы слепнем. У меня в то злосчастное утро был капюшон, но я все равно ослепла даже с закрытыми глазами. Того света, который проник сквозь мои веки, оказалось слишком много. И когда наши глаза приспособиваются со временем к дневному свету — они теряют чувствительность. Потому я хорошо вижу ночью только за счет тепловидения. Если же, предположим, меня засунуть в темный ледяной подвал — там мы с тобой будем одинаково незрячи. И потому жесты, которые я ночью буду подавать, увидеть с нескольких сотен шагов возможно только тепловидением. Нам нужны обязательно дреу-подземники, вышедшие на поверхность, родившиеся здесь уже не подходят. Кроме того, тепловидение необходимо, чтобы узнать, какие именно бочки — с порохом.

— Хм... Это как?

— Ну ты же говорил, порох от воды портится. Так что бочки будут просмоленные, а значит, днем нагреются сильнее и ночью будут хорошо видны любому, у кого есть дар видеть тепло.

— Гениальная догадка. Значит, надо любой ценой найти хотя бы несколько подземников. За любую награду, — сказал Данила. — Роктис, ты можешь указать путь к твоей родине?

— Я вышла на поверхность на границе между Латанной и северными лесами, — покачала головой та, — это не близко. Но дело в том, что твоих гонцов просто убьют, даже если они и достигнут цели. Никто ни за какие коврижки не пойдет на поверхность служить людям. Никто вообще не поверит, что это не ловушка. Поверь мне, я выросла в Подземье. И пребывала в непоколебимой уверенности, что абсолютно любой поверхностник — мой заклятейший враг. Даже сидя здесь, в темнице, я продолжала думать, что меня не убили сразу, чтобы убить позже. Когда восстановились мои глаза — обнаружила, что дверь в мою камеру не заперта, но продолжала думать, что мне развлечения ради устраивают побег, играют, как кошка с мышкой... Мысль о том, что король Рейнар и не собирался меня замучить, в мою голову уложились не сразу. В общем, душенька, ты все равно не поймешь,

как устроен наш способ мышления, потому просто поверь: никто из подземных дроу тебе не поможет. Ты ни с кем не сможешь договориться.

Тут вмешался эльфийский иерарх:

— На самом деле, есть один вариант. Лет двадцать назад стало известно, что одно из Подземий, которое находится под Тархалоном, вымерло подчистую от какой-то заразы. Эту весть принес отряд дроу-кадетов, и они действительно оказались последними дроу, виденными в тех краях. А теперь один из них возглавляет диверсионный отряд. Именно он, кстати, первым обнаружил те пушки и навел туда нашего гоблина-шпиона. Я думаю, что дроу, которые провели на поверхности двадцать лет, подходят для нашего дела. К тому же, у дроу очень развитый язык общения жестами.

— Отличная новость. А где их искать-то?

— А это уже сложнее. Двадцать лет назад их всех, вроде бы одиннадцать, пораздавали в разные селения. Если иногда мы принимаем к себе беглецов из Подземья — стараемся, чтобы нигде не было сразу двух дроу. Много на то причин есть.

— Боятся они нас, — хихикнула Роктис.

— Мера предосторожности. Как бы там ни было, тархалонские кланы двинулись в исход, сейчас эти одиннадцать кадетов где-то в наших лесах. Один известен — про остальных надо расспрашивать старейшин, которые их расселяли.

— Так найдите этих дроу! У нас всего три дня, если они не найдутся — будет очень плохо. Без корректировки нам уповать только на зыбкую удачу — а я предпочел бы надеяться на баллистику и радиус поражения!

* * *

Миномет — из всех современных видов оружия самое простое. Всего лишь труба с заглушкой с одного конца и со штырьком для накалывания капсюля на дне. И все. Опорная плита, сошки и прицельные приспособления, строго говоря, уже к самому оружию не относятся, это так, обвес.

Самый маленький из всех когда-либо производимых минометов, советский миномет-лопата, имел вес всего полтора килограмма и обходился всего лишь одной подпоркой и опорной плитой. Японский «тип 89», так называемый «коленный миномет», подпорок вообще не имел, удерживаемый всего лишь одной рукой стрелка. Он был настолько мал, что американцы, с легкой подачи горе-переводчика, назвавшего миномет «коленным», пытались применять это трофейное оружие именно что упирая плитой в колено, что гарантированно приводило к перелому. И хотя «тип 89» записал на свой счет немало раздробленных американских ног, это никак не умаляло боевых достоинств оружия.

Наименьший из послевоенных минометов, предназначенный для использования спецподразделениями, обходился даже без опорной плиты. Просто ствол с ремнем для переноски и упор. Все! Воистину, проще просто некуда, и потому миномет с полным на то основанием делит звание простейшего огнестрела в истории с первыми кулевринами и мортирами.

Однако если современный миномет является безоговорочно простейшим оружием, того же нельзя сказать о его боеприпасах, и потому Данила не обманывал себя формулировкой технической задачи. Спроектировать миномет — ничто. Даже не полдела, а едва ли один

процент. Мина — вот главный вызов.

Сразу после совета инженер засел за чертежи. Мина должна обладать дальностью в три километра как минимум и при этом быть предельно простой в изготовлении. Конечно, три километра для современного миномета — не вопрос, модели с калибром свыше ста миллиметров и на шесть бьют. Но что делать, если из взрывчатых веществ — только дымный порох?!

Любые иные артиллерийские концепции Разумовский отверг с ходу, еще во время совета. Во-первых, стрельба должна быть навесной, чтобы бить из лесу, а не с опушки. Во-вторых, дальность в три километра предполагает большую отдачу, а ее предпочтительнее гасить, направляя в землю, других способов, реализуемых в три дня, нет. В-третьих, миномет отличается большой скорострельностью: закинул мину в ствол, дождался выстрела — закидывай новую. При том, что точность орудия наверняка будет минимальной, для гарантированного уничтожения вражеских бомбард придется сделать много выстрелов при малом запасе времени: противник пойдет в контратаку, как только очухается.

Первым делом Данила озадачил алхимиков. Единственный возможный механизм детонации мины — временная огнепроводная трубка, потому что капсюли он еще не запустил в производство, кроме того, мина, подрываемая капсюлем, предельно опасна в обращении и транспортировке, а оснастить ее предохранителем нереально: слишком сложно в производстве, это раз. Данила понятия не имеет, как устроена система, взводящая детонатор мины в момент выстрела, это два. Потому алхимики ушли, получив задание изготовить пороховую смесь с замедлителем из угля.

Вторым ключевым моментом стало использование более эффективного пороха. Флорн, тот самый алхимик, заверил, что бочку своего состава он изготовит в течение полутора суток, если ему дадут кое-какие реагенты и пару помощников.

Затем Данила спроектировал корпус мины таким образом, чтобы детали — всего семь штук — изготавливались литьем. Литейщики быстро посоветовались, затем министр Радвэн сказал:

— Мы можем это сделать, но нам понадобится на изготовление формы дня три-четыре, и потом мы сможем отливать в сутки по сотне комплектов.

Разумовский покачал головой:

— Через четыре дня ваши мастерские станут руинами, а вы все будете уже мертвы. Если хотите жить — у вас от силы день и две ночи. Если послезавтра к утру у меня не будет полсотни комплектов — все пропало.

Ствол миномета, в количестве двух штук, он поручил изготовить все тому же Кадиясу: старый кузнец дело свое знает, на него можно положиться. Остальные детали — заглушку, плавно переходящую в опорную плиту с жаровней внутри, лафет-двуногу и винты для тонкой наводки — роздал другим кузнецам. Классическая система Стокса, только до предела упрощенная — десятку мастеров работы на день. Самая сложная деталь — опорная плита с жаровней — мера вынужденная. Капсюлей нет, потому воспламенить вышибной заряд придется банальным поджогом: мина касается раскаленного дна фитилем — и бабах.

Вся конструкция миномета, по расчетам Данилы, будет весить около двухсот килограммов. Многовато, конечно, но мера, опять же, вынужденная. Современные минометы используют хитрую схему, когда газы от сгорания метательного заряда истекают из мины не прямо, а в стороны, в пространство между стабилизаторами, благодаря чему давление нарастает постепенно, а отдача — уменьшается. Но это усложнило бы

производство, что неприемлемо. Впрочем, излишняя массивность конструкции — не проблема при наличии таких артиллеристов, как Гаскулл.

Саму мину Данила тоже спроектировал с большим запасом как прочности, так и объема камеры метательного заряда. Вопрос дальности упирается в скорость полета. Сто метров в секунду — начальная скорость, позволяющая забрасывать мины на восемьсот метров, а советские минометы времен второй мировой стреляли на три километра уже при скорости мины чуть выше двухсот, а при трехстах метров в секунду — так и на все шесть. Однако мина для такого результата должна обладать оптимальной аэродинамикой, а у Данилы с этим дела не очень. Вентиляторы проектировать и минометные мины — все-таки очень разные занятия. Потому Разумовский предусмотрел возможность увеличения заряда, для чего в поход потребуется взять еще и запас пороха и принадлежности для выплавки воска.

Поужинав, Данила лег спать, но отдыхал недолго. Вернулась победоносная армия, и город снова сошел с ума от ликования. И когда народ, наконец, накричался, за инженером снова прислали слугу.

Разумовский, вполголоса матерясь, оделся и пошел в зал совещаний. Тут, несмотря на позднее время, уже собрались король, кузнец Кадиас, рядом с ним — незнакомый парень в солдатской куртке и кольчуге, с перевязанной рукой. Йонгас, Кэлхар и прочие знакомые лица, а также Роктис.

— Что стряслось? — сонно поинтересовался инженер.

— Я послал своего ученика вместе с войском, — сообщил министр кузнецов, — и он посмотрел, как устроены драконы.

— Оп-па! — удивленно приподнял брови Данила, — а вот это уже интересно!

Парню в кольчуге принесли бумагу и эльфийский стилус, и тот, держа его здоровой левой рукой, принялся чертить корявый рисунок.

— Дракон изнутри — это вроде такая здоровенная бочка, — рассказал он, — деревянная, но не полностью, сверху все оббито металлическим панцирем, и внутри металлические распорки, для прочности. В самой бочке — кишки, сердце, желудок и прочие потроха. Только все это, само собой, не из плоти, а из металла. Есть сталь, есть чугун, есть металл дварфов и неизвестные мне сплавы.

— Ты хоть что-то понял, мастер Данила? — спросил Валлендел.

— У механизма кишок нету. Это все агрегаты, боюсь, здешним мастерам неизвестные. Вот что, парень, давай по порядку. Кишки — что это? Что они собой представляют?

— Трубки из металла. Разной толщины, ними там все оплетено, но какие и куда — не понять. Я не мог заглянуть внутрь того дракона, которому голову оторвало, а вот второй буквально лопнул, все потроха либо наружу, либо видны хорошо. Только там все изорвано и покорежено.

— Хм... А желудок какой?

— Желудок — продолговатый цилиндр на дне корпуса. К нему идет толстая то ли кишка, то ли артерия от сердца. Сам желудок был разорван частично, внутри он похож на мясорубку. Длинная ось, на которую надето множество ножей по спирали — вот я и подумал, что желудок, ну чтоб, значит, пищу перемалывать...

— Понял! Дай сюда стилус! — Данила набросал схему паровой турбины: — это оно?

— Да, да, мастер! Очень похоже...

— А от желудка шли какие-нибудь оси к колесам? Или оси колес прямо через желудок шли?

— Да! Как вы догадались?

Разумовский, заметив, что все взгляды сошлись на нем, самодовольно хмыкнул:

— Делов-то. У нас такое в школах для детей учат. Это не желудок, а паровая турбина, механизм, где сила раскаленного пара превращается в верчение колес. Так, как выглядела та штука, из которой шла труба?

— Кубообразная штука. Я не знаю, как оно внутри устроено, но из этого вот куба, словно артерии из сердца, идут железные трубки в разные стороны. Из трубок этих главных три. Первая, самая толстая, идет вверх, изгибается и входит в то, что я принял за легкие, сверху, хотя куб сам находится ниже легких. Еще две трубки идут к желудку — ну, к этой, турбине...

— Турбине.

— Турбине. Вторая — к голове через шею. Всего к голове идет две трубы...

— Давай про легкие. Как они выглядят?

— Оно одно. Круглая такая штука, продолговатая, диаметром чуть поменьше вашего роста. Оттуда жар сильный исходил поначалу, и вообще дракон горел, так что из-за этого вот жара я смог осмотреть труп только когда уже войско обратно собиралось... Словом, шар остался целый, ну почти. Его пробило так, что края рваных дыр внутрь загнулись. Вот через эти дыры я и заглянул. Внутри не понять что, но главное — там был огненный кристалл, только побольше обычных, он-то и давал жар, пока не погас. Ну я и подумал, что это легкое, раз дракон огнедышащий...

— Что за кристалл? — удивился Данила.

— Да стихийные кристаллы, — пояснила Роктис и указала рукой на люстру: — только эти — кристаллы света, а то — огня. Когда их создают, они впитывают в себя силу стихии, а потом, когда их будят — обычно напевом или свистом — отдают обратно. Эти — отдают свет, а огненные — огонь. Хорошая штука для не-магов, если надо огонь разжечь, к примеру, под дождем или из сырых дров.

Данила взялся за подбородок.

— Их маги делают?

— А кто ж еще?

— И... что они могут впитать?

— Любую силу стихии. Маги заряжают кристаллы для себя магической силой — но это уже другой разговор.

— И молнию?

Роктис пожала плечами:

— Ну можно и молнию. Только не представляю себе, как потом силу молнии применять.

— А гоблины — представили. Вот, значит, как они сделали ту ограду, что я разрушил... Понятно. Так, парень, что там дальше с легким?

— Да все. К легкому идут две трубки потолще, не считая той, что уходит к кубу, и несколько тоненьких.

— Нарисуй-ка.

Тот послушно изобразил расположение частей установки и соединительные трубки.

— Так... вот тут что?

— Вот этот металлический пузырь, который самый большой — в него, наверно, наливали воду. Хотя он тоже весь продырявлен и разорван — там на дне немного влаги

осталось.

— Ясно. А это что за пузырь?

— А вот не ведаю. Отсюда шли главные трубки к легкому, где кристалл, и к шее. К голове всего две трубки — одна из того куба, вторая как раз из этого пузыря. Именно пузырь этот и горел, из него огонь ручейками растекался.

— А это что за квадратик?

— А тут был труп орка-карлика. И там была ручка, похожая на помпу.

— А перед ним?

— Здесь сидел гоблин, как раз над легким. Когда дракона поразило молотами, гоблин пытался выбраться, но его сварило паром, который вырывался из легкого. А потом дракон лопнул с белым паром и черным дымом.

— Дракон ведь, — вставил слово Кэлхар, — мог дышать и тем, и другим. И раскаленным паром, и огнем.

— А это что за ниточки?

— Цепочки. Они тянулись внутри шеи, и тут вот такая шестерня у самой головы, что если тянуть за цепочки, то они работают как поводья у лошади. Голова у дракона поворачивается. Они обе разорвались, но обрывки, вроде бы, шли к двум ручкам в той яме, где гоблин сидел. К гоблину отовсюду много цепочек шло, но все порвались.

Данила еще раз взглянул на рисунок. Что ж, теперь он хотя бы в общих чертах представляет себе принцип работы дракона. Паровая машина, использующая волшебство вместо топлива, а также, видимо, имеющая резервный бак для горючей жидкости, которую может использовать и как огнеметное топливо. Что ж, по крайней мере, инженер получил ответ на вопрос, как гоблины сумели сконструировать паровой двигатель в столь малый объем. Экономия места за счет отсутствующих хранилища топлива и топки. Резервный бак хоть и есть, но он маленький, топлива в нем вряд ли хватает надолго.

— Послушайте, господа, — сказал внезапно король, — а у гоблинов что, есть маги?

Присутствующие переглянулись.

— Никогда не слышал, — ответил граф Марней, остальные согласно закивали.

— Вот и я никогда не слышал. Я был убежден, что у них такого дара в принципе нет. Тогда, йоклол бы взяла, откуда у них стихийные кристаллы?

— Трофеи? — предположил Кэлхар.

Роктис снисходительно усмехнулась:

— Ну допустим, огненные кристаллы они захватили, хотя ни один маг не станет делать слишком большие кристаллы, потому что при линейном увеличении размера трудность возрастает нелинейно, в разы. А кристаллы с молнией, о которых Данила говорил — они откуда? Кто-то хоть раз слышал о том, чтобы какой-либо маг заряжал кристалл силой молнии? Однако я подтверждаю, что у подземных гоблинов, которые водились у нас в Подземье, никогда ни о каких магах не слыхивали. Это магически бездарный народец, причем напрочь бездарный.

— Значит, им кто-то помогает!

— Это очевидно. Знать бы, кто...

— Надо думать, тот, кто снабдил их огнестрелом и драконами, — предположил Данила, — потому как мне не очень-то и верилось, что они все это изобрели сами. По крайней мере, теперь мы точно знаем, что у них есть союзники. Кто-то должен был их научить.

Была, впрочем, и одна отличная новость. Вольсунг привез с собой горы трофейного оружия, и Данила распорядился, чтобы часовщики работали днем и ночью, изготавливая ударно-спусковые механизмы. Но если припрет — фитильное ружье тоже ружье.

На следующий день, пока мастера выполняли заказанное, Данила вместе с Йонгасом запустил патронный цех. Боеприпасы было решено вначале делать без водостойкого состава, с которым алхимики еще не преуспели, воевать не всегда получится под дождем. Затем удалось навестить главу гильдии и узнать, как продвигаются дела с химическими компонентами для получения гремучей ртути. Оказалось, что довольно бодро: алхимическая братия сама, не нагружая Данилу, в сотрудничестве с королевскими чиновниками провернула все подготовительные работы, включая экспедиции за киноварью и изготовление силами стеклодувов достаточного запаса тары, и теперь уже запасалась кислотой.

Разумовского по-настоящему удивило то, что алхимики, изначально бывшие независимыми кустарями разного профиля, в относительно короткий срок организовались в единую артель. В то время как часть их работала над затребованными Данилой изобретениями вроде стопинов и водостойких составов, другая часть сосредоточилась на производственном аспекте, и весьма успешно. И хотя пока что для полномасштабного производства гремучей ртути еще не все было припасено, Данила решил, что будет достаточно научить министра алхимии изготавливать ее и хранить, а дальше он сам уже справится.

Они с Латтусом и парой подмастерьев провели в лаборатории несколько часов. Первым делом Данила приступил к получению нитрата ртути, взвесив немного металла и прилив в широкую колбу азотную кислоту.

Капля ртути почти сразу же покрылась белым осадком и сплюснулась. Верхний слой раствора постепенно стал желто-коричневым, а самый нижний — зеленым. Количество белого осадка быстро увеличивалось, скоро он покрыл все дно колбы. От капли ртути через слой осадка выделялись пузырьки газа, но создавалось впечатление, что газ в основном поглощается жидкостью. Над раствором собрались бурые пары диоксида азота, но их было. Примерно через десять минут ртуть растворилась, количество белого осадка уменьшилось, но он исчез не сразу.

— Если оставить раствор на ночь, осадка не будет, — пояснил Данила, — но для успешного протекания синтеза необходимо, чтобы в растворе были оксиды азота. Поэтому по возможности синтез проводят сразу же после растворения ртути в азотной кислоте. Если это затруднительно, сосуд с раствором следует накрыть, чтобы не дать возможность оксидам азота улетучиваться.

— Понятно, — кивнул алхимик, записывая инструкции.

— Приступаем к синтезу гремучей ртути.

Они нагрели раствор ртути в азотной кислоте на водяной бане до горячего состояния и несильного кипения. Раствор стал желтым, повалил бурый дым. Заранее приготовили коническую колбу с девяностоградусным спиртом, вылили в нее горячий раствор азотнокислой ртути, перемешали. Реакции не последовало.

— Надо еще подогреть, — велел Данила подмастерью.

Через несколько минут появились белые пары. Колбу сняли с бани, но к этому моменту реакция стала слишком бурной: раствор активно «кипел», образовывалось много белых паров. Вставили в колбу обратный холодильник — помогло.

Через несколько минут количество белых паров уменьшилось, но начали образовываться бурые пары диоксида азота. В колбе было заметно образование слегка коричневатого осадка.

— Вот теперь оставляем колбу на ночь. Утром отфильтровываем осадок на бумажном фильтре, промываем его дистиллятом. Осадок должен иметь слегка коричневатый цвет. Сушим, до вечера.

— Да-да, — кивнул Латтус, заполняя убористым почерком уже третий лист.

— Имейте в виду. Полученный фульминат ртути содержит примеси, его надо очищать. Я рекомендую растворить фульминат ртути в тридцатикратном количестве концентрированного раствора аммиака, раствор отфильтровать от механических примесей и нейтрализовать слабой уксусной кислотой. При этом гремучая ртуть снова выпадает в осадок.

— Хм... А есть другие способы?

— Есть, но мне они неизвестны, я оружейник, а не алхимик, повезло, что я знаю хоть это. Хранить аммиачные растворы фульмината ртути не рекомендуется — нейтрализацию и осаждение проводят по возможности быстро. Очистку, точнее переосаждение фульмината ртути, проводить нужно обязательно, потому что мы планируем некоторое время хранить фульминат ртути, вначале как есть, потом в виде капсулей. Очистка повысит стабильность.

— Понял.

— Не забывайте, что фульминат ртути — не только взрывчатое вещество, но и соль ртути. Как и большинство солей ртути, он ядовит и, по-видимому, при хранении способен выделять пары ртути. В любом случае при взрыве гремучей ртути образуется металлическая ртуть — об этом следует всегда помнить.

— Да я уже и сам догадался. В общем, я поручу это паре знающих мастеров, которые и раньше имели дело с жидким оловом. Но вот что, господин министр-оружейник... Показанный вами опыт для производства в больших количествах непригоден. Сколько всего нужно?

— Скажем так. Ведра нам хватит на всю военную кампанию. Изготавливать фульминат ртути можно именно вот так, только в десяти-двадцати процессах одновременно. Я думаю, что достаточно задействовать не более пяти мастеров и десятка подмастерьев, чтобы покрывать все нужды оружейного производства. Так даже лучше, потому что состав может взорваться от слабого удара, потому в целях безопасности даже лучше изготавливать и хранить малыми порциями.

— Ну если так, то нам это будет по плечу, — заверил Данилу Латтус.

После визита к алхимику Разумовский поехал на стрельбище. По дороге он обратил внимание, что Роктис, поглощенная своими мыслями, временами хихикает.

— Блин, почему ты смеешься все время? — подозрительно спросил он, — неужто опять чего задумала?

— Эртэс с тобой, душенька, — замахала руками та, — просто... Ты в курсе дворцовых сплетен?

— Делать мне больше нечего!

— А я, само собой, в курсе. Так вот, слуги только и обсуждают тихим шепотом, что твои ночные разборки с королем. Скажем так, я не думаю, что в королевском дворце со дня его постройки кто-то до тебя орал «Эй, король, просыпайся, я кому сказал!». И подозреваю, что таким образом не будили никого из тысячелетней династии Валленделов. Дошло до абсурда,

слуги уже не уверены, кто тут во дворце, да и в стране, главный.

Данила только тяжело вздохнул. Отчаянье и гнев — советчики так себе. Правду говорят, что даже в крепкой ссоре стоит избегать резких высказываний. Потому что ссорящиеся помирятся — а вот слова запомнятся все равно.

На стрельбище, организованном за крепостной стеной, дела шли полным ходом. Начальник, капитан лет тридцати с умными живыми глазами, отдал честь и отчитался: обучение практическим приемам проходят десятая, одиннадцатая и двенадцатая сотни. Еще триста солдат пока усваивают теоретическую базу под руководством нескольких самых выдающихся гвардейцев. Процесс стрелковой подготовки завершили уже девятьсот солдат и сорок гвардейцев короля.

Данила выбрал случайным образом десять солдат из числа наиболее неуклюжих или тех, кто казался туповатым, и проверил их знания и навыки. Все десять продемонстрировали приемлемый уровень базовых знаний и навыков заряжания и прицеливания. Не снайпера, конечно, но для стрельбы толпу неприятелей хватит.

После проверки Разумовский распорядился, чтобы десять лучших стрелков были оставлены на роль инструкторов: теперь ружей хватает, стрелков надо больше. Он отбыл обратно, мысленно решив, что если затея с минометом удастся, то надо будет приступить либо к огневой подготовке кавалеристов, либо учить ездить верхом уже обученных стрельбе солдат. Потому что навыки средневекового стрелка будут нужны всего для одной битвы: как только обе стороны применят огнестрел, правила войны изменятся до неузнаваемости...

Но придется крепко поднапрячься, чтоб хотя бы дожить до этого момента.

* * *

Гонец прибыл во время короткого отдыха после очередного рейда, потому перспектива куда-то двинуть и что-то делать не очень радовала.

— И что светлейшим от меня надо? — с не очень хорошо скрытым недовольством спросил Т'Альдин.

С тех пор, как его авторитет значительно вырос, он сменил свой тон. Приемьш просто вынужден говорить со всеми, особенно со светлейшими, подчеркнуто вежливо и почтительно, а вот один из самых эффективных командиров и разведчиков уже может позволить себе всего лишь вежливость, при этом тонко намекая старейшинам, что хоть он их, конечно же, уважает — светлейшие тоже должны понимать, что говорят уже далеко не с самым бесправным членом своего народа.

— Светлейшие сказали — тебе необходимо собрать свой отряд так быстро, как это возможно. Максимум в течение двух дней.

— Во-первых, мой отряд крепко устал и отдыхает. Во-вторых, если уж совсем без нас никуда — то на сборы нам потребуется полчаса...

— Нет-нет. Речь о твоём самом первом отряде. О тех, с кем ты когда-то к нам пришел.

Т'Альдин мимоходом отметил, что гонец не сказал «о других из твоего народа». Что ж, ему уже года три как не напоминают, что он дроу. Т'Альдин Шасс'Кэрт, младший сын вымершего Дома, рожденный в вымершем ныне подземном городе, стал своим среди эльфов. Не так-то и сложно это было.

— А они-то нам зачем? Я не так давно виделся с Арн'Каем, и чуть давнее с Каэлис, но

не думаю, что все мы будем рады снова оказаться в одной группе.

— Светлейшие говорят — вы единственные, кто может видеть тепло. Люди задумали план, как уничтожить и огромные грохочущие штуки, и весь лагерь гоблинов заодно. Но им нужны разведчики, способные ночью передавать сигналы жестами на большое расстояние.

— Заманчиво... Только я понятия не имею, где искать своих бывших кадетов. Арн'Кай в лагере на западе, Каэлис вошла в боевой отряд, и я не знаю, где она. Еще троих видел во время исхода. А вот остальные...

— За ними послали. Ты пойдешь на стоянку у Лунного озера, заберешь оттуда Саами'Дан, потом отправишься в лагерь у Сонной лощины, там Арн'Кай. Потом — к окраинам леса, в лагерь гонцов, на это тебе хватит и полутора суток. Остальные придут сразу туда, затем вы пойдете в столицу людей к тому магу, который создает колдовское оружие. Времени в обрез, если план людей провалится — туго тогда уже нам будет, потому что они не устоят.

Г'Альдин кивнул и стал собираться в дорогу.

* * *

За день Данила умудрился исколесить чуть ли не весь город, буквально на бегу решая возникающие проблемы. Принял партию мушкетеров, отправив несколько экземпляров на доработку, проверил работу патронного цеха, обсудил с заместителем Кадиаса, занятого с минометами, переделку партии гоблинских фитильных аркебузов в капсюльные, а затем принялся за собственно капсюли. Чеканщики начали клепать колпачки, министр Латтус уже получил первую небольшую партию очищенной гремучей ртути.

Время ушло далеко за полдень. Данила вернулся во дворец, пообедал, как обычно, лишившись двух пирожных, и прилег отдохнуть. С каждым днем он устает все больше, просыпаться и вставать с каждым утром все труднее. Сдает на глазах, причем настолько быстро, что даже сам это замечает. Увы и ах, но своего самого прочного внутреннего стержня он лишился. Говорят, надежда умирает последней... Брехня.

У Данилы была очень сильная мотивация. Отомстить серым ублюдкам, это раз. За себя, за концлагерь, за усатого товарища, имени которого он так и не узнал, за ту изможденную, некрасивую девушку на раздаче еды, которая навсегда врезалась ему в память и которой уже почти наверняка нет в живых, за всех остальных. Не допустить, чтобы геноцид произошел с другими странами и землями, это два. И третье — победа была для Разумовского, неудачника по жизни, прямой дорогой к триумфу. К шансу наконец-то стать хозяином собственной судьбы. Деньги, достаток, возможность заниматься любимым делом, решить проблемы на личном фронте... Он надеялся вернуться и зажить по-человечески... Но не судьба. Надежда умерла, потому что теперь Данила знает: обратного пути нет. Успех, достаток, собственная оружейная фирма, скромный особняк этажа на три, машина из той категории, на которую девяносто девять и девять десятых земного населения могут только облизываться, стройная, упругая акробатка или гимнастка на пассажирском сидении в этой машине... Всего этого уже не будет. Он заперт, словно в банке, в средневековом мире, где нет ни машин, ни интернета, ни элементарных бытовых удобств вроде душа и кондиционера, где не играют горячо любимые Данилой рок и транс, где девушки упитанны, краснощеки и не слышали о фитнесе... Где он чужой и останется чужим.

Стержень, который поддерживал его, сломался. Должно быть, в тот момент, когда человек нажимает на спусковой крючок приставленного к голове пистолета, он меняется. Навсегда становится иным. Правда, рассказать об этом могут только те, у кого пистолет дал осечку. По сути, Данила совершил то же самое, когда послал Роктис к черту. Сознательно сделал свой выбор и ступил за грань, распрощавшись с жизнью, смирившись с собственной смертью в течение нескольких дней.

И вот теперь смерть отступила... Но и жизнь не вернулась. Или, может быть, вернулась, но не полностью. Не до конца. Не вся. А полужизнь — не жизнь. Гори оно все синим пламенем.

Данила повернулся набок и закрыл глаза. Видимо, шагнув за грань, он не смог вернуться обратно. Потому что теперь работает на износ, буквально убивая себя, и ему уже все равно. Точнее, даже не все равно: хочется, чтобы это скорее закончилось. Как угодно, только пусть уже закончится, наконец, он слишком устал тянуть эту волюнку.

* * *

Подремав несколько часов, Данила проснулся ближе к ужину. Делать пока особо нечего, шестеренки крутятся без него. Что там будет дальше — черт знает. Ясно, что уничтожение огромных пушек точку в войне еще не поставит. У гоблинов все еще остаются танки, которые, будучи снабженными кабинками для стрелков на крыше, запросто могут оказаться практически непобедимыми. Орки швыряют тридцатикилограммовую гранату на сто метров, но гоблины стреляют на триста. Из отчетов участников боя Разумовский четко уяснил себе, что онагры как противотанковое оружие не подойдут. У них нет возможности стрелять достаточно тяжелыми гранатами на приемлемое расстояние.

Касательно минометов, тут Данила иллюзиями себя не тешил. Заряда в мину поместится максимум килограмм пороха, этого мало, чтобы поражать танки ударной волной и осколками. Контактный взрыв мог бы быть более действенным, но у Данилы нет ни малейшего представления, как устроен безопасный ударный взрыватель. Одним капсюлем тут не обойдешься.

Перебрав в уме несколько концепций, инженер последовательно отбросил все. Все, что у него есть из детонаторов — это огнепроводная трубка либо фитиль. Для обычной противотанковой гранаты, бросаемой почти в упор, это работает, однако для поражения танка на расстоянии запал не годится, так как слишком сильно надо подгадывать момент. Тридцать орков-гранатометчиков уничтожили два дракона, просто усеяв землю пред ними фугасами. Было бы орков меньше, а везения у гоблинских танкистов — больше... Могло бы и не сработать.

Даниле пришлось признаться самому себе, что в подобных стартовых условиях задача по производству простейшего гранатомета неосуществима. Капсюль решил бы проблему, но оружие с капсюлем, созданное человеком, не имеющим ни малейшего опыта в создании детонаторов и взрывателей, непременно будет предельно опасным в использовании и даже переноске. Не пойдет. Один-два несчастных случая — и солдаты будут бояться своего оружия еще больше, чем драконов.

Простейшее средство, позволяющее уничтожить любой, даже самый совершенный и самый защищенный танк, доступное любому, даже нерегулярному войску — управляемый

фугас. Композитная броня из обедненного урана, динамические защиты, системы перехвата ракет и гранат — бессильны, когда под днищем взрывается двадцать-тридцать кило тротила. Взрывчатка, электродетонатор, провода, батарейка — больше ничего не надо.

Проблем тут, впрочем, две. Фугас должен быть заложен в месте, где пройдет танк, заранее — это раз. Электродетонатора и батарейки у Данилы нет — это два.

Инженер сел на кровати и выглянул в окно. Смеркается постепенно, дело к ужину идет. А проблему с танками придется решать, и очень скоро. Конечно, пробить броню средневекового танка можно даже обычной средневековой же пушкой, однако и тут задача, в короткие сроки не реализуемая. Отлить примитивнейшее бронзовое орудие времен наполеоновских войн — фигня вопрос. Но одна пушка сама по себе бесполезна, слишком уж долго ее перезаряжать. Даже если дальность эффективной стрельбы будет метров пятьсот, а скорее всего триста, так как о точности только мечтать можно, все равно у расчета нет шанса сделать более чем два выстрела по надвигающемуся танку. Чтобы гарантированно остановить «дракона» — батарея нужна. Пушек пять. А если пойдет массивная танковая атака, от двадцати до сорока машин — даже пятидесяти не хватит, и всего лишь несколько драконов, достигнувшие позиций, поставят точку в этом сражении.

Кроме того, пушки катастрофически немобильны и требуют поддержки пехоты, вооруженной огнестрелом. Слишком много «против», в том числе невозможность в короткие сроки создать достаточно пушек и обучить достаточно артиллеристов, ставят крест на этой идее.

Тут появился слуга и с поклоном осведомился, велят ли «их светлость» подавать ужин незамедлительно. В этот раз принесли ароматный бульон, четыре разных салата, мясные рулетики с тонкими деревянными шпильками, на сладкое — что-то вроде киселя и маленькие пирожки с сыром и вареньем. Вино — как обычно, легкое и хорошее, в супермаркете такое не купить.

Данила, попивая бульон и наяривая грибной салат, задумчиво содрал зубами рулетик со шпильки, работая челюстями, бросил тонкий деревянный кольшек на стол и внезапно застыл. Ну да, вот ответ драконам. Короткий, всего на четыре буквы.

ПОБС.

Подкалиберный оперенный бронебойный, мать его за ногу, снаряд. Мелкий засранец, поставивший точку в истории танковых нарезных орудий. Данила должен был раньше вспомнить и про него, и про современные противотанковые пушки, и про австрийскую «IWS 2000», наконец. Вот оно, решение.

Действительно, противотанковая винтовка, разработанная австрийцами, способна пробивать своей двадцатиграммовой стреловидной пулей из карбида вольфрама или обедненного урана до сорока миллиметров катаной гомогенной брони. У Данилы, ясен пень, нет ни вольфрама, ни урана, да и порох дымный вместо бездымного, но и у «дракона», если на то пошло, тоже брони как таковой нет в принципе. Деревянный корпус, обшитый относительно мягким неброневым металлом. Так, чтобы арбалетные болты не пробивали. Свинцовые пули гладкоствольного оружия, конечно же, тоже не пробьют. Но вот если вместо свинцовой пули использовать ПОБС из закаленной стали, летящий со скоростью всего двести метров в секунду... Не выдержит броня дракона. Попадание в резервный бак с топливом — практически стопроцентное возгорание. Попадание в турбину — падение мощности вплоть до невозможности двигаться и превращение экипажа в паровую котлету за счет утекающего пара. Попадание в бак с водой — гораздо более быстрое расходование

воды, что в боевой обстановке может быть равнозначно уничтожению. Повреждение подавляющего большинства трубок — тоже остановка. Данила не был уверен, сможет ли его пуля пробить распределительный куб и сам котел — они должны быть сделаны из высокопрочного материала — но если сможет, то это, опять же, равносильно уничтожению.

Разумеется, с драконами легко справилась бы любая нарезная винтовка, да хоть «калаш». Но нарезные стволы, увы, невозможны в данном месте в данный момент. А вот подкалиберные пули — вполне реальны.

Разумовский поспешно доел свой ужин, сложил тарелки одна в одну, поставил у двери, чтобы слуги могли забрать их, не мешая ему работать, и выставил на стол свои чертежные принадлежности. Ночка, черт возьми, предстоит интересной, потому что у Данилы в запасе только эта ночь и есть. С утра начнется сборка мин, испытание минометов, подготовка к вылазке — времени на противотанковое ружье не найдется. Оставят ли гоблины ему время после рейда — еще не факт.

Очертания будущего драконобойного ружья перебрались из головы на бумагу легко и непринужденно. Ствол — миллиметров двадцать, не меньше. У австрийской «гладкостволки» — пятнадцать и две десятых, но у них и технологии, и культура производства, и недоступные материалы... А Даниле придется разрабатывать патрон, исходя из совсем других реалий. Пожалуй, именно с патрона, раз так, и надо начать.

Подкалиберный бронебойный снаряд состоит из корпуса катушечной или иной формы, проще говоря — поддона, в который вставляется тяжелый стреловидный оперенный боеприпас диаметром примерно в три-четыре раза меньше калибра орудия. Материал ПОбСа — металлокерамические сплавы, обладающие высокой прочностью и удельным весом, но Даниле придется обойтись закаленной сталью. А чтобы масса была приемлемой, да еще с учетом того, что дымный порох в принципе не способен разогнать снаряд до полутора тысяч метров в секунду, придется делать ПОбС более крупным.

Главный смысл подкалиберного снаряда в том, что он обладает дульной энергией пушки гораздо большего калибра, чем его собственный. Дульная энергия стодвадцатимиллиметрового орудия, приложенная к снаряду калибра двадцать-тридцать миллиметров, создает колоссальную поперечную нагрузку точно так же, как рука швеи, приложенная к тонкому острию иглы, развивает нагрузку в четыре тонны на сантиметр квадратный.

Исходя из этих соображений, калибр «драконобойца» придется сделать уже не двадцать миллиметров, а все тридцать, должно быть. Данила вздохнул, пытаясь представить себе, сколько будет весить этот монстр. Надо будет проектировать ружье в стиле базуки, чтобы ствол ложился на плечо, а приклад тогда будет не в конце ствола, а под ним.

Далее, стреловидный боеприпас — штука относительно простая в изготовлении. Можно обойтись литьем и закалкой, хотя литейщики и так загружены сверх всякой меры. Можно, впрочем, взять простой стальной прут и нарезать кусками, с одной стороны острие, с другой — утопленное оперение. И закалить. Да, такая поделка не обеспечит никакой точности — но стрелять придется по малоподвижной цели размером чуть меньше реального танка с малых, метров в триста, дистанций. Сойдет.

Совсем другое дело — поддон, обеспечивающий удержание сердечника в стволе. Он служит своеобразным поршнем, принимая на себя давление газов, и тем самым обеспечивает мощный разгон всего снаряда. Поддон в снаряде является паразитной массой, так как после вылета из дула распадается на сектора под действием набегающего потока

воздуха, и дальше ПОБС продолжает свой полет без него.

Немного поразмыслив, Данила пришел к выводу, что любая борьба с паразитным весом приведет к катастрофическим осложнениям в производстве, потому как даже если и реально внедрить в производство штамповку секторов поддона — то не в обозримом будущем, мастера монетного двора не справятся, задачка-то посложнее колпачков для капсулей. Изготавливать снаряды для «драконобойца» артелью женщин-рукодельниц тоже не получится.

После того, как несколько вариантов были забракованы, остался один, грубый, но эффективный. Сектора поддона делаются из легкой древесины, на самое дно «стакана» кладется металлический кружок, чтобы пороховые газы не продавили дерево. Специальные выступы секторов удерживают ПОБС параллельно стенкам поддона и, как следствие — параллельно стволу, что и требуется. Сами сектора скреплены слабым клеем, чтобы снаряд не разваливался при ношении. Грубо, просто, эффективно и в довершение всего — рационально, потому как мастера работ по дереву заняты в военной промышленности относительно слабо.

Затем Данила взялся за само ружье, хотя оружие, стреляющее с плеча, было бы уместнее назвать базукой. Завинчивающаяся заглушка была отброшена из-за чрезмерной медленности перезарядки, потому как единственный способ избежать необходимости изготавливать сотни ружей — делать их скорострельными. Недолго думая, инженер спроектировал простейший запирающий механизм, позаимствованный у одной из современных крупнокалиберных противотанковых винтовок: вращающаяся рукоятка и зубчато-реечный механизм с блокировкой. Три оборота рукоятки назад — затвор-заглушка отходит назад, открывая окно для заряжания. Туда вставляется снаряд, затем — один-два картузика с порохом. Три оборота вперед — затвор досылает снаряд и запирает ствол.

Спусковой механизм Данила решил сделать двойным двусторонним, с брандтрубками, немного разнесенными в длину. Одновременное воспламенение в двух местах позволит пороху гореть быстрее, благодаря чему выстрел будет мощнее, а дульная скорость — выше.

В довершение всего — двухкамерный дульный тормоз, чтобы хоть как-то уменьшить чудовищную отдачу.

Закончив работать далеко за полночь, инженер улегся спать с осознанием отлично выполненной конструкторской работы. Оружие, ориентировочно, позволит делать от двух до четырех выстрелов в минуту, конструкция технически не сложнее, чем у мушкетов. Десять-двенадцать расчетов с такими противотанковыми дурындами поставят точку в гоблинском панцеркампе на раз-два.

* * *

Утро выдалось пасмурным, или, может быть, таким оно казалось неважнецки выпавшемуся Даниле. Однако время поджидает, тут уж не до сна.

Минометы уже ожидали сборки, а вот литейщики запаздывали. Хреново. Инженер отправил к ним посыльного, а сам принялся за сборку, руководя мастерами Кадиаса. Процесс занял минимум времени, подгонять ничего не пришлось: кузнецы не подкачали.

— Что дальше? — спросил Кадиас, когда оба миномета стояли собранные, — испытаем?

— Нечем. Литейщики пытаются опоздать... В общем, пока суд да дело — я ночью разработал еще одно оружие.

Он разложил перед Кадисом чертежи и принялся объяснять, что есть что.

— А что это вообще такое?

— Драконобойное ружье.

— Вот наконец-то! — обрадовался кузнец, — все ждал, когда дело дойдет до серьезных дел... В общем, ствол будет проблемой — новую оправку делать надо, но мне уже не привыкать, руку набил на этом деле. А эти деревянные штуки... Может, из металла делать?

— Нет-нет, — возразил Данила, — именно дерево нужно, притом наилегчайшее. Так надо.

— Я с деревянниками дел особых не имел никогда. Надо через их министра решать.

— Я решу, — перегнулся через плечо Данилы Йонгас, — дай мне чертежи для столяров. Сколько надо?

— Очень много и еще малую тележку. Но для начала штук тридцать. И чтоб тютелька в тютельку.

Как только Йонгас и кузнец отбыли, появился слуга с сообщением, что литейщики выполнили задание и готовы доставить груз, куда скажут.

— На гранатный завод пусть везут.

Он вернулся к своей карете, где, укрывшись пледом, дремала Роктис, и распорядился ехать туда же. Ведьмочка, с момента своего «воскрешения» страдающая от сонливости, умудрилась занять все сидение, так что Даниле и Гаскуллу пришлось тесниться на втором. Хорошо хоть, что Йонгас отбыл к деревянным дел мастерам.

Алхимики уже ждали, привезя и обещанную бочку улучшенного пороха, и готовую замедленную смесь. Данила, собрав вокруг стола рабочих, вначале доходчиво разъяснил, как именно надо собирать мины и на какие нюансы обращать особое внимание, а затем собственноручно собрал первую. На это ушел добрый час, к тому же инженер основательно перепачкался тем самым замедленным составом. Хороший порох не пачкает, чего не скажешь об угле.

Испытания миномета он проводить не стал, вместо этого испытал саму мину, вкопав ее на дне все того же овражка, где испытывались гранаты и где принял смерть сэр Саверон, вверх тормашками и привязав к фитилю удлиняющий кусок огнепроводного шнура.

— Это их вот так в землю надо будет вкапывать? — полюбопытствовала Роктис, к тому моменту уже выпавшаяся.

— Нет. Но если ее так не вкопать — может куда-то улететь и кого-то убить. Нас, к примеру.

Огонек весело побежал по шнуру и нырнул в овраг. Несколько секунд спустя крепко ухнуло.

— Как-то не очень, — с сомнением заметила ведьмочка, — гранаты посильней грохотали...

— Жди и не мешай считать. Все еще впереди.

Мина рванула только сорок секунд спустя. Нормально, теоретически, она должна находиться в полете не более двадцати двух секунд. Надо чутка меньше трамбовать замедляющего состава во временную трубку, а в конец досыпать чуть больше пороха. И бабахает неплохо, даром что внутрь поместилось едва семьсот граммов улучшенного состава, то есть слегка поменьше, чем в гранату, но сила не хуже, а то и покруче. Годится.

Данила вернулся с рабочими в цех и собрал вторую мину, сделав акцент на измененном снаряжении временной трубки.

— В общем, так, — сказал он, — времени у вас до завтра, то есть хватит. Как закончите — продолжайте делать гранаты.

Затем он разбудил литейщиков, уснувших прямо у своих телег на земле, и отправил отливать еще одну партию мин.

— Я понимаю, что вы все ужасно устали, — сказал им Данила, — но времени просто нет. Завтра последний день — отлейте еще, сколько сможете, до завтрашнего утра, и тогда спите, сколько влезет. Если нам не хватит всего этого — в могиле выспитесь, хотя я сомневаюсь, что гоблины станут вас хоронить.

Алхимику Флорну было заказано еще две бочки, остальным — еще замедляющего состава. Должно хватить.

* * *

Темный эльф по имени Т'Альдин прибыл со своим отрядом в столицу в конце ночи, так что Даниле опять пришлось просыпаться спозаранку, не отдохнув, как следует.

Прибывший произвел крайне двойное впечатление. Этот дроу, в отличие от постоянно щебечущей Роктис, оказался совершенно иным: держался уверенно, не пытался даже имитировать дружелюбие, смотрел исподлобья прямо в глаза, словно ежесекундно испытывал Данилу на прочность воли. Маленький, ростом с самого инженера, он напоминал бульдога, причем не обликом, а именно своей манерой поведения: и вроде невысокий, но по глазам видно, что если вцепится в горло — не отпустит. Роктис с ним моментально поцапалась, сказав несколько вкрадчивых фраз на своем языке. Т'Альдин отреагировал, судя по реакции ведьмочки, неожиданно жестко, бросив отрывистую реплику и наградив откровенно нехорошим взглядом.

— В чем дело? — спросил Данила.

— Совсем охамел, жалкий мужчинка, — возмутилась Роктис, — видимо, как наверх поднялся — набрался у эльфов всякой дури, забыл этикет родного города...

— Будь добра уволить меня от всех ваших межусобиц, — отчеканил инженер, — если он не говорит по-нашему — переводи, и точно!

Т'Альдин, услышав, как ведьмочка получила такой же жесткий ответ еще и от Данилы, криво ухмыльнулся.

Оказалось, он действительно не говорил на известном Даниле языке, только, судя по пояснениям Роктис, знал пару фраз на тархалонском, так что без переводчика общение оказалось затруднительным: дроу владел своим родным и эльфийским, инженер же — только арлансийским.

Эльф-сопровождающий дал этому дроу весьма хорошую характеристику: некогда спас свою группу в безнадежной ситуации, а теперь весьма ценный и деятельный диверсант. Данилу такой помощник устраивает.

Объяснить Т'Альдину смысл корректировки оказалось несложно.

— Ты бросаешь огненные шары, не видя цели?

— Да, из лесу. А ты сидишь на дереве, смотришь, куда они падают, и жестами по цепочке передаешь мне, как я должен менять прицел, чтобы попасть в гоблинские осадные

машины.

— Гоблины все равно увидят, откуда шары летят, нет?

— Нет. Они черные, и превратятся в огонь только когда упадут.

— Это все?

— В общем-то, да. Я только должен объяснить тебе, как правильно передавать поправки.

— Я слушаю.

Систему он усвоил на лету. Сообразительный малый.

Данила подумал внезапно, что если ему правду говорили о дроу, то эти ребята должны от войны держаться подальше. Им ведь не свойственен патриотизм и тому подобные соображения, своя шкура — все для них. Он спросил об этом у сопровождающего эльфа.

— Его отряд примерно таков, как ты говоришь, чародей. Им есть что защищать, но они не любят рисковать. И Т'Альдин был таким же. Но когда в его лес пришли гоблины — он, потеряв дом, сильно... озверел. Думаю, ему уже донельзя надоело терять свои дома.

— Ну, значит, у него есть мотивация. Мне подходит.

* * *

На этот раз экспедиционные силы состояли из едва ли пятисот человек: Данила здраво рассудил, что больше просто ни к чему. Минометная команда — меньше пятидесяти человек, включая гвардейцев и возниц. Остальные — группа прикрытия, состоящая из солдат с аркебузами, эльфов-лучников и кавалерийского отряда.

Весь путь занял часов восемь: вышли еще засветло. Данила потратил это время очень эффективно, основательно выспавшись. Да, ему предстоит лично участвовать в бою первый раз в жизни, это, конечно, страшно, но регулярный недосып и работа на износ утомили его настолько, что заснул он, лежа в телеге на сене чуть ли не в обнимку с минометным стволом, в два счета.

По прибытии на место отряд встретили разведчики, наблюдавшие за лагерем, и сообщили, что пока все идет так, как и предполагалось. Гоблины разместили пушки в лагере, сами расположились вокруг них, своих недолугих орков разместили вокруг себя. Два каравана повозок остановились, не доезжая до лагеря на полкилометра, и охраняют их только орки, гоблинов-командиров всего парочка.

— Я бы предположила, что это ловушка, — заметила Роктис, — повозки почти не защищены, там ни рва, ни частокола, открытое поле. Из охраны — только орки, которых не жалко. Глупые людишки атакуют, хитрые гоблины поджигают фитили и сматываются, а порох смешивает всех в одно мясное ассорти. Какое счастье, что у глупых людишек есть такая умная советница, как я...

Граф Марней, командовавший походом, и его рыцари смерили нахалку скептическими взглядами, но промолчали.

Данила зевнул, прогоняя остатки дремоты, и махнул Гаскуллу рукой:

— Разгружайте. Телеги с минами отведите в сторонку на всякий случай.

Йонгас перекинулся с темными эльфами, среди которых было три женщины, ростом не уступающими мужчинам, несколькими словами, и один из них полез на дерево, с высоты глядя, точно ли в сторону вражеского лагеря наведены стволы. В этот момент Т'Альдин

заговорил, Роктис перевела его слова:

— А если гоблины выстрелят в ответ?

— Вот потому мы и стреляем из лесу. Они будут слышать, откуда мы ведем огонь, но пламя выстрелов не увидят. Разве что наобум будут палить, но лес большой, деревья воспрепятствуют разлету осколков.

— А дым будет? Белый горячий дым? У гоблинов может найтись кто-то, видящий тепло.

— А такое бывает? — удивился Данила.

— Бывает, — подтвердила Роктис от себя, — некоторые орки, например, обладают слабым тепловидением и могут отличить теплую кружку от холодной. Хорошее тепловидение у них, конечно, из разряда чудес, но как обстоят дела у серых гоблинов и диких орков — никто не знает.

— Что ж, в таком случае нам стоит пристреляться до того, как ублюдки сумеют подготовить свои орудия для ответного огня.

Дроу принялись растягиваться в линию. Крайней стала Роктис, группа отдалилась от нее настолько, чтобы она еще видела жесты, оставила там одну из своих женщин и отправилась дальше. Цепочку из двенадцати дроу, считая саму Роктис, растянуть километра на полтора можно без труда.

Минометы установили быстро, растопив жаровни и убрав с поляны всех посторонних: мало ли, вдруг взорвется. Для заряжающих установили телегу поблизости в качестве укрытия. Данила еще раз напомнил гвардейцам инструкции. Осталось ждать сигнала, что цепочка образована и Т'Альдин наблюдает вражеские позиции, а также от командиров взводов — что их солдаты рассредоточились и готовы держать оборону.

Через четверть часа Роктис крикнула:

— Наблюдатель на месте!

— Ну, понеслась, — вздохнул Данила, пытаясь унять мелкий озноб, и скомандовал: — первый миномет — заряжай!

Гаскулл бросил в ствол мину и поспешно укрылся за телегой. Секунд через пять миномет ухнул, выбросив облако дыма, снаряд, словно пробка из гигантской бутылки, унесся ввысь.

Самым слабым местом плана, не считая не испытанное должным образом оружие, была именно цепочка. Одиннадцать человек, ну или эльфов, должны передать друг другу информацию жестами. На это уходит время, и так каждый выстрел, пока не произойдет накрытие. То есть, теоретически, у гоблинов может хватить времени на ответный выстрел.

Однако вскоре Данила понял, что сильно недооценил способности дроу. Прошло секунд тридцать, затем прикатился слабый, едва слышимый отзвук взрыва, и всего через десять секунд после этого Роктис крикнула:

— Дальше пятьсот, влево четыреста!

Данила метнулся к миномету и принялся крутить шестерни, нацеливая орудие. Вроде бы вот так...

— Заряжай!

Появился Гаскулл с миной. Бумц!

На этот раз отзвук даже опоздал: мина сработала не сразу, и корректировщик передал поправки еще до того, как произошел взрыв. Выходит, он со своего наблюдательного поста видит падение мин еще до того, как они взрываются. Просто супер.

— Ближе сто, влево сто! — крикнула Роктис.

Инженер начал лихорадочно крутить наводку. Слишком сильно опустил ствол, перелет получился, и влево повернуть еще чуток...

— Заряжай!

Бумц! Ловите подарок, сволочи.

— Дальше триста, вправо двести! — и далекий раскат вдогонку.

Данила упарился, пытаясь найти зависимость количества зубцов, на которые происходит поворот шестерни, от погрешности, но уже на девятом выстреле понял: не получится. Мины слишком неодинаковы, миномет слишком неточен.

— Заряжай!

Бумц!

— Заряжай!

Бумц!

— Заряжай!

После третьего выстрела пришли раскаты двух взрывов, затем раздался голос Роктис:

— Первый сильно влево, второй немного близко! Третий почти!

Тут до Данилы долетел третий взрыв, и Роктис крикнула:

— Первая цель накрыта!

Послышались одобрительные возгласы солдат и гвардейцев, Данила же, поколдовав с прицелом второго миномета, скомандовал:

— Второй — заряжай!

Талант, местная богиня или просто удача — что-то сегодня было на стороне инженера, потому что уже после четвертой мины Роктис закричала о недолете в двадцать шагов. Кажется, пристрелялись, насколько это вообще возможно.

— Огонь на поражение! — приказал Данила.

Подносящие бросились к телегам с минами и понесли боеприпасы к орудиям, словно трудолюбивые муравьи, волокущие найденный провиант в свой муравейник. Минометы теперь били дуплетом, а тем временем заряжающие Гаскулл и Врэй за телегой принимали из рук подносящих очередные мины — и снова бежали к минометам. Густой дым завис между деревьями, а два до невозможности примитивных орудия знай себе играют свою незатейливую, но разрушительную симфонию.

Бумц! Бумц! Бумц!

И тут внезапно снова закричала Роктис:

— Они увозят орудия! Увозят орудия! Стрелять сильно влево!! Семьсот шагов влево и двести вперед!!

Данила бросился к миномету, хотя в его ствол как раз опустили мину: если поразить пушки не удастся — все пропало!

Т'Альдин испытал странное чувство, когда они все в сборе ехали в город людей.

— Как в старые добрые времена, — ухмыльнулся он своим былым товарищам по несчастью.

— Я бы не назвал то время добрым, — зевнул Ар'Кай, покачиваясь на сидении экипажа.

— Ну, по крайней мере, теперь в наших силах сделать так, чтобы будущее было добрым, а не как сейчас.

Никто из них не задал никаких вопросов о том, с какой стати им помогать людишкам и рисковать собой. За двадцать лет, проведенных среди эльфов, все они, что называется, пустили корни. У всех семьи, и Т'Альдин с удивлением узнал, что он — один из двух последних, кто еще не успел обзавестись ребенком. Заар'Ти, надменная паскуда и сволочь, нашла себе мужа, который в ней души не чает, Каэлис вышла замуж за одного из магов и сама преуспела на магическом поприще, сделала себе неплохую репутацию. Саами'Дан поставила рекорд — уже трое малышей. У мужчин — жены, и Т'Альдин на этот раз уже без особого удивления узнал, что всех супруги ростом ниже их самих — неудивительно, женщины эльфов предпочитают мужчин выше себя, а не ниже — и что всем это уже нравится. Быть сильным полом, оказывается, вполне неплохо.

Колдун-человек, создающий такое же оружие, как у гоблинов, произвел на Т'Альдина в целом неплохое впечатление, однако в глубине его запавших глаз он разглядел усталость и тоску. Глубокую и безысходную. И медленно берущее верх равнодушие — оно везде, в каждом его слове и жесте. Хотя что с него взять, это ведь человек, а не дроу, а люди не умеют бороться до самого конца, если дистанция оказывается великовата для них — сдаются преждевременно. Умереть на ходу и упасть на землю уже мертвым им не дано: только дроу вначале умирает, потом падает, люди опускаются в пыль зачастую еще живыми. И этот, кажется, уже достиг того предела, когда другие сдаются. И все еще держится, хотя и его последний рубеж уже недалеко.

Сама организация экспедиции показалась Т'Альдину несколько смехотворной. Пятьсот человек, при том что противник перевешивает в десять раз только по живой силе? Видимо, очень уж сильно надеются на оружие колдуна. Но это проблемы исключительно людишек: случись что не так, Т'Альдин свалит вместе со своим отрядом, а люди уж пусть выкручиваются, как сами себе знают.

Наблюдательную позицию он выбрал на одиноком, но высоком и разлапистом дереве. У подножия кустов нет, и это хорошо, так как орки и гоблины выискивают разведчиков в первую очередь в кустах и рошицах, залезать на одинокое дерево с их точки зрения рискованно. Зато у подножия течет ручеек, прокопавший себе канавку — для скрытного отступления самое оно.

С высоты своего насеста Т'Альдин хорошо видел и лагерь, и окрестности, а сам не особо боялся быть замеченным. Хоть и сидит почти на самом вершине, не прячась, но черные плащ и капюшон отлично сливаются с ночью, черная маска на лице — на случай, если у врага найдется кто-то, хорошо видящий тепло тела. Ветерок шелестит в листве, охлаждая одежду и не давая ей нагреваться. Маскировка идеальная.

Пробраться на позицию было делом нетрудным. Пара патрулей протопала мимо отряда дроу, ничегошеньки не заметив. Не сильны уроды в маскировке. Тальдин поймал себя на

мысли, что будь у него всего две тысячи воинов — а родной город спокойно мог бы выставить половину этого числа, если б знатные Дома забыли об усобицах, и Гло'карнас как минимум столько же — он разгромил бы серую чуму играючи. Ночь, особенно безлунная — время дреу, дневные гоблины им не ровня. Один набег двух тысяч дреу превратил бы этот лагерь в пепелище, заваленное трупами, в считанные минуты.

Т'Альдин тяжело вздохнул. Боги ли, совпадение ли — неважно, кто так подсуетился, но печальная правда в том, что народ, который благодаря своим способностям мог бы править всем миром, на деле может объединиться только когда беда совсем уж близко, в ворота стучится. И даже тогда всегда найдется Дом, и не один, который будет строить планы, как избежать катастрофы самостоятельно и при этом сделать так, чтобы конкурирующие Дома пали.

Он на миг прикрыл глаза, представив себе мир, в котором дреу правят низшими расами. Соблазнительная мечта, но несбыточная, и виноваты в этом сами дреу и никто больше. А жаль. Был бы его народ таким же дружным, как высшие орки, к примеру — им было бы по плечу все, разве что кроме самих орков, ибо степь для дреу самое гиблое место, даже ночью.

Т'Альдин вернулся к реальности, оглянулся. В ста с чем-то шагах позади — Ар'Кай. Он повернулся так, чтобы своим телом заслонить руки от возможного наблюдателя, снял перчатки и подал сигнал.

«Готов?»

«Готов».

«Передавай дальше».

В лесу ухнуло, как те две гоблинские громадины, но куда тише, а затем над головой Т'Альдина с воем пронеслась, оставляя след теплого дыма, какая-то страшная горячая хрень и, подняв фонтанчик вспаханной земли, зарылась в почву, не долетев до своей цели шагов пятьсот и почти на столько же отклонившись в сторону.

Т'Альдин прожестикнул товарищу поправки, и тут в лагере гоблинов раздался грохот, сменившийся надсадным визгом. Ха! Им не понравилось!!

Вторая воющая штука упала гораздо ближе к цели, но третья уже сильно перелетела. Пытаясь точно указать колдуну поправки, Т'Альдин в конце концов сообразил, что тот просто не может попасть точно туда, куда сказано, то ли сам не искусен, то ли оружие такое. В конце концов, даже эльфы, хоть стрелки из лука и великолепные, но имеют свой предел попадания в глаз.

В лагере врага творилось светопреставление. Воющие снаряды уже убили немало врагов, один, попав прямо в палатку с гоблинами, буквально усыпал все вокруг себя ошметками. Вот еще один, оставляя в воздухе хорошо видимый след, взрывается, даже не достигнув земли, и несколько орков, которые были под ним, упали. Враги, толком ничего не понимая, мечутся туда-сюда, пытаются обнаружить атакующего противника — да все без толку. Смерть приходит к ним с небес. Хреново все-таки жить на поверхности, в Подземье подобного не случилось бы.

Снаряды, ложась тут и там врассыпную, парализовали всю подготовку громадин, убивая осколками гоблинов и орков. Должно быть, рано или поздно хоть один из них да попадет.

«Первая цель накрыта!» — показал Т'Альдин Ар'Каю.

Сразу же после этого три снаряда попали вообще йоклол знает куда, должно быть, колдун начал пристреливать вторую свою трубу. Т'Альдин передавал поправки, и уже четвертый снаряд упал совсем рядом, убив нескольких быков, которыми гоблины пытались

оттащить свои ужасные штуки подальше.

А затем частота выстрелов удвоилась. Снаряды, завывая, словно баньши, ложились тут и там, порой далеко от цели, порой совсем близко. Вокруг целей творился полный хаос, горели очаги пожаров, валялись трупы. Гоблины разбежались подальше, прекратив попытки перетащить платформы. Наконец, один снаряд, рисуя раскаленный след в воздухе, прочертил полосу прямо к цели. Удара Т'Альдин не услышал, но сумел разглядеть, как от деревянной платформы с колесами отлетают куски. А затем снаряд рванул уже под платформой, в земле. Огонь и треск, массивная черная громадина заваливается набок, ломая то, что не разломало взрывом.

Т'Альдин, ухмыляясь, сидел на верхушке дерева и созерцал весь этот разгром. Вой, светлая нить над головой, взрыв, пламя, дым. Вот еще один завывающий снаряд попадает во вторую цель, застревает в деревянной и с треском разносит ее на куски. Черная громадина обрушивается на землю вслед за первой.

Вроде бы все. Дело сделано... Но это еще не конец. Колдун-человек добился своего, но Т'Альдин Шасс'Кэрр не был бы самим собой, если б не попытался извлечь из сложившихся обстоятельств всю возможную выгоду. Серые ублюдки лишили его, Т'Альдина, дома, где он собирался прожить всю свою жизнь вместе с Таруной. Заставили Таруну плакать. И потому он не собирается так легко и просто сворачивать представление. Дело тут уже не в военных целях и задачах: Т'Альдину на эти задачи плевать, просто настал серой мрази черед плакать.

А точнее — умыться кровавыми слезами.

Если вдуматься, он сам тут и есть главный. Да, хитроумный колдун пускает свои воюющие горячие подарочки — но важно не кто их пускает, нет. Важно, чья воля направляет их полет.

И потому именно Т'Альдин здесь главное действующее лицо. Это по его воле сейчас хаос, творящийся вокруг разбитых гоблинских конструкций, переметнется на весь остальной лагерь.

Он повернулся и экспрессивно прожестикуюлировал:

«Они увозят орудия! Увозят орудия! Стрелять сильно влево!! Семьсот шагов влево и двести вперед!!»

Вой снарядов — и вот они ложатся левее, по шалашам орков. Гоблины, сбежав из-под обстрела, привычно попрятались среди своих примитивных рабов, Т'Альдин хорошо видел, как местами образовались толпы. Не бросить им немного воюющей смерти просто нельзя. Ловите, сволочи, жрите, давитесь.

Поразить точно указанные места колдуну не удалось, однако его снаряды в считанные секунды разорвали в клочья и поубивали до сотни ублюдков. Один неизвестно как залетел в загон к ездовым кабанам, развалил часть стены — и вот уже перепуганные животные носятся по лагерю, увеличивая хаос и панику.

Т'Альдин, ссылаясь на перетаскивание целей, передал новые поправки. У колдуна возникли сильные проблемы с точным прицеливанием, и теперь снаряды сыпались буквально везде. Осознав, что под ударом весь лагерь, а не его часть, гоблины и орки бросились врассыпную, рассеиваясь по значительной площади.

Со своего высокого насеста ему было хорошо видно, как группа орков и гоблинов, перегруппировавшись за пределами обстреливаемой территории, двинулась в сторону леса. Тысячи две, должно быть.

Т'Альдин перевел взгляд на лагерь врага. Твари, большие и мелкие, еще пытаются

удерживать позиции, подозревают, видимо, что после огненного камнепада пойдет штурм. Значительная часть позиций нетронута, многие скопления повозок с припасами еще целы, испускают пар драконы... Кстати, о драконах.

«Триста влево, сто назад».

Летит, завывая, смерть, запрятанная колдуном в продолговатые чушки. Пара близких попаданий. Вроде бы должно получиться.

«Накрыто. Стрелять на поражение».

Огненная смерть бушует между драконами. Прямое попадание — и один из них лопается с протяжным стоном, выбросив клубы пара и дыма.

«Еще раз».

И снова над головой — свист. Вдали пожар и смерть. Т'Альдин улыбается: воздаяние что надо, а он ведь только начал.

Часть повозок кажется чуть светлее других. Хм... не о них ли говорила та паскуда, пригретая людским королем?

«Двести влево, триста вперед».

Первые две воюющие штуки ложатся с недолетом, разрывая в клочья группу орков.

«Еще сто вперед».

Вой и грохот. Т'Альдину показалось, что небеса рухнули на землю, а снизу на поверхность вырвался ад. Или, может быть, вулкан пробудился. Столб пламени поднялся до небес, сгустки огня полетели во все стороны. Это было так неожиданно и так громко, что Т'Альдин едва не свалился с дерева. Он зачарованно наблюдал, как сыплются на землю горящие ошметки. Вот, кувыркаясь, падает колесо телеги. Долго же оно летало.

Густой дым, белый вперемешку с черным, затянул половину лагеря, так что посмотреть, какие разрушения причинила эта могущественная магия, не удалось. Обернувшись к Ар'Каю, Т'Альдин увидел, как тот подает знаки.

«Уходим, стрел больше нет».

Стрел? Ах да, ведь в их языке жестов нет никакого знака для тех ужасных штуковин, которыми колдун забросал позиции гоблинов. Пора сваливать, раз так. Т'Альдин, перед тем как спуститься с наблюдательного пункта, еще раз оглянулся. Это было просто чудесно — сидеть на высоком дереве и приказывать смерти, куда падать и что крушить. Особенно тот последний ужас, заставивший ад вырваться на волю — просто нечто. Т'Альдин просто должен выпытать у колдуна его секрет!

Он быстро добрался до ямы, в которой сидел Ар'Кай, и вдвоем они направились обратно, к следующему члену цепочки, следя, чтобы не напороться на врага.

* * *

Как только минометы, погасив жаровни водой, начали разбирать и грузить на телеги, с той стороны, где засели отряды заслона, донеслись выстрелы. Контратака, черт бы ее взял.

Оружейник-чужестранец повернулся к графу Марнею и крикнул:

— Задержите врага! Оружие не должно попасть в их руки ни при каких обстоятельствах!

Сэр Кэлхар проверил гранаты в седельной сумке и фитиль на внутренней стороне щита. Ну, ему не привыкать.

Марней выслушал доклад прибежавшего стрелка и вынул меч из ножен:

— Ну что ж, братья! Вот и наш черед снова послужить Арлансии наступил. Все за мной!

Тяжелая конница в лесу это, конечно, что-то новое под двумя лунами, но на фоне всего того нечестивого оружия, что перевидал сэр Кэлхар, уже не очень удивительное. В лесу — значит в лесу, отборным королевским рыцарям все равно, где сражаться. Он пришпорил коня и легким аллюром пустился следом за командиром.

Бой начался при колоссальном перевесе нападающих — точно больше тысячи орков — и позиционном преимуществе арлансийцев. Прячась за деревьями, эльфийские стрелки обстреляли наступающего врага с флангов и даже вынудили отправить небольшие отряды для их поимки, а затем основная масса орков напоролась на занявших позиции аркебузирова — и серая чума впервые отведала того же, с чего и начала эту войну. Дружные залпы трехсот стволов в упор буквально выкосили десятки наступающих орков. Громадные твари проявили баснословную стойкость к ранам, живые продолжали наступать по трупам убитых, а аркебузиры оказались в незавидном положении: оружие разряжено, а враг — близко. И в этой тяжелой ситуации граф Марней принял единственно верное решение, приказав трубить атаку.

Тяжелая конница ринулась вперед. Лошади видели в темноте плохо, выручили факела, брошенные пехотинцами для подсветки цели. С грохотом и лязгом рыцари налетели на орков, сминая фланг и вынуждая прекратить наступление.

Кэлхар на скаку рубанул первого подвернувшегося орка мечом, налетел конем на другого, взмахнул клинком еще раз, раскроив массивный череп без признаков лба третьему — и в этот момент громадная дубина с хрустом врезалась в грудь коню. Верный боевой товарищ испустил дух сразу же, не спас и доспех. Кэлхара опрокинуло и придавило трупом коня, а орк уже нависает над ним.

Рыцарь, призвав на помощь всю прыть, выхватил из седельной сумки гранату. Вопрос только в том, успеет ли поджечь ее, если да — заберет ублюдка с собой. Однако в следующий миг в орка впились стальные лезвия мечей сразу с двух сторон — выручили, друзья.

В толпе орков грохнула граната, одновременно с этим сбоку раздалась частая пальба — стрелки, зарядив аркебузы, принялись расстреливать орков с близкого расстояния. Сэр Кэлхар, вытащив ногу из-под коня, захромал с гранатой в руке вперед, поджег ее и, вложив в бросок всю свою силу, швырнул через головы сражающихся рыцарей в толпу орков.

Рядом рухнул рыцарь, убитый на месте тяжеленным ударом. Кэлхар вынул из его руки меч — свой потерял, когда был сбит — и двинулся дальше. Он еще успел выручить другого товарища, вогнав клинок в брюхо замахнувшегося орка, а затем на него сверху рухнуло сразу два мертвых уroda, буквально похоронив под собой.

Сверху мелькнул массивный силуэт коня, перемахнувшего через передний ряд орков.

— За короля и Арлансию! — узнал рыцарь голос Марнея, затем где-то в толпе взорвались сразу две гранаты.

Вражеская толпа заволновалась, подвергаясь обстрелу эльфов и аркебузирова почти со всех сторон, затем в атаку внезапно пошла пехота. Два десятка рослых пехотинцев обрушились на орков в яростной атаке под аккомпанемент частой стрельбы, свиста стрел и боевых кличей.

Гвардейцы короля, вступив в бой, очень быстро отработали свое жалованье. Огромная, но сильно поредевшая толпа орков начала рассеиваться, спасаясь бегством, вслед им летели

пули и проклятия, и когда сэр Кэлхар выбрался из-под огромных туш, драться было уже не с кем.

Рыцарь, хромая, направился к завалам из трупов, пытаясь отыскать среди погибших тех, кто еще жив. В этот раз цена победы оказалась велика.

* * *

Данила попал обратно в столицу только к утру, благо обратный путь без груза мин был куда быстрее. Вскоре подтянулись и остальные участники ночной атаки.

На совете у короля главным докладчиком был Гаскулл, теперь уже одноухий, потому что граф, командовавший отрядом, погиб в бою. По свидетельствам очевидцев, он ринулся с гранатами в руках в самый центр скопления врагов, где за спинами орков прятались гоблины-командиры, и ценой своей жизни решил исход боя: оставшихся без командования безмозглых ублюдков обратить в бегство было несложно.

Всего же в сражении геройской смертью полегло около ста арлансийцев, и король не досчитался, в том числе, двадцати рыцарей и четырех гвардейцев.

Даниле на фоне докладов непосредственных участников боя сказать было особо нечего. Отработал по корректировке, выпустив по врагу без малого сотню мин — все, что было. Результаты? Что может ответить о результатах артиллерист, работающий с закрытой позиции? Ничего. К корректировщику вопросы. И другой разговор, что затянувшийся обстрел привел к незапланированным потерям.

— А где же тогда эти дроу?

— Не исключено, что скрылись, когда началась заварушка, — ответила Роктис, — четверо ближайших точно ушли вместе с эльфами на их запасные позиции, а вот остальных я просто не видела.

Однако тут появился ординарец и доложил, что пришла группа эльфов, включая и темных.

Их командир, Т'Альдин, вошел в зал незамедлительно.

— Вначале все огненные шары долго ложились не туда, куда надо, — сказал он в ответ на расспросы, — потом были близкие попадания. Но затем гоблины пытались подвести к тем штукам новых быков взамен убитых, пришлось дать поправки, чтобы не позволить утащить их в безопасное место.

— Так попадания были или нет?!

— Были. В обе. И обе рухнули со своих платформ, но эти огромные черные трубы остались вроде бы целы, их не расколело и не разорвало. Но, видимо, гоблины все равно хотели их утащить, чтобы починить. Пришлось давать поправки на группы орков и быков. Заодно пол-лагеря вверх дном перевернули и даже одного дракона случайно прибило к йоклол.

— Сколько примерно погибло живой силы?

— У-у-у-у, — закатил глаза в бессловесном восторге темный, — а уж когда прилетела самая последняя штука — так там чуть ли не вулкан пробудился.

— А, так это у них пороховой склад взорвался так?

Т'Альдина это озадачило.

— Постой, колдун. Разве это не твоя самая последняя волшебная штука была такой

сильной?

— Они все были одинаковые по силе.

— Хм... Там были бочки, теплые на вид...

— Ха! Значит, пороховой склад, хоть и не основной! Много там вокруг трупов было?

— Не видел, дымом затянуло. Но колеса с небес падали даже вблизи от моего дерева.

Данила ухмыльнулся, но тут вспомнил про пару весьма важных вопросов.

— Ладно. Вот что, были случаи, когда мины не взрывались?

— Может, и были, но я не заметил.

— А очень сильные недолеты или перелеты?

— Были недолеты, когда они вообще не долетали до лагеря или даже взрывались в небе.

Перелетов не видел.

После того, как весь некомандный состав ушел, король велел подать всем присутствующим кубки с вином и сказал:

— Ну так что? Можем выпить за то, что еще поживем, пока серая чума не починит пушки, или за полное избавление от них?

Данила, взяв бокал, пожал плечами:

— Главное в пушке — сам ствол. Все упирается в их вес. Если они достаточно тяжелы — гоблинам вряд ли удастся поставить их на новые платформы посреди поля, хотя, опять же, у них есть очень уж сильные работники. При любом раскладе мы получаем отсрочку, на сколько именно — узнаем по докладам разведки. Но одно точно — второй раз обстрелять пушки из минометов они нам не дадут. Второе — почти точно, у нас времени неделя или около того, при условии, что они вообще будут чинить свои орудия. И если да — надо будет найти способ разрушить их повторно...

— При одном условии, — вставила Роктис.

— При каком?

— Что Т'Альдин Шасс'Кэрр сказал нам правду. Никто не знает, что у него на уме.

— Ты так думаешь? — насторожился король.

— Я это знаю. Никто и никогда не может знать наверняка, что на уме у дроу.

— Даже другой дроу?

— Особенно другой дроу. Я как никто из присутствующих знаю, насколько изощренными и неожиданными могут быть наши планы.

* * *

День прошел в уже привычном для Данилы напряженном режиме. На патронном производстве увеличилось количество людей, а на гранатном возникла пауза: ближе к вечеру закончились корпуса, рабочим стало не из чего собирать гранаты.

С минами неожиданно вышел полный облом. Флорн сообщил, что изготовить новую партию состава не может: некоторые редкие компоненты вышли все, и больше их в городе не найти.

— А обычный порох не подойдет? — спросил Йонгас.

— Подойти-то подойдет, но мы и так стреляли на пределе дальности. На обычном порохе мы сможем в самом лучшем случае стрелять почти так же далеко, но скорее всего гораздо ближе, да и боевой заряд теперь будет слабее. Так что в сражении минометы нам

еще пригодятся, но вот устроить ночной обстрел уже не выйдет.

Производство аркебуз как таковое замедлилось, поскольку трофейных было захвачено за предыдущие два столкновения около тысячи, и все надо переделать под капсульные ударно-спусковые механизмы. Тем не менее, кузнецы в день изготавливали до двадцати стволов, которые сразу же отправлялись в сборочный цех. С ударно-спусковыми механизмами тоже возникла проблема — гильдия часовщиков просто не справлялась с нагрузкой, несмотря на предельно возможную простоту изделия.

Капсюльное производство пошло хорошо. Латтус единолично, не считая подмастерьев, конечно, произвел за сутки достаточно фульмината ртути, чтобы изготовить десятки тысяч капсюлей и заверил, что увеличит выработку. Капсюли делать Данила подобрал нескольких смышленных рабочих, уже имевших дело со взрывчатыми веществами. В колпачок насыпалась толика гремучей ртути и сверху заливалась топленным воском. Испытания прошли успешно: из двадцати капсюлей не подвел ни один. Минус одна проблема: капсюлями армию обеспечить можно будет без напряжения, так как каждый рабочий изготавливал их по сотне в час.

К обеду появились донесения от разведчиков. Обе пушки остались там, где их настиг минометный огонь. Лагерь опустел, теперь там находилось всего несколько сотен вражеских солдат, а остальные рассредоточились по прилегающим территориям.

Самое худшее произошло ночью. Роктис разбудила Данилу и велела двигать в зал совещаний: король собрал экстренный военный совет.

Валлендел оглядел собравшихся, убеждаясь, что все на месте, и кивнул Гаунту:

— Рассказывайте.

— Гоблины совершили налет на один из трех наших лагерей для беженцев, — коротко сообщил тот. — Шесть тысяч погибших, столько же пропавших, похищенных или разбежавшихся.

— Йоклол бы взяла... — выругался Вольсунг, — как это случилось?

— По предварительным сведениям, серая чума выдвинула четыре отряда, каждый примерно из двух тысяч орков и около пятисот кабаньих наездников с аркебузами. Один из них был обнаружен эльфами, попал в засаду и понес потери, второй отступил своевременно, но остальные два остались незамеченными и атаковали западный и южный лагерь. В южном наши офицеры, обучающие новобранцев, и охрана сумели организовать оборону и отбили атаку, потери примерно две тысячи наших против тысячи орков. Но западный лагерь был не так бдителен. Рассчитывали, что за Вайландрией они в безопасности. Итог — четыре тысячи убитых, остальные беженцы разбежались. Лагерь опустошен и сожжен.

Данила, вполуха слушая мнения командного состава, уселся в кресло и налил себе шербета.

— В общем, людей, конечно, жалко, — сказал он, — но есть в этом одна очень хорошая для нас новость. У серых уродов либо полностью закончились козыри, что вряд ли, либо еще не закончились, но они уже не уповают на те карты, которые еще держат в рукаве. Другими словами, по-настоящему мощных аргументов типа этих огромных бомбард у гоблинов больше нет. И теперь они, оставив идею размеренно и неторопливо раздавить нас технологическим преимуществом, принялись воевать всеми возможными методами. Проще говоря, гоблины наконец-то поняли, что только лишь мощным оружием им победить не удастся. Я думаю, нам стоит ожидать очень резкого роста вражеской активности везде, где только можно. Раньше гоблины как думали? Вот подтянем наши пушки, разгромим столицу, дальше уже все будет просто, а пока лишних телодвижений совершать не будем, ибо незачем

на рожон переть. Сейчас же они уже знают, что такая пассивность на руку нам, а не им.

— Похоже, нас ждут еще более напряженные деньки.

— Вроде того. Мне вот только непонятно, почему беженцев разместили в лагерях, которые оказалось так просто взять?

— Да потому, что их очень уж много. Боеспособных мужчин наскреблось тысяч шестьдесят, а женщин, детей и стариков — еще вдвое больше.

— Что ж... пора и нам переходить к круглосуточным боевым действиям. Прямо завтра с утра надо будет начать обучать стрелков ездить верхом, а кавалеристов — стрелять, потому что дальнейшая война, как мне кажется, будет делать упор на маневры.

К вечеру следующего дня выяснилось, что подобный поворот событий гоблины учли в качестве запасного плана: караван с продовольствием и оружием, посланный из Латанны, был обнаружен еще утром на расстоянии дня пути от столицы вырезанным и разграбленным. Из охраны и возниц не спасся никто, налетчики оставили после себя только сгоревшие телеги, трупы и массу орочьих и кабаньих следов. Все, что они не смогли забрать, было сожжено.

Одновременно с этим произошло несколько стычек между разведывательными группами, а вблизи от карьеров с купоросом и рудников заметили вражеских лазутчиков.

— Похоже, они основательно нас обставляют в плане разведки и диверсий, — мрачно подытожил на совещании Ренфорт.

— Так это вполне закономерно, — ответил ему Йонгас, — мой дед был участником войны с ними пятьсот лет назад. Гоблины еще тогда обставляли вас, людей, вы несколько лет не могли с ними справиться, а ведь в то время это были просто стаи примитивных существ. Они и нас тоже легко дурили — но мы хотя бы могли противопоставить их хитрости нашу мудрость и жизненный опыт, которым вы обладать не можете по очевидным причинам. Так с чего бы вдруг сегодня воевать с ними должно быть легче, когда у них появились и ручные орки, и оружие, и драконы?

— Ну и какие у нас в таком случае перспективы? Не сдаваться же без боя!

Эльф кивнул:

— Перспективы есть. По сравнению с теми далекими днями у нынешних гоблинов есть один недостаток, которого не было раньше. Тогда они воевали как могли и чем могли, не были привязаны ни к чему. Свобода действий и маневров. Теперь, если вы не забыли, что говорил мастер Разумовский, они зависимы от снабжения, производства, ресурсов. Та война не была позиционной. Здесь мы пытаемся навязать им войну на позициях, а они — пытаются навязать нам такие же боевые действия, как и пятьсот лет назад. Удары по нашему снабжению — хорошая попытка отвлечь нас от их собственных уязвимых точек. Будем играть по их правилам — проиграем.

— Надо идти в размен, — поддакнула Роктис, — нас больше и мы на своей территории. Их территории — крайне далеки. Вы видели хоть одну самку гоблинов?

— А они бывают разве? — спросил барон Дейнс.

— Естественно! — фыркнула ведьмочка, — откуда берутся новые гоблины?! Не от сырости же! И наши гоблины-разведчики тоже не видели. Серая чума сражается далеко от дома — потому зависима от поставок того, что не может сделать на месте. Это наш шанс, и, возможно, единственный, потому что переиграть их вряд ли получится: теперь, благодаря Даниле, они воюют всерьез.

— Как-то двусмысленно твои слова прозвучали, — заметил Разумовский.

— О, ты не так меня понял. Если бы не ты, душенька — они победили бы играючи.

* * *

Перед тем, как отправиться обратно в тот лес, который временно стал его домом, Т'Альдин добился еще одной встречи с колдуном-оружейником, несмотря на всю его занятость. Оружейник согласился на встречу, но та сука, пригревшаяся при дворе людского короля и оказавшаяся телохранительницей колдуна, предупредила: времени у мастера мало.

Он принял визитера в своем зале, где как раз проводил совещание с другими людьми.

— Я пришел, чтобы узнать, как можно сделать такое ужасное «бум» из теплых бочек, — коротко и без предисловий начал Т'Альдин, — уверен, есть и другие способы, кроме твоих воющих штук.

Телохранительница перевела. Наперед подготовленные аргументы, что это может помочь общему делу, не понадобились, так как оружейник, вопреки ожиданию, не стал ничего требовать за свой секрет.

— Способ один — огонь. В «теплых» просмоленных бочках гоблины хранят порох. Это такой черный порошок, который от огня вспыхивает ярко и быстро. Если его много — случается «бум». А если очень много — «бум» будет ужасным. Вопрос только в том, как поджечь, потому что взрыв пороха убивает всех, кто находится рядом. А если пороха очень много — ну, ты же и сам видел, как далеко летят оторванные колеса и куски тел, верно?

Т'Альдин кивнул:

— Да. А скажи, колдун, откуда ты знаешь гоблинские секреты? Или, может быть, как они узнали твои?

— А вот этого я не ведаю. Я попал сюда из другого мира, где этот секрет известен пятьсот лет или даже больше, и гоблины к тому моменту им тоже владели. Откуда они разузнали о порохе — сам хотел бы знать...

Внезапно заговорил один из стариков за столом.

— Кхм... Думается мне, я знаю, откуда.

Оружейник, переводчица и Т'Альдин повернули к нему головы одновременно:

— Откуда?!!

— От дварфов.

Колдун сел на свое место, внимательно глядя на говорившего, Т'Альдин остался стоять неподвижно, чтобы о нем не вспомнили раньше времени и не попросили убираться.

— Ну-ка, уважаемый министр, и откуда вы это знаете?

— Я, прежде чем горняцким промыслом заняться, в отрочестве был помощником у купца одного. Купец знаменит был тем, что торговал с дварфами — а они народ такой, чужих ой как не любят. Ну, не то чтоб не любят — им хорошо только среди своих, дварфы всех остальных избегают и не пускают в свои владения. Позволить чужаку к себе в подземные свои замки войти — ни-ни, а если пускают, вот как моего хозяина и меня — так это огромная честь, мало кто ее удостаивался. И вот когда я с хозяином в последний раз ездил на восток, к далеким горам, где дварфы обитают, нас пустили внутрь. Ну, не совсем внутрь — только лишь за ворота. И там, стало быть, мой хозяин с дварфами дела торговые свои обсуждал, а я на подхвате был. И вот мы там прямо и сидели на скамьях да за столом. А мимо через ворота ехала повозка, груженная просмоленными бочками. И с самого верха одна

скагилась, упала и у нее дно-то и вылетело. И оттуда просыпался странный черный песок. А когда его собрали обратно в бочку, то, что на полу осталось, подожгли факелом и оно быстро и ярко сгорело. Вот теперь-то, господин министр, как вы рассказали о порохе — так я и сообразил, что дварфы этот секрет знают. А еще доспехи серой чумы — металл ведь такой же, как и у дварфов. Совпадение?

Оружейник скрестил руки на груди.

— Ладно, допустим, тогда как гоблины узнали его у дварфов? Как научились у них делать доспехи? Да и драконы тогда откуда?

— Оттуда же. Говаривал мой хозяин — у коротышек и не такие чудеса под землей были.

— А дварфы умеют зачаровывать кристаллы стихий?

За столом раздались сдержанные смешки:

— Вообще-то, именно они это и придумали первые.

— Если у дварфов были порох и драконы — как гоблины могли бы завоевать их? Более того, почему сами дварфы не завоевали весь мир, имея такое передовое оружие?

— А с чего бы им воевать? Они не воинственные. Вот непрошенных гостей спровадить — это дварфы всегда готовы, а войну устраивать... У нас нет ничего, что им нужно. Оттого и торговля захирела, что все предметы роскоши вроде ковров и тканей, которые они покупали у нас, им стали поставлять подземные сородичи. Дуэргары, вроде так. И они не тот народ, которых могут победить какие-то гоблины. К слову, мы к ним когда ездили в последний раз — дело было лет тридцать тому назад — видели у них в карьере гоблинов-рабов. И мне они тогда показались какими-то серыми, что ли...

Г'Альдин сжал губы. Вот теперь все становится на свои места.

— Полагаю, я могу рассказать вам, как гоблины завладели секретами дварфов, — громко сказал он.

Слова не произвели эффекта на всех, так как его никто не понял: переводчица, вместо того, чтобы исполнять свои обязанности, удивленно вытаращила глаза. Затем колдун велел ей переводить — и та подчинилась. Тогда уже ахнули и людишки.

— И как же?!

— Уничтожили дварфов, поработили выживших.

— Невозможно, и это знает любой, кто знает дварфов! — возразил старик.

— Напротив, это очень легко, и это знает любой, кто знает мою историю. Двадцать лет назад в мое Подземье пришел страшный мор, уничтоживший оба города. Мы оказались единственными выжившими, спаслись потому, что были в отлучке. А аккурат перед нашим отбытием в город пожаловали торговцы-дуэргары. Дуэргаров никакая болезнь не берет, но сами они иногда их разносят, даже того не ведая. Я и раньше подозревал, что мор пришел с ними, теперь уверен в этом. Они же принесли его и дварфам. Ну а гоблины воспользовались моментом. Может быть, даже помогали мору распространяться среди своих вымирающих хозяев, с их-то хитростью так оно, видимо, и было. А затем, воспользовавшись помощью выживших, освоили их ремесла и военное дело.

Повисла тишина, затем кто-то сказал:

— Да, все вполне может быть именно так.

Г'Альдин послал колдуну полупоклон, повернулся и молча двинулся прочь. Теперь люди знают, откуда у их врагов тайные знания, а Г'Альдин... Г'Альдин тоже знает секрет оружейника. Всего один — но ему и этого будет достаточно.

Дома, если, конечно, можно называть домом чужой лес, его встретила Таруна. Они не

виделись несколько недель, и эта встреча согрела их сердца. Но дело — прежде всего. Т'Альдин не намерен позволить кому-либо еще когда-то снова разлучить их и сделать бездомными.

— Твоя мать здесь? — спросил он, отстранившись после поцелуя.

— Да, но она сейчас в мастерской. Помогает здешним магам...

— Отведи меня к ней. Необходимо, чтобы она изготовила для меня огненные кристаллы.

— У меня их несколько...

Т'Альдин улыбнулся, мягко и ласково, точно так, как она его и научила.

— Мне нужны особенные.

* * *

Данила устал, крепко устал. Казалось, усталость пропитала все его тело, проникла в каждую пору кожи, висела на плечах, сковывала шаги. Он уже не высыпался, сон не приносил бодрости, с каждым разом открыть глаза, прогнать апатию, встать с кровати и приняться за работу становилось все труднее, и Разумовский понимал: он уже на грани. Человеческим силам есть предел.

Вместе с тем, уже вечером третьего дня с момента уничтожения бомбард инженер внезапно обнаружил, что может пойти спать раньше обычного, потому что возникающие проблемы он порешал за день. Маховик военной промышленности, построенной Разумовским с нуля, набирает обороты, и скоро он сам уже не будет незаменимым. И ничего страшного, потому что сил тянуть эту лямку больше нет.

Данила вернулся в свои апартаменты, наскоро поужинал. Ложась в постель, он поймал себя на мысли, что необходимость завтра снова вставать вызывает только тоску. Как здорово было бы сейчас закрыть глаза, уснуть и больше не просыпаться... Данила всегда считал, что самоубийство — удел слабых духом, но вот теперь мысль о смерти уже не пугает, а скорее манит. Лег, закрыл глаза — и все. Все проблемы, тяготы и ответственность остаются позади. Нет, конечно, Данила не сдастся так просто, не сбежит на тот свет, не подведет человечество этого мира, и если сдохнет вскоре — то на рабочем месте от остановки сердца, а не от снотворного. Однако мысль о снотворном уже не вызывает психологического отторжения. Должно быть, именно это и называется — «сломаться», подумал Данила, погружаясь в сон.

Рано поутру на совете у короля прозвучали особенно дурные новости: гоблины, собрав практически все свои силы в единый кулак, двигаются на Вайландрию вместе со всеми драконами и обозами.

— Думаю, все их вылазки и диверсии за эти дни были разведкой боем, — мрачно подытожил докладывающий король, — и теперь серая чума точно знает, что именно столица — главный очаг сопротивления.

Граф Вольсунг приподнял бровь:

— Лично мне это не видится в столь катастрофическом свете. Взять нас штурмом гоблины и раньше не могли, а теперь не смогут и подавно, ведь у нас есть и стрелковые аркебузы, и гранаты, и те ужасные штуки, которыми министр Данила разбил их лагерь...

Данила вздохнул:

— А им и не надо брать нас штурмом. Достаточно взять в осаду.

— Вайландрия может продержаться годы. Запасы продовольствия у нас очень большие.

— А запасы железа, свинца, угля, дерева, селитры, купороса, серы? Их у нас нет, все привозят караваны каждый день, а теперь это стало еще и очень рискованным занятием. А куда деть беженцев, которые у нас еще остаются? Гоблинам не нужно брать город штурмом: мы проиграем войну в тот же миг, когда столицу возьмут в осаду. После этого серая чума небольшими отрядами опустошит все вокруг, вырежет города и селения, и им никто не помешает, потому что мы в осаде. Центр оружейной промышленности здесь. Стоит им нас отрезать от остальной страны — и все.

— Есть вариант, — сказал Ренфорт, — переправить вас, мастеров и все, что надо для производства, в самый дальний город на границе с Латанной. Это трудно, но осуществимо. И тогда гоблины осадят Вайландрию, в которой останется только небольшой гарнизон, а вы подготовите оружие и с основными силами атакуете осаждающую армию извне...

— И что помешает гоблинам точно так же осадить и тот город? Вряд ли он укреплен так же хорошо.

— Они не будут знать, если нам удастся все это сделать скрытно...

Данила махнул рукой:

— Они догадаются. Увидят, куда ушли беженцы, увидят, куда пойдут караваны — и все поймут.

— Согласен, — кивнул король, — сбежать из Вайландрии не удастся. И мне видится, что есть только один способ удержать гоблинов от осады.

— Какой же, ваше величество?

— Дать им бой еще на подступах. Драконы настолько медленно ездят, что у нас еще минимум два дня на подготовку.

— У нас нет шансов, — покачал головой барон Дейнс, — орки уже на пути сюда, но придут только дня через три. А без них нам совершенно нечего противопоставить драконам.

Король медленно кивнул.

— Я знаю. Все, что мы сможем — это умереть за свою родину и забрать с собой в могилу побольше ублюдков. А тем временем мастер Данила вместе с лучшими мастерами доберется до Латанны и там начнет все с начала, но уже имея ценный опыт и обученных исполнителей...

— Две поправки, — сказал Разумовский, — во-первых, завтра Кадиас должен закончить экспериментальное противодраконье ружье, так что это еще большой вопрос, смогут ли они ползать нашими полями безнаказанно. Во-вторых, я уже слишком истощен, и еще раз ту же песню мне не спеть... К тому же, из ружья должен стрелять кто-то, кто понимает основы бронебойного ремесла, и это я. Будь у нас больше времени — много ружей решило бы проблему нехватки умения, но я произвести к битве больше, чем одно, не получится, и боеприпасы для него — тоже очень большая проблема. Так что если мы послезавтра умрем — то все вместе. А вот мастеров к дальнему пути в Латанну надо подготовить. Если мы проиграем — хотя бы спасем оружейное дело для дальнейшей борьбы. Они и так уже неплохо освоили то, чему я их научил. А насчет орков — если мы отправим им навстречу караван со щитами и волшебными молотами — они смогут прибыть на поле боя уже готовыми. Если приналягут на ноги — могут и успеть.

Дворяне и генералы переглянулись, затем Вольсунг сказал:

— Так значит, готовимся к битве? У нас есть хотя бы призрачный шанс на победу?!

Данила посмотрел ему в глаза:

— Иногда бывает так, что нужно сражаться, даже не имея надежды. И ты, арлансиец, должен был бы понимать это и без подсказки чужеземца.

* * *

Весь день ушел на подготовку к сражению. Данила потратил его в основном на совещания и инструктажи с командирами подразделений. Взаимодействие войск — необходимый элемент любой войны, начиная с появления огнестрела, когда сражения по принципу «толпа на толпу» ушли в прошлое.

Главные свои надежды инженер возлагал на «полевую артиллерию» — онагры. Он не сомневался, что гоблины, уже зная об огнестреле у людей, тоже придут на бой с длинными щитами-стенами, и этот факт снизит ценность аркебуз обеих армий, что, при тотальном превосходстве в стволах у гоблинов, играет на руку людям.

Вполне закономерно, что и гоблины это понимают. И онагры у них тоже есть, захваченные в разрушенном Тарсинке. В целом, силы равны, что сулит серой чуме не легкую победу, а упорный кровопролитный бой. Что при уже известной трусости врага тоже можно рассматривать как преимущество.

Однако нет никаких сомнений: гоблины понимают и это тоже. И потому наверняка будут искать способ победить легко, хитростью или неожиданным техническим козырем. Один такой козырь Данила предвидел: гранаты и бутылки с горючей смесью. За серой чумой перевес в качестве гренадеров, потому что их ручные орки слишком уж сильны. Отсюда напрашивается простое решение: сблизиться на расстояние, с которого свои гренадеры добрасывают, а вражеские — нет, закидать противника гранатами — и вуаля.

На этот случай Данила придумал два контрприема. Первый заключался в большом количестве лучников, благо в Арлансии луком пользоваться умели многие, хотя на самом деле тут не нужно даже умение метко стрелять как таковое. При сближении с противником лучники должны начать пускать стрелы почти вертикально вверх или под очень большим углом, и тогда противнику на голову посыплется отвесный дождь из стрел.

Суть второго заключалась в том, что онаграм к праще на метательном рычаге приделали дополнительный тросик, который сбрасывал бы петлю и освобождал снаряд раньше удара о стопорную поперечину. Как итог, снаряд уходит не вперед по настильной траектории, а круто вверх, к тому же не до конца разогнанный. Данила надеялся, что такое усовершенствование позволит забрасывать гранаты за вражеские щиты сверху. Еще у него имелся вариант стрельбы не относительно легкими гранатами, а полновесными булыжниками, с тем, чтобы пробить вражеский щит, однако такой простой трюк — замену боеприпаса с гранаты на классический — гоблины наверняка предусмотрели.

Впрочем, куда вероятнее, что серая чума просто использует драконов массово. Разведчики доложили о более чем тридцати паровых танках, и они могут стать основной проблемой. Главный вопрос в том, как именно гоблины будут защищать их от орков с гранатами. Если пехотой — можно будет попытаться отрезать танки от сопровождения при помощи онагров, драконы для них малоуязвимы, а вот пехота будет нести потери. А затем в бой вступает кавалерия с «коктейлями Молотова» и сбрасываемыми фугасами.

Но если и правда посадят стрелков на крышу танков, да еще и прикроют щитами — плохо дело, потому что кавалеристы понесут дикие потери. Опять же, тут Данила очень уповал на лучников и арбалетчиков, кроме того, еще не факт, что маломощный двигатель дракона потянет дополнительный вес, драконы и сами по себе ползают едва-едва.

На инструктаже с кавалеристами Данила подробно объяснил им, что паровой танк опасен только для тех, кто стоит перед ним, раструб на конце штанги поворачивается на ограниченные углы, поразить паром всадника, приблизившегося сбоку, затруднительно. Перспектива рыцарей обрадовала слабо, но все они понимали, что делать нечего.

Главным козырем кавалерии должны были стать фугасы. Инженер справедливо опасался, что «коктейли» могут оказаться бесполезными: движок-то, как оказалось, не нуждается в воздухе для горения топлива, вода испаряется волшебным кристаллом. Потому вентиляционных отверстий в корпусе нет, скорее всего, и останется бросать бутылки разве что по смотровым щелям.

На этот случай Данила принял решение оснастить отряды кавалеристов фугасами. Маленький бочонок или ящичек с порохом, килограммов на восемь-десять — это даже больше, чем было в драконобойных молотах. Тактика сводилась к тому, что фугасоносец под прикрытием товарищей с бутылками приближался к танку и сбрасывал свой груз прямо между колес, под днище, а затем — спасайся, кто может. Нет слов, тактика донельзя суицидальная — но другого выхода нет, если только Данила не преуспееет со своим бронебойным ружьем.

Поздно вечером пришел посыльной от Кадиаса и сообщил, что министр кузнецов уже приступил к сборке, ружье будет готово самое позднее к утру, а вместе с ним и несколько первых ПОбСов. Данила отправил курьера к столярам и получил несколько комплектов деревянных секторов для поддонов. Как только оружие будет готово — можно приступать к испытаниям.

Наутро он и Кадиас завершили последние приготовления. Бронебойное ружье Разумовского, модель один, было готово к испытаниям.

При длине ствола в полтора метра и калибре двадцать шесть миллиметров оружие получилось относительно компактным, потому что, по сути, на девяносто процентов состояло из ствола. Приклад находился по центру под стволом, рукоятка и спуск — ближе к дулу. Будучи положенным на плечо при подготовке к стрельбе, ствол выдавался вперед сильнее, чем казенная часть — назад, однако запирающий и ударно-спусковые механизмы, находясь на заднем конце ствола, уравнивали ружье.

Однако вес оружия оказался действительно запредельным — тридцать килограммов с лишком, почти доходящим до сороковника, и Данила очень плохо себе представлял, как вообще из него в таком случае стрелять. Громила Гаскулл управлялся с этой дурындой легко и непринужденно, однако инженер прекрасно понимал, что за считанные часы объяснить стрелку, не имеющему ни малейшего понятия о баллистике, бронебойности, приведенной броне, углах вхождения, упреждении и возвышении хотя бы азы бронебойного дела не представляется возможным.

Испытание провели на заднем дворе королевского дворца. Данила весьма предусмотрительно привязал себе на плечо подушку для смягчения отдачи, но опасался, что этого окажется недостаточно. С другой стороны, ствол-то не нарезной, снаряд покинет его легко и без сопротивления. Первые аркебузы так вообще не имели приклада, их при стрельбе просто прижимали рукояткой к щеке.

Сам бронебойно-подкалиберный снаряд без заряда пороха весил примерно восемьдесят граммов, из которых на поддон приходилось двадцать пять: столяры не подвели и сделали секторы как можно тоньше и из легчайшего дерева. В ствол он вошел без усилий, но плотно, после чего Данила положил туда бумажный мешочек с порохом и вращением ручки закрыл затвор. Надел капсули, взвел курки и, стоя на одном колене, взвалил ружье на плечо. Тяжесть — дай боже, ни дать ни взять сорокакилограммовая штанга. Что ж, хотя бы время, убитое в качалке, даром не пропало.

Все зрители — король, Йонгас, хромой Кэлхар, Роктис, охрана, генералы и прочие советники по команде отошли далеко в стороны. Цель — три доспеха работы дварфов, закрепленные один за другим. Расстояние — десять метров. Данила тяжело вздохнул, поймал кирасу в прицел — трубку, приваренную параллельно стволу — и плавно потянул за спуск.

Ружье оглушительно грохнуло и лягнуло стрелка в плечо весьма основательно, но не так сильно, как инженер опасался. Облако дыма закрыло обзор на несколько секунд. Данила положил дымящееся ружье на каменные плиты и направился к мишени, к которой уже чуть ли не бегом бросились все остальные.

Снаряд, пробив все три кирасы навывлет, до половины ушел в кирпичную стену.

Присутствующие разразились аплодисментами, Данила передал ружье Гаскуллу и повертел в руках одну кирасу:

— В принципе, не хуже, чем я рассчитывал, а то и лучше. Вопрос только в том, насколько прочна драконья шкура, ну и прочие его внутренности.

— Пробьет, я уверен, что пробьет! — воскликнул сэр Кэлхар.

— Просто уверен или есть аргументы?

Рыцарь пожал плечами:

— Ну как сказать... Я пробил бок дракона копьём в битве у Сигны, атаковав с разгону. Очень сильно ударил, едва не вывихнул руку, и в этот момент дракон начал разворачиваться. Меня вытащило из седла, потому что я не отпустил копьё и фактически повис на нем. Стало быть, глубоко вогнал. Так вот, пробить нагрудник работы дварфов копьём — задача не из легких. Разгона требует и руки крепкой, и не всякому это удавалось сделать.

— Ты имеешь в виду, что броня дракона по прочности как нагрудник?

— По всему так и выходит. У них броня — что щит пехотный. Сверху металл, чтобы меч не расколол, снизу дерево. Арбалетный болт металл пробивает шутя и доску тоже — но затем застревает в дереве собственным древком.

Данила приподнял бровь:

— А щиты не делают цельнометаллическими из-за веса?

— Вот именно! Деревянной основы достаточно, чтобы болты и стрелы застревали. Главный вопрос — а не застрянет ли и этот болт из трубы в деревянном каркасе?

Инженер беззвучно и злорадно засмеялся:

— Этот — не застрянет!

* * *

Место для битвы выбрали неподалеку от города, где река Онтагар, обычно глубокая и быстрая, разливалась, образуя мелкий брод глубиной по пояс в худшем случае.

— Здесь идеальное место, — настаивал граф Вольсунг, — потому как я уже отправил людей сжечь ближайшие мосты. Чуме негде больше переправиться. А пойдут в дальний обход со всеми своими драконами — ну, мы же всяко быстрее их будем, везде за ними поспеем, чтобы на переправе встретить.

— А время-то теперь против нас играет, — заметил Данила, — это раньше мы его выгадывали всеми путями, потому как мне требовалось время на работы, армии — на вышкол. А теперь и я, и армия отправимся навстречу, нет смысла тянуть кота за хвост.

Тут беспардонно вклинилась Роктис, до того мирно сидевшая у окна:

— Кота за хвост-то зачем?

— Ох... Выражение такое. Тянуть время.

На столе расстелили карту со схематически начерченной местностью, граф Вольсунг принялся тыкать в нее пальцем, указывая, где бы он разместил онагры и засаду.

В ответ один из эльфийских иерархов спросил:

— А драконов вы как остановить собираетесь на переправе? Брод хороший, дно каменистое. Пройдут.

— Кстати да, — согласился Данила, — мы ничего толком сделать не сможем, если все драконы пойдут маленьким плотным кулаком, потому что на переправе у нас не будет пространства для маневра конницы. Брод насколько широкий?

— Шагов пятьсот, как минимум, — подсказал Рэнфорт, — но место, чтобы накрыть армию, переходящую настолько узкой колонной, онаграми — лучше не придумать.

Валлендел хмыкнул:

— А не пойдут они узкой колонной, так как и сами прекрасно знают, что их там ждет. Вопрос только в том, что они выкинут...

Данила вздохнул. Пятьсот шагов — слишком широко, так что повторить подвиг Николая Сиротинина, который устроил на переправе загор, подбив пару головных танков, а затем в одни руки из одной пушки два с половиной часа хреначил немецкую колонну, пока не погиб, у него не получится.

— Есть вариант заложить сразу за бродом пороховые мины, — сказал инженер, — но велик шанс, что разведка врага это дело заметит. В общем, надо что-то придумать, потому что надеяться на одно-единственное ружье я бы не стал.

Тут эльф-командир постучал пальцем по карте.

— На случай, если вы не знаете — с противоположной стороны очень мягкая почва. А драконы в мягком грунте вязнут сильно, сам не раз наблюдал такую картину. Если вы хотите использовать кавалерийские маневры против них — лучше делать это там, где драконы сами будут лишены любой маневренности. Вот тут слева — холмы и лес, справа — болото, и тут им тем более не проехать. Если растянуть армию от холмов до болота — фланги будут прикрыты от этих адских повозок. Более или менее твердая земля тут только у холмов, по центру у драконов будут проблемы, а на правом фланге и вовсе увязнут.

Данила моментально ухватил преимущества позиции.

— Идеально, — сказал он, — нам там и следует давать бой. Холмы — хорошая позиция для бронейщика, и если все драконы пойдут мимо меня — я постараюсь сделать загор, подбив передние, или хотя бы мне будет удобно оттуда стрелять. А если расположить наши позиции чуть позади — драконы пройдут мимо меня, и я буду бить им в бок. Попадать легче. А если они попытаются пройти дальше — выйдут на мягкий грунт и там уже дело будет за конницей.

— И драться, имея преимущество в высоте, легче, — оживился Дейнс, — а в леске еще и эльфов можно поставить, а на горе — отборные войска, стрелков, пару онагров... И тогда гоблины должны будут либо драться с нами за эти холмы при нашем перевесе в позициях, либо наступать на основные силы мимо холмов, заведомо отдавая нам фланговое преимущество!

— Они просто двинут на вас тучи орков, выбьют эльфов из леса... — начал было король.

— Ха! Там все и сдохнут страшной смертью! Если они войдут в лес — эльфы оттуда уйдут и подожгут его. Я слышал, они такое проделали где-то в тархалонских землях.

— Что помешает им самим его поджечь?

— Все равно, эльфы оттуда уйдут и с концами. Лес — не костер, горит долго. И тогда гоблинам все равно придется атаковать холмы в лоб.

— А еще им придется бросать гранаты, если они у них будут, наверх, а нам — с горы вниз, — добавил Йонгас, — если на холмах будет хотя бы несколько гвардейцев — разница в высоте может нивелировать разницу в дальности броска между их орками и нашими полуорками. К тому же, мы сможем с центральных позиций поддержать холмы онаграми. Как ни крути, но позиция в холмах даст нам дополнительное преимущество.

— Значит, решено! — сказал король. — Примем бой тут. И еще надо будет разместить несколько онагров в засаде на нашей стороне реки.

— Хм... А зачем?

— Если бой будет тяжелым, но не разгромным, мы сможем нанести врагу сильный урон, а затем спасти то, что к тому времени останется от нашей армии, уведя людей за реку и накрыв гранатами врагов, которые пойдут через переправу следом.

— Если бой будет тяжелым — спасти будет особо некого и незачем, — вздохнул Вольсунг, — потому что даже уведи мы наши недобитки — вторую битву дать уже не выйдет.

— Не факт, что гоблины будут это знать. Тяжелые потери вкупе с мыслью о том, что у нас еще остаются силы, могут привести к отступлению серой чумы. А если мы потеряем всю армию полностью, то как бы мы врагов ни потрепали — им будет понятно, что они победили и Арлансии больше нечем защищаться вообще... Что ж, надо позаботиться о том, чтобы вестники оповестили всю страну об исходе битвы, тогда народ еще успеет сбежать в Латанну и на север. Латанне ведь тоже потребуется увеличить армию для защиты...

Повисло тяжелое молчание, затем Данила сказал:

— Радует одно — если мы проиграем, это будет уже не наша проблема. Наши личные беды закончатся у Онтагара.

Валлендел горько усмехнулся:

— Это точно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net